

Л И Т Е Р А Т У Р А

WWW.FEISOVET.RU

ЛЮДМИЛА АСТАХОВА
ЯНА ГОРШКОВА
ЕКАТЕРИНА РЫСЬ

**ГОД ТИГРА
И ДРАКОНА**

ЖИВАЯ ГЛИНА. 1 ТОМ

- [Год тигра и дракона. Живая Глина](#)
 - [Оглавление](#)
 - [АННОТАЦИЯ](#)
 - [ГЛАВА 1. Лики и личины](#)
 - [ГЛАВА 2. Мышеловки без сыра](#)
 - [ГЛАВА 3. Не убоюсь я зла](#)
 - [ГЛАВА 4. Хунмэньский пир](#)
 - [ГЛАВА 5. Живые и мертвые](#)
 - [ГЛАВА 6. Здесь и сейчас](#)
 - [ГЛАВА 7. Свадьба с приданым](#)
 - [ГЛАВА 8. Чудеса, да и только!](#)
 - [Об авторе](#)
 - [Все книги автора](#)
-

Год тигра и дракона. Живая Глина

Людмила Астахова, Яна Горшкова, Екатерина Рысь

КНИГА КУПЛЕНА В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЕ WWW.FEISOVET.RU

ПОКУПАТЕЛЬ: Татьяна (tancho30@tut.by) ЗАКАЗ: #288548465 / 16-ноя-2020

КОПИРОВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЕКСТА ДАННОЙ КНИГИ В ЛЮБЫХ ЦЕЛЯХ ЗАПРЕЩЕНО!

Интернет-магазин фэнтезийной литературы feisovet.ru

У нас:

сообщество современных и интересных авторов

постоянно пополняемая коллекция электронных книг

самые разные жанры – фэнтези, любовный роман, приключения, юмор, эротика

бонусы в виде бесплатных книг для постоянных покупателей

Приглашаем к сотрудничеству новых авторов <http://feisovet.ru/avtoram>

АННОТАЦИЯ

ГЛАВА 1. Лики и личины

ГЛАВА 2. Мышеловки без сыра

ГЛАВА 3. Не убоюсь я зла

ГЛАВА 4. Хунмэньский пир

ГЛАВА 5. Живые и мертвые

ГЛАВА 6. Здесь и сейчас

ГЛАВА 7. Свадьба с приданым

ГЛАВА 8. Чудеса, да и только!

АННОТАЦИЯ

Третья книга цикла "Печать богини Ньювы" -Живая глина. Том 1.

Путь в две тысячи ли пройден. Династия Цинь пала, и войска союзников-чжухоу подступили к столице. Самое время праздновать - и делить добычу. Но не станут ли теперь врагами недавние союзники? Смогут ли две русские барышни, волей богини Ньювы заброшенные в горнило древней войны, предотвратить то, чему суждено случиться? А тайный и жестокий враг, затаившись, уже готовит новый удар. И время для него не имеет значения. Так кто же самый опасный противник для Люси и Тани, для Саши и Юнчена - зловещий евнух, темное колдовство или они сами?

ГЛАВА 1. Лики и личины

«Жизнь совсем не похожа на задачник по арифметике. Вроде бы и условия понятны, и действия, которые надо провести, указаны, но у всех результат выходит разный. Мне судьба дала возможность заглянуть сразу в ответ, но и эта поблажка не помогла».

(из дневника Тьян Ню)

Тайвань, Тайбэй, 2012 год н.э.

Ин Юнчен

Конечно, понежиться в постели с Сашей ему не дали. Любви, вот что гласила народная мудрость, отведи час, войне – всю жизнь, и хотя мудростей, тем более народных, Юнчен на дух не переносил, сейчас выхода у него не было.

Потому что чтобы победить, надо сразиться, а не лежать и разглядывать, по-дурацки ухмыляясь, свою женщину.

Будто соглашаясь с ним, где-то там, над рисовым полем, пронзительно крикнула птица, и на мгновение Ин Юнчену почудилось, что прозрачная тень, огромная и быстрая, промелькнула в высоте, закрыла крыльями солнце.

Мигнув, он осторожно, чтобы не потревожить Сашу, выбрался из кровати, выглянул наружу – и никого и ничего не увидел, кроме слепящего, бирюзового неба, перетекающего в зеленую равнину.

И тут в дверь комнаты осторожно постучали.

- Эй, Юнчен, - приглушенно прогудел с той стороны Чжан Фа. - Это... дела у нас намечались. Ау.

Молодой человек вздохнул, ещё раз приласкал взглядом спящую девушку и потянулся за одеждой.

Верно. Война, чтоб ее.

Много времени на сборы не потребовалось. И получаса не прошло, как молодой человек вышел во двор, к машине, наспех запихивая в рот кусок рисовой лепешки и отмахиваясь от настырного Пикселя и лукаво поблескивающей глазами Янмэй. Они, конечно же, все поняли и обо всем догадались – и теперь их так и распирало.

- Пообедал? - задорно осведомлялась Ласточка и пихала ему в руки термос с чаем и пирожки на дорогу.

- Порезвился? – в унисон чирикал Ю Цин, выглядывая из-за ее могучего плеча.

Один Чжан Фа почесывал затылок и – о счастье! – щекотливой темы не касался. В свойственной ему манере он сразу занялся делом: без лишних выкрутасов вывел автомобиль из гаража и теперь, приоткрыв дверцу, терпеливо ждал, пока разговор из неконструктивного станет конструктивным – то есть закончится.

Когда Юнчен, едва отбившись от раззадорившихся друзей, вскочил на переднее сиденье, великан только и спросил:

- Куда едем-то?

Сын почтенных родителей подумал с секунду, кивнул, будто отвечая сам себе, и сказал:

- Сначала – в офис, а затем...

Чжан Фа аккуратно выехал на дорогу и вдавил педаль, набирая скорость.

- А затем, – продолжил Юнчен, – к почтенному председателю Сяну. Потому что есть время для войны, есть для мира, а есть, друг мой, для политики.

Чжан Фа

Чжан Фа редко задавал друзьям вопросы – такое у него было правило. Рассуждал великан просто: если захотят, то сами расскажут, а до тех пор не лучше ли будет делом помочь, а не словом?

И он помогал.

Потому что крепко помнил, как это бывает, когда друзей нет. А ещё помнил день, когда они у него появились – не приятели, с которыми так весело курить ворованные сигареты, сплевывая на асфальт, не уличные подельники-подпевалы, а самые настоящие, без шуток, боевые товарищи.

Ему исполнилось четырнадцать, и он уже тогда ничего не боялся. В бедном тайбэйском квартале, где на открытых лотках торговали нехитрой жареной снедью, а за облупленными вывесками пряталась пропахшие временем лавочки, все знали, что Фа, сын мясника, дерется по-злому, встрянешь – зубов не досчитаешься.

- У-у, - огрызалась на него местная пацанва, - нашелся тут...

Огрызалась – и обходила стороной. Потому что Чжан Фа был сильнее, а в стае законы простые: кто остался стоять после драки, тот и прав. Громила Фа по такому раскладу прав оказывался почти всегда.

В то утро – самое обыкновенное, пропитанное солнцем утро – он прогуливал уроки. В школе было скучно, и хотя отец, щедро отвешивая сынку подзатыльники, требовал хороших оценок, Чжан Фа только и делал, что пожимал плечами. Зачем они нужны вообще, оценки эти, если его уже позвали к себе не последние люди? Пока шестеркой – но это только пока, до поры до времени, надо же с чего-то начинать. Правильно повертеться если, вполне можно вывернуться повыше, а оттуда уже недалеко и до тонга.

А там и деньжата появятся, и вообще... жизнь!

В мечтаниях о собственной золотой будущности и настигла его, выражаясь заковыристо, судьба. Судьба визжала - придушенно, по-девчачьи. Ругань, матерок и возня доносились из подворотни – узенького коридора, с двух сторон зажатого домами. Там всегда было темно и сыро, валялись на земле огрызки и рваные презервативы, и ни одна девица – если, конечно, она не искала приключений себе на пятую точку – туда бы не полезла.

Озадачившись, Чжан Фа глянул за угол – и ухмыльнулся, потому что так задорно визжала, оказывается, и вовсе не девица, а какой-то прилизанный шкет в отглаженной школьной форме. Вокруг него, насупившись, стояли местные, человек шесть. Приглядевшись, Фа узнал Быка с дружками - компанию, с которой мотался иногда вечерами по улицам.

- Ты, это, – пробурчал Бык, низкорослый приземистый бугай, и толкнул чистенького хмыря в плечо - пока несильно, для острастки, - того. Карманы вывернул бы, а, петушок?

Мямля замотал головой, выставил вперед рюкзак и пролопотал что-то плаксивое, сглатывая сопли. Чжан Фа фыркнул.

- Вот же ж дурак, - вдруг тихо сказал кто-то рядом, будто прочитав его мысли. Голос был веселый. – Чего извивается? Отдал бы кошелек, и с концами.

- Ну, – согласился Фа и покосился на невесть откуда взявшегося комментатора.

Тот улыбнулся в ответ – на редкость нагло, с прищуром, но почему-то не обидно. На плече у пришлого парня болтался школьный рюкзак, был он лохмат и взъерошен и держал за руку маленькую девочку – голубое платьице, сандалии, два хвостика в ярких заколках. Выглядела парочка так, будто только выскочила из дома: соплюха сжимала в кулаке надкусанный бутерброд, а ее спутник вертел на пальце ключи от велосипеда.

Чжан Фа нахмурился. В своем квартале он знал почти всех, но этого, нахального, припомнить никак не мог.

- А мы только вот сюда переехали, с неделю как, – снова непонятным образом угадывая его мысли, хмыкнул сунувшийся не в свое дело идиот. – Хотя я тебя знаю. В школе видел. Ты Чжан Фа, верно? Громила Фа?

- Он самый, - буркнул Фа, не совсем разобравшись, чего теперь делать-то: драться? валить?

- А я Лю, – белозубо оскалился его собеседник. - Лю Юнчен. Посторожишь сестренку, друг?

- А? – оторопело переспросил Чжан Фа, и тут лохматый скинул с плеч пиджак от школьной формы и аккуратно пристроил его на потрепанный рюкзак.

- Я быстро, - пообещал некто Лю и двинулся в подворотню.

Фа глянул на девочку и мигнул – снизу на него смотрели круглые глаза-сливины. Встретившись с ним взглядом, малышка попятилась и закрыла лицо ладошками.

- Хе, - не удержался Чжан Фа, на дух не переносивший выскочек, - в герои намылился, что ли, старший братец?

Лю Юнчен остановился, повернулся и неожиданно хохотнул:

- Вот еще.

- Тогда какого лезешь? Не тебя ведь чистят, ну и иди куда шел. Спаситель, мля.

Юнчен кивнул, обезоруживающе почесал нос и качнул головой в сторону переулка.

- Думаешь, я за этого хлюпика иду?

- Ну.

- Мимо, балда. За себя.

- Че-го? - оторопел Чжан Фа, но было поздно – заносчивый идиот скрылся за углом, оставив позади и грозу местной шпаны, и свою малолетнюю сестренку.

И почти сразу же из прохладной темноты донеслись раздраженные голоса. Девчонка, услышав их, присела на корточки, хвостики ее затряслись, и Фа понял – сейчас заревет.

- М-м-м, – с тоской замычал увалень и помахал перед лицом пигалицы ладонью.

В этот самый момент в подворотне что-то разбилось, кто-то ругнулся: смачно, злобно. Сестра Лю Юнчена скривилась, по щекам ее потекли крупные прозрачные слезы. Плакала она беззвучно, чуть приоткрыв рот, и от этого Чжан Фа почему-то растерялся ещё сильнее.

- Ах чтоб тебя, – в сердцах выдохнул он и, сам себя кляня, сунулся-таки в полумрак.

А там дело шло к серьезной потасовке: уличные шакалы, оставив свою первую жертву, дружным строем надвигались на вторую. Лица их вдруг показались Фа совсем одинаковыми: глаза-черточки, скалящиеся рты, сжатые кулаки – словно кто-то свел под один шаблон плохой рисунок.

- О, - схаркнул вдруг их вожак, заметив, что народу в переулке прибыло. - Это ж Громила! Вовремя. А то у нас, гляди, гости. Повеселимся, а, Фа?

Лю Юнчен дернул плечом, по-прежнему улыбаясь зло и беспечно, и Чжан Фа, холодея

, вдруг понял, что влип и что выбирать придется, как ни крути – придется. Против своих идти – это, каждый знает, не дело, в своих – сила. Но пинать всемером двоих?

Фа почувствовал, как под языком стало горько.

И снова судьба, уличная кошка, решила за него.

- Повеселимся! – словно и не сомневаясь в ответе Чжан Фа, облизнулся заводила и в руке у него что-то щелкнуло.

В сумраке блеснула тонкая ясная полоска – нож.

- Эй, - нерешительно сказал кто-то из дебоширов: такого, кажется, не ожидали и они.

– Бык, ты чего, Бык.

- Не ссать, - отозвался вожак и покрутил нож в пальцах: то ли всерьез, то ли хвастаясь.

- Поучим мы с Громилой, значит, кое-кого. Чтоб не лыбился тут мне, харя суч...

И, не договорив, дернулся вперед.

А дальше Чжан Фа отчего-то особо и не думал: рванул наперерез, оттолкнул плечом идиота Лю, подставляя под удар собственный локоть. Будто повело что-то, аж в глазах потемнело. Что-то, а драться он умел: тонкое лезвие пропороло ему рукав, полоснуло по коже, и - ушло в сторону.

- Ах ты, – просвистел Бык, и глаза у него остекленели, налились кровью. - Ах ты крыса паршивая, так, значит? Да я тебе...

И, словно сорвало вдруг рычаг, они все – и Юнчен, и он сам, и уличная шайка – волной покатались друга на друга, схлестнулись. Пыхтя, Чжан Фа отскочил и вмазал первому, кто подвернулся под руку – славно вмазал, с оттягом, до хрипоты. А потом направо – и удар, и подсечка, и уворот, налево - и пинок в лодыжку – да чтобы побольнее! Пожестче!

Дрался Громила Фа всегда сосредоточенно, серьезно, без азарта и не сказать, чтоб честно. Тот, кто последним стоять остается, редко бывает благородным – это сын хозяина мясной лавочки усвоил едва ли не с пеленок.

Но нехитрой этой науке обучен был не он один.

- Эй! – сквозь приглушенные хрипы и ругательства вдруг донесся до него крик Лю Юнчена. – Эй, Фа! Сза...

Чжан Фа дернулся, загравком чувствуя – опоздал – и тут воздух будто лопнул.

- А-а-а-а-а! - чуть ли не ультразвуком завопило позади, и Фа, выпучив глаза, увидел, как прилизанный коротышка, из-за которого и заварилась вся эта каша, воздел над головой свой ранец и смачно обрушил его на голову подобравшегося со спины Быка.

Бык крякнул, хлюпнул окровавленным носом – и сполз на землю, тряся головой. Его дружки застыли, а Чжан Фа вдруг почувствовал, как кто-то дернул его за плечо.

- Тикаем, – прошипел Лю Юнчен, таща соратника за угол. И они, натурально, дали деру.

Он, Чжан Фа, с висящим на нем и уже не таким чистеньким визгуном, и Юнчен со своей сестренкой на закорках.

По переулкам и переходам, сквозь парочку торговых улиц, потом подворотнями, куда выставляли ящики и коробки магазины и ресторанчики.

Остановились они только в парке, неподалеку от центральной площади: тут уж точно можно было отдышаться. Да и как остановились – упали на скамейку, хохоча, ругаясь и подвывая от боли.

- Хех, - наконец, вытирая ладонью рот и глядя сестренку по затылку, сказал Юнчен. – А мы-то! Мы-то с мальком в магазин шли! Папа шурупы купить попросил.

- Дебил, - потирая ссаженные до крови костяшки пальцев, только и смог выдохнуть Чжан Фа и зыркнул на незадачливого ботаника – причину своих сегодняшних бед. - И ты тоже.

- И я, – шмыгнув носом, согласился тот.

- Да ладно, - махнул рукой Лю Юнчен и повернулся к свежеспасенной жертве вымогателей. – Зато весело. Верно? Ты... как тебя по имени-то? Здорово ты с рюкзаком придумал!

Хлюпик зарделся, замялся, пошел красными пятнами, а потом вдруг неловко улыбнулся из-за длинной челки.

- Ю Цин. Оно как-то... само.

- Отлично оно само, значит - с убеждением кивнул Лю. - Вовремя. А то я думал, нашему Фа сейчас перо под ребро вгонят и того... до свидания.

Услышав такое, Чжан Фа возмутился было - “нашему”, гляди-ка! Еще чего! Возмутился, глянул на поцарапанные, в синяках рожи невольных соратников - и почему-то промолчал.

- Ладно, - сказал через пару минут Лю. - Шурупы никто не отменял, папаша уж, наверное, места себе не находит. Пойду я.

И, не откладывая дела в долгий ящик, вскочил, потянул за собой молчаливую, но уже успокоившуюся малышку.

Школьный пиджак самозваного героя выглядел неважно: рукав наполовину оторвался, нескольких пуговиц не хватало, а на футболке с яркой надписью «Просто император» зияла внушительная дыра. Чжан Фа хмыкнул, а потом вскинулся - кое-что из сказанного Лю никак не давало ему покоя.

- Это... - окликнул он нового знакомого и добавил, когда тот обернулся: - Почему для себя дрался? Для себя-то почему?

На что Юнчен развернулся на ходу, вздернул подбородок и изрек, весело поблескивая глазами:

- Потому что, друг Фа, из всех преступлений самое тяжкое - это бессердечие.

И ушел.

- Чо? - вылутился ему вслед Чжан Фа, не привыкший к таким загибам.

- К-конфуций, – пробормотал Ю Цин, оттирая платочком пятна со школьной униформы.

- А?

- Конфуций! - вякнул хлюпик уже увереннее. - Мудрая мысль!

Громила Фа почесал затылок, повозился, внутренне морщась - синяков ему дружки Быка понаставили от души! - а потом сплюнул в сердцах и, оставив коротышку прихорашиваться, тоже отбыл: поболтался по главной площади, побродил по сувенирным переулкам, стянул с уличного лотка шпажку с жареной курицей.

И только дома, вечером, наконец, сдался - морщась, открыл учебник и уткнулся носом в иероглифы, не заметив даже, как заглянул в его комнатушку удивленный отец.

- Бессердечие, хых, – засыпая, думал он, и понимал, что завтра - чтоб его! - пойдет все-таки в школу.

Да, вопросов друзьям Чжан Фа задавать не привык. Поэтому когда блаженно ухмыляющийся Ин Юнчен вывалился наконец из комнатки, которую разделил - и весьма

активно, судя по всему, разделил! - с председательской дочкой, и зачем-то без промедления рванул к джипу, великан просто направился за ним. Молча.

Молчал он, без особого интереса разглядывая рощи и рисовые поля, почти всю дорогу до города, и только при въезде в Тайбэй открыл наконец рот. По необходимости - при всех своих талантах телепатом Чжан Фа не был и нужную дорогу угадать никак не мог.

- Куда едем-то? – буркнул он, когда впереди во всем своем сияющем, гудящем величии выросла столица, и побарабанил пальцами по рулю.

Юнчен покосился на него, смешно сморщился, откинулся на сиденье, вытянув ноги, и ответил мечтательно, но невпопад:

- Я на ней женюсь, вот тебе, Чжан Фа, такое мое слово.

- Угу. Так куда?

- Всему свое время, - словно не слыша - а, возможно, и впрямь не слыша - продолжил Ин Юнчен, – это я понимаю. Может быть, нам с ней придется подождать. То есть завтра пожениться не получится, это точно. Хотя я бы уже завтра.

Чжан Фа притормозил на красный, повертел головой, разглядывая мопедистов, которые, как мотыльки фонарь, облепили свою часть дороги. Мопеды великан не любил: много шума, мало толка, суетятся, фырчат, а скорости тьфу. То ли дело солидные, сильные машины, такие, как его джип! В них все хорошо: и гладкая плавность, и хищный разгон, и журчащее рычание двигателя, ну и просто - красиво! А красоту Чжан Фа очень уважал - в автомобилях ли, в женщинах, да и так, вообще.

- Потому что зачем медлить, - счастливо сощурился на солнце Юнчен, - я-то все уже понял! То есть я почти сразу все понял, но сегодня все стало совсем ясно.

- А она? - смирившись, вздохнул гигант. – Она тоже все поняла? А то женитьба - это дело такое, друг Юнчен. Совместное.

- Она? - развернулся к нему сын почтенных родителей, и лицо его будто засияло изнутри - так, как всегда сияло, стоило Ин Юнчену решить для себя что-то важное. – Я не знаю. Но уж постараюсь, чтобы поняла. Хорошо постараюсь.

Чжан Фа покивал и мягко вдавил педаль. Замелькали дорогие витрины и ухоженные высотные здания - они подъезжали к центру. Он был уверен: Юнчен знает, что делает. Пиксель за такое безоговорочное доверие его обычно ругал - друзья, мол, нужны на то, чтобы вовремя остановить, предупредить и спасти, а поддерживать попахивающие безумием порывы - это не дружба, а ненужный и разрушительный энтузиазм.

Если б коротышка сейчас был за рулем, уж он бы не постеснялся, изрек что-нибудь разумное про то, что нужно подождать и посмотреть, и поразмыслить, и не ошибка ли это, и как же так, много вокруг ведь красивых девиц, не обременённых проблемами и капризами, бери любую и...

Но Пикселя с ними не было, а по части разумностей и осторожностей Чжан Фа не особенно преуспел.

- Подсобить чем? – только и спросил он.

- Так ты уже, - прозвучало в ответ. - Вот прямо сейчас уже и помогаешь. Правду говорят, что друзей узнаешь лучше всего на войне.

- Разве? – не совсем понимая, к чему это клонит Юнчен, мигнул великан. Джип ровно и размеренно урчал, пожирая километры.

- А то, – ухмыльнулся сын почтенных родителей. - Не всякий друг согласится сунуться к тигру в логово вот так вот, за компанию. Да в какое логово. В пасть. Прямо в пасть.

Чжан Фа нахмурился. Потому что так-то, конечно, оно да. За Ин Юнчена и Ю Цина он не то что к тигру - к дракону бы войти не побоялся. Но...

- А пасть все-таки, – осведомился великан, - у нас где?

Ин Юнчен снова глянул на него взглядом человека, утягивающего за собой в пучину истории армии и народы, а потом ткнул пальцем в сторону бело-красной башни, торжественно выглядывающей из-за пальм.

- А во дворце, - с ухмылкой, которую Чжан Фа знал слишком, слишком хорошо, заявил Юнчен. - В Президентском дворце, где - вот же тухлое местечко для работы! - служит стране и народу драгоценный родитель моей Са... Сян Джи. Нас там не ждут, но это только пока. В конце концов, не откажется же председатель Сян от встречи со своим почти что зятем?

Не зря, ох не зря уважал красоту Чжан Фа - красиво вильнув, джип съехал на встречную полосу, и только хорошая реакция спасла его от столкновения с мелким черным мопедистом, который, судя по его виду, в этом момент вспомнил маму, папу, богов и свое прежнее перерождение.

- Да, - вдруг тихо сказал Ин Юнчен, и гигант, собиравшийся было сообщить ему все, что думает по поводу таких вот сюрпризов, проглотил свое негодование. – Я тоже боюсь. Но все пути, как не говорил Конфуций, ведут в Рим.

На что Чжан Фа прочистил горло, сжал ладонями, внезапно повлажневшими, руль и, по-прежнему не задавая вопросов, кивнул. Как и всегда.

Поднебесная, 206 год до н.э.

Чжао Гао

У стольного града Санъяна сто обличий. Он презрительно взирает на толпы черноголового люда с высоты дворцовых стен и одновременно лукаво щурится сквозь чад и пар из дверей своих харчевен, он упорно взбирается по ступенькам к храмовым алтарям, словно пытаясь дотянуться до Небес, и тут же стекает струйкой дешевого вина в сточную канаву. Санъян смиренно молчит за бумажными ширмами, и он же зазывно хохочет, выставляя себя напоказ. Он денно и ночью изучает мудрые тексты, до рези в глаза вглядывается в движения звезд и тут же без сожаления пропивает остатки чести и ума. Сто разных ликов у Санъяна, всех не запомнишь, за всеми не уследишь. У Чжао Гао их не меньше, а может быть, даже и больше, кто знает.

Когда скинут с плеч тяжелый темный-синий халат, а высокий головной убор из конского волоса брошен в колодец, то ни одна живая душа не признает в юном ясноглазом школяре главного евнуха императорского дворца. Люди видят лишь оболочку и редко вглядываются в суть. Да и зачем? Стоит возле стены парнишка, бледный и тощий, как всякий книжник, и круглыми от изумления глазами провожает всадников с красными знаменами. Ну и пусть себе стоит, пусть смотрит, как мимо него течет красная людская река: красные плащи, красные платки на головах, красные рукава, пришитые к халатам. А впереди на черном, как ночь, жеребце сам Пэй-гун – смуглый, белозубый, безбородый, словно мальчишка. Бывший крестьянин, которому всего несколько дней назад сдался циньский правитель. Сам! В толпе шептались, что государь с шелковым шнуром на шее стоял на коленях перед Лю Дзы, отдавая из рук в руки печать и регалии Сына Неба. Врут, поди, черноголовые. Кто в том Чжидао был, кто своими глазами видел?

Вождь мятежной армии вертел головой по сторонам, что-то кричал своим сподвижникам, смеялся и если и чувствовал важность момента, то очень удачно скрывал волнение. Он прошелся по исконным циньским землям с легкостью летнего ветра в тростниковых зарослях, не прорубая себе дорогу мечом, а раздавая милости покорившимся. Затем он великодушно пощадил циньского вана. И столица империи, точно прекрасная, но до смерти перепуганная женщина, успевшая напридумывать себе всяких ужасов, сдалась первому, кто заговорил с ней ласково и кто пообещал не бить. Чжао Гао в снисхождении к сдавшимся не верил. Поначалу все хотят быть великодушными, но, получив власть, быстро забывают о первоначальных намерениях. Так было, так есть и так будет. Впрочем, эту истину Пэй-гуну придется познать на собственном опыте.

- Хулидзын, хулидзын, – зашептались зеваки, толкая друг друга локтями. – Вот же она! Вот!

Паренек в ученической шапочке вытянул тонкую шею, чтобы получше разглядеть девушку, ехавшую рядом с предводителем мятежников на соловой кобыле. Она интересовала его гораздо больше всей остальной армии Пэй-гуна вместе взятой. Братец Шао... хм... покойный братец Шао расписывал небесную посланницу, как существо, поистине демоническое. И волосы, мол, у неё белые, и хвостов аж девять штук, и зубы острее щучьих, а глаза светлые, как у восставшего из гроба мертвеца – белесые и безжизненные. Одним словом, небесная лиса в человеческой плоти. Оказалось, врал бессовестно. Ни хвостов, ни клыков, цвета волос под алым платком не разглядеть, а глаза... А что глаза? Если Пэй-гун не боится, а лошади в разные стороны не шарахаются, значит, не все так страшно. Наоборот, мятежник Лю протянул руку и хулидзын за тонкое запястье – цап. Чтобы весь Санъян видел – Небеса с ним, бывшим крестьянином, заодно. И он, не чета многим, с посланницами Яшмового Владыки за ручку держится.

Не отрывая взгляда от девушки, Чжао Гао крепко сжал в ледяной ладони глиняную рыбку. Ну же! Шевельнись, подай знак! Но – нет. Частица божественной печати никак не отреагировала, так и не учуяв второй своей половинки.

Если бы взгляды могли убивать, то обманувшая все ожидания и расчеты Чжао Гао светлоглазая спутница Лю Дзы уже бы свалилась под копыта лошадей замертво.

«Хорошо, – сказал он себе. - Еще не всё потеряно. Зайдем с другой стороны». Ловко юркнул в приоткрытую дверь харчевни. Исчез юноша-книжник, а вместо него возник скромный слуга в рваной куртке на голое тело и заплатанных штанах, босой и сутулый. Он выскочил на соседнюю улочку, подхватил корзинку с кизьяками и поспешил куда-то по своим делам. Еще одна личина Чжао Гао, в которой он провел ровно столько времени, чтобы хватило выйти за ворота города и добраться до уединенного поместья.

- Я хочу принять ванну. Срочно подготовь всё необходимое, - бросил он, едва ступив на порог.

И пока слуга исполнял приказ, его хозяин успел избавиться от грязных одежек, без сожаления швырнув рвань в огонь.

Нагой, как в час своего рождения, Чжао Гао погрузился в теплую воду с головой, задержал дыхание и... снова сменил обличье. Из бадьи вынырнуло совершенно иное существо - нежное, утонченное и прекрасное, как бабочка. Легкокрылое создание всегда начинает свой жизненный путь невзрачным червяком, и никто его за это не попрекает.

Вечером в свете масляного светильника разглядеть что-то в полированной бронзе зеркала сложно, но разве прирожденной красавице нужен ещё один свидетель её

совершенства? Она наперечет знает и свои достоинства, и свои недостатки, первые она умело подчеркивает, вторые искусно скрывает. Другое дело, что у прелестницы, усевшейся возле бесполезного сейчас зеркала, не имелось ни единого изъяна. Только в песнях и воспевать идеальный овал её маленького лица, а чувственный бутон губ смутил бы даже настоящие цветы, и ещё широкие густые брови и, конечно, миндалевидные глаза – бездонные, как ночное небо над священной горой Тайшень. Красотка отложила гребень, и рука её замерла над шкатулкой с украшениями. Слишком дорогие нельзя – могут отобрать, слишком простые принизят статус путешественницы. Хотя нет! Никакой не путешественницы, а беженки! Конечно же, бедная женщина испугалась войска мятежников и решила сбежать подальше от войны и беспорядков. А это значит, она очень торопилась, и ей было не до наведения идеальной красоты. Тут бы живой остаться и спасти драгоценности, верно?

Наряд девушка выбрала потемнее, волосы заколола костяной заколкой, а вместо косметики просто пощипала себя за щеки, чтобы были розовые, как будто от волнения.

- Господин... - слуга осекся на полуслове, но быстро поправился. – Когда госпожа вернется?

- Если все получится, то - никогда, - промурлыкала девушка и выскользнула в теплую весеннюю ночь, где во дворе её уже ждала небольшая повозка с единственным возницей.

- К заставе Ханьгугуань!

Таков был единственный приказ таинственной госпожи.

Пэй-гун, Люси и соратники

Кто видел один древнекитайский город, видел их все. За прошедшие месяцы Люся не раз повторяла себе эту самонадеянную фразу – и каждый новый город, сдававшийся Пэй-гуну, подтверждал ее правоту. Что в уезде Пэй, что в бывшем княжестве Хань, что в исконно циньских землях поселения людей строились примерно одинаково: довольно широкие улицы, частенько мощеные камнем; глухие заборы и ворота поместий с затейливой и яркой вязью вывесок; шумные лавки и рынки, заманчиво распахнутые двери «пионовых» и питейных домов; кумирни и храмы; «присутственные места», которые Людмила немедля окрестила «управами»; дома, дома, домишки – из дерева и камня, большие и совсем крошечные. И, разумеется, городские стены – чем выше, тем лучше. И, конечно же, ворота – чем крупнее город, тем больше. Кайфэн был похож на Пэнчен, Пэнчен – на Чаньи, а Фаньюй – на Юань; пусть не как близнецы, но все равно – словно дети одних родителей.

Но вот Санъян отличался. Люся ехала рядом с Пэй-гуном по широким, мощеным камнем улицам столицы Цинь, вертела головой, разглядывая дома, лавки и вывески, и все пыталась понять – а в чем, собственно, оно есть, это отличие? Да, Санъян был больше и чище любого из виденных ею древних городов, да, всё в нем, от мостов, прихотливо изогнувшихся над каналами, до каменных чудищ, стороживших покой поместий знати, во весь голос кричало о могуществе империи, но все же... Высокие стены и крепкие ворота не защитили сердце Цинь от войска Лю, а пестрая толпа жителей не поднялась, как один, на оборону столицы. Так в чем же разница?

И лишь в очередной раз поймав взгляд Лю Дзы, девушка беззвучно ахнула от внезапной догадки и сама себя обругала дураю. Как она не поняла сразу? Вот же отличие, вот разгадка! Прячется на дне веселых глаз Пэй-гуна, трепещет там, будто золотая рыбка –

альми плавниками в темной глубине пруда. Лю смотрел на Санъян, Лю улыбался горожанам, поднимал руку в приветственном жесте, благосклонно кивал; умница-Верный, не нуждаясь в понукании, горделиво вскидывал голову, встряхивал гривой и нес хозяина уверенно и плавно по улицам Санъяна, мимо людей и зданий – вперед, к средоточию силы и власти. Туда, к дворцу, построенному Цинь Шихуанди. К трону.

- О чем ты думаешь сейчас? - улучив момент, тихо спросила она, когда Лю, гордясь и насмехаясь одновременно, демонстративно, напоказ толпе, взял за руку ее – «небесную лису», посланницу Яшмового Владыки.

- О сюнну, – ответил Пэй-гун.

Улыбка не сходила с уст победителя, веселые морщинки разбегались от уголков глаз, на левой щеке играла умильная ямочка, вот только рыбка-тревога все плескалась и плескалась в глубине темных зрачков.

- Не о Сян Юне? – уточнила Люся. Ее, признаться, грядущий приход опоздавшего к капитуляции столицы князя Чу весьма заботил. Только крайне наивный человек всерьез бы поверил, что главнокомандующий объединенной армии чжухоу смиритсЯ с тем, что его обскакал на финише какой-то ханьский деревенщина.

- Нет, - по-прежнему беспечно усмехаясь, шепнул Лю одними губами. - Не о нем. О сюнну.

Опешив, она уже открыла рот, чтобы ответить какой-нибудь язвительной резкостью, дескать, а не далековато ли ты заглядываешь, Пэй-гун? Не успел в Санъян войти, а уже мыслями ускакал аж за Великую Стену, но... Но взгляд у него был таким, будто Лю именно таких слов и ждал. Словно охотник, расставивший силки и притаившийся теперь в кустах, он как бы приглашал ее – давай, попадись в ловушку! «Состязаться в коварстве? - подумала она и молча покачала головой: - Э, нет. Здесь дурочек нет, Лю Дзы!»

Но зато ей было, о чем поразмыслить, пока они ехали улицами Санъяна к дворцу.

- Дворец Эпан, - Лю придержал Верного и привстал в стременах. - Скажи по секрету, моя небесная госпожа, как тебе этот прекрасный вид?

- Хм... - Люси задумчиво потерла подбородок. – Для нынешних времен – неплохо.

Пэй-гун насмешливо вскинул брови, но ничего не сказал, только головой покачал.

А Людмила все смотрела на дворец, смотрела – а видела вместо укрытых за высокими стенами павильонов и залов, соединенных галереями; вместо изогнутых черепичных крыш, башенок и мостиков; вместо прудов, садов и дорожек – видела Лабиринт. Тот самый, из греческих мифов, такой же древний и зловещий. Был ли дворец Эпан красив? А черт его знает! Может, и был. Наверняка был. Люся не бывала в Риме, не созерцала Колизей и не прогуливалась по склонам Везувия среди руин Помпей, и прочими чудесами древней архитектуры наслаждаться ей не довелось. Дворец Эпан был, несомненно, грандиозен, но...

Начинается второй век до новой эры, а это значит – уже стоит в Афинах Парфенон, уже давным-давно царят над долиной Нила пирамиды, да и мало ли в древнем мире чудес? Но что до циньского дворца... Слишком уж он обширен, слишком приземист, чересчур уж расплзся по земле, как приникший перед прыжком зверь. Того и гляди, взметнется, вцепится в горло – и сожрет без остатка...

- Если дворец тебе так не нравится, хочешь, сожжем его, а?

Люся вздрогнула, очнулась от своих мыслей и вытаращила глаза на Лю, ошарашившего ее таким неожиданным предложением.

- Нет, ты что! – воскликнула она. – Зачем же? Это же сколько труда вложено, сколько народу на этом строительстве жизни положили... Как же можно сжигать!

А про себя подумала, смутно припомнив вдруг кое-что: «К тому же, дружок, его и без тебя пожгут...»

- Как скажешь, – пожал плечами Пэй-гун и огляделся. - Не сжигать – так не сжигать. А вообще... Пугающее местечко, скажи? Даже верней сказать – подавляющее. Я прямо-таки чувствую себя букашкой недостойной, над которой старик Шихуанди уже башмак занес, чтобы прихлопнуть!

За разговором они подъехали к самым воротам – распахнутым, брошенным – за которыми, деланно беззащитный, но очень и очень опасный, раскинулся дворец Эпан. Лю задрал голову и едва заметно поморщился, обнаружив, что привратная башня заслонила от него солнце. Ближайшие его соратники, поотстав, тоже крутили головами и, позабыв о дисциплине, громко выражали свои чувства по поводу циньского дворца. И восхищенных возгласов звучало не меньше, чем ругательств.

- А о чем ты задумалась теперь, моя Люси? - решительно направляя Верного прямо в ворота, спросил Лю. Впрочем, дальше он спешился и Люсе помог слезть.

- О том, что в этих дебрях не только Чжао Гао может притаиться, но и целая армия убийц, – проворчала Люся. – Сам гляди: ни канализации, ни водопровода, ни отопления. Зато – много дерева, шелка, бумаги и масла, а за каждой ширмой – по евноху... Как мне поймать в этом болоте мою рыбку, Лю? Ума нё приложу...

- Н-ну... - Пэй-гун почесал затылок под повязкой и забавно сморщил нос, будто собрался чихнуть.

- Небесной госпоже не нужно тревожиться слишком сильно, - голос сзади раздался так внезапно, что оба, и Люся, и Лю, вздрогнули и обернулись. Но это был всего лишь несчастный Цинь-ван, которого никто и не думал задерживать, так что юноша ехал себе и ехал следом за победителями. Вот и догнал, когда остальные отстали.

- А? - хлопнула ресницами хулидзын, которой очень хотелось схватиться то ли за сердце, то ли за рукав Пэй-гуна. Очень уж внезапно и бесшумно подкрался маленький ван.

- Это – дворец Эпан, – спокойно объяснил Цзы Ин. - Неважно, что или кого вы ищите, госпожа, но если что-то попадает во дворец, об этом делается запись. Человек или вещь – здесь всегда остается след. Вам нужно в архив.

- То, что я ищу, - покачала головой Люся, - скорее всего доставили прямо главному евноху. Что-то я сомневаюсь, ваше величество, что Чжао Гао позволил бы...

- Неважно, - повторил Цинь-ван. - Главный евнох был высшей властью во дворце... но сейчас его здесь нет. Его люди расскажут все, что им известно.

- Разве они не преданы Чжао Гао? – девушка осеклась, услышав тихий смешок Лю Дзы. Пэй-гун и Цинь-ван переглянулись с каким-то почти заговорщическим пониманием.

- Преданность, проросшая на страхе, – фыркнул Лю. - Что стоит такая преданность?

- Сейчас у людей здесь, – Цзы Ин неловко повел рукой, зашелестев рукавом, слишком широким для по-детски тоненькой руки, - осталось три страха. Первый страх – это Пэй-гун. Второй – приход генерала Сяна, князя Чу. А третий...

- Возвращение Чжао Гао, - закончил за него Лю и улыбнулся маленькому вану своей особенной улыбкой, предназначенной не просто для союзников, а для возможных соратников: - А ты умен, маленький братец.

- Это так, - печально вздохнул Цзы Ин. – Но я слаб, Пэй-гун, и много ли проку в том,

что я умен?

- Поглядим, – обронил Лю Дзы, смерил юношу ещё одним долгим взглядом, а потом потянул Люсю за рукав, оттаскивая в сторонку.

- Чего? – девушка покорно пошла следом, втихаря пытаюсь высвободить руку, но Лю уцепился крепко и не отпускал. – Ну что?

- Возьми охрану и сходи с Цинь-ваном в этот их архив, погляди там, что к чему... И еще, – наклонившись так близко, что его дыхание взъерошило ей волосы и согрело шею, Пэй-гун шепнул на ухо: - Сделай для меня кое-что. Лю Чжен, ее имя Лю Чжен. Моя сестра. Если тебе встретится запись о ней...

- Почему ты сам не пойдешь и не проверишь? - почуввав, как внезапно ослабла его хватка, Люся вывернулась и требовательно уставилась на него. Пэй-гун отвел глаза.

- Я боюсь, - признался он и развел руками, ухмыляясь болезненно и криво. - Я боюсь узнать, что с ней стало. Трус я, моя Люси.

- Лю...

Внезапно ей до судорог захотелось дотронуться, притянуть к себе, обнять, заорать прямо в ухо, что она понимает, что объяснять не нужно... Но он продолжил, и Люся не решилась перебить.

- Этот дворец... - все с той же странной и страшной усмешкой сказал он, оглядываясь так, словно искал лазейку, чтобы сбежать. - Он пугает меня, этот дворец. Я боюсь, что если узнаю всё сейчас, то просто залью его кровью до крыш. И все они, эти люди, будут плавать тут, как дохлые карпы в садке. Поэтому... - Лю медленно выдохнул и на мгновение прикрыл глаза. - Поэтому не говори мне сейчас, даже если узнаешь. Потом... после... когда мы уйдем отсюда. Когда я не смогу дотянуться. Ты поняла?

И снова десятки, если не сотни, ненужных слов и восклицаний заплясали на губах Люси, да так, что языку стало щекотно. И вновь она не позволила им вырваться – и всё испортить.

- Поняла, - только и сказала девушка. – Сделаю, как ты хочешь. Вот только...

Вдруг вспомнив, что во всем этом огромном дворце несколько десятков ханьцев потеряются, как горсть песчинок на дне пруда, Люся огляделась и нахмурилась. Лицо Пэй-гуна стало жестким.

- Помни, что я – мы! – заняли Санъян. Все и вся, что ты найдешь здесь – наши трофеи. И если тебе вдруг что-то приглянется, не сомневайся, бери. Имущество и жизнь побежденных принадлежит победителю. Не дай им обмануться моим милосердием.

- Поняла, – повторила Люси, расправляя плечи. Не то чтобы она всерьез собиралась воспользоваться правом победителя, но, если придется...

Мальчик-император, такой трогательно-маленький в своих тяжелых, расшитых желтыми драконами, черных одеждах, послушно ждал, пока Пэй-гун и «госпожа хулидзын» наговорятся. Люся поймала его терпеливый и печальный взгляд и поежилась, словно в затылок ей потянуло стылým сквозняком предчувствия.

«Я совсем не помню, какая судьба ждет этого мальчика, - подумала она. – Совсем не помню. Вообще! Но... Нет, нет, нельзя допустить, чтобы Цзы Ин погиб от рук Лю... от наших рук».

Память услужливо подсказала, что кроме Пэй-гуна в Поднебесной достаточно других, охочих до крови последнего правителя Цинь, но Люся пинком загнала тревогу подальше и приказала предчувствиям заткнуться и сидеть тихо.

Таня

Застава Ханьгугуань оказалась последним серьезным препятствием на пути к столице. Армия чжухоу быстро продвигалась вперед к городу Синьфэн, не встречая ни малейшего сопротивления. Циньские войска просто разбежались, кто куда. Одним словом, Гуаньчжун можно было брать голыми руками. Что Сян Юн и собирался сделать. И те из чжухоу, кто не струсил и вступил в пределы застав вместе с Сян Юном, теперь занимались любимым делом – в мыслях и вслух делили земли Цинь. Делали они это в огромном шатре, каждый за своим столиком поднимая здравицы в честь князя Чу. Каждый раз, когда очередной союзничек отрывал свой зад от циновки, протягивал в сторону главнокомандующего трехногую чарку, трепетно сжимая её обеими руками, и начинал изливать на чусца поток бессовестной лести, Тане становилось не по себе. Не может человек в здравом уме нести такую наглую чушь, не задумав при этом изошренную подлость.

А Сян Юн согласно кивал в ответ хитрецам и, казалось, наслаждался каждым подхалимским пассажем, поощряя сотрапезников к новым подвигам на ниве низкопоклонства.

- И пусть же мудрость нашего светоча воссияет ярче звезд Небесного Ковша, - щебетал первый советник в княжестве Чжао, круглый, как мяч, человечек по имени Чжан Эр, лаская взглядом кувшин с вином на столе у Сян Юна. - И пусть покарают Небеса недостойного слугу, если...

- Сянго он хочет, – проворчал себе под нос сидящий неподалеку от Татьяны Шэнь Ян. - В Чаншань-ваны метит, скотина безрогая.

Посланница Яшмового Владыки едва не подавилась кусочком ягненка. Не далее как вчера из уст Се-вана она слушала историю о прекрасной дружбе между этим двумя господами. И хотя звание «любимого чиновника Чжан Эра» звучало как-то двусмысленно, Таня поверила на слово. Богатырь Шэнь Ян героически завоевал земли в области Хэнань и присоединился к чуской армии на берегах Хуанхэ, Чжан Эр всегда отличался мудростью решений. Почему бы таким людям не дружить меж собой?

- А вы каких земель желали бы? - любопытствовала небесная дева, проталкивая в глотку пережаренный кусок мяса глотком вина.

- Хэнань меня вполне устроит, – ответил «любимый чиновник» без всякого стеснения. – С резиденцией в Лояне.

И облизнулся эдак плотоядно. Был он из породы «квадратных» - одинакового размера в ширину и в высоту, состоял из мускулов и голыми руками душил быка. Как такая стать сочеталась с чиновничьей должностью, а та в свою очередь – с воинскими подвигами, оставалось загадкой для Тани Орловской.

- Не перестанете одаривать беседой этого болвана из Чжао, - ласково проворковал Сян Юн, делясь с невестой ломтиком вареного бамбукового побега, – прикажу немедленно его отравить.

- Что?

- Пошутил, - рассмеялся тот и бросил Шэнь Яну, словно кость псу. - Получишь свой Лоян. Хватит с моей небесной девой любезничать.

И не поймешь – в самом деле чусец ревнует к застольному собеседнику или же шутит так люто.

- А вы не прежде времени делите Цинь?

- Да какая разница, - сыто отмахнулся Сян Юн. - Все равно делить придется. Пусть берут, мне не жалко. Все они собрались здесь, чтобы напомнить о себе, своих подвигах и заслугах. Реальных или мнимых.

В этот самый момент бывший циньский командующий Ли Чжан в очередной раз расписывал достоинства чусца. Да так складно, да так славно, словно это не он украсил стены Динтао головой дядюшки Ляна, а кто-то другой.

- Что же вы личико рукавом прикрыли, моя Тьян Ню?

- Не знаю как вам, а мне стыдно такое слушать, - честно призналась девушка. – А вам нравится?

Насмешливо ухмыляясь, Сян Юн ловко подцепил палочками куриное крылышко, закинул его в рот и азартно захрустел костями. Глядел он при этом прямо в глаза Ли Чжану, вгоняя циньца в трепет.

- Ни капельки. Но делать нечего, таковы правила. У меня на этого подонка свои планы имеются. Если ж мне такое «сокровище» перепало, то надо ж им попользоваться, верно?

- Как воспользоваться?

Но у главнокомандующего войск чжухоу на уме водились в основном шуточки и подколки, что свидетельствовало о хорошем настроении.

- Пока об этом говорить преждевременно, моя Тьян Ню. Вдруг я его ещё убить успею?

И раскосым глазом подмигнул.

- О! Сейчас У Жуй споет мне величальную песнь. На языке юэ, между прочим. Спорим, что половину слов в этих завываниях бранные? - и, вслушавшись, добавил – О! Точно! Что-то там есть про задницу.

Сян Юн, разнаряженный как принц, веселился от души, в основном набивая пузо мясом. Но хмельным, к счастью, не злоупотреблял. И все бы ничего, если бы он при этом ещё не бросался сливовыми косточками в Шэнь Яна. Тот в ожидании милостей и земель терпел и угодливо хихикал.

А Таня отдала бы полжизни, чтобы сбежать с этого праздника. С многоярусной шпуковиной на голове, звенящей при каждом движении, да в трех слоях халатов и тяжеленном цюйцзюй¹ сверху она устала точно новобранец после муштры на плацу. Но не успела девушка придумать благовидную причину для бегства, как в шатер вбежал вестовой.

Голоса у гонцов были пронзительными и громкими, захочешь - мимо ушей не пропустишь.

- Главнокомандующий, дурные вести!

Выкрикнув это, вестовой рухнул на колени прямо посреди пиршественного зала.

- Что случилось? Говори.

- Солдаты остановили повозку на дороге. Дама, что ехала в ней, говорит, будто Санъян занят армией Пэй-гуна.

Таня обеими руками зажала себе рот. Это означало, что её ненаглядная Люсенька совсем рядом. Вот радость-то!

- Что?! - взревел Сян Юн, вскочив со своего места с легкостью, удивительной для человека, столько всего съевшего.

Его благородные и не очень гости тоже на месте не усидели. Повскакивали все как один и давай орать. Даже военачальник Пу пожертвовал раненой ногой – распрыгался, потрясая закованной в лубок конечностью. Притерпеться к тому, что эти суровые, обычно

невозмутимые дядьки, стоит случиться чему-то экстраординарному, тут же превращают любое собрание в базар, Таня так и не смогла. Ладно на пиру, тут все в изрядном подпитии. Но вот бывало, только же что все сидели на военном совете неподвижно, как бронзовые истуканы, удовлетворенно щурили узкие глаза и цедили сквозь зубы мудреные цитаты из Сунь-цзы², и вдруг – трах-ба-бах! Взорвались, точно ручные гранаты!

- Ну-ка, повтори!

Лицо чусца стало из смуглого темно-фиолетовым, на висках вздулись вены, из горла вырвался звериный рев, а глаза его налились кровью. Жуткое зрелище! И что самое обидное - в летописях всю эту сцену скромно опишут одним-разъединственным предложением: «Сян Юн пришел в ярость».

- Да как он посмел?! Да я... Я в пыль его сотру! - проорал полководец и, отфутболив столик, подскочил к несчастному, ни в чем не повинному парню.

- Свинья безродная! Черноголовая собака! Когда? Когда он успел?

Имелся ввиду Пэй-гун, но вестовому от этого нисколько не полегчало. Сян Юн вдохновенно вытрясал из парня последний дух, подняв за шкуру, как щенка.

- Как он посмел, этот червь?

Таких подробностей солдатик, естественно, знать не знал, Пэй-гун ему не докладывал, а потому предпочел притвориться тряпичной куклой и помалкивать. Сян Юн, в свою очередь, выражений не выбирал, и воздух над головами чжухоу загустел от отборных древнекитайских ругательств, одно другого колоритнее. Навыки в стихосложении помогали, не иначе. Таня отчаянно пожалела, что нет под рукой писчих принадлежностей – записать кое-какие обороты для потомков.

Притаившийся за спиной девушки Сыма Синь – ещё молодой, но очень серьезный мужчина с тонкими чертами лица – едва слышно прошептал, прикрывая рот рукавом:

- Не нравится мне этот поворот. Благородная госпожа, заклинаю, сделайте же что-нибудь. Это плохо кончится.

На памяти Татьяны цинец впервые обратился к ней напрямую. Не иначе, как тоже уверовал в чудодейственность вмешательства небесной девы.

- Опять я? – тихо возмутилась Татьяна. – Почему снова я?

- Ну а кто? – поддакнул вертевшийся рядом Мин Хе.

- И не подумаю!

Черные глаза парнишки тут же наполнились слезами. А самая крупная, сверкающая, как алмаз, выразительно повисла на реснице.

- Перестань немедля, вымогатель!

- Тут сначала нужно разобраться, – напомнил перешедший на сторону чжухоу военачальник. - А для этого потребно утихомирить нашего командира.

И, словно по команде, все взоры присутствующих обратились на Тянь Ню. Цин Бу, предатель эдакий, даже умудрился прослезился. Вот напасть! Эти древние, иссеченные шрамами воины, вытаскивавшие стрелы из живой плоти даже не поморщившись, когда требовалось, рыдали захлеб, точно маленькие детки. И так яростно размазывали сопли по невымытым щекам, что могли растрогать даже камень.

- Вы меня используете! - пискнула небесная дева. – Так нечестно! Сколько можно?

Недавний подвиг на ниве человеколюбия ей уже аукнулся и принес неожиданные плоды. Промокнув под дождем, Таня схлопотала насморк, а довеском к нему стал новый заскок Сян Юна. Смущающийся и отводящий глаза le général, чьи щеки полыхают как пионы,

ещё полбеды. А вот когда он не зовет вечерами играть в вейци, чтобы не оставаться наедине, это паршиво. Псих ненормальный! Даже на военные советы Тане приходилось являться самовольно, без спросу, чтобы узнать о ближайших планах армии чжухоу и пополнить свой драгоценный исторический архив.

- Госпожа-а-а, – канючил Мин Хе. - Только небесное милосердие смирит гнев князя Чу.

Могучие военачальники дружно закивали и придвинулись ближе, словно собрались вытолкать небесную деву в спину – утихомиривать Сян Юна. Вот ведь мерзавцы! И ведь уже не в первый раз такое вытворяют!

- Не пойду, - упрямо буркнула Таня и, сложив руки на груди, демонстративно уставилась куда-то поверх головы бушующего главнокомандующего.

Но проблема вдруг решилаась сама собой. Выпустив пар в ругани, Сян Юн чуть-чуть успокоился и смог рассуждать здраво:

- Тащите сюда эту женщину. Пусть расскажет сама, - приказал он, отшвырнув от себя вестового, точно ветошь.

Таня победно оглянулась на командиров, мол, и нечего было устраивать истерику, кое-кто вполне способен обуздать себя, если ему не потакать. В такие моменты она гордилась своим *le général*. Сян Юн пусть медленно, но поддавался перевоспитанию. И если бы не этот дурацкий внезапный приступ стеснительности, успех был бы уже очевиден для всех, а не только для Татьяны.

Виновницу переполоха доставили быстро, не смея гневить Сян Юна ещё больше. И вздох восхищения вырвался из глоток. В шатер впорхнула неслыханная красавица. Личико точеное, брови вразлет, волосы шелковым водопадом ниспадают до самых пят. А то, что наряд не из узорчатого шелка и в причёске только серебро и дерево, так на фоне простоты красота всегда сияет ярче. Разве нет?

А красавица, изящно взмахнув рукавами, распростерлась ниц перед главнокомандующим, словно перед самим Императором.

Но если церемонность незнакомки и польстила Сян Юну, то виду он не подал.

- Поднимитесь, госпожа, и говорите.

- Фэн Лу Вэй счастлива приветствовать благородного и отважного князя из Чу, - отчеканила девушка, не смея разогнуть спину и поднять на собеседника взгляд. - Она смиренно просит защитить её жизнь и честь от разбойников безбожного Лю Дзы, именуемого Пэй-гуном.

- Что вы видели в Санъяне, госпожа Фэн? Говорите без промедления! - потребовал Сян Юн.

- Фэн Лу Вэй отвечает главнокомандующему, – молвила та весьма чопорно. - Этот злонамеренный Пэй-гун вошел в Санъян и, ступив во дворец, сразу же возвестил, что намерен самовольно управлять Гуаньчжуном, а все драгоценности и сокровища Цинь захвачены им по праву, дарованному чуским ваном.

И с каждым произнесенным столичной красавицей словом Сян Юн наливался грозовой яростью, как чарка – вином из кувшина.

- Ах ты ж сучий же ты сын, Лю Дзы! Младший братец! Ну я тебе покажу! - прокричал он. – Завтра, самое позднее послезавтра мы будем в Синьфэне. Тогда мои солдаты нападут на войско Пэй-гуна и разгромят его! У меня четыреста тысяч человек, а у него сколько? Сколько подонков он насобирает, я спрашиваю?

- Очень-очень много, – ответила барышня Фэн Лу Вэй. – Саньян наполнен воинами в красных плащах и повязках. Приличной девушке страшно оставаться в таком месте.

На самом деле солдат у Сян Юна было чуть больше ста тысяч. Тут он, как это водится у полководцев, привирал. Другое дело, что вряд ли у веселого мятежника Лю Дзы набралось бы столько же людей. И меньше всего Татьяне хотелось, чтобы армии побратимов схлестнулись в битве. А ещё она дивилась отваге и невозмутимости Лу Вэй. Заговори Сян Юн с ней подобным образом при первой встрече, она бы умерла на месте от страха. Но барышня Фэн ещё раз поклонилась и, глядя в пол, молвила:

- Беззащитная путница умоляет спасти её.

Сян Юн молчал. Его девичья мольба ничуть не тронула. Здесь, в отличие от Европы, никто никогда не считал женщин слабыми существами, не способными на решительный поступок. И заподозри главнокомандующий, что Фэн Лу Вэй явилась с целью отобрать его жизнь, дева мигом лишилась бы головы.

- Её слова стоит проверить, - напомнил чусцу Сыма Синь.

Его-то столичная красавица заинтересовала: губы сжались в линию, между бровями пролегла морщинка.

- Я пошлю разведчиков, - предложил в свою очередь Цин Бу. - И если они подтвердят, тогда...

- Госпожа Фэн, а где ваши слуги? Куда подевался возница? - спросил подозрительный сверх всякой меры Дун И. Милостью Сян Юна бывшего циньского командира не казнили вместе с армией Ли Чжана, вот он теперь и лез из кожи вон, чтобы выслужиться перед новым хозяином.

- Разбойники напали, – глазом не моргнув, ответствовала прекрасная Лу Вэй. И очень кратко, но впечатляюще поведала об опасностях, ожидающих одинокую странницу на дорогах.

- Если эта женщина солгала... - начал было командир Пу, демонстративно целясь в деву костью.

- Фэн Лу Вэй говорит чистую правду. Можете оставить эту несчастную беженку под стражей, пока не вернутся разведчики, - отрезала красотка и бестрепетно встретила тяжелый взгляд Сян Юна.

По выражению его лица догадаться о замыслах мог даже Мин Хе, не говоря уж о хитрой столичной штучке. Князь Чу колебался.

- Что ж! - бросил он наконец, громко шлепнув ладонью об опорный столб. - Небесная Дева, благородная Тянь Ню, позаботится о вас, госпожа Фэн. Эй, Мин Хе, сопроводи дам к повозке.

Пировавшие гости уже протрезвели, а потому сразу же ринулись к Сян Юну. На кону стояла власть над Гуаньчжуном, столицей и всей Поднебесной, до красавиц ли тут?

Но Татьяна не удержалась от вдоха облегчения. Ей совсем не хотелось, чтобы *mon général* вдруг заинтересовался незваной гостьей, чья красота привычной его глазу, а беспрекословное подчинение мужчине впитано с молоком матери. Просто не хотелось – и всё!

Госпожа Фэн одарила Татьяну земным поклоном и покорно засемила следом, наверняка посчитав такой исход дела за счастье.

- О! У Небесной госпожи такая маленькая свита, - заметила она, едва заглянув в

повозку. – Всего-то две девушки?

Чего было больше в её тоненьком голоске – ехидства или удивления, Таня так до конца и не поняла. Но изрядно разозлилась.

- Зато охрана большая, – фыркнула она не слишком любезно.

Маленькие пухлые губы древней красавицы изогнулись полумесяцем, а в миндалевидных глазах блеснул огонек.

- Небесная госпожа столь прямолинейна, что повергла бедную странницу в смятение. И прикрыла лицо широким рукавом.

- На Небесах нет нужды скрывать от других свои чувства, – смягчилась Татьяна.

В конце концов, у неё появилась возможность расспросить про столичное житьё-бытьё у жительницы Санъяна. Настоящая древняя аристократка - это уникальный исторический материал, как ни крути.

«Дурочка, - сказала себе Таня. – Надо не ревностью терзаться, а пользоваться редчайшим шансом».

Ей вдруг стало ужасно стыдно. Кто же знал, что матушкина натура так неожиданно вверх возьмет? Стоило увидеть на горизонте потенциальную соперницу, как тут же прорезались сварливые интонации супруги любвеобильного профессора-синолога. А ведь Петр Андреевич себя как настоящий китаец повел – не только при законной жене завел наложницу, но и не скрывался особо. В петербургской академической среде господин Орловский недаром слыл склонным к эпатажу оригиналом. Мало того, что прижил ребенка от любовницы, так ещё и вынудил несчастных женщин общаться между собой.

«Тяжко маменьке пришлось, – подумалось небесной госпоже. - Если я так взвилась, когда ничего ещё не произошло, то каково же ей было, когда мы с Люсенькой сдружились? Все эти совместные пикники и праздники. Это же пытка для неё была».

- Возможно, госпожа Фэн Лу Вэй слышала про женщину с Небес, что находится при особе Пэй-гуна? - спросила Таня, особо ни на что не надеясь.

- И даже видела, - мягко улыбнулась та. - Госпожа Небесная Лиса в компании Пэй-гуна выглядела счастливой и довольной. Она ведь родная сестрица Небесной Девы?

- О да! - обрадовалась Таня. – Расскажите, что вы видели? Как она? Что она? Ах! Что же это я? – восторгалась она, вспомнив об обязанностях хозяйки по отношению к гостю. - Эй, девушки, подайте нам чаю и сластей всяких! Располагайтесь как дома, госпожа Фэн.

- Сестрица Лу, - деликатно поправила её столичная барышня. - Младшая сестрица Лу, разумеется.

1 Женский национальный халат, одна из пол которой оборачивалась вокруг туловища трижды

2 Автор знаменитого трактата «Искусство войны»

Люси и Цинь-ван

Их были тысячи, этих бамбуковых книг, шелковых свитков, каких-то запечатанных пеналов, полок, полочек, ячеек, столиков и стеллажей, забитых доверху. Люся задрала голову, пытаясь хотя бы приблизительно представить размер дворцового... Архива? Библиотеки? Хранилища? Потолок терялся в полумраке, прорезанном узкими лучами света, в которых стелился, закручиваясь и танцуя, тревожно пахнущий дым, и плясали пылинки.

- Сколько же здесь книг... - пробормотала она, потревожив тишину хранилища, которую даже замершие безмолвными тенями евнухи не нарушали ни шелестом одежд, ни даже, казалось, дыханием.

- Небесной госпоже не стоит тревожиться, - молвил юноша-император и плавно взмахнул рукавом. – Эти люди найдут всё, что пожелает отыскать госпожа. Всё, что попадает в этот дворец, в нём остается...

Девушка покачала головой и вздохнула, украдкой смаргивая неуместную влагу с ресниц. Вот бы папенька сейчас увидел все эти сокровища! Вот бы узнал, что все его теории и догадки были верны, и в древней Цинь в самом деле существовал такой обширный, такой необъятный архив! Тысячи свитков... сотни тысяч сгинувших во тьме веков знаков... А сколько судеб и жизней, очерченных тушью на бамбуковых дощечках, рассыпались в прах, развеялись пеплом на ветру в пожаре древних войн?

Александрйская Библиотека, чудо античного мира, едва ли превосходила книгохранилище дворца Эпан. И этой сокровищнице, похоже, предстояло разделить печальную судьбу своей далекой египетской товарки.

- Я знаю... знала одного человека, одного ученого, который позволил бы отрезать от себя по куску плоти за каждый час, проведенный здесь... И умер бы счастливым, если бы перед смертью сумел прочитать хотя бы один свиток.

- Ученый, о котором говорит госпожа, несомненно, одарен небесной мудростью, – уважительно склонил голову Цзы Ин и добавил: - Это... очень хорошее место. Во всем дворце не сыскать такого...

Люся остро глянула на циньца. Что-то в нем изменилось, что-то окрепло, будто маленький император вдруг очнулся от тяжелого сна. Он больше не трепетал надломленной веточкой, наоборот – Цзы Ин стал похож на человека, который сумел выбраться из трясины и наконец-то почувял под ногами привычную твердь.

- Цинь-ван, кажется, хорошо знаком с этой сокровищницей, – улынулась она.

- Госпожа не ошиблась, - чуть смущенно признался Цзы Ин. – Этот нерадивый школяр провел среди книг много, много дней... Просто...

- Просто это было единственным местом, где вы чувствовали себя дома, ваше величество. Поверьте, я понимаю.

- Проницательность небесной госпожи...

- Ну хватит уже про «небесную», «премудрую» и «проницательную» и говорить о себе так, словно вас тут нет, тоже хватит, Цинь-ван! У нас с вами нет ни времени, ни повода для лишних церемоний, верно? Да и не люблю я эти ваши... - Люся покрутила кистью, подбирая слово: - Эти ваши выкрутасы!

- Что мы ищем, госпожа? - встряхнулся Цинь-ван и деловито поддернул рукава своего черного лунпао.

Прошло на удивление немного времени, прежде чем Люся окончательно убедилась – бюрократию, может, и не придумали в Древнем Китае, но довели до абсолюта точно не без участия местных чиновников. Цинь-ван не обманывал и не преувеличивал: казалось, что и в самом деле всё, что проникало за высокие стены дворца Эпан, оставляло свой след в дворцовом архиве. Человек ли, животное, предмет мебели, свиток, мешок бобов, рулон шелка, вязанка хвороста, чайник, оружие, кисточка для письма или моток ниток – обо всем находилась своя запись. Ничто не ускользало от бдительных очей дворцовых служащих. Всякому человеку или вещи полагалось свое место – и в иерархии дворца, и в списках

дворцовой канцелярии. А маленький ван на удивление ловко ориентировался в этом царстве писцов и счетоводов. И упоминание о крохотной глиняной рыбке в море свитков Цзы Ин выловил без особого труда, и часа не прошло.

- Год гуй-сы, двенадцатая луна, - юноша пробежался тонкими пальцами по торцам бамбуковых свитков и безошибочно вытащил нужный. - Да, так и есть. Офицер Лян Шао Цзин доложил о необычайном происшествии, случившемся в окрестностях Фаньюя... В Желтой реке местные крестьяне выловили двух небесных женщин... - Цзы Ин искоса глянул на Люсю, нетерпеливо постукивавшую носком сапога о книжный стеллаж, и решил, что заставлять хулидзын ждать по меньшей мере неразумно. - Одну из оных женщин, назвавшуюся небесной лисой, Лян Шао продал в пионовый дом Фаньюя по сходной цене, другую же отбили люди мятежника Лю...

Девушка скрипнула зубами, некстати вспомнив и офицера Ляна, и проклятый «пионовый дом», и клетку... и все, что случилось потом.

- Дальше!

- ... в доказательство своих слов Лян Шао привез амулет, который небесная дева доверила ему, умоляя спасти эту драгоценность от мятежников...

Амулет! Люся прикусила губу и нервно сплела пальцы. Значит, рыбка Нюйвы действительно где-то здесь, во дворце! Уже так близко, что на миг ей показалось, будто пальцы ощутили знакомый изгиб глиняного тельца...

- Осмотрев амулет, главный евнух повелел изъять его из вещей, принадлежащих Сыну Неба, и забрал, дабы изучить его колдовские свойства...

- Это, - не скрывая злого разочарования, выдохнула Людмила, - я уже и так знаю! Моя вещь у Чжао Гао, и что толку от этих записей?

- Офицер же Лян Шао... - по инерции прочитал Цзы Ин и остановился. Но хулидзын вдруг наострила уши:

- Что? Офицер Лян? Этот гад ползучий ещё жив?

- Вообще-то... - Цинь-ван быстро просмотрел записи и решил пересказать их своими словами: - Жив. То есть, был жив. Его наказали за потерю обоза и историю с небесной девой, но Чжао Гао его не казнил... не совсем казнил. Лян Шао стал слугой в Осеннем Павильоне.

- В смысле? - девушке этот местный топоним ни о чем не говорил.

- Лян Шао сделали младшим евнухом при особе самого Чжао Гао.

- Ага... - Люся потерла внезапно вспотевшие ладони. - Понятненько... Значит, почикать - почикал, но оставил при себе на побегушках. А он практичный злыдень, этот ваш главный евнух. Ну, так надобно нам сыскать этого козла холощенного. Эй! Любезный Гуй Фэнь!

Увязавшийся за госпожой личный Люсин «писец» с писком выбрался из вороха свитков, в которых он самозабвенно рылся.

- Возьми-ка пяток наших солдатиков да стоняй в этот Осенний Павильон. А ежели найдешь там некого Лян Шао... как там его... Цзина, так бери его за шкварник и волоки сюда. Да особо не церемонься, у меня к этой морде солидный счет накопился. Понял?

Гуй Фэнь истово закивал и умчался выполнять приказ, едва не свернув по пути пару-тройку светильников.

- А вы, ваше величество, помогите-ка мне теперь в другом деле...

Сейчас, когда лишних ушей рядом не осталось, пришло самое время выяснить, что же

случилось с сестрой Лю Дзы.

Сян Юн

Войско чжухоу стало лагерем на возвышенности Хунмэнь, что восточнее города Синьфэна, в ожидании приказа напасть на Санъян. А вместе с чусцами и вослед за их белыми стягами в пределы исконных циньских земель вторглась настоящая весна, затопив огромную плодородную долину до самых краев теплым ветром и белой пеной цветущих садов. Все вокруг зеленело, росло, цвело и пахло, словно и не было на свете никакой войны, словно империя не рухнула, похоронив под своими обломками мир и благополучие сотен тысяч людей – аристократов и простолюдинов, мужчин и женщин. И не виделось конца и края народным бедствиям, с какой стороны не посмотри. Но вишневым деревьям, многоводной Вэйхэ и щедрой земле было ровным счетом наплевать на чужие заботы. Что уж говорить о Сером, которому не терпелось побегать по зеленой травке. Старики говорили, мол, уважить боевого коня – все равно что друга с дороги накормить. Так что, можно сказать, главнокомандующему Сян сами Небеса велели исполнить желание Серого, а заодно, и самому голову проветрить. От лишних мыслей, самое оно.

Флейта - единственная спутница, которую Сян Юн прихватил с собой, если не считать Мин Хе и его роскошную, отливающую всеми оттенками багрового, свежую шишку на лбу.

- Будешь мне подпевать, – приказал князь, прикладывая к губам музыкальный инструмент.

- Угу... мс.

- Чего-чего ты там бормочешь? – вспыхнул генерал и зыркнул прям волком.

- Так точно, мой господин!

Вместо того чтобы приложить листочек подорожника к шишке и немного побездельничать, Мин Хе пришлось старательно выводить прихотливую мелодию:

- Созвездие Дин высоко наконец.

Он в Чу воздвигать начинает дворец.

По солнцу, по тени измерил шестом

Пространство и чуский он выстроил дом...3

Голос у паренька был очень даже неплохой, и услышав его, добросердечная небесная дева обязательно похлопала бы в ладоши в знак одобрения и похвалы. Но госпожи Тянь Ню рядом, как назло, не было, а от главнокомандующего нынче доброго слова не дождешься. И перепеть бы Мин Хе все известные чуские песни, кабы вовремя не появился командир Цин Бу. И не один, а в компании с низкорослым и смуглым до черноты солдатом-разведчиком.

- Пэй-гун сидит в Башане. Там у него лагерь, - доложил военачальник.

- Сколько у него людей?

- Тысяч сорок, может чуть меньше.

Недобрая ухмылка искривила губы Сян Юна. Никому ничего хорошего не сулящая улыбочка.

- Пусть разведчик скажет.

Тот поднял лицо от травы и поклялся предками, что видел Лю Дзы своими глазами. А еще слышал разговоры о том, что тот ничего из ценностей себе не берет, а дворцовых наложниц пальцем не тронул. Ворота Санъяна ему сами жители открыли, за что их никто грабить не стал.

- Это показывает, что его стремления не ограничиваются малым, - встрял Цин Бу, задумчиво почесывая уродливые шрамы от клейма. - А ещё облака над ним окрашены в пять цветов и походят на драконов и тигров.

Разведчик согласно затряс головой, подтверждая, что слышал то же самое. Мин Хё на время забыл о шишке и раззявил от удивления рот. На что Сян Юн отвечал:

- В жопу облака! У меня солдат в разы больше. Я этого... младшего братца по стенам Санъяна тонким слоем размажу.

- А надо ли? – усомнился Цин Бу. - В конце концов, если бы не приказ Куай-вана, то всё сложилось бы иначе.

- Ага-ага, – зло фыркнул Сян Юн. – А еще, если бы я не пошел в Чжао спасти задницу ихнего вана от меча Ли Чжана и не разхренячил основные циньские силы под Цзюйлу, в то время как мой дорогой младший братец топал на запад без задержек.

Жестом отослав разведчика обратно в лагерь, военачальник Бу продолжил.

- Справедливости ради все же напомню, что кабы Пэй-гун не занял первым Гуаньжун, разве вы решились бы вторгнуться в эти земли? Наши владетельные князья первыми подняли бы вой, насколько опасно соваться через заставы. А этот человек, по ходу, совершил большой подвиг. Э?

Чусец подозрительно прищурился:

- Старший команлюющий, вы, вообще, чей друг – мой или Пэй-гуна?

- Ваш, главнокомандующий, - согласился невозмутимый командир. — Но вам стоит встретиться с Лю Дзы и поговорить начистоту.

Сян Юн задумался не на шутку. Даже веки смежил, защищая глаза от солнечного сияния.

- Может и стоит. Только вот братец что-то посланцев не шлет, видимо, не торопится объясниться.

- Бойтся, наверное. Я бы боялся. Вы же убьете посла.

Цин Бу зевнул и растянулся на траве, раскидав руки в стороны. Не похоже было, что его терзают страхи.

- Убью, - согласился чуский князь и тоже откинулся на спину, не опасаясь зазеленить светлый плащ. В его зрачках отражалось небо и парящая в вышине птица. И не было в вышине ни единого облачка, чтобы пытаться предугадать будущее по его форме.

Какое-то время они лежали молча, думая каждый о своем. Пока клейменный командир не подал голос снова:

- А ведь сестра нашей Небесной Девы в стане Пэй-гуна обретается, так? И, должно быть, соскучилась. Негоже мешать двум сестрам встретиться. Как думаете, мой господин?

- Хороший план.

Сян Юн перевернулся на живот, чтобы унять участившееся сердцебиение, едва прозвучало имя Тьян Ню. Тогда, возле заставы Ханьгугуань, она смутила его. Мокрые пряди волос, которые хотелось убрать со лба, тоненькие белые пальчики, сжимавшие ворот ханьфу, и сладкая необременительная тяжесть в его объятиях заставили кровь буквально кипеть. Себя-то Юн знал как облупленного, чтобы не оставаться с девушкой наедине. Клятва предками – это ведь не просто слова, а нарушение её – тяжкое преступление.

- Лю Дзы не дурак, – тяжкий вздох сожаления вырвался из груди чусца. - Он быстро смекнет, что я его убить хочу.

- А вы хотите?

- Еще как!

- Тогда надо усыпить его бдительность, заманить по-умному. О! Отправьте в лагерь Пэй-гуна эту санъянскую штучку. Вдруг там кому приглянется?

- Нет, – отрезал Сян Юн. - Я ей не доверяю. Пусть лучше Сунь Бин выделит телохранителя, а к письму Тьян Ню я добавлю свое послание.

Крайне подозрительная персона вроде госпожи Фэн никогда бы не оказалась рядом с Тьян Ню, если бы чуский князь мог доверять своим чувствам и контролировать порывы. Но сейчас чудесному созданию, сошедшему с Небес, компания другой женщины всяко безопаснее его собственной.

- Потом отдам её Сыма Синю в награду, а пока пусть составит компанию моей Небесной деве. Хоть какая-то польза.

Цин Бу цыкнул зубом.

- Вряд ли советник захочет. Сказано же, слишком красивая женщина – бесполезна, она лишь сулит гибель для мужчины, и вообще...

- А мне кажется, Сыма Синь в барышне Фэн крайне заинтересован. Несколько раз замечал, как он смотрит в её сторону.

- Мало ли, зачем он смотрит...

- Мужчина на женщину смотрит с одной целью, - назидательно заявил Сян Юн.

Цин Бу пожал плечами и спорить не стал.

- Вам оно, конечно, виднее.

Князь это все-таки... князь. Говорят, флейты вкупе со стихами просто чудеса творят.

Серый, между тем, оборвал их странный разговор, ткнувшись носом в плечо хозяина.

- Нагулялся, друг мой? - голубем проворковал Сян Юн, поглаживая коня по атласной морде, но тут же вспомнил и об ординарце. - Мин Хе! Где тебя носит, паршивец? Почему за Серым не следишь? Хочешь, чтобы я из тебя оленя сделал?

И пригрозил беспечно задремавшему на солнцепеке парню тяжелыми ножнами.

- Не надо, мой господин! - по-девчоночьи тонко спросонок взвизгнул тот, прикрывая голову локтем.

Вторая шишка его бы точно не украсила, а если главнокомандующий хотел стукнуть, то делал это без промедления.

- Сейчас отведу Серого! Уже бегу...

- Стой! Подожди.

Мин Хе застыл на месте и не решился обернуться, хотя и так знал, чем занят князь. Собирает цветы для небесной госпожи. Большую охапку разных цветов, которых полным-полно на здешних лугах. На Небесах так принято, потому что.

3 песня из «Ши-цзин» – «Книги песен и гимнов» – древнейшего китайского литературного памятника, перевод Шуткина А.А.

«Никто не бывает опытен и умен в житейских делах в двадцать лет. Все наивны и убеждены, что мир вращается вокруг них. И по большому счету, это – правильно. Так и надо».

(из дневника Тьян Ню)

ГЛАВА 2. Мышеловки без сыра

«Сто раз себе говорила: «Не лезь не в свое дело, Таня, не лезь!», и хоть бы раз прислушалась к гласу рассудка.»

(из дневника Тьян Ню)

Тайвань, Тайбэй, 2012 год н.э.

Каң Сяолун и Ричард Ли

Правил было три: молчать, не двигаться и не думать.

Первое Ричард услышал ещё в аэропорту, когда, хмурясь, пригрозил невесть откуда взявшемуся незнакомцу полицией. «Что вы себе позволяете?» - вот что он сказал, и с этой самой секунды голоса у него не стало. Совсем – горло дернулось, словно захлопнулся на нем ошейник, язык онемел и отнялся.

- Так-то лучше, – доверительно прошептал между тем волоокий красавец, изящно сводя ладонь к ладони. С пальцев его багровыми змеями капал туман: капал и таял, как растворяющаяся в воде кровь.

– Молчание, мистер Ли, это добродетель. И вообще – вещи, они не разговаривают. Вот и ты не будешь... если я не разрешу.

Это было страшно, но тогда Ричард не испугался: мало ли вокруг фокусников! Люди – они вертятся, как умеют, чтобы произвести впечатление. Кто-то жонглирует словами и обещаниями, а кто-то пользуется такими вот... трюками.

Страх пришел после, когда Кан Сяолун – хозяин, да, хозяин – отдал ему по пути в свой дом второй приказ.

Белоснежное здание, сияющее среди апельсиновых деревьев, словно снег, поначалу показалось Ричарду невозможным миражом, издевкой. Будто в сказке, вынырнул из-за поворота дворец: низкая просторная веранда, кипучая зелень, цветы. Затравленно сглатывая, мистер Ли посмотрел на своего пленителя.

Как, не укладывалась у него в голове страшная схема, посреди подобной красоты может жить такое чудовище? Чудовища обитают в грязи и гнилье, посреди нищеты и тоски.

Поэтому когда, замедлив ход, остановилась у тонких витых ворот машина, Ричард, еще не веря, что все это и впрямь происходит с ним, рванулся было на свободу, толкнул плечом дверь, покатился по земле.

И был наказан.

Боль была не просто болью – разве может в маленькое быстрое слово уместиться мучение, которое, казалось, выворачивает наизнанку, сотрясает изнутри утробу, скручивает мышцы и вены в красный влажный клубок?

И пока, мысленно воя и тыкаясь ртом в пыль, Ричард скреб пальцами посыпанную песком светлую дорожку, чудовище, взявшее над ним власть, медленно протянуло:

- Что за тупой нынче попадаетея мне скот.

Так он потерял способность двигаться.

Последний урок был преподан ему всего-то с полчаса назад, когда Ричард, мертвея в безмолвной истерике, впервые позволил себе подумать, что попался в лапы не совсем человеку - точнее, совсем не человеку. Осознание это было не постепенным, нет, но

внезапным и страшным: он покорно вошел вслед за хозяином в белоснежный дворец, а попал на живодерню. Строгая красота комнат была лишь маской – как и сам Кан Сяолун, дом был полон ужаса.

Бесконечные комнаты терялись сами в себе, свиваясь в лабиринт. Некоторые были пустыми и светлыми, другие поражали роскошью настолько дикой и разнузданной, что хотелось поморщиться в недоумении. Но было у них и нечто общее: везде стояли стеклянные стеллажи, в которых на темном бархате покоились резак, иглы, пилы, ножи, скрученные кольцами кнуты. И рядом – словно наглядная демонстрация, как обещание – ухмылялись отовсюду скелеты. Десятки, сотни скелетов: собаки, олени, какая-то крупная кошка, медведь... люди.

Посреди этого могильника, словно насмехаясь на теплокровными тварями, от которых остались лишь кости, лежала на нагретом солнцем подоконнике змея, и при виде ее Ричард не выдержал – завизжал. Голоса у него по-прежнему не было, но что с того? Страх был не просто велик – он был исполинским, невыносимым. Солнце и кости, зеленая ласковость деревьев и черепа.

Как же это? Ричард не понимал – не хотел, не мог понять.

Только что он, американский гражданин и свободный человек, шел по аэропорту, раздумывал о своих делах, строил планы и досадовал на прихотливую судьбу, а потом – р-р-раз! – и... и все. Ни воли, ни силы, ни права – только навязанная силой покорность, гнущая к земле жуть – и лицо. Нежное, спокойное, с презрительно изогнутыми пухлыми губами и полуприкрытыми веками.

Как же это? – вопил про себя Ричард, застыв в собственном теле, как в тюрьме. – Как? Нет! Я не хочу! Не надо!

- Думайте потише, - приказала ему тварь, взявшая над ним власть, - а лучше не думайте совсем, мистер Ли.

И Ричард подчинился. Слово с хлопком взорвалась лампочка, выключился страх, исчезла паника. Осталась только каменная, долгая тишина, неисчислимая минутами и часами. Только приказами она измерялась: молчать. Не двигаться. Не думать.

Слушаться.

И когда хозяин протянул ему телефон, на дисплее которого светился знакомый, давно и надежно выученный номер, мистер Ли покорно нажал на кнопку вызова.

- Госпожа Александра Сян, - приказал Кан Сяолун и небрежно откинул с щеки прядь волос. – Ты же хочешь увидеть свою невесту? Пригласи ее в гости, зверюшка.

И Ричард послушался.

Она не брала трубку. Саша не брала трубку, и когда Ричард понял, что не сумеет до нее дозвониться, то не удержался – захныкал с присвистом и шипением. Капли пота скатывались по лбу и вискам, и он судорожно вытирал их рукавом пиджака, царапая модными пуговицами-заклепками щеку.

Не осмеливаясь поднять головы, мужчина жал на кнопки, снова и снова, и молился – так, как умел. Он отдал бы все, свою душу, чужую, заплатил любую цену, только бы оказаться как можно дальше от дома среди апельсиновых деревьев... и от существа, живущего в нем.

Хозяин сидел чуть в стороне, небрежно подперев щеку ладонью – капризный изгиб губ, хрустальный блеск из-под длинных ресниц. Иногда силуэт его будто бы вздрагивал, словно изнутри распирала оболочку из костей и кожи неведомая, упрямая сила. Ричард

убеждал себя, что это ему кажется, что это всего лишь игра света и теней, убеждал – и убедить не мог.

От этих мыслей мистеру Ли становилось дурно: тошнота подкатывала к горлу, щипала гортань и язык. Он сглатывал ее, заталкивал в себя, но кислая и горькая, желто-серая желчь будто давила, распирала изнутри.

«Ответь, – умолял он свою невесту, сжимая влажными от пота ладонями мобильник, – ответь мне, Саша. Александра, чтоб тебя, дрянь, сучка, я звоню тебе. Возьми! Трубку!»

Звонкая тишина, словно насмехаясь над ним, потрескивала, шуршала в телефоне. Где-то там, среди чужих людей, в мире, который начинался за пределами белого особняка с черным нутром, жила сейчас своей жизнью мисс Сян.

Что она делала? Может, читала книгу. Или улыбалась. Или жеманничала с этим своим... которого подцепила здесь, в Тайбэе, через неделю после того, как рассталась с ним, Ричардом. Разница была невелика: в итоге значение имел лишь один – всего один! – факт.

От Александры зависела его жизнь. А она не отвечала!

- Что? - спросил холодный, насмешливый голос из-за спины. - Где же наша счастливая невеста?

- Сейчас, - заискивающе пробормотал Ричард, снова слушая, как в трубке тянутся долгие, пустые гудки. - Я... сейчас.

- Не стоит, наскучило, - последовал короткий приказ, и мистер Ли подчинился сразу же, без рассуждений.

Трубка с глухим стуком упала на пол, а он сам скорчился на коленях перед диваном, зажмурился, с секунды на секунду ожидая удара и боли. Но чужая воля, гремучая, скользкая, отчего-то медлила, не вздымалась плетьюми, не жгла ядом.

- Какая она? - вдруг спросил Кан Сяолун, не меняя позы.

Ричард мигнул, чувствуя, как застилают глаза слезы.

- К-кто?

- Сян Александра Джи, - растягивая каждое слово, не сказал – выдохнул хозяин.

- С-саша? - сглотнул мистер Ли, чтобы выгадать лишнее мгновение, – она... Боится.

Что-то зашуршало, вздохнуло – будто соскользнул с дивана, кольцо за кольцом, гигантский змей, вздыбился над ним, Ричардом, покачиваясь. Мужчина поднял голову. Золотые, любопытные, подернутые тонкой ртутной пленкой глаза выпукло мерцали в навалившейся на комнату тишине.

- Кого? – ввинтился в его мозг голос.

- Себя, – выдавил Ричард через силу, мелко и часто кланяясь.

Он не знал, как объяснить то ощущение, которое возникало у него каждый раз, когда Саша была рядом – словно тлея, припорошенный пеплом, тусклый язычок пламени, потерявшийся, но упрямый. Иногда ему даже хотелось обнять ее, просто так, без умысла и расчета – ведь они были похожи.

Танец – это последовательность движений, и они послушно повторяли эти движения, не осмеливаясь шагнуть в сторону.

В слова облечь такую глупость мистер Ли бы не решился : тщательно, осознанно и остервенело, год за годом, он вытраивал из себя бессмысленную телячью слабость. Но хозяину и не нужны были слова.

- Вот как, - после недолго молчания вдруг хмыкнул Кан Сяолун. – Тогда скажи мне, побрякушка, будет ли мисс Сян плакать, когда ты сдохнешь?

И Ричард не выдержал: закачался из стороны в сторону, а потом припал к земле, обхватил ладонями ноги хозяина, ткнулся в них лбом.

- Не надо, не надо, - скулил он. - Я много чего про нее знаю, я все расскажу, я ее выманю, я смогу. Пожалуйста, позвольте мне, я обещаю, у меня получится, только скажите – я все сделаю, все, все.

Кан Сяолун неожиданно попятился, дернул брезгливо рукой, будто одергивая полу длинного одеяния, а потом в приступе внезапной ярости пнул склонившегося перед ним мужчину. Мистеру Ли было все равно – такого страха, такого дрожащего, мерзкого ужаса он не испытывал никогда, и сейчас унижение не казалось ему такой уж большой ценой за собственную жизнь.

- Пожалуйста, – прорыдал он и пополз вслед за хозяином.

А потом его приподняло вверх, как тряпичную куклу, и сквозь сгустившийся, мутный воздух он увидел искажившийся в гримасе рот – черную щель на белом лице – и скрюченные пальцы. Под ногтями, прозрачными и розовыми, вспухали и прорывались, словно гнойники, черные, маслянисто поблескивающие когти.

- Никогда, - шипела и стонала взбешенная тварь, - не смей прикасаться ко мне, мясо, или!..

Ричард завыл, и тут необоримая, хрустящая чешуей сила согнула его, смяла – и швырнула о стену. Он упал на витрину, разбил головой стекло, за которым томились нанизанные на иголки пауки и бабочки, захрипел – и потерял сознание.

Саша

В темноте, шуршащей и переменчивой, Саша была не одна. Вокруг, танцую, перешептывались голоса, взвивались и раскручивались туманом смерчи.

Перекресток времен – это сюда раз за разом приводили ее сны. Где-то здесь, в бесконечности, перетекающей из «вчера» в «завтра», жила и умирала женщина с белой кожей и светлыми упрямыми глазами. Женщина-мираж, которую Александра и боялась, и ждала – как ждут неизбежности. Или судьбы.

Девушка поднесла ладонь к лицу – и тихо вздохнула. Это была ее рука, ее собственная, и, значит, в этот раз прихотливое сновидение тоже подчинялось ей, а не призраку из прошлого.

«Наконец-то», – с внезапно проснувшимся раздражением подумала Александра, распрямила плечи – и вздрогнула.

Перед ней – алое знамя, красный, как кровь, огонь – вдруг расплелась дорога, полная теней.словно полыхающая во мраке нить, она возникала ниоткуда и уходила в никуда, и мисс Сян неожиданно залюбовалась. Сейчас, впервые с того дня, как довелось ей открыть бабушкин дневник, девушка не позволила себе испугаться.

- Где ты? – позвала она женщину из снов. - Приходи, если хочешь. Я теперь помню тебя.

Будто в ответ на ее зов, туман всколыхнулся, заструился пламенными искрами, затанцевал ярко и победительно, и легкая женская фигура вдруг развернулась к Саше всплеском из шелковых одежд. Она была - и ее не было, но мисс Сян знала с совершенной уверенностью, что это – не сон и не видение.

Незнакомка смотрела на нее чуть исподлобья, спокойно и ясно. Саша внезапно

удивилась себе: отчего же раньше она так боялась взглянуть в эти глаза? В них не было ни угрозы, ни насмешки, как казалось прежде – только сила и радость, и немножко печали, и надежда.

И, повинувшись не разуму, но инстинкту, мисс Сян улыбнулась и, сложив руки, поклонилась ей – и себе.

Тонкие невесомые пальцы прикоснулись к ее щеке. Александра думала – они опалят холодом ушедших столетий, поцелуют льдом и печалью. Но все получилось иначе. Сила, грозная и жгучая, вдруг лавиной растеклась по телу, переполнила его бесстрашием и решительным упрямством.

Препятствия? Сомнения? Условности?

«До пошли они!..» - зазвенел в голове чужой – и свой! – голос. Саша не сумела и не захотела сдержаться – рассмеялась. Подняла ресницы, чтобы поблагодарить женщину из снов, сказать, что поняла и больше не боится...

И тут тьма вокруг зашевелилась, закрутилась, свиваясь темными кольцами, и что-то безжалостное, древнее надвинулось на них с призрачной незнакомкой из чернильного безвременья.

Образ белокожей красавицы внезапно подернулся дымкой – словно пошла рябью вода в колодце.

- Подожди! – торопливо крикнула мисс Сян фигуре, сотканной из пламени. – Я хочу еще спросить! Мне надо знать!

Но сон уже ломался, крошился, как иссохшая глина, и ближе, все ближе раздавался стремительный змеиный шорох.

- Император, – прошелестел, тая, бесплотный голос, и мираж истончился, рассыпался тусклыми искрами, -...остановить... только дракон!..

- Какой дракон? - вскрикнула Александра, протянула руку, пытаясь схватить, удержать видение.

И завизжала.

Потому что черная взвесь внезапно треснула, словно скорлупа, и из-за нее, извиваясь, выполз ужас: плоская голова, кровавая пасть, стекающий с клыков яд. Неведомое чудовище вспорол ткань бытия, как меч – тонкий шелк, и само время, казалось, застонало, заскрипело под его весом.

Быстрый и бесшумный, монстр завис в воздухе, покачиваясь. Полыхнули янтарные глаза, со свистом рассек тьму чешуйчатый хвост, и Саша, все ещё визжа, попятилась.

От чужой ненависти, смрадной и тухлой, стиснуло легкие.

Женщина из снов, подумала Александра, приходила помочь. А этот... этот пришел, чтобы убивать. Чтобы выжрать ее душу из ткани бытия, перемолоть ее кости, разгрызть хрящи, высосать кровь из сердца.

Инь и ян.

Черная рыбка и белая.

Переполняясь отчаянной отвагой, мисс Сян выпрямилась, посмотрела вверх, поймала неистовый, полный злонравия взгляд – и в этот же миг змей рванулся к ней.

- А-а-ах! – вопя, Саша подскочила, дернулась в сторону и со всей силы ударилась локтем о спинку кровати.

Боль, вполне себе реальная, обычная и совсем не призрачная, разом привела ее в чувство. Потирая ушибленную руку и пытаясь отдышаться, девушка замычала от испуга и

недоумения и, еще не совсем сознавая себя, вцепилась в одеяло.

Дракон – какой еще дракон? При чем тут император? И, черт побери, что это была за тварь там, в конце? Что это была за тварь!?

- Юнчен, – захлебываясь воздухом, позвала она, - Юнчен, ты видел?

Вместо ответа ветер игриво приласкал невидимой рукой облака, и на комнату вдруг набежала стремительная тень.

Александра сглотнула и огляделась, стряхивая с себя остатки сна.

Ин Юнчена не было – только стояла на полу расстегнутая сумка, вокруг которой в изумительном беспорядке валялись майки, рубашки и почему-то один носок.

Ушел, значит.

- Мог бы меня разбудить, - пробормотала мисс Сян, трясущимися руками потянулась к своей одежде – и тут в дверь постучали.

- Эй, девушка Юнчена, - зазвенел из коридора Пиксель. – Ты чего там вопишь? Проблемы или развлекаешься?

Сформулировано было так, что Саша разом окрысилась. Раньше она, пожалуй, отмолчалась бы, но сейчас будто кто-то упрямый, насмешливый толкал ее в спину.

Насупившись, она натянула одолженные у Юнчена джинсы и футболку.

- Эй, – повторил голос, уже встревоженный, и девушка, решившись, распахнула дверь.

- Развлекаюсь, конечно, – доброжелательно пропела она. - А что? Нельзя?

Ю Цин, тонкой черной загогулиной застывший в коридоре, помялся, пожался – и вдруг начал краснеть, густо и неудержимо.

- М-можно, - запнулся он наконец. – Просто я... э-э-э...

- Да? - с величественной интонацией, которой так любила пользоваться матушка, осведомилась мисс Сян.

Что собирался ответить ей пунцовый взъерошенный Пиксель, она узнать не успела – откуда-то из-за угла вдруг высунулась раскрасневшаяся Ласточка.

- О! – сказала хозяйка дома. - Проснулась! Чаю будешь? Я только заварила.

Саша расцвела – до этого момента она этого не знала, но сейчас как-то внезапно поняла, что именно чая и не хватало ей для того, чтобы окончательно восстановить душевное равновесие.

- Хватай вон Пикселя, - расплылась в улыбке Янмэй, понявшая все и без слов, - и на кухню. У меня все готово.

И тут – Саша даже вздрогнула – зазвонил, рассыпая по комнате ноты веселой песенки, телефон. Девушка, извиняясь, чуть поклонилась собеседникам и потянулась за сумочкой.

- Мисс Сян? - через мгновение спросил ее незнакомый голос, сосредоточенный и строгий. - Городской госпиталь Тайбэй, администрация.

- Да? – слабея от ужаса, прошептала Саша.

- Мы нашли ваш номер в записной книжке мистера Ричарда Ли. Вы... его невеста?

- Да, – совсем, совершенно, абсолютно ничего не понимая, выдохнула девушка. - То есть нет, но... да.

- В настоящий момент он находится у нас, – не меняя тона, проинформировал ее голос. – Отделение реанимации. Мы пока не можем связаться с его семьей, но...

- У него нет семьи, - застонала Александра. – Только я. Но как... боже, что с ним? Где вы находитесь? Я приеду!

Люси, Лю Дзы и соратники

Зловредного офицера Ляна в Осеннем Павильоне найти – нашли, но небесной лисе доставить не смогли, хотя очень хотели. Возвратившийся Гуй Фэнь так и выпалил, привычно повалившись в ноги от избытка старательности : прямо-таки жаждали доблестные воины Пэй-гуна приволочь небесной госпоже подлого злодея, да вот незадача – никакой возможности нету это проделать.

- Почему? – строго спросила Люся. Проявлять доброту и ласку в отношении своего «писца», получая взамен лишь затравленные взгляды и привычные завывания насчет «достойного смерти слуги», она уже подустала. Если юнец предпочитает думать, будто прислуживает чудовищу в женском обличье, так тому и быть. Зачем разочаровывать человека?

- Э... ваш слуга не находит слов, чтобы...

- Побоялись, наша милостивая госпожа, - перебил Гуй Фэнь один из солдат. - Ежели мерзавец этот сдохнет, пока несем, беда небольшая, вы ж и дохлого заставите ответ держать, да только тащить его уж больно несподручно. Воняет он так, что аж глаза режет! А волочь его разве что на тряпке какой, но вдруг от него по дороге куски отвалятся?

- Так все плохо? - изумилась Люся, а вот тихонько слушавший доклад Цинь-ван понимающе закивал:

- Если главный евнух решил испытать на несчастном какое-то из своих снадобий, неудивительно, что Лян Шао остался во дворце. У него просто не было сил бежать, даже когда он узнал о вашем приближении, моя госпожа...

- О... - девушка растерянно моргнула и стиснула пальцы так, что зажатый в ладони бамбуковый свиток затрещал, грозя развалиться на планочки. - Кажется, я понимаю, почему...

И Цзы Ин печально кивнул, подтверждая то, что хулидзын не сумела произнести вслух. Сестра Пэй-гуна, та самая Лю Чжен, записи о судьбе которой нашлись в архиве дворца Эпан, совершила самоубийство. Каких-то два столбца на узкой полоске бамбука, чуть выцветшая тушь, значки, похожие на раздавленных жучков – вот и всё, что осталось от девушки, которая почему-то предпочла спрыгнуть с дворцовой башни и застыть ярким пятном цветного шелка на серых камнях, чем отправиться в услужение в Осенний Павильон.

То есть, теперь-то стало понятно, почему Лю Чжен, смирившись с участью наложницы низшего ранга, все-таки решилась шагнуть в пустоту.

- Чжао Гао, – сказал Цзы Ин, вздрогнув, будто одно лишь упоминание имени главного евнуха ужасало стойкого маленького императора. - Во дворце нет ни одного человека, кто не знает, что за дела творились в Осеннем Павильоне. Вслух не говорили об этом, конечно, но вы понимаете, небесная госпожа, ни к чему говорить о том, что и так все знают...

- Но этого Лян Шао я увидеть должна! – Людмила упрямо встряхнулась и спрятала свиток в рукав. – Если он ещё жив и может говорить, я должна заставить его рассказать о моем амулете. Я иду в Осенний Павильон. Эй, воины! Давайте-ка разворошим эту змеиную нору!

- Вы уверены, госпожа, что вам... О, вы уже спешите... - император обнаружил, что

слова его летят уже вслед устремившейся вперед хулидзын, и заторопился за ней. В конце концов, увидеть логово Чжао Гао он и сам был не прочь.

Только китайские боги ведают, что именно ожидали увидеть спутники небесной лисы в обители зловещего главного евнуха. Люся же... Люся не представляла себе ничего. В основном потому, что, повидав за свою короткую жизнь уже так много, она давным-давно избавилась от иллюзий насчет злодеев. Они не обязательно прячутся в подземельях, а пытаться и мучить можно с равным успехом и в заплеванном подвале, и в комнате, где стены оклеены веселенькими обоями в цветочек...

Она ничего не ожидала, а потому почти не удивилась.

Осенний Павильон был... невероятно, изысканно красив. Этакий дворец во дворце: за высокими стенами, за крепкими воротами раскинулся изящный сад с прудами, мостиками, беседками и дорожками, вьющимися между цветущих благоуханных кустов. В прудах, конечно же, резвились рыбки; бело-розовая пена вишневого цвета сменяла алые сполохи уже отцветающих слив; птицы щебетали в ветвях... И терем под изогнутой крышей казался утесом посреди радостного, светлого, благоухающего моря весны и жизни.

Вот только... запах. Чуткие ноздри Люси дрогнули, как у настоящей лисицы, она моргнула, зажмурилась, изгоняя прочь это очарование очей, а когда вновь открыла глаза, Осенний Павильон уже не казался ей осколком Рая, невесть как попавшим на грешную землю.

В этих райских куцах отчетливо тянуло мертвечиной. Этот едва заметный, но упрямый запах не могли заглушить цветущие вишни, не развеивал весенний ветерок, не маскировала буйная зелень. Люся слишком хорошо знала, что означает этот легкий сладковатый привкус в воздухе. К горлу подкатил комок, во рту загорчило, и, почувствовав вкус желчи на языке, Людмила поняла, что ее сейчас попросту стошнит.

Она сдержалась лишь потому, что случайно встретилась взглядом с юным Циньваном. Глаза маленького императора блестели, как две наполненные тушью чернильницы, огромные, почти круглые на посеревшем, словно запыленном лице.

Девушка сглотнула мерзкий, застрявший в горле комок и отвернулась. «Он тоже это знает, - поняла она. - Знает, что мы найдем».

И они нашли.

Только вот что именно нашли – поняли не сразу. Потому что похоже оно было на что угодно, но только не на человека. Люся даже огляделась в недоумении, не сразу сообразив, откуда в уединенном уютном дворике, где мелодично журчал фонтанчик и сливы роняли лепестки наземь, взялся тюк с изгвазданным в каком-то дерьме бельем. Но неведение было недолгим.

- Офицер Лян, - констатировала она, подходя поближе к тому, кто больше всего был похож сейчас на умирающую нищенку. - Вот и ты. Похоже, тебя настигла справедливость, а?

Цзы Ин, тенью следовавший за хулидзын, вздрогнул. Лишь у юноши-императора хватило смелости приблизиться к заживо разлагающемуся, смердящему евнуху, прочие спутники Люси, отважные воины и почтительные слуги, замерли поодаль, будто внезапно окаменели. Прикрывать лица рукавами они не смели, но дышать старались ртом.

- Кх... - просипел умирающий. - Небесная лисица... Я знал, что вы придете за мной.

- Я пришла за амулетом, который ты украл, – Люся присела на корточки рядом с Лян Шао и, достав кинжал, откинула с его ног полу пропитанной сукровицей, гноем и мочой

одежды. Раздутая и почерневшая плоть привлекала насекомых, которые роились над несчастным, и девушка махнула рукавом, отгоняя мух. – Воровство и подлость не пошли тебе впрок, а? Почему ты здесь, почему один? Мог ведь сбежать...

- Не мог, – речь давалась бывшему офицеру с трудом, он то хрипел, то шептал, то кривился, и почему-то эти мучения сердце Люси совершенно не грели. - Не мог... Как пес, приполз подыхать к порогу хозяина... Все разбежались, все, кто смог, но вино, что поднес нам господин, пил не только я...

- Он отравил тебя, что ли?

Вопрос был риторическим, но из-за плеча небесной лисы тихо молвил император:

- Главный внух весьма сведущ в зельях и снадобьях...

- Сведущ! – Лян Шао закашлялся и сплюнул черным сгустком. - Он сведущ да... От его снадобий можно умирать месяц, а можно – и год... Госпожа! – бывший офицер вдруг выпростал руку и попытался ухватить Люсю за подол. – Госпожа... пожалуйста... убейте меня. Вы же с Небес...

- Ты смеешь надеяться, что небесная госпожа станет мारать о тебя руки, насекомое?! – возмутился кто-то из Люсиной свиты. – Ничтожество, ты...

- Молчать! – не оборачиваясь, оборвала эти сетования Людмила. А умирающего спросила: - Мой амулет у Чжао Гао?

- Да... Вы не найдете его здесь. Чжао Гао, он сам – демон, он меняет облик, он...

- Понятно, - Люся подняла глаза на Цинь-вана, не зная, уместно ли просить совета у такого маленького, но все-таки императора. Но Цзы Ин понял ее без слов.

- Если бы офицер Лян привез вас во дворец, небесная госпожа, вы наверняка уже были бы мертвы, – сказал Цинь-ван просто. - Ни мой покойный дядя, ни я, ни Пэй-гун... никто не смог бы вызволить вас из рук главного внуха. Император даже не узнал бы о вашем существовании. Воистину воля Небес вела офицера Ляна, когда он...

- Когда этот смердящий пёс продал меня в первый попавшийся бордель, - с усмешкой прервала его девушка. – Но пути небесные, они такие – неисповедимые... А вы, Цинь-ван, хотите, чтобы я прекратила мучения этого человека?

Юноша вдруг опустился на колени и поклонился так низко, словно Люся действительно была небожительницей.

- Прошу вас, небесная госпожа, сделайте это. Или... или позвольте мне самому...

- Нет, - Люся взвесила в руке кинжал, оглянулась на спутников. Не сговариваясь, те отшатнулись разом, дружно, словно боялись, что хулидзын прикажет кому-то из них приблизиться и лишит жизни проклятого прислужника ненавистного и жуткого Чжао Гао. Она усмехнулась. Страх этот был так понятен, так знаком... Каждый боится замараться, каждого пугает мысль о том, что болезнь или проклятие с убитого перейдут на убийцу. - Нет, - повторила она. - Я сама.

- Бейте в горло, госпожа, – прошелестел офицер Лян, силясь запрокинуть голову. Из уголков воспаленных глаз мутно и медленно потекли слезы. - В горло... пожалуйста...

- Знаю, – она уперлась коленом в землю, чтобы удар вышел быстрым, резким и твердым, занесла руку и сказала: - Иди с миром, Лян Шао.

Чуский кинжал взлетел, сверкнул и опустился, хриплое дыхание офицера Ляна оборвалось, и сквозь шум стучащей в висках крови Люся не сразу расслышала благодарный всхлип. Цзы Ин плакал тихонько и стыдливо, как привыкший к наказаниям ребенок, а цветущие деревья все роняли и роняли на них сверху лепестки...

- Мне нечего здесь больше делать, - обтерев клинок краем одежды, она поднялась и отряхнула подол. – Пойдемте, Цинь-ван. Это плохое место. Ни вам, ни мне тут оставаться не стоит.

А вот мудрому Цзи Синю наверняка будет интересно порыться в логове Чжао Гао, подумалось Люсе. И пусть себе копошится. Секреты главного евнуха, его записки, книги, делишки... Даже если бы пришелица из будущего и сумела понять хоть половину из них, ничего, кроме тошноты и кошмаров, ей это знание все равно не принесло бы.

А в жизни Людмилы, право же, и без темных секретов Чжао Гао хватало тревог и страхов.

Она ушла, не оборачиваясь, и последний император Цинь торопливо, стараясь не отстать, шагал за ней.

С Лю они встретились на площади перед... как бы это правильно назвать? Главным дворцом? Тронным залом? Короче, перед центральным зданием, вознесенным на каменном подиуме так высоко, что к его золоченым дверям вела длинная, в пару сотен ступенек, лестница. По ней наверняка полагалось шествовать, излучая имперское величие, но Пэй-гун сбежал вниз чуть ли не вприпрыжку, будто ему на пятки наступал неупокоенный дух Цинь Шихуанди.

Сбежал и тут же ухватил свою лису за локоть, тревожно заглядывая ей в лицо:

- Ты устала? Ты голодна?

Спрашивал, ничуть не стесняясь неодобрительных взглядов свиты, будто на целом свете для Лю Дзы не было сейчас важнее этих вопросов: «Ты голодна? Ты устала?»

Люся и впрямь проголодалась, да и вымоталась изрядно. Ее натруженная нога снова разболелась, и почему-то неприятно тянуло мышцы спины, так что каждый шаг отдавался неяркой, но назойливой болью. Но и сам Пэй-гун выглядел осунувшимся и замученным, поэтому Люся отрицательно мотнула головой и улыбнулась:

- Ничего! А что ты? - она огляделась. — Наслаждался величием? Погонял циньских чиновников? Как тебя приняли здесь?

- Приняли... - Лю оскалил зубы в дерзкой усмешке: - О, неплохо так приняли! Лебезили. Пресмыкались. Соблазняли. Ничего нового, ничего интересного. Пойдем отсюда, моя Люси. Оставим здешних змей копошиться в их родном змеятнике.

- Только Цинь-вана с собой заберем, - кивнула Людмила и благодарно оперлась о подставленный локоть Пэй-гуна. - Лю... если честно, я с ног валюсь. Где наши кони? И где мы остановимся?

Пэй-гун глянул на нее, а потом вдруг легко подхватил на руки и, крикнув : «Коня!», понес прочь от дворца, к воротам. Свита осталась осуждающе пыхтеть где-то за спиной.

- Ты же вроде устал?

Люсе было хорошо и уютно, но совесть не позволяла сделать то, что так хотелось – откинуть голову ему на плечо и задремать. Лю только бровью повел в ответ:

- Устал, но не настолько, чтобы оставаться здесь дольше необходимого... А! Ты о другом? Нет, носить тебя совсем не тяжело, моя небесная госпожа. Всего-то сотня шагов... а вот и Верный!

Усадив ее на коня, Лю устроился сзади, и девушка уже привычно прислонилась к нему, слушая, как спокойно и размеренно бьется сердце под буйволиной кожей доспехов.

- Наш лагерь будет в Башане, - он – тоже привычно – придерживал ее одной рукой,

другой подхватив повод. - Это недалеко, но ты, наверное, успеешь вздремнуть, пока мы едем.

- А Цинь-ван? – Люся встрепелась и завертела головой в поисках мальчика-императора. - Нельзя его бросать!

- Не беспокойся, мальчишку доставят со всем возможным уважением и комфортом. Ты так печешься о циньском пацане...

- А ты ревнуешь, что ли, Пэй-гун?

Лю хрюкнул, давясь смешком.

- Я люблюсь, глупая небесная женщина! Когда смотрю на тебя и Люй Ши... или на тебя и Цзы Ина... люблюсь и думаю о том, какой матерью ты станешь.

Люся замерла. Эти моменты пронзительной откровенности, когда Лю будто бы в шутку, но на деле – убийственно серьезно проговаривался о своих планах насчет нее, небесной лисы... Не то чтобы это смущало, нет, скорее – заставляло напрягаться. Разочаровывать Пэй-гуна, грубо разбивая его нефритовые мечты напоминанием о том, что она, в общем-то, не собирается задерживаться «на земле», с ним – это было жестоко. И опасно. Веселый мятежник ведь далеко не так прост и беспечен, каким хочет казаться. Совсем не так прост и уж точно не прямодушен...

- Ты изрядно забегаешь вперед, Лю, – только и сказала она, помолчав. И Пэй-гун тут же сменил тему.

- Я так понял, что рыбку свою ты не нашла?

- Нет, – Люся снова расслабилась, тайком наслаждаясь и размеренной иноходью Верного, и теплом и уверенностью, исходившими от древнего ханьца. – Рыбку – нет. Зато во дворце отыскался, представь себе, офицер Лян! То есть, уже не офицер. Чжао Гао сделал его евнухом, а потом – отравил, что ли, а может, заразил чем-то...

- Да?

Девушка не только спиной и затылком, а всем телом ощутила, как насторожился Пэй-гун.

- Отравил или заразил?

- Уже не важно, - ответила она и успокаивающе коснулась бронзового наруча. – Офицера Ляна я прикончила. Но он сказал мне перед тем, как умереть, что...

- Что? - негромко, но жестко перебил ее Лю Дзы. - Что ты сделала?

- Прикончила с ним, - повторила Люся и добавила, чтобы он уж точно понял. - Ну, порешила. Прервала его земное существование. Глотку перерезала, если хочешь подробностей. А что?

- Ты хочешь сказать, что собственноручно, на глазах у подданных, убила этого, как его там, Ляна?

- У подданных? - Люся даже попыталась развернуться, чтобы поглядеть на него и понять, отчего это у Пэй-гуна голос стал таким странным. – Они не мои подданные, Лю Дзы. Это во-первых. Во-вторых: подданные эти в тот момент скулили в страхе перед проклятием, уткнувшись лбы в подола, как базарные бабки в грозу. А в-третьих... Ты же не думаешь, что это был первый человек, кому я помогла расстаться с жизнью?

Здесь Люси все-таки чуть-чуть лукавила. Всякое бывало за время скитаний сестер по охваченной войной стране, случалось и стрелять, случалось и с поезда сталкивать, но чтоб вот так, глядя в глаза, чиркнуть ножом по горлу – такого Люсе ещё делать не приходилось. Однако все бывает в первый раз. А, как говорится, «в Риме поступай как римлянин». Назвалась лисой в древнем Китае – изволь таявкать по-лисий.

Лицо Лю Дзы стало каким-то совершенно непроницаемым, тон не изменился ни на йоту, но Верный вдруг нервно всхрипнул, почуяв настроение всадника. И Люся почувствовала, что и сама начинает злиться, причем по-взрослому, всерьез.

- Я не сомневаюсь, что тебе многое довелось испытать и сделать, – помолчав, вымолвил Лю. - Там, откуда ты пришла. Но здесь, на земле, среди людей... Когда тебе в следующий раз понадобится казнить злодея, просто прикажи одному из тех бездельников, что таскаются за тобой. Должны же они хоть как-то отработать свою миску похлебки.

Девушка наклонила голову, глядя на него исподлобья. Губы ей почти помимо воли кривила нехорошая усмешка. Кита-айцы! Главное – «не потерять лицо», так ведь?

- Ну-ну, - кивнула она, поощряя на дальнейшие наставления.

Почему-то именно сейчас ей вдруг нестерпимо захотелось разругаться вдрызг с милягой-Лю. Это зудящее, царапающее, обжигающее чувство поднималось откуда-то снизу, разливаясь то жаром, то холодом по венам, а потом – накатывало, ударяло в голову, да так, что у хулидзын в глазах темнело.

«Да что со мной? – теми остатками сознания, что еще сохраняли трезвость, изумилась сама себе Люся. - Я ж прям как маманя сейчас! И плоски никакой под рукой, чтоб ее об пол кокнуть!»

Батюшка, помнится, умел чутать какой-то исконно мужской чуйкой, когда на Люсину маменьку «находило», и заблаговременно удалялся. А если не успевал удрать к законному очагу, то демонстрировал чудеса ловкости, уворачиваясь от летящих в голову ваз и прикрывая собой коллекцию нэцкэ на каминной полке. Называлось это действие – «эльшкандаль».

Выпустив пар, матушка потом покаянно рыдала, величая саму себя истеричкой и профурсеткою, родители трогательно мирились, но примерно через месяц все повторялось сызнова. Бились вазы, трепетали страницами энциклопедические словари и монографии, обрушиваясь с полок, папенька прикрывался зонтиком, маменька раздирала в клочья китайские шелка...

«С чего вдруг меня-то накрыло?» - успела удивиться Люся, а потом... Потом ее и впрямь «накрыло».

- Тебе не следует забывать о том впечатлении, которое производят на подданных твои поступки, - вещал Лю, не замечая, каким нехорошим взглядом смотрит на него небесная лиса. – И так вся Поднебесная смакует байки о поедании печени и прочего ливера, так к чему давать им повод трещать о том, что ты направо и налево режешь добрых и беззащитных горожан?

- Значит, – вкрадчиво уточнила Люся, – резать, в принципе, можно, главное, чтобы все обставлено было правильно? Да?

- Ну... - у Пэй-гуна, видать, тоже прорезалось это самое мужское чутье, и он насторожился. – В общих чертах – верно, да... Этого офицера Ляна можно же было удавить тихонько, без свидетелей, или хотя бы велеть охране с ним разобраться... Э! Почему ты так странно смотришь?

Хулидзын в ответ оскалилась так, что даже самый наивный и древний ханец не перепутал бы это сверканье зубов с улыбкой. Лю непроизвольно напрягся. Он уже практически понял, почти догадался, но... Поздно! Люсю уже понесло по кочкам, как телегу со склона.

- Значит, - негромко молвила она, – и убивать можно, и даже нужно, только чужими

руками, да? А свои ручонки замарать – ни-ни?

- Я вовсе не...

- Знаешь, что, Пэй-гун? А засунь-ка свое азиатское лицемерие в свою тощую дремучую задницу! А ещё лучше – иди поучай этих ваших узкоглазых девок! Вон, их в этом дворце целая свора собралась, и каждая готова развесить уши перед повелителем! А меня от своих двуличных стратагем – уволь!

- Да я не...

- Нет, ты дослушай! – извернувшись, она ткнула его пальцем в грудь, и Лю покачнулся, словно не девичий ноготок царапнул нагрудник, а зазубренный наконечник стрелы. - Убивать чужим ножом, грабить во время пожара – я уже хорошо заучила эти ваши хитрости. Но вот что я скажу : когда мне нужно кого-то убить, я делаю это сама. Своими руками. Глядя в глаза! А не исподтишка, не в спину, не бабьими наговорами и мягкими лапками евнухов! И я всегда, слышишь, всегда буду так делать! Это – по-честному! Так поступают мужчины и воины! И мне плевать, кому из вас, желтомордые дикари, это придется не по нраву!

- Почему мне кажется, будто я везу в седле Сян Юна? – Пэй-гун, слегка ошалевший от этой речи, попытался отшутиться, но летящую под откос колесницу так просто не остановишь.

- Потому что чуский князь, хоть и лютый зверюга, как и все вы, но, по крайней мере, честный! И не прячет намерение убить за умствованиями и интригами, а...

- Ага! – Лю поддал пятками по бокам Верному, жеребец фыркнул, Люся осеклась, и у него получилось вклиниться в ее словесный поток : - Вот, значит, как. Сян Юн у нас честный и благородный, а я, само собой, хитрый черноголовый крестьянин. Ну да, ну да, я ж не спорю. Но звучит всё так, будто ты окончательно решила здесь не оставаться. Нет?

- А ты, – выдохнув, уже почти спокойно ответила вопросом на вопрос Люся, - всерьез думал, что я захочу остаться? Тут? Среди... - она повела рукавом, словно призывая его оглядеться по сторонам : - Среди всего вот этого?

- Здесь, - негромко, но четко проговорил Пэй-гун. – Со мной. Ты оставаться не желаешь. Я понял. Скажи теперь, было ли у тебя хоть одно желание, которого бы я не исполнил?

- Ну...

Люся, фигурально выражаясь, насторожила уши. Что-то пошло не так. Нельзя же, в конце концов, просто так взять и поругаться с Лю Дзы, не ожидая, что хитрож...умный ханец не перехватит инициативу?

- Было или нет? - пользуясь ее замешательством, он развивал успех. - Ведь не было. Я все делал так, как ты захочешь. Захотела идти во главе войска, верхом и в мужской одежде? – Пожалуйста! Желала участвовать в военных советах? - Как будет угодно небесной госпоже! Пощадить преступников, окружить себя толпой мужиков, которые евнухами даже не прикидываются? - Если небесная госпожа так хочет, почему нет! Так чего ты еще возжелаешь, моя Лю Си? Может, все-таки мою печень на завтрак? Тебе обжарить или так сожрешь?

Последние слова он уже почти шептал, и лицо у него было такое, что... Что Люся уже почти раскаялась, приготовилась повиниться, пустить покаянную слезу и долго-долго просить прощения... Почти. Потому что кроме сжавшегося в виноватый комок сердца у Людмилы Смирновой имелись еще и мозги.

- О да, - так же тихо ответила она. - Ты отлично постарался, Лю Дзы. Тебе почти

удалось привязать меня. Узами дружбы, узами... - девушка едва не упустила момент, когда с губ уже готово было сорваться предательское «узами любви», но вовремя спохватилась. - Узами благодарности и долга. Узами родства. Это ведь на самом деле твоя была идея, да? Чтобы старый Люй Лу меня удочерил? И тогда я стала бы его дочерью, а значит – оказалась бы в его – и в твоей! – власти!

- Ты как-то упустила тот факт, – мягко напомнил Лю, – что ты, вообще-то, и так...

- И так – что?

- И так в моей власти. Впрочем, приятно слышать! Значит, я действительно так хорошо старался, что ты убедилась в том, какой я... безопасный.

- Не советую, - прошипела хулидзын, - тебе менять сейчас тактику.

- Да зачем же? - Пэй-гун пожал плечами. – Ведь работает! Но насчет старого Люй Лу с его «удочерением» ты почти правильно догадалась. Умница. Идея была не моя, но додумывали мы ее вместе. Отличный стратег этот старик-Люй! Такого союзника еще поискать...

- Достаточно! – Люся подняла ладонь. – Довольно с меня твоих стратагем, Лю Дзы! Не знала я, что мы с тобой, оказывается, воюем!

Лю чуть склонил голову набок, усмехнулся, но голос его был убийственно серьезен, когда Пэй-гун ответил:

- Воюем. Потому что любить тебя – все равно, что биться с целым войском демонов, моя небесная госпожа. А война – это путь обмана. Как и любовь.

Сказал и одним движением прижал ее крепче, не давая соскользнуть со спины Верного, и Люся не нашлась с ответом.

Они молчали весь оставшийся путь от Санъяна до местечка Башан, где разбила лагерь армия Лю. Да и потом, уже в лагере... они продолжали молчать.

Таня

От злосчастного Хунмэня до Санъяна было рукой подать. Так сказала барышня Фэн и добавила, что хорошему всаднику хватит дня, что бы туда-сюда обернуться. Оттого, видать, и ожила маленькая глиняная рыбка: стала теплой на ощупь и несколько раз ощутимо шевелила плавничками. Когда это случилось, Таня всю ночь заснуть не могла. Ворочалась с боку на бок, прикидывая и так и эдак, как бы теперь отыскать вторую часть божественной печати. Ведь она рядом, где-то в Санъяне. Дело за малым – найти её. Мысли в голову лезли разные, но ни одной толковой и по-настоящему полезной. Разве только... Татьяну кинуло в жар, а потом сразу в холод, она вскинулась на постели и обхватила голову руками.

«Что, если Люся уже сумела заполучить светлую рыбку?! - мысленно воскликнула девушка. - Это же возможно! Воины Лю Дзы захватили Санъян, затем, наверняка, обыскали императорский дворец. Или же по наущению Люсеньки схватили того самого офицера Шао. А почему бы и нет?» Разбушевавшаяся фантазия подбрасывала ей вдохновляющие картины одна другой ярче.

Поэтому, когда явился Сян Юн с букетом и предложением отписать сестрице-хулидзын, Таня на радостях и цветы взяла, и упираться особо не стала.

- Конечно, я напишу письмо моей Лю Си, - прошептала она, безуспешно пытаясь скопировать интонации Лу Вэй.

Та, к слову, деликатно пряталась в дальнем углу шатра за бумажной ширмой и

тренькала на цине, всецело поглощенная музицированием.

- Я счастлив буду принять вашу сестру в качестве гостыи, что бы порадовать вас, Тьян Нью, столь долгожданной встречей, – предельно чопорно молвил главнокомандующий и как бы невзначай спросил. - Кого бы вы хотели сделать посланником в стан Пэй-гуна?

- Гу Цзе, конечно, – не долго думая, заявила Таня. - Он очень исполнительный.

- Превосходно, - сказал Сян Юн, поклонился и быстро вышел.

«Даже не спросил, понравились ли мне цветы», - немного обиделась девушка. Обычно le général устраивал целый допрос, шуточный, разумеется, относительно каждого добытого им растения. Это было так забавно и мило.

Она выбрала из охапки большой тюльпан, поставила его в кувшинчик и, пока старательно выводила на бамбуковых дощечках русские буквы, поглядывала на цветок.

«Люся, со мной все хорошо. Рыбка у меня. Запомни, твой Пэй-гун ни в коем случае не должен приезжать в лагерь Сян Юна. Он хочет твоего Лю убить. Вспомни про Хунмэньский пир. Оставьте город Сян Юну, а там поглядим, что будет» - написала она. Особо вдаваться в подробности не имело смысла. Места на дощечках мало, а сказать друг другу надо многое. Просто им с Люсей позарез необходимо встретиться наедине. Вот только где?

В этот момент Лу Вэй взяла особо пронзительный аккорд, похожий на оскорбленный вопль кота, которому наступили на хвост.

- Сестрица Лу, наверное, знает какое-нибудь красивое место на полпути между Хунмэнем и Башаном? – спросила Таня напрямик.

- Конечно, знает, – не сказала – пропела красавица. – Сестрица Лу готова услужить Небесной госпоже. Та желает прогуляться в компании с благородным князем? Или, - барышня кивнула на тюльпан. – Госпожа хочет собирать цветы?

Каждый раз, заговаривая с Фэн Лу Вэй на любую, даже самую невинную тему, Таня в конце концов смущалась самой себя. Татьяна, даром что белокожа и светловолоса, а все равно слишком резкая в движениях, вся какая-то неуклюжая, говорит чересчур громко. Нет, ей никогда не сравниться с древней аристократкой. И откуда только в этом варварском, в общем-то, времени, с нравами простыми и жестокими, взялось столь грациозное и изысканное чудо?

- Я бы хотела прогуляться. Одна.

- О, - Лу Вэй лукаво округлила подведенные тенями глаза. - Сестрица Лу так хорошо понимает Небесную Госпожу. Есть такое место. Оно называется Байлююань. Маленькая долина у реки. Сестрица Лу проводит.

Тьян Нью взялась за кисточку и воодушевленно дописала: *«Встретимся через пять дней в Байлююань. Надо поговорить. Целую. Твоя Таня».*

У сестры будет время – и чтобы выяснить, где находится эта долина, и чтобы отговорить Лю Дзы от встречи с Сян Юном, и чтобы придумать, как незаметно улизнуть из лагеря на встречу.

- Какие чудные значки. Это небесный язык? – спросила барышня Фэн, рассматривая письмо.

- Он самый, – кивнула Таня.

Её грела мысль о том, что никто в целом мире не сможет сейчас прочесть это послание. Просто потому что нет ещё ни русского языка, ни святых Кирилла и Мефодия, и не скоро появятся. И, словно читая мысли, Лу Вэй задумчиво молвила:

- Это очень удобно. В чьи бы руки не попало письмо, никто не сможет узнать, что в нем написано.

- Я тоже так думаю, – согласилась Таня и дописала ещё одну строчку : - *«P.S. Нужно вывезти все свитки с записями, что найдутся в дворцовой библиотеке. Это очень важно!»*

Что бы не надумал Сян Юн в отношении циньской столицы, а историческая наука не должна пострадать. Впрочем, дочь профессора Орловского собиралась сделать всё от себя зависящее, что бы отговорить чусца от уничтожения Санъяна.

- Гу Цзе отдаст письмо лично в руки госпожи Лю Си, - наставляла она светло-желтого от страха «посла».- И если потребуется, дождетя ответа. Понял?

Вместо ответа парень кивнул, и его пальцы, крепко сжимающие древко флага с начертанными на полотнище иероглифами, побелели. По идее, имя Небесной Девы должно было защитить посла в пути, но Таня все равно трижды перекрестила древнего китайца, язычника, не ведающего о Спасении Души.

- Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, иже везде сый и вся исполняй, сокровище благих и жизни Подателю...

В конце концов, они с Люсей во втором веке до Рождества Христова единственные христианки, их молитвы точно будут услышаны. Пусть ни постов держать, ни праздников отмечать у Тани не получалось, не говоря о том, чтобы вычислить день Пасхи, но разве искренняя вера не самое главное?

- Приди и вселися в нас, и очисти нас от всякой скверны, и спаси, Блаже, души наши, – прошептала девушка, глядя, как трепещет на ветру белый стяг. - Спаси и сохрани тебя Отец наш Небесный, Гу Цзе.

Если бы Таня Орловская могла, то она бы спасла и защитила всех – и простого солдата Гу Цзе, и военачальника Пу, и мятежного Пэй-гуна, и дядюшку Сян Ляна, и девчонок-служанок, и всех добрых людей Поднебесной. И Сян Юна, конечно.

Лю Дзы и Люси

Гонец из лагеря Сян Юна прискакал очень вовремя. То есть, с точки зрения Люси – вовремя, а уж что думал на это счет Лю Дзы, о том она не ведала, да, в общем-то, и ведать особо не хотела. Так уж вышло, что перебранка по дороге из Санъяна в Башан обернулась не просто размолвкой, а чем-то посерьезней.

Они не разговаривали. Совсем. И Люся прежде и подумать не могла, что это окажется так тяжело. Что равнодушное молчание этого вот чужого и древнего, если не сказать – дремучего, современника Ганнибала и Сципиона, будет настолько ее угнетать. Проклятый ханец молчал вдумчиво и со вкусом, он даже в третьем лице о себе не говорил! Но при этом продолжал жить с ней в одном шатре, хотя... Если можно так назвать напряженное сосуществование, когда Лю мрачно приходил только для того, чтобы угрюмо заползти на ложе за ширмой и там непримиримо заснуть, то да – они вместе жили. Впрочем, на взгляд Люси, это была никакая не жизнь.

Сперва она даже расстроилась, но вскоре – разозлилась не на шутку. Игра в молчанку с Пэй-гуном оказалась занятием утомительным, но упрямства дочери профессора Орловского тоже ведь было не занимать. «Посмотрим, кто кого!» - несколько самонадеянно решила она, сама не очень понимая, чего же именно хочет добиться от Лю Дзы.

Хуже всех приходилось бедолаге Люй Ши, вынужденному служить таким

проводником между Пэй-гуном и его небесной лисой. Несчастный парень аж осунулся весь и кушать почти перестал, что для любого обитателя Поднебесной – верный признак нездоровья. А в армии начали поговаривать, что хулидзын, видать, на что-то разгневалась и теперь командира Лю поедом ест. Или не ест. Или не только его. И вообще, что-то наш славный Пэй-гун аппетит потерял и лицом побледнел – не иначе, совсем его ци истощилась, а ян – того, иссох.

В общем, прибытие гонца из войска Чу если не спасло ситуацию, то, по крайней мере, внесло в пасмурное сосуществование Лю и Люси живительное разнообразие. У них хотя бы появился формальный повод, чтобы заговорить.

- Вот, теперь перед тобою небесная госпожа Лю Си, - молвил Пэй-гун, жестом приглашая в шатер посланника – коренастого круглоголового солдата в чуских доспехах и с белой повязкой на рукаве. – Можешь приветствовать ее и передать письмо.

И требовательно протянул руку, дескать, давай сюда послание-то, гонец.

Люся, скучавшая над развернутым свитком, в котором она понимала один иероглиф из тридцати, и то в лучшем случае, не успела даже брови вздернуть от неожиданности. Гонец? От Сян Юна? Стало быть, от Танечки!

Солдат, тарачивший на нее глазищи, вдруг замотал головой, как бык, у которого слепень кружит перед глазами.

- Эта... Пусть Пэй-гун, того, извинит Гу Цзе. Гу Цзе госпожа Тьян Ню строго велела – ихней сестрице в ейные, сталбыть, ручки, письмо передать. Вот.

Лю неторопливо сжал кулак и опустил руку. По лицу ханьца скользнула тень, но понять, гневается он или, напротив, только прикидывается, Люся не смогла. Но на всякий случай нахмурилась и вмешалась:

- Доблестного воина зовут Гу Цзе?

- Ну, дык, - отозвался чусец, подозрительно косясь на Пэй-гуна. Тот повел бровью и усмехнулся. Люся вздохнула:

- Пожалуйста, славный Гу Цзе, передай письмо моей сестры Пэй-гуну, а он отдаст его мне. Верно ведь?

- Дык, - с непередаваемой иронией подтвердил Лю. - А то!

Забавно ему было, видите ли! Веселиться изволил! От возмущенного фырканья девушку удержало только присутствие в шатре постороннего.

- Ну? - высказал сомнение посланник, поглядывая на ханьца с еще большим подозрением.

- Точняк! – подмигнул Лю Дзы. - Зуб даю.

И сцапал с широкой ладони посланца кожаный футляр с письмом.

Люся вздохнула снова, выразительно, душераздирающе.

- Добрый Гу Цзе, верно, устал, проскакав весь путь от лагеря генерала, – правильно истолковал ее намек Лю. – Ступай отдохни, умойся, поешь. Госпожа пошлет за тобой.

- Госпожа пошлет, – подтвердила девушка. – Точно.

У нее руки сводило от нетерпения, но нельзя же, в самом деле, смущать чужого солдата, прямо у него на глазах гоняясь за Пэй-гуном по шатру с воплями: «Отдай письмо, паразит!»

А паразит времени даром не терял: откупорил футляр, достал и развернул бамбуковый свиток и смешно наморщил нос, обнаружив, что в письме – сплошные «небесные» письмена, ни одного нормального иероглифа!

- Отдай, - сухо бросила Люся. - Все равно не поймешь ни черта.

Лю повертел свиток так и этак, а потом лукаво прищурился:

- Отдам, если попросишь.

Но Людмила шутку не поддержала. Она встала, поддернула рукава и одним стремительным и резким движением вырвала у него письмо.

- Скоморох базарный!

- Удивительно, как же много в небесном языке ругательств! – фыркнул Лю, внимательно глядя, как она читает. — Ну? И что же пишет сестренка Тьян Нью? Сян Юн уже придумал, как именно меня прикончит?

- Догадливый какой... - проворчала Люся, не отрываясь от свитка. - К чему ей слать предупреждение, если ты и сам все знаешь?

- Не знаю, что именно брат Сян задумал, - вкрадчивый шепот над ухом заставил девушку вздрогнуть. Оказывается, он подошел вплотную, так близко, словно они и не ссорились, впервые за несколько дней так приблизился... А она и не заметила!

- Может, прочтешь? Мне любопытно.

- Отойди, - приказала хулидзын. - Мы с тобой еще не помирились, и неизвестно, помиримся ли. Не подлизывайся ко мне, Пэй-гун. Тебя это письмо точно не касается.

«Значит, что-то такое сестренка точно написала!» - понял Лю, но настаивать дальше не стал, отступил на пару шагов. И невольно засмотрелся на то, как его лиса читает, как щурит светлые глаза и хмурит брови, как отбрасывает со лба выбившуюся из-под повязки прядь, как беззвучно шевелит губами...

- ... вывезти из дворца все книги. Лю! Ты слышал?

Пэй-гун потрянул головой, возвращаясь к реальности из мира грез, где эти мягкие розовые губы покорно раскрывались навстречу его губам.

- Что?

- Прикажи забрать из библиотеки дворца Эпан все книги, – повторила она. - Поверь, так надо.

- Яшмовый Владыка приказал? - выгнул бровь Лю Дзы.

- Я так хочу, – отрезала Людмила. – Этого не довольно?

- Повинуюсь, о моя госпожа! – Лю изобразил издевательски-почтительный поклон и добавил тише. – Я всегда повинуюсь, ты еще не заметила? Зачем вывозить книги? Сян Юн собирается наступать на столицу и сжечь дворец? Об этом пишет твоя сестра?

- Я... - Люся осеклась. Сказать ему сейчас – значит, вмешаться в историю. Разрушение Санъяна, Хунмэньский пир и то, что случится потом – она вспомнила, прямо сейчас вспомнила то, о чем когда-то рассказывал отец. Страшные и странные сказки обернулись реальностью – прямо здесь и сейчас. И несчастный император, точнее, судьба, которая его ждет...

- Когда генерал позовет тебя на пир, не ездь, - решила она. - И книги вывези. Самому же потом пригодится циньское наследство!

- Говоришь, он собирается убить меня на пиру?

«Вмешательство в историю, - напомнила себе Люся. - А черт его знает, может, это самое вмешательство тоже предопределено? И посоветоваться не с кем!»

- Просто не ездь, – попыталась увильнуть она. - Ради твоих китайских богов, Лю Дзы, сделай, как я говорю!

Лю отступил на шаг и нахмурился.

- Хорошо. Цзи Синь займется библиотекой – вот уж кому по душе такое дело! Хоть я и клялся, что не возьму себе ничего, что захватил в Санъяне... А ты – расскажешь мне все, что знаешь.

- Нельзя.

- Даже если нельзя.

Люся в ответ яростно замотала головой.

- Нет! Да я и не помню почти ничего! Вдруг скажу, а станет только хуже? Прекрати, Лю, не пытайся! Я уже и так сказала больше, чем могла.

Она увернулась от протянутой руки и откинула полог шатра.

- Куда?

- Я хочу навестить Цинь-вана. Убедиться, что с ним все хорошо. Бедный ребенок так напуган...

- С бедным ребенком за последние три часа, что ты его не видела, не случилось ничего нового, - проворчал Пэй-гун. – Ты так беспокоишься, будто я уже занес меч над его цыплячьей шейкой!

- Очень смешно! – возмутилась Людмила. – Он был императором! Конечно, он боится, что его убьют! Не ты, так кто-нибудь другой, тот, кто сочтет его угрозой своей власти...

- Этот мальчишка слишком много о себе думает, - Лю хмыкнул и отмахнулся от ее тревоги, как от мошки. - Империи больше нет, династия в любом случае сменится, и кому тогда нужен циньский щенок? О, не смотри так! Иди, иди к своему питомцу, невозможная женщина!

Люся фыркнула и вышла из палатки. Это кто это из них ещё «невозможный»? Уж не командир ли Лю собственной персоной?

Но в одном Пэй-гун был прав: он и впрямь делал все так, как она хотела. Спасал поваров и императоров, сохранял библиотеки...

«Нет, – тряхнула головой Люся. - Не размякай! Не раскисай! Если... когда мы с Танюшей добудем рыбок, все равно этого лукавого китайца придется выкорчевать из сердца... Так зачем же рубить коту хвост по частям?»

Гонец от Танечки, доблестный Гу Цзе, как раз дожевывал лепешку и допивал чай у ближнего костра. Завидев хулидзын, чусец активной задвигал челюстями.

- Не спеши, добрый Гу Цзе, я ещё не успела написать ответ, – помахала рукавом Люся, а потом вдруг спросила: - Скажи мне, воин, известна ли тебе дорога в Байлююань?

Сян Юн

Пожалуй, Тьян Ню следовало испытать себя в охоте на тигров, настолько умело она выбрала время и место для внезапного нападения. А что? У неё бы получилось. Раз хватило смекалки обхитрить Мин Хе и смелости вкупе с решимостью, чтобы застать главнокомандующего войск чжухоу врасплох, то и посмотреть в желтые глаза полосатому князю лесов хватит мужества. Что-то в этом духе сказал Сян Юн своей небесной нареченной, когда она застигла его принимающим ванну – обнаженным и беззащитным. Мыться, как бывало прежде, вместе с солдатами возле лошадиной поилки будущему верховному вану было уже не по чину, вот и расположился чуский полководец в отдельной бадье, точно женщина, только без масла и розовых лепестков. Волосы даже уже отмыл, и тут - на тебе! Атака с фланга.

- На Небесах поговорка есть такая: на ловца и зверь бежит, - задиристо сообщила девушка. – Вы так тщательно прятались от меня, mon general, что пришлось нарушить все мыслимые правила приличия. И пожертвовать стыдливостью.

Сян Юн нарочно прикрыл глаза ладонью, чтобы не видеть голубоватой жилки, пульсировавшей под кожей на шее собеседницы, чтобы его жадный взгляд не устремился выше, к округлому маленькому подбородку, а затем к нижней губе – розовой и нежной.

Нет уж, лучше смотреть на цветок, который Тьян Ню вертит в руке. Один только Яшмовый Владыка знает, как эта трава называется, но сейчас именно невинное растение приняло на себя весь гнев Небесной Девы. Девушку аж трясло от злости.

- К чему же такие страшные жертвы? Чего вы от меня хотите? - выдавил из себя чусец.

Он ожидал всего чего угодно. В голову хранительницы садов с персиками бессмертия могла прийти любая мысль. Но такое? О, нет!

- Вы не должны убивать Лю Дзы, – припечатала небесная дева. - Я же знаю, что вы дали Гу Цзе письмо для Пэй-гуна. Не отпирайтесь!

Где-то за ширмами сдавленно взвизгнул от ужаса проштрафившийся Мин Хе. Сказано ему было – стереги господина от посторонних глаз, особенно от девичьих, а он подвел.

- Да я и не собираюсь, - проворчал Сян Юн. - Может быть, все-таки позвольте мне выбраться из воды?

- Нет. Сначала вы выслушаете меня, главнокомандующий Сян.

Она демонстративно придвинула низенькую скамеечку и села так, что бы лица их оказались напротив друг друга.

- Итак, вы написали Пэй-гуну и пригласили его на пиршество, так?

Вообще-то, кормить поганца Сян Юн как раз не собирался. Только мясо и рис переводить на прохвоста. Но, если поразмыслить, то идея здравая. Чего только не случается на пиру! Люди и во время и после мрут, как мухи.

- Что–то вроде того, - согласился князь.

- Там вы хотите его убить, верно?

Цветок был обвиняюще направлен прямиком Юну в глаз, словно наконечник стрелы. Цветок с нежно-розовыми лепестками, похожими на губы Тьян Ню. Главнокомандующий зачарованно уставился на него.

- Он решил, что может меня обмануть . Выдавил из Куай-вана этот поганый приказ. Он хочет править Поднебесной, как император, - перечислил он прегрешения коварного Лю Дзы. – Я этого не допущу. Саньян по праву мой, и всё что в нем – тоже моё.

Язык говорил сам, без всякого участия рассудка, пока Сян Юн, словно безумный звездочет, считал девичьи ресницы: длинные и блестящие, изогнутые, как дуги луков.

- И за это надо убивать вашего побратима? – всплеснула руками девушка. – Вы же назвались его старшим братом! Разве старший брат убивает младшего?

- Ха! Еще как убивает. Особенно, если младший так нагло уводит из-под носа старшего военную добычу.

- Но сказано же вам, что Лю Дзы не тронул дворцовые сокровища. Он берег их для вас!

Щеки у разгоряченной от возмущения Тьян Ню пылали, точно пионы.

Какой изумительный цвет, подумалось Сян Юну, а интересно, в других местах её кожа такая же тонкая и розовеющая от малейшего душевного покоя?

Чуский полководец изо всех сил впился пальцами в край бадьи. Ему срочно

требовалось удержаться на месте.

- Ага! Сейчас! Не нужно меня смешить, мне совсем не весело. Только существо с Небес может верить в эти байки.

- Можете не верить! - пуще прежнего всплыла небесная дева. - Но я сделаю все, чтобы ваши планы не осуществились. Я не дам вам его убить!

- Это еще почему?

Тьян Нью судорожно по-рыбьи глотнула воздух, то ли пытаюсь справиться с яростью, то ли... придумывая оправдание своему безрассудному замыслу.

- Потому что... потому что это – несправедливо! Этот человек будет жить! Такова воля Яшмового Владыки!

Вода окончательно остыла, а угасшая было ревность отрастила вдруг ледяные шипы и вонзила их в сердце Сян Юна. Тому, чтобы осатанеть, многого и не требовалось.

- Значит так! - по-тигриному взревел он. – Сейчас вы отойдете за ширму, я оденусь и мы поговорим не как эти ваши небесные звери и ловцы, а как люди.

- Я...

- За ширму – я сказал! - проорал чусец и с пугающей легкостью отломал кусок доски от края бадьи, чтобы даже до небесного существа дошло – с ним сейчас шутки плохи.

У Тьян Нью словно пелена с глаз спала. Она ахнула, закрыла лицо ладонками и порскнула к выходу, а не куда сказано – за ширму.

- Мин Хе, держи её, не отпускай! Госпожа хочет поговорить о Пэй-гуне? Да запросто! Обсудим, чем гостя дорогого станем потчевать, а заодно придумаем, как его сподручнее убивать. Всё-всё обсудим! Сейчас-сейчас! - выкрикивал Сян Юн в запале. Ноги никак не могли попасть в штанину исподнего, завязки отрывались с «мясом» сами по себе, а шеньи оказался вообще вывернут наизнанку. Сражение с одеждой убавило пылу, но и только.

- Мин Хе, ты держишь госпожу?

- Держу!

- Превосходно.

Ординарец и вправду держал. Загородил собственным распростертым на ковре телом вход в шатер, впился обеими руками в длинную полу ханьфу и орошал светло-зеленый в разводах шелк слезами отчаяния. А виновница переполоха дрожала всем телом, до конца осознав весь риск своей выходки. И оба были такие несчастные, такие поверженные и сдавшиеся.

- Тьфу на вас, – вздохнул Сян Юн в сердцах.

Гнев покинул его так же внезапно, как нахлынул, оставив после себя, как после пожара, лишь стынущие угли грусти. Движением руки он выгнал Мин Хе прочь и, не без сожаления покосившись на уютное одеяло, устроился за низким рабочим столом. Подпер тяжелую голову рукой и молвил печально.

- Мне грустно, Тьян Нью. Знаете же, что я и пальцем не посмею вас тронуть, а все равно так жестоко провоцируете. Я очень несдержанный человек, я зачастую не властен над самим собой. Я не смею даже поцеловать вас, хотя, поверьте, мне этого хочется больше, чем жить и дышать. У вас нет совести, небесная госпожа, вот что я скажу. Да садитесь уже, не стойте!

Та послушалась, но, как видно, не сдалась.

- Вы теперь не убьете Лю Дзы? – спросила девушка с надеждой. - Пообещайте мне, mon général.

И так трогательно прижала к груди сложенные лодочкой ладони. Вот как было на неё злиться? Никак.

- Не могу этого пообещать, – честно признался Сян Юн.

- Но почему?

- Ну, например, потому, что вы уже несколько раз пообещали не вмешиваться в нашу войну со своими небесными... стратагемами и не сдержали слова. Разве нет?

Собеседница вызывающе вскинула голову.

- Тогда я сделаю так, что бы он не приехал в Хунмэнь.

- Сделайте, - пожал плечами чуский полководец. - Получится – ваша взяла. Но больше не пытайтесь застать меня врасплох. Это нечестно. И до тех пор, пока я не войду в Санъян, не попадайтесь мне на глаза. Так будет лучше для всех.

- Это еще почему?

Он низко склонил голову, закрыв лицо влажными спутанными волосами, и глядел из-за их завесы, точно тигр из тростниковых зарослей – диковато и тревожно.

- Моим глазам и сердцу будет больно.

А Тьян Ню вдруг лукаво улыбнулась:

- А как же «без неё пред очами мне хватит дня неизбывной тоскою сойти с ума»? Песня солгала?

- А нестрашно, я и так уже спятил от любви. А вы? Вы ведь любите меня? - спросил, он почти задыхаясь.

Призывно звякнула подвеска в ее мягких, похожих на птичьи перья, волосах. Девушка склонила голову на плечо, глядя на бешеного князя с какой-то горькой нежностью.

- А вы как думаете, mon general?

В этих словах уже содержался весь ответ. И это было нестерпимо, как ожог горячей головней. Эта невозможная женщина снова играла с огнем.

- Так! - рыкнул Сян Юн. - Немедленно отдайте цветок и уходите!

И уже потом, когда остатки благоразумия увели небесную деву прочь из его шатра, прижал к пересохшим губам измочаленные лепестки. Вот она, польза от букетов!

Сыма Синь

Она сама к нему пришла... Хотя, конечно, нет. Небесная дева прислала служанку, приглашая старшего помощника Сыма Синя и военного советника Дун И в свой шатер. Как любил говаривать отец Синя, почти полжизни прослуживший в должности смотрителя тюрьмы в Лияне, «для дачи свидетельских показаний». Все честь по чести, никакого предосудительного уединения, как и пристало среди благородных дам и мужей: одна служаночка деликатно подливает чай, вторая обмахивает гостей бамбуковым веером, пока госпожа записывает байки бывших циньских военачальников. Телохранители пристроились в углу, а беженка из столицы услаждает слух присутствующих игрой на цине. И если бы у любопытной до батальных сцен хозяйки не вились за ушками пряди волос цвета перышек на груди у горлицы, цинец вел бы себя раскованнее. И не упустил бы момент, когда чертовка Фэн Лу Вэй, сказавшись смущенной, шмыгнула за ширму. А ведь Синь планировал её рассмотреть тщательнее. Он именно за этим и пришел... Хотя, конечно, нет. Не пришел, а прибежал, как верный пес, по первому зову. Ведь кто он ей, хранительнице садов богини Западного Неба? Госпожа Тьян Ню желала знать больше о циньском войске, этого довольно,

чтобы старший помощник Сыма Синь отбросил все остальные свои дела.

- А почему небесная госпожа не пригласила генерала Ли Чжана? - простодушно поинтересовался утомленный расспросами Дун И. Выпитый чай уже, видимо, просился наружу.

- Он повинен в смерти Сян Ляна. Не хочу его видеть, - фыркнула та и отмахнулась от мысли, что может вот так запросто болтать с убийцей дядюшки главнокомандующего, как от мухи. – У меня нет сил любезничать с этим человеком.

- Госпожа так искренна в своих чувствах.

- Могу себе позволить такую роскошь, - понимающе улыбнулась Тьян Ню.

- Солдату знаком обман. Поэтому...

Нет, Сыма Синь не собирался оправдывать Сян Юна, он не был настолько великодушен по отношению к человеку, который ничем не заслужил своего счастья. Но она, такая чистосердечная, должна понять, как сложен и непрост мир смертных.

- Я помню. Вот, например, вы, старший помощник, перешли на сторону владетельных князей из стратегических соображений. Каких?

Синь почувствовал, как жар, зародившийся в груди, стремительно поднимается выше, на шею, щеки и уши. Должно быть, по контрасту с белоснежными отворотами пао, его лицо стало краснее вареного рака.

- Небеса отвернулись от Цинь. Это стало очевидно для всякого, у кого есть глаза и уши, – пробормотал он и шепотом добавил: - И мозги.

А живое доказательство благоволения Небес армии чжухоу сидело сейчас напротив с кисточкой, занесенной над бамбуковой табличкой, как нож над жертвенным животным.

- Конечно! Особенно после того, как император отказался принять и выслушать нашего чжанши, – Дун И кивнул на Синя. – Вообразите, старшему помощнику пришлось семь дней торчать под главными воротами дворца. И всё без толку.

- Вот как? – оживилась небесная дева. - Значит, вы не видели императора своими глазами?

Бывший циньский чжанши отрицательно качнул головой. Не велика потеря.

- А главного евнуха Чжао Гао?

- Этого видел, - признался Сыма Синь. - Страшный человек, очень опасный и бесконечно жестокий. Надеюсь, Цинь-ван все же приказал разорвать его лошадьми.

Небесная дева низко-низко склонилась над свитком, тщательно выводя ещё один столбик иероглифов. Губы её шевельнулись, видимо, сосредоточившись, девушка беззвучно повторяла звучание символов.

- Ммм... А Цинь-ван каков из себя?

Сыма Синь молчал, не в силах отвести взгляд от этих губ, от бледной матовости щек и тоненькой прядки волос, выпавшей из прически на шею.

- Цинь-вана звать Цзы Ин, правильно? Он ведь племянник Эр-ши? - переспросила небесная дева. - Вы слышите меня, старший помощник Сыма?

Тот вздрогнул, словно очнулся от приятного сна, но быстро пришел в себя:

- Да. Все верно. Но я его тоже никогда не видел.

- Он совсем еще юнец, - снова встрял Дун И. – Не стоящий внимания госпожи Тьян Ню.

- А вы, военный советник, часто бывали при дворе?

Внимание посланницы Яшмового Владыки переключилось на соратника. К счастью.

Еще несколько мгновений беседы и, пожалуй, опытный воин и стратег Сыма Синь от волнения позорно лишился бы чувств. Теперь понятно, откуда все разговоры о чудесной власти небесной девы над душами мужчин. Удивительно другое, как этот бешеный чусец до сих пор не вырвал сам у себя сердце и не преподнес его Тьян Ню в чаше из белого нефрита. Потому что Сыма Синь за одно только обещание остаться в её памяти хотя бы этим поступком без колебаний вскрыл бы себе грудную клетку.

Хотя, конечно, нет. Его сердце и так принадлежало Тьян Ню. Полностью и целиком.

Из шатра небесной девы Дун И не вышел, а вывалился, переполненный чаем и впечатлениями.

- Век буду помнить! - ликовал он, точно уже объелся персиками бессмертия. – И детям пересказывать, как говорил с небесной девой!

Дун И молодился. У него уже внуки по двору бегали и седина в бороде блестела. Но дай ему волю, тоже распустил бы хвост перед нездешним созданием.

- А ты отчего так серьезен, брат? Ты еще молод, должен трепетать весь.

- Чтобы меня генерал Сян увидел и от ревности живьем в масле сварил? - сварливо буркнул бывший чжанши, комкая в ладонях край рукава шэньи. Тоже, к слову, от ревности. И затем крепко сцепил руки за спиной. Чтобы не выдать свой трепет их неумемной дрожью.

- И то верно, – легко согласился соратник. - Так о чем кручинишься?

- В основном о том, что не сумел разглядеть госпожу Фэн.

- Так это она в сердце запала? А у тебя губа не дура, младший братец!

Столичная красotka своим сладким голоском и изящными манерами будила в воинах армии чжухоу мысли исключительно алчные. Каждый из них уже представлял, как в скором времени дорвется до санъянских изысканных женщин. И если военачальники облизывались на императорских наложниц, офицеры зарились на аристократок, а солдатня спала и видела в беспокойных снах обывательниц, чьих-то дочек и жен.

- Нет, - отмахнулся Сыма Синь. - Фэн Лу Вэй мне кого-то напоминает. Не могу никак вспомнить. Что-то неуловимо знакомое.

- Но в семействе Фэн и в самом деле есть дочери. Какая-то из них, не иначе.

- Так-то оно так, - согласился Синь. – Вот только я никогда в жизни не знался ни с одним человеком из дома Фэн.

- Странно.

- Не то слово.

Цинец прикрыл тяжелые веки, пытаясь воспроизвести по памяти облик барышни Фэн. Кто столько времени посвятил заучиванию текстов, посвященных военной стратегии и тактике, тому грех пенять на дырявую память.

Ничего страшного, ещё день-два и он обязательно вспомнит. Но будет уже поздно.

«Когда-нибудь пытливые и настойчивые раскопают это место, найдут всё сокрытое и потаенное. По воле случая ли, или же при помощи достижений науки. Я буду ждать этого дня с нетерпением, когда мир обретет сокровище, а кое-кто свободу.»

(из дневника Тьян Ню)

ГЛАВА 3. Не убоюсь я зла

«Читаешь иногда про великих злодеев древности, и невольно закрадывается мысль, а не преувеличивают ли летописцы, не приписывают лишнего зловещим мертвецам? Нет, нисколько. Напротив, часть преступлений намеренно сокрыты от потомков. Для их же, потомков, блага и душевного спокойствия.»

(из дневника Тьян Ню)

Тайвань, Тайбэй, 2012 год н.э.

Кан Сяолун

Если долго всматриваться в бездну, то бездна начинает всматриваться в тебя. Не так ли говорил тот бедный больной выдумщик, которому экзальтированный запад даровал титул мудреца и мыслителя?

Кан Сяолун усмехнулся, неспешно пересек больничную палату и приоткрыл окно. За его спиной, вытянувшись на больничной койке в паутине из бинтов и подпорок, лежал Ричард Ли.

Американец был бледен. Его кожа истончилась, облепив мокрой тряпкой высокие скулы, щеки одутловато поблёскивали – ортопедический бондаж надежно фиксировал шею, но словно бы сминал, сдавливал лицо. Как неудачный рисунок или ненужный чек из супермаркета.

Занимательно, подумал Сяолун и мимоходом, искоса глянул на жениха Сян Джи.

- Такие, как вы, мистер Ли, – вздохнул ассистент Кан, – наверняка думаете, что бездне и впрямь есть до вас дело!

Ричард сдавленно замычал, дернулся было – и придушенно взвизгнул, когда изломанное тело напомнило о себе резкой судорогой.

- Что за наивный эгоизм, - продолжил ученый. - Что за самоуверенное нахальство! Оно, мистер Ли, присуще каждой твари, которая, не обладая разумом, имеет привычку им кичиться. Вы испытываете боль – испытываете же?

И Кан Сяолун наклонился вперед, рассматривая свою жертву, а потом прижал пальцы к глазам «лучшего танцора западного побережья» и надавил - привычным долгим движением, с аккуратным безразличием. Ричард захрипел, потом забулькал, пуская слюну.

- Испытываете, – кивнул сам себе ассистент Кан и отодвинулся в сторону. - Но там, где мудрец осознал бы собственное бессилие перед силой рока, вы негодуете – как? За что? Мните себя венцом творения. Ропщете. Не так ли?

Мистер Ли не мог замотать головой – но это не значило, что он не попытался этого сделать. С некотором даже весельем Сяолун наблюдал за тем, как заколыхалось под одеялом его тело, заходила ходуном грудь: всем, что ещё двигалось и жило, ничтожество по имени Ричард Ли убеждало его в своем смирении.

- Даже бездна, глядите-ка, в вас вглядывается! – повторил ученый и скривился. – Варвары.

Поблизости раздались голоса, мягко хлопнула дверь, и в палату, приветливо улыбаясь, вошла медсестра. Невысокая, кругленькая, она мячиком покатила мимо Кан Сяолуна к кровати больного, прочирикала:

- Как вы себя чувствуете, господин Ли?

Ричард открыл рот, приподнялся, пытаясь сложить звуки в слова. Палата ему досталась просторная, светлая, и ассистент Кан, любивший контрасты, ласково улыбнулся открывшейся ему картине: разбитое, больное тело и свежие цветы в аккуратной вазе.

- Ну-ну, - доброжелательность сочилась из медсестры, словно вода из мокрой губки. – Давайте я помогу вам лечь так, чтобы стало удобно. А потом примем лекарства, хорошо?

- М-м-ых! – запротестовал мистер Ли и подбородком указал на Кан Сяолуну. - М-ыы-мы!

Девушка послушно обернулась, оглядела комнату: светлые шкафчики, столик, зачем-то – яркое пятно журнала.

Ученый скользнул к ней – тень среди теней, невидимый демон, танцующий в солнечных бликах – и свел ладони над ее шеей. Колдовство текло по венам, вязкое и пурпурное, и Кан Сяолун пьянел, захлебываясь чародейской силой.

И почему он не сделал этого раньше? Почему ждал, таился, собирая крохи и опасаясь переступить порог, за которым та самая бездна – безразличная к человеку и богу, бесконечная! – кипела, меняя форму и смысл?

- Что такое? – снова зазвенел в воздухе девичий голосок. – Здесь никого нет, господин Ли. Или вы хотите, что бы я закрыла окно?

Сяолун беззвучно развел в стороны руки, и медсестра, словно почувствовав, как сдвинулся воздух, мигнула и осторожно, чтоб не нарушить приличий, почесалась.

- Ы-а-ах! – застонал с кровати Ричард.

- Не переживайте, - подбодрила его сестра. - Конечно, травма непростая, но хорошо, что вас быстро нашли. Мы уже связались с вашей невестой, а еще вас скоро навестит консул. Теперь все будет в порядке!

Забавляясь, ассистент Кан покивал.

Право, он не любил признавать свои ошибки. Поначалу на Ричарда Ли у него были совсем другие планы - и госпиталь в них не входил. Но как там порой бормотала старуха Сян на своем северном языке? Все, что ни делается – к лучшему?

Воистину и от ведьмы порой можно услышать что-то занятное, потому что и впрямь – много путей ведут к одной цели, и если охотник не может подобраться к добыче, можно позволить добыче самой рвануться навстречу гибели.

- Сейчас вы в безопасности, - уверенно заявила медсестра, поправила мистер Ли одеяло и тихо вышла из палаты.

Кан Сяолун поднес ладонь к губам, скрывая улыбку.

А Ричард Ли заплакал.

Саша, Ю Цин и Ласточка

Уехать из дома Ласточки оказалось делом куда более сложным, чем представлялось Саше поначалу. Она понимала, что выглядит это по меньшей мере странно – только-только привез ее Юнчен в «надежное место», а она уже – оп! – и куда-то убегает. Но...

- Такая ситуация, – хмурясь и злясь, втолковывала она хозяйке дома и разом ошестившемуся Пикселю, – ничего не могу поделать. Близкий человек в больнице!

- Не можем мы тебя отпустить, - пищал Юнченев друг и даже как-то весь тянулся вверх – повыше, что ли, хотел казаться?

Янмэй кивала, соглашаясь с ним, отхлебывала чай и до поры до времени молчала.

- Вы не можете меня не отпустить, - парировала девушка. - Я вроде бы тут у вас не в пленницах?

- Юнчен говорит, что в городе тебе сейчас опасно, - Ю Цин вскипал так легко, что мисс Сян сразу становилось ясно, как сильно она ему не нравится. - Дождись его, а потом!..

И молодой человек изящно взмахивал ручкой, что можно было интерпретировать только на один манер – катись, мол, принцесса, на все четыре стороны.

Спор этот, по мнению Саши, бессмысленный, продолжался уже с полчаса. И если поначалу внучка Тьян Нью ещё пыталась «дёржать марку» и отвечать на подколки, фыркание и намеки на собственную взбалмошность и неразумность спокойно, то к моменту, когда солнце лениво покатилося с зенита к горизонту, терпение ее подошло к концу.

Злилась Сян Александра Джи редко, специально и целенаправленно, как и следовало дочери уважаемого семейства, выпалывая в себе эмоции. Но если уж злилась – хотя святых вон выноси, как любила говорить ее бабушка. И добавляла: «Вся в деда».

Вот и сейчас – будто полыхнуло перед глазами алое пламя, огонь, пришедший к ней во сне вместе с белокожей женщиной из прошлого – Александра резко выпрямилась и шагнула вперед, к Пикселю. Тот от неожиданности захлебнулся собственным негодованием, замолчал, но было уже поздно.

- Если я сказала, что хочу уйти, – медленно, с чувством, толком и расстановкой произнесла внучка мисс Сян, глядя на коротышку, – значит, я уйду. Сейчас.

- Но... - звякнул было Ю Цин, но далее обсуждать этот вопрос Саша не видела смысла.

Мысленно она уже ушла – убежала, но на этот раз не назад, а вперед. Ричард был ее ошибкой, ее отчаянной попыткой загнать реку своей судьбы в чужое русло. И если закованная в страхи Саша Сян, пожалуй, струсил бы, увернулась от ответственности, то Сян Александра Джи, наследница Тьян Нью, так поступить не могла.

Потому что наконец-то она видела дорогу: и тот путь, что уже был пройден, и тот, что еще только предстояло пройти – вместе с Ин Юнченом. И чтобы не свернуть на лукавую тропку, следовало сжать зубы и встретиться лицом к лицу с собственными сомнениями, промахами, ложью. С Ричардом. Она сделает для своего прошлого все, что может, что бы сбылось будущее.

- Иди, если решила, - вдруг поджала губы молчавшая до сих пор Янмэй – Что мы, хозяйева тебе, что ли?

- Но!.. – теперь уже с нотками отчаяния в голосе взвыл Пиксель.

- Но, - продолжила Ласточка, мрачно хмурясь, – вот что я тебе скажу. С Юнченом-то ты зачем так? Он думает, что ты в безопасности, а тут гляди-ка что творится.

Саша покачала головой.

- Я делаю это и для Юнчена тоже, - отозвалась она, с удивлением слыша в своем голосе непривычную стальную решительность. – У каждого из нас – своя битва, хоть и общая война. Что это за женщина, которая позволяет мужчине решать за себя?

- Нормальная женщина, - зазвенел Ю Цин. - Хорошая, умная женщина!

Но Янмэй промолчала, а потом встала, деловито подтянула джинсы и провела рукой по своим коротким, взъерошенным волосам.

- Лады, – совсем другим голосом прогудела она и усмехнулась. - Так куда тебе надо – то, а, леди из Америки? Подвезу.

Александра с удивлением взглянула на Ласточку. Прежде она бы, пожалуй, заметила

бы в ней только грубые, нагруженные, почерневшие от масла руки, неженской ширины плечи, обкромсанную явно впопыхах челку... Но сейчас единственное, что увидела внучка Тьян Нью, были глаза Янмэй – упрямые, яркие, насмешливые.

- Спасибо, – просто сказала Саша и, не тратя больше слов, поспешила во двор.

- Ненавижу вас, - придушенно простонал Пиксель и рванул вслед за Ласточкой, желая то ли помочь, то ли удержать, и не ведая, что змей-время, змей-судьба уже распахнул свою пасть, что бы в очередной раз поглотить очередную вечность.

До госпиталя они добрались быстро, и в этом, конечно, была заслуга Янмэй. За рулем Юнченова подруга преображалась необыкновенно и – Саша не могла подобрать других слов – начинала сиять. Даже Пиксель, который поначалу ныл и предрекал компании всевозможные горести и проблемы, в какой-то момент ненароком взглянул на Ласточку, открыл рот, покраснел – и заткнулся.

Когда перед ними замаячило здание госпиталя – стекло, обогреченное вечерним солнцем белизна, колонны – мисс Сян раздраженно убрала в сумочку телефон. Всю дорогу девушка безуспешно пыталась дозвониться до Ин Юнчена, но он не отвечал, и Саша злилась.

И не потому, что волновалась – отчего-то она знала, что с ним все в порядке – а потому, что они решили действовать сообща, а сын почтенных родителей оставил ее спящей и ушел, ничего не рассказав. Что он задумал? Что решил? Разве это – сообща?

Принцесса – вот как Юнчен называл ее иногда. В тот день, когда они встретились под дождем и солнцем, и потом, после. Но задача принцессы – ждать, пока ее спасет прекрасный принц, а Саша больше не хотела ждать спасения. Ин Юнчену придется это понять, он поймет... потому что он любит ее. А она – его.

«Мой!» - вдруг вынырнула издали, из темноты, из зазеркалья белокожая женщина-сновидение и не улыбнулась – оскалилась, яростная, алая.

«Мой», – согласилась с ней Александра – и тут Янмэй остановилась, припарковавшись.

- Кто там у тебя больницу-то попал? – спросила она, пока Саша выбиралась наружу.

- Жених, - отозвалась девушка и, взглянув на их ошеломленные лица, добавила: - Бывший.

Думать о Ричарде было трудно – печально. И все же Саша никак не могла почувствовать себя виноватой. Он приехал к ней, в Тайбэй, и, наверное, волновался, он попал в беду, и это навсегда останется на ее совести. Но бабушка была права – любовь не подделать, не слепить под себя, не спланировать, как ни старайся. Воспоминания, их общие с Ричардом воспоминания, блекли и выцветали, как старые фотографии. Мисс Сян помнила, как он улыбался ей, но... радовалась ли она тогда? Переживала, негодовала, плакала?

- Я хочу помочь ему, - не для своих путников, для себя сказала она. - Извиниться. И попроситься.

И, не дожидаясь ответа, пошла к регистратуре. Госпиталь был переполнен гулкими шепотами, людьми с обеспокоенными лицами, аккуратными медсестрами. Они мелькали и исчезали, случайно повстречавшиеся на ее пути тени, и Александра почти не замечала их.

И поэтому, открыв дверь палаты, в которой, как ей сказали, дожидается ее Ричард Ли, не сумела вовремя остановиться, не успела понять. Она думала увидеть приглушенный свет больничной лампы, знакомое породистое лицо, готовилась не показать своей жалости и беспокойства, но шагнула... шагнула в темноту.

Не вечернюю темноту, нет – в густой, вязкий, чернильный мрак. Он извивался, словно змея, и девушка невольно задержала дыхание, боясь, что со вздохом тьма вползет в ее легкие, впитается в кровь. Пятясь, она подняла глаза, и застыла – во тьме алым квадратом мерцало окно, и на его фоне, словно выписанная тушью на шелке, чернела тонка фигура.

- Заходите, - заискрился, поплыл в воздухе медовый голос. – Заходите, мисс Сян, моя дорогая.

После того, как Юнченева девчонка выскочила из машины и полетела к больнице, словно под хвостом у нее припекало, Янмэй не сдержалась – вытянула из пачки сигарету и, воровато оглядевшись, закурила. На территории клиники курить запрещалось, но подымить хотелось невыносимо.

- Что-то мне это не нравится, госпожа Фэй, – завозился рядом Ю Цин. – Зря мы ее сюда привезли.

- Мы не привезли – сама бы приехала, – махнула рукой Янмэй

Паутинка дыма поволоклась по воздуху вслед за ее резким движением, сплелась в рваный зигзаг. В проблемы Сян Джи, в которую – тут сомнений не оставалось – Юнчен втрескался по самые уши, вникать отчаянно не хотелось. Но выхода, как ни крути, уже не было: сын почтенных родителей, паршивец наглый, если чего и умел, так это ловко втягивать всех в свои дела.

Солнце, блеснув напоследок кипящей волной, окатило ухоженные больничные газоны золотом и янтарем. Резкие фиолетовые тени легли на землю, на аккуратные белые скамейки и автостоянку.

Янмэй приоткрыла окно, что бы проветрить салон, и прищурилась: на крыше клиники что-то сдвинулось, полыхнуло, что-то длинное, полупрозрачное.

- Эй, - позвала она, всматриваясь пристальнее и по обыкновению своему не тратя время на вежливости, - Цин, там, кажется...

- Жених, а! – возмущенно фыркнул между тем Пиксель, явно не готовый смириться со своеволием девицы Сян. - Ох чую, напоролся наш Юнчен на эту... как ее... хулидзын! Выжрет эта вертихвостка ему сердце до самой печенки и не почешется!

Последнее, о чем сейчас думала Янмэй, была Юнченева печенка. На зрение женщина никогда не жаловалась, рассудком была крепка, и поэтому по всему выходило: то, что кружилось, горело, обретая плоть и краски, над тайбэйским госпиталем - оно было там на самом деле.

М-мать.

- Цин, - чувствуя, как слова застревают в горле, повторила Янмэй

- И кишки выгрызет! – не успокаивался взволнованный Пиксель. - У таких дамочек, такое мое слово, зубы как будто специально для это дела приспособлены, что бы мужчин терзать. С виду-то и ничего особенного, а ка-ак цапнет! И одни невроты потом, и алкоголизм, и банкротство! Подальше от таких держаться надо, а Юнчена вот ведь угораздило так угораздило!

Еще несколько часов назад Янмэй выслушала бы эту тираду со всем возможным вниманием и даже некоторым сердечным трепетом: говорил Пиксель гладко, красиво. Несколько часов назад – но не сейчас.

Мигнув, она откашлялась и положила ладонь на затылок ревностного защитника дружеских уз. Тот открыл было рот, но возмутиться не успел - Янмэй твердо, но неумолимо

повернула его лицо чуть в сторону. Так, чтобы стало видно крышу.

Молодой человек взглянул, булькнул, курлыкнул – ну чисто журавль! – и намертво вцепился в колено своей спутницы.

Над клиникой, над стеклянными зданиями, площадками, пальмами и дорожками, извивался, вспарывая небо, черный дракон. Длинный, гривастый, стремительный, он кружился над зданием, словно примериваясь перед ударом – петля за петлей, всполох за всполохом.

Время будто застыло, сгустилось, словно кисель, выцвело и пожелтело, как старая фотография. Оно проваливалось, проседало, мялось – менялось.

Безлюдная площадка перед клиникой, и умирающее солнце, и свист ветра – все это казалось настоящим, но, с неожиданной уверенностью поняла женщина, таким не было. Уже не было. Потому что приехали-то они в самую обычную больницу, но оказались...

- Окна, – простонал вдруг Пиксель сдавленно и затряс головой, – смотри!

Янмэй, зачем-то протянув руку – чтобы схватить дракона? заслониться? догнать? – подалась вперед. Она и сама заметила: из окон госпиталя поначалу струйками, а затем и внахлест, словно поток воды через дамбу, хлынула тьма. Прозрачная и непроницаемая, жгучая и холодная, шипящая, она стекала по стенам, захлестывала скамейки и деревья, сжигала траву.

Дракон взвился, утек в сторону от опасности, и Янмэй почувствовала, как затряслась от его беззвучного рыка машина.

Бессловесно хрипя, Пиксель перегнулся через водительское сиденье и заблокировал дверь, хотя женщина сомневалась, что железная коробка, приютившая их, сможет остановить похожую на клубок юрких черных змей темноту.

- Эта... Сян Джи, - каркнула она. – Девчонка ведь там, в больнице.

- Дракон! – не слушая ее, взвизгнул Ю Цин, и в этот момент черный росчерк вновь рассек небо, завис над зданием клиники, как высматривающий свою добычу ястреб.

Земля вздрогнула, ветер смешался с тьмой. Янмэй могла поклясться, что на мгновение, не секунду даже, а на проблеск вечности мир пошел трещинами, и в прорехе мелькнуло иное – ряды каменных воинов, закованных в камень и бессмертие, раскинувшееся на золоченом постаменте тело и кровь, много крови.

- Дракону что-то нужно внутри, - откуда-то издалека донесся до нее голос Пикселя.

- Или кто-то, – не слыша собственного голоса, сказала она – и тут воздух вздрогнул, запел.

С набирающим силу воплем мироздание прогнулось, окна клиники брызнули осколками стекла.

- Ах ты ж, - прошептала Янмэй – и, матерясь сквозь зубы, спустила с плеча ремень безопасности.

Ю Цин в ужасе вылупился на нее:

- Ты что? Туда? Туда нельзя!

Янмэй потрясла Пикселя за плечо, как провинившегося хулигана.

- Там люди внутри, - перекрикивая воющую темноту, рывкнула она. - Принципы-то включи! Включил? Ну на выход тогда, на выход!

Ю Цин с секунду помолчал – кадык его ходил вверх-вниз, будто не произнесенные вслух слова так и перекатывались в горле – а потом кивнул. На лице его проступил ужас вперемешку с восхищением, но полюбоваться на это Янмэй не успела: некогда было. Закрыв

лицо рукавом, она выскочила на улицу – туда, где над первым госпиталем Тайбэя кружил в темноте дракон.

Поднебесная, 206 год до н.э.

Сунь Бин, Гу Цзе и Сян Юн

У телохранителя Небесной Девы, ответственного хранителя её важного сундука и личного гонца в одном лице очень болело это самое лицо. Еще бы ему не болеть, если по нему прошли кулаки главнокомандующего, превратив в сплошной синяк. Хорошо ещё нос не сломан. Гу Цзе осторожно ощупал самую выдающуюся часть своей внешности, а лишь затем разлепил распухшие веки, чтобы еще раз удостовериться, что ему темно из-за отеков, а не потому, что глаза повывадали от богатырских ударов князя.

Костерок уже догорал, угли постепенно остывали, но ни у кого из товарищей по несчастью не нашлось сил подкинуть дровишек. Кто свернулся калачиком и стонал, кто тихонько всхлипывал, кто умудрился задремать. Из палатки то и дело доносились взвизгивания девушек, смазывавших друг другу спины целебным бальзамом. Генерал Сян удостоил чести только командира Сунь и его, Гу Цзе, приложив их собственноручно, остальная свита госпожи Тьян Ню просто отведала законных палок. По пятьдесят штук каждому из провинившихся.

- Наш господин милостив, – прошептал командир телохранителей, простираясь ниц по окончании экзекуции. - Мог казнить недостойных слуг, но не стал.

Мог, еще как мог. Ого! Что ему стоило просто сказать «Казнить мерзавцев!» и дело с концом? Он в своем праве был. Кто не уследил за госпожой, тому и голова с плеч.

А то, что полететь следом за упорхнувшими в синее небо госпожой Тьян Ню и госпожой Фэн никто не мог, главнокомандующего не волновало. Гу Цзе вообще не той полянке, где дамы собирали цветочки, не было. Он в это время отсыпался после возвращения из стана Пэй-гуна. Только когда его, сонного и ничего не понимающего, волокли на допрос, узнал о побеге... То есть, об улете. И кабы не ещё полсотни свидетелей происшествия, то под неминуемой пыткой Гу Цзе признался бы во всём: и что было, и чего не было.

Ополоумевшего главнокомандующего всем штабом убедили – его невеста по доброй воле улетела на Небеса и не иначе как по призыву самой Матушки Сиванму. Может, в её садах персики бессмертия поспели как раз? Соберет Тьян Ню драгоценный урожай и сразу вернется. Оттого телохранителям и служанкам всего лишь палок всыпали, а не головы снимали с плеч.

А пока осиротевшая свита, кто во что горазд, возносила благодарности Небесам за чудесное спасение, командир Сунь Бин думу думал. Весь вечер так и просидел сычом спиной к соратникам. Даже от чашки с кашей отказался. И таки высидел мысль.

Сначала Сунь Бин отправился в опустевший шатер госпожи, посветил в каждый уголок масляной лампой, словно искал чего.

Обычно старавшегося в чужие дела носа не совать Гу Цзе аж любопытство разобрало.

- Это чего, командир? – спросил он.

- Ничего, – буркнул тот и, потрогав огромную шишку под глазом, добавил: - Пойду к Главнокомандующему.

- Зачем?

- Сдаваться.

С этими словами командир Сунь Бин поправил грязный халат-пао, кое-как пригладил растрепанные волосы в пучке и направился напрямиком к генеральской палатке. А Гу Цзе, болван безголовый, следом поплелся.

Там, внутри было темно, как незнамо где. Только одинокая свеча в ветвистом шандале мерцала, однако же главнокомандующий не спал. Его ординарец только глаза выпучил и с безмолвным вопросом за рукав Сунь Бина подергал, мол, неужто жизнь настолько вам недорога? Но внутрь пустил, несмотря на поздний час.

Повелитель сидел в окружении опустошенных мисок. Даром, что ли, над полевой кухней весь день дым столбом стоял? Старались кашевары, чтобы высокий господин смог заесть свое горе, коли залить вином не получается. Впрочем, кувшин вина генерал все же выкушал, как полагается.

- Чего тебе? - спросил он у коленапреклоненного командира Суня.

- Слуга пришел поделиться своими недостойными соображениями.

- Говори.

Голос у главнокомандующего был хриплый, словно... Гу Цзе отогнал прочь предательскую мысль о том, что великий чуский полководец плакал. Скорее всего, просто обжег горло горячей лапшой. Скорее всего.

- Наша госпожа столь добросердечна, что... – тут Сунь Бин запнулся, будто ему в плотку рыба кость попала, но затем откашлялся и продолжил, - Она никогда не улетела бы, не попрощавшись с главнокомандующим, со всеми, на кого проливала свет своего чистого сердца, и даже с нами, её недостойными рабами. Нет, я не верю. Госпожа не такова.

- Вот как? - недоверчиво прищурился Сян Юн.

- Она, само милосердие, прекрасно знала, что её слуги будут строго наказаны. Она бы этого не допустила.

Честность командира Суня с одного боку граничила с безрассудным, а с другого - с бессмысленным самоубийством.

«А ведь и правда, – подумалось вдруг Гу Цзе. — Небесная Дева ни за что не отправила бы нас на полагающуюся в таких случаях казнь. Она не такая!»

- Солдат, хочешь сказать, что Тьян Ню улетела не по воле Яшмового Владыки? И она скоро вернется?

Глаза князя светились в полумраке, как у кота.

- Что-то вроде того. Ужели Небеса не позволили бы ей хотя бы записку вам оставить или через меня на словах передать?

- Хм...

- Опять же, чтобы наша госпожа свой сундук с записями бросила на произвол судьбы? - рассуждал Сунь Бин. - Быть того не может.

- А то! - подтвердил полномочный хранитель летописных сокровищ – Оно самое.

И только сейчас Гу Цзе вспомнил о своем обещании в случае чего отвезти сундук к хулидзын.

- Давеча он доставил нашей госпоже письмо от сестрицы. А ну, как у той беда какая приключилась?

Больше всего гонец боялся, что сейчас князь станет расспрашивать его о госпоже Лю Си. Ему этими разговорами соратники уже все мозги выели. Все эти бесконечные «Хвосты видел?» да «Клыки изо рта торчат?» настоящая пытка для человека, чей язык Матушка

Нюйва пришила во рту другой стороной. Да и особенно говорить не о чем. Еще одна белокожая дева, вроде госпожи Тьян Ню. И вообще, сначала они обе ему показались на одно лицо.

Но Сян Юн лишь нетерпеливо куснул себя за костяшки пальцев.

- А что там в письме? Где оно? Осталось ли?

Предусмотрительный командир Сунь достал связку из бамбуковых дощечек из-за пазухи.

- Мин Хе! Света прибавь!

Предупредить, что хрен они разберут небесные письма, Гу Цзе не успел.

Генерал жадно схватил письмо, повертел в разные стороны, примериваясь и так и эдак, но простенькие закорючки, сделанные тушью, не сумели бы прочесть и сто мудрецов.

- Проклятье! На Небесах что - пишут слева направо? – зашипел от досады Сян Юн.

- Так ещё и не сверху вниз, а как бы в сторону, - подтвердил командир Сунь. - Мне госпожа сама как-то поведала.

- А мне даже показывала! - встрял Мин Хе. - На Небесах, говорила, бумага тонкая, плотная и гладкая, как шелк. Писать на ней проще в строчку. Так больше влазит.

- Вот ведь! - ревниво вспыхнул князь. - А мне, значит, ни словечка не сказала!

- Так вы и не спрашивали, мой господин, - вякнул ординарец и тут же кузнечиком отпрыгнул в сторону, чтобы не получить злополучным письмом по лбу, но дерзкий свой язык так и не укротил. – Стало быть, о чем таком хулидзын написала сестре, мы не узнаем. Тогда какой в письме прок?

- А в том, что оно было. Получает наша госпожа это письмо, читает его и еще до следующего заката улетает, никого не предупредив, - терпеливо пояснил Сунь Бин. – Меня другое тревожит. К чему тут госпожа Фэн?

Гу Цзе, к слову, это вопрос тоже очень волновал. Настолько, что он осмелился голос подать:

- Ото ж!

- На Небеса запросто так подружек не водят. Небось, не девичья светелка. Да и не сдружились они меж собой. Подозрительно всё это. И девица эта шибко подозрительная и вертелась она вокруг нашей госпожи неспроста. Как бы всё это не её рук дело. Опять же, сказывают, что не только небесные создания летать умеют.

Было в этом прозрачном намеке на даосские чудеса что-то, заставившее главнокомандующего крепко призадуматься. Что, по мнению Гу Цзе, было его прямой и основной обязанностью. Кто главный, тот и думает, остальные слушают и выполняют. Разве нет?

- К чему ты клонишь, командир Сунь Бин? – напрямую спросил чуский князь.

Старый солдат тяжело вздохнул и отступил на несколько шагов, затем опустился на колени и коснулся лбом настила. Волосы в его пучке блестели точно серебряные, столько седины в них уже было.

- Велите меня казнить хоть прямо сейчас, – сказал он, не поднимая головы. - Но мою маленькую госпожу спасите-защитите. Потому что чует мое сердце – она в беде. Презренный слуга шибко волнуется за Небесную Деву. Он готов принять смерть .

Сян Юн молчал.

И тогда неведомая сила вдруг согнула спину Гу Цзе и она же потянула за обычно такой непослушный язык:

- Дык... Эт самое... Прикажите мне ехать к Пэй-гуну, мой господин. Пускай хулидзын скажет правду.

- Хорошо, – молвил Сян Юн, хмурия широкие брови. - И напомни моему дорогому младшему братцу Лю Дзы, что я его на пир жду. Иначе сам заявлюсь с войском в придачу. А теперь – уходите все. - И рукой махнул.

- Да ты - храбрец, Гу Цзе, - шепнул на прощание Мин Хе. - Я бы так не смог, честное слово.

- А то, - вздохнул тот, сам от себя такой бойкости не ожидавший, и уже сто раз пожалевший о своих словах.

Теперь-то деваться было некуда. Если хулидзын печень отважного воина не схарчит, то Пэй-гун за дерзость голову отрубит.

Таня

Когда давным-давно, много лет тому... вперед, в прошлой жизни, которая через две тысячи двести лет еще только случится, и которая уже бесповоротно закончилась, Татьяна Орловская купалась в Черном озере. Правда, тогда она была никакая не Татьяна, а десятилетнее отродье, с головы до ног перемазанное черничным соком, изредка удачно прикидывающееся послушной девочкой. Сначала она просто напилась вволю, встав на четвереньки на краю плоского валуна, словно зверь лесной, потом решила оттереть от сока ладошки. Но как, скажите на милость, можно сосредоточиться на скучном мытье, когда в прозрачной воде то и дело снуют мелкие юркие рыбешки, а на дне ждут-не дождутся круглые камушки? Июльское солнце припекало макушку, а прохладная вода так и манила в свои объятия. Всего и делов-то скинуть бриджики и рубашку. Маменька, конечно, заругает потом, но, ей-Богу, оно того стоило. Плавать Таню научила тайком Люся, которую летом из моря было не выгнать. Попискивая от предвкушения, девочка вошла в воду, присела, оттолкнулась от скользкого дна и поплыла по-лягушачьи. Неторопливо, фыркая и пуская пузыри от удовольствия. Сверху-то вода теплая, как парное молоко, щедро прогретая солнцем, особенно возле берега. И тишина, изредка нарушаемая лишь вскриками чаек, такая убаюкивающая. Таня расхрабрилась настолько, что решила заплывать на «настоящую» глубину. Пока никто не видит, само собой. И там... Скорее всего, где-то там на дне бил холодный ключ, и это его прохладный поток коснулся ноги, но девочке показалось, будто её пятка скользнула по чьей-то огромной гладкой спине. Кто-то плывал в темных глубинах, кто-то большой, сильный, страшный. Чудилось, что огромная хищная рыба, угольно-черная, молчаливая и неумолимая, как сама Смерть, накручивала круги прямо под Таней, примериваясь к добыче. С колотящимся об ребра обезумевшем сердцем и застрявшем в горле криком, с клацающими от ужаса зубами и предательской слабостью во всех суставах девочка повернула к берегу и только чудом божьим добралась до него, а потом выползла на камень и долго-долго лежала, прижавшись дрожащим тельцем к его теплему боку. А вслед за ней на берег выбрался страх – черный и древний, как это торфяное озеро. И стал жить где-то рядом с душой незваным нахлебником. Стоило сгуститься сумеркам, как Таня вдруг всей кожей чувствовала – рядом кружит темной безмолвной тенью само Зло.

Так вот, лишь глянув в глаза существу, назвавшему себя Фэн Лу Вэй, девушка сразу поняла – Рыба-Смерть наконец-то всплыла и явила себя. И словно с глаз вдруг спала пелена. Кто? И вот это девица-аристократка? Да вы смеетесь? Под шелками ханьфу пряталось

гибкое и жесткое мужское тело, а в рукавах – крепкие руки, способные одним движением свернуть шею. А лицо... Нет, скорее уж личина. Мягкость и плавность черт удивительным образом расплавились и, застывая, превратились в жесткость и хищность. Но куда, куда же прежде смотрели её глаза? И глаза Сян Юна, и глаза Сунь Бина тоже.

- Госпожа Тьян Ню уже обо всем догадалась, - констатировал похититель и, подцепив пальцем, резким движением сорвал шнурок с рыбкой с шеи небесной девы. – Значит, мы не будем тратить время на пустые объяснения. Это прекрасно.

Вот уж действительно нет никакой нужды в подробностях и деталях. Они едва от земли оторвались, а Таня уже сообразила, что к чему. И про то, что человек, её укравший, вовсе не женщина, догадалась, и что явился он в лагерь чжухоу не просто так, а за её рыбкой. Кто летает без крыльев, тот и глаза целому войску отвести может, не так ли?

«Долетались мы, дедушка Ли Линь Фу, добаловались! Произвели неизгладимое впечатление на великого воина! Черт бы тебя побрал!» - взвыла Татьяна, изнывая от исконно русского желания побольнее укусить собственный локоть, когда уже поздно что-то предпринимать. Выходило, что она сама подсказала этому... Чтобы произнести имя даже мысленно, пришлось себя заставить. Так вот... Конечно, слуги разболтали Чжао Гао о летучих свойствах небесной госпожи почти сразу же. Здесь вообще никто не умел держать язык за зубами - ни генералы, ни прачки.

Тонкая полоса от шнурка на шее будто огнем пекла. Таня поерзала на траве, проверяя крепость своих невидимых пут, в надежде на удачу, которая, как известно, любит всяких дурачков и дурочек. Пустая затея. Сегодня госпожа удача её совсем не любила и ни капельки не сочувствовала. А банальными веревками похититель не пользовался принципиально. Зачем, если у него есть способы получше?

- Ведите себя пристойно, – промурлыкал Чжао Гао, глумливо косясь на обнаженные ноги девушки. – Или вы пытаетесь меня соблазнить?

И эдак многозначительно сжал пальцами её колено. Простое казалось бы движение, но от ужаса перед этим человеком у Тани волосы на макушке зашевелились. Липкий страх от занемевшего затылка стек прямо по спине между лопатками к пояснице и ледяным кушаком опоясал пленницу. Но хуже всего то, что Чжао Гао увидел её страх. Он аккуратно надкусил его, словно переспелый персик – один бочок розовый, а второй уже с гнильцой.

- Думаете таким образом купить себе жизнь?

Прохладная ладонь убийцы императора Эр-ши плавно сместилась выше по бедру. Словно змеиный раздвоенный язык, пробующий одновременно на вкус и запах лучшее из лакомств каждого душегуба – страх женщины перед насилием.

- Мне проверить насколько небесная дева – дева? - прошептал одними губами, все еще подведенными помадой, Чжао Гао, прижимая Татьяну к земле. Казалось, что приторно-сладкий сок похоти капает ей прямо на подбородок. - Погони все равно не будет. Вдруг вам понравится? Вдруг такого на Небесах нет? Или откуда вы там явились?

Девушка захрипела, голос ей внезапно отказал, и затрясла головою, пытаясь уклониться от этого ядовитого взгляда.

- Страшно?

Другой рукой он пребольно сжал подбородок, чтобы Таня не смогла отвернуться.

- Страшно. Я вижу, – на миг будто прозрачная пленка заволокла его зрачки, как это бывает у дремлющих птиц. - А мне скучно. Знаешь ли, по-настоящему мне хотелось бы посмотреть, как устроены твои глаза, Тьян Ню. Узнать, почему они не черные, а серые.

Почему они такие?

И сказав это, Чжао Гао бесстрастно отстранил от себя изнемогающую от ужаса пленницу. Чего бы он не желал на самом деле, но своего определенно добился. Татьяна не то что пошевелиться не могла, моргнуть лишний раз страшилась. Её тело сотрясала такая дрожь, что зубы во рту лязгали, и она умудрилась прикусить язык. От солоноватого вкуса крови девушке подурнело.

«Господь всемогущий! Спаси и помилуй рабу твою грешную...»

- Вряд ли твои мольбы кто-то услышит, - небрежно бросил мучитель, заметив, что губы девушки шевелятся. - Ты была неосторожна, а я собрал все ингредиенты – твои волосы, ногти, слюну и нитки из нижнего белья...

Он говорил что-то еще, то ли хвастался, то ли просто ставил перед фактом, но в ушах Тани стоял беспрестанный звон, сквозь который не могли пробиться посторонние звуки. Но может оно и к лучшему?

А бывший главный евнух не торопился избавиться от женской одежды, нимало не смущаясь своего странного вида. Он был занят: поджег палочку с благовониями и чертил ею в воздухе призрачные письмена – не иероглифы, нет, а причудливые узоры. Те, в свою очередь, не развеивались от дуновений ветра, а подхваченные воздушными потоками уплывали вдаль. Неторопливо, но уверенно, будто стремились к некой неведомой цели.

Время шло, ветер то стихал, то крепчал, тяжелый запах, казалось, пропитал каждую травинку вокруг, но Чжао Гао продолжал жечь благовония и посылать далекому адресату послания. Таня успела даже задремать, обессилев от переживаний и затосковав от раздумий.

Где она, понятно – в долине Байлююань. Кого зовет подлый колдун, тоже яснее ясного. Люсеньку, разумеется. Зачем? Вот это самый главный вопрос. Но если помнить, что у мерзавца сейчас в руках обе рыбки... Христианская душа упорно отказывалась верить в то, что древний, изощренный не только в интригах, но и в колдовстве, злодей способен подчинить волю людей из будущего – образованных и просвещенных. Ладно, Татьяна Орловская такая наивная дурочка, что попала в его сети, но Люся-то воспротивится. Она сумеет противостоять!

И еще... Согласно «Историческим запискам» к этому моменту Чжао Гао должен был быть мертвее мертвого. Сыма Цянь утверждал, что подлого злодея-евнуха последний император Цинь – беспомощный мальчик – приказал разорвать лошадьми. И либо летописец ошибся, либо появление двух русских девушек существенно изменило ход исторических событий.

И пока Тьян Нью терзалась догадками, самый страшный день в её жизни подходил к концу. Один из самых страшных... А на закате – пурпурном и ветреном – к Чжао Гао явился его званый и жданный гость. Тонкий, как одинокая былиночка, юноша в черных одеждах медленно, чуть покачиваясь, спустился с пригорка. Сначала Тане показалось, что в его длинные волосы, рассыпанные по плечам, вплетены белые тонкие ленты. Но присмотревшись внимательнее она с ужасом обнаружила, что это струйки белесого благовонного дыма. Они причудливо извивались, превращая черные шелковые пряди в снежно-искристую седину.

- Ты звал меня? - спросил хрупкий отрок совершенно безжизненным голосом.

В равнодушных глазах его остывал последний кроваво-золотой солнечный луч.

- Я звал, а ты пришел, Цзы Ин, - согласился Чжао Гао довольно, потирая ладони. - Тебя никто не видел?

- Никто, – отчеканил мальчик.

- Вот и хорошо. Теперь ложись спать.

Колени зачарованного пленника подломились, и он рухнул на бок, словно сраженный пулей. Голова его неестественно запрокинулась, и стало заметно, что юноша дышит с огромным трудом.

- Он так задохнется, - прошептала Татьяна. - Уложите его ровнее.

- Тебе есть до маленького трусливого выроodka какое-то дело? - удивился Чжао Гао.

- Он тоже живой человек.

- Пока живой и останется таковым очень недолго. Как, собственно, и ты.

- Я уже догадалась. Пусть так, но зачем же дополнительно мучить? Вдруг он не сможет больше идти, или вообще не доживет до нужного момента?

Чжао Гао удобно устроился возле весело потрескивающего костерка, чьим теплом, похоже, собирался пользоваться единолично.

- Идти он сможет, даже когда его сердце остановится, - отмахнулся бывший главный евнух. – И будет выглядеть почти как живой. До тех пор пока не завоняет.

Таню передернуло от омерзения.

- И тогда в ход пойдет соленая рыба, да? – спросила девушка, намекая на историю со смертью Цинь Шихуанди. Труп императора месяц везли из Шацю в Санъян, не объявляя траура, а Чжао Гао всю дорогу делал вид, будто Шихуанди жив – приносил пищу, делал доклады.

- Старичок вставал и садился, и рукой махал, как живой, но слишком уж быстро разлагался на жаре, – заявил дворцовый интриган, впервые проявив какое-то подобие чувств.

Он жмурился и улыбался собственным мыслям. Должно быть, радовался столь удачно, практически по нотам разыгранному спектаклю трехлетней давности. Так ловко избавиться от старшего принца и возвести на трон никчемного Ху Хая, это надо уметь.

«Всё с тобой понятно, живодер», – решила Таця. Она вдоволь нагляделась на подобных. Помешанных на идее, искренне убежденных, что цель оправдывает любые средства. Что им противопоставить? Ничего. Они всегда сильнее и безжалостнее. Можно лишь оставаться верным собственным убеждениям, а Татьяна Орловская веровала в человечность. В то, что больных следует лечить, голодных – кормить, а маленьких и слабых – защищать.

- И все же позволь...те мне позаботиться о мальчике? – взмолилась она.

Бывший евнух не рискнул ослаблять её путы на ногах, а заставил юношу снова встать и подойти к пленнице поближе, чтобы она могла дотянуться.

- Какой красивый. А кто это?

- Цинь-ван, - бросил Чжао Гао безразлично.

Обе покорные игрушки ему успели изрядно наскучить. Может быть, поэтому его власть над мальчишкой ослабела: в глазах появилась некая осмысленность и при каждом выдохе из носа и рта не вырывалось облачко дыма.

- Небесная госпожа... – пролепетал юноша, узрев, на чьих коленях покоится его голова. - Госпожа Тьян Нью...

- Ч-ч-ч... Тише.

Она прижала палец к губам несчастного Цинь-вана. Мол, погоди с разговорами. И только когда стало совсем темно, а Чжао Гао вроде как задремал возле костра, прошептала на ухо своему товарищу по несчастью.

- Ты Люсеньку... Тьфу! Ты госпожу хулидзын видел? Как она? Не собирается сюда явиться?

О планах дерзкой, но очень доброй хулидзын мальчишка ничегошеньки не знал, зато юный Цзы Ин подозревал, куда устремился их жестокий похититель.

- Совсем рядом гора Ли, а там, у её подножья, находится гробница Цинь Шихуанди, – одними губами, почти беззвучно сказал он. – И послезавтра... - низложенный император запнулся, а потом вздохнул тяжело, словно загнанная лошадь. - Пройдет ровно тысячу сто один день, как умер мой дед.

Что бы это не означало, но ничего хорошего им обоим в этот знаменательный день не светило.

Люся

На долину Байлююань ночь опустилась с размаху, как топор мясника – меж рогов коровы. Практически без сумерек, внезапно: только что верхушки зеленеющих деревьев ещё золотило закатное солнце, ещё подсвечен был багрянцем туман над полями, и вдруг – бац! И хоть глаз выколи.

Но Люсе, к слову, ночная тьма помехой отнюдь не была, наоборот – она уже вся извелась, сидя в зарослях осоки на топком берегу очередной древней речки и терпеливо снося укусы местных летучих гадов, таких же кровожадных, как их двуногие земляки. Шуметь было нельзя, так что девушка даже мелкого кровососа прихлопнуть не рисковала. Вечеру звук по-над водой далеко идет... а ну как услышат? Не сказать, что сидеть по колено в прохладной водице Люсе было так уж комфортно: хоть разболевшаяся к вечеру нога и блаженствовала в мягком иле, другую-то аж сводило от холода. Но выбора у хулидзын особенного не было, кроме как притаиться и тихонечко ждать, пока окончательно стемнеет. Ждать и тоскливо смотреть на слабый отблеск костерка на другом берегу.

Там была Танечка, и сложнее всего было терпеть, не бросить к ней сразу, не выдать себя. Но Люся кусала губы, поджимала пальцы на коченеющих ногах и ждала. Потому что рядом с сестрой засел враг, и единственным способом спасти Таню было не обнаружить себя раньше времени.

Как она поняла, что ехать прямо на место встречи нельзя ни в коем случае? Сложный вопрос, и Людмила сама не нашла бы точного ответа. Чутье? Пожалуй, что чутье, но и не только. От этого письма, от этой тайной встречи на полдороге между лагерями то ли союзников, то ли соперников Сян Юна и Лю Дзы, конечно, попахивало ловушкой, но ведь никаких доказательств подозрениям не было. В конце концов, письмо написала именно Таня, и если бы ее заставили это сделать, кто мог бы проверить, что именно чертит на бамбуковых планках своими «небесными знаками» Небесная Госпожа Тьян Нью? Тут и по-китайски-то не каждый читать умеет! Но сестру, доверчивую и добрую Танечку, запросто могли обмануть! Обмануть и использовать, чтобы выманить из Башана хулидзын. Ведь выманили же мальчика-императора, да так ловко, что исчезновение Цзы Ина в лагере Лю заметили, лишь когда парня и след простыл!

С пропажи этой, внезапной, бесследной, всё и началось. Разумеется, когда Цинь-вана не нашлось в его шатре, лагерь Лю Дзы встал на уши. Юного Цзы Ина, конечно же, охраняли, но на цепи мальчишку никто не держал. Внук Цинь Шихуанди и так практически не выходил из палатки, и Люсе приходилось чуть ли не силой вытаскивать императора

наружу, чтобы воздухом подышал и на солнышке погрелся. И уж точно парню было некуда бежать. Ну не к Сян Юну же? Будь Цзы Ин постарше, да захвати его Пэй-гуна в бою, тогда – другое дело, тогда еще можно было заподозрить, что бывший правитель с помощью каких-то мифических сторонников удрал из военного лагеря, полного солдат, но мальчишке и впрямь было некуда идти. Брошенный даже евнухами, Цзы Ин, после того, как преклонил колени перед «крестьянским вожаком» и собственноручно вручил мятежному простолюдину регалии Сына Неба, оказался не нужен никому. Вообще. Кроме хулидзын, которая одна-единственная упорно считала низложенного Сына Неба просто испуганным подростком...

Люся не только выгуливала Цзы Ина на травке, она еще и свою «свиту» к нему приставила, правда, без слез и жалоб это принял только старый мудрый Ба, прочие же выли и стенали. Цинь-ван был славным мальчиком, но золотые драконы на черном шелке императорских одежд застили взор и пугали даже неунывающего Люй Ши, так и норовившего улизнуть подальше.

В итоге Люй Ши оказался чуть ли не провидцем. Удравший купать и чистить Верного, ординарец Пэй-гуна стал единственным из «свиты» Люси, кто не пострадал от исчезновения Цзы Ина. Нет, ни старик-евнух, ни парочка «злодеёв» не погибли, зарезанные или удушенные. Они просто... спали. Спали глубоким, но вряд ли сладким сном – вскрикивали и стонали, метались, потели, а Гуй Фэнь, тот вообще плакал во сне. И разбудить их не могла даже холодная вода, которой Лю приказал облить проспавших императора засранцев. В лагере, конечно, сразу пошли разговоры о колдовстве, но тихонько, вполголоса. В полный голос о чарах завопили, когда спящими обнаружили и часовые у ворот.

- Он же не сам сбежал! – Люся успела ухватить разъяренного Пэй-гуна за рукав, а тот в запале попытался вырваться поначалу, но потом затих, с явным усилием заставляя себя выслушать, что там бормочет небесная женщина. - Не сам, Лю! Мальчика похитили! Тут чертовщина какая-то... Охоломи! Остынь!

- Ты... - ханец смотрел исподлобья и тяжело дышал, потому речи его выходили отрывистыми и сдавленными, будто Лю душил кто-то. Или что-то. Гнев, понятно, но еще... Страх?

- Ты сможешь совладать с этим, если тут и впрямь чье-то чародейство? - глядя на нее, Лю задышал ровнее и спокойней и смог выговорить фразу, не приправляя ее десятком древних ругательств. – Сможешь справиться с колдуном?

- Цзы Ин говорил мне, что Чжао Гао – оборотень, что он умеет отводить людям глаза и заставлять видеть то, чего нет, - Люся нервно повела плечами. Древнекитайская чертовщина ей уже изрядно надоела. Сначала боги, потом даосы, а теперь и вовсе бесы какие-то! – Может, он и впрямь прикинулся кем-то безобидным, спрятался у нас под носом, там, где точно искать не будем, выждал время...

- Чтобы украсть циньского мальчишку, который и даром никому не нужен? - фыркнул Лю. – Да будь главный евнух в моем лагере, разве не прикончил бы он меня или тебя, вместо того, чтобы на паренька силы тратить? Где искать не будем... Хех. Я б тогда на его месте сразу к Сян Юну утёк, там-то точно никому в голову не придет...

Лю говорил что-то еще, но Людмила уже не слушала. Всё внезапно встало на свои места: и это подозрительное письмо от сестры, и свидание в безлюдном месте, и пропажа императора... Убивать Лю? Зачем это Чжао Гао сейчас? Опять же, чтобы Пэй-гуна убить, надо очередь отстоять почище чем в Петрограде в булочную в феврале 17-го... Желаящих-то много, а Лю – один. А вот выманить из логова хулидзын – это запросто. Если письмо от

сестрицы не работает, украдем пацана для верности.

«Кто предупрежден, тот вооружен» - сказала себе Люся и вооружилась чуским кинжалом. Ну не мечом же ей крошить врагов, если что?

Неведомый враг невольно оказал «небесной гостье» крупную услугу, усыпив «приближенных» и устроив переполох в лагере. Как бы Люси смогла улизнуть, если по пятам за ней всегда хоть кто-нибудь, да следовал? Подставлять тех, к кому девушка уже успела привыкнуть и даже привязаться, под удар, ей не хотелось, и придумать ничего не получалось, а тут такой подарок!

Звание «небесной лисы» все-таки давало множество преимуществ. Суеверные бойцы войска Лю не то что дорогу преградить – даже спрашивать лишних раз не рисковали, куда это направляется госпожа хулидзын, оседлав свою соловую кобылку. Мало ли... может, на охоту пошла? Или собралась искать следы пропавшего императора, обернувшись в свою звериную ипостась? И вообще – раз небесная госпожа куда-то идет или едет, значит – имеет право! Уж к этому-то Люся своих древних ханьцев успела приучить.

А Пэй-гун, который единственный мог остановить свою лису, был слишком занят и знать не знал, что вслед за Цзы Ином лагерь в Башане покинула и Люси. Выехала за ворота и растворилась среди зеленеющих полей и бамбуковых рощ, словно и не было ее.

...Но сейчас, торча по колено в воде и беззвучно утирая раскисший нос, Люся смотрела на чахлый костерок на той стороне реки – и остро, свирепо, отчаянно сожалела, что она тут одна. Что нет при ней ни отряда могучих витязей, ни даоса какого-нибудь завалющего, ни Лю Дзы.

Когда совсем стемнело, а лягушачьи песни, свист, рык и резкие вопли каких-то ночных тварей и шелест ветра заглушил даже плеск, с которым Люся, чертыхаясь, отцепляла от ног присосавшихся пиявок, она поняла – пора. И осторожно, плавно, без всплеска погрузилась в воду, мучительно медленно переплывая реку, черную, но словно светящуюся, как лента лучшего шелка. Одежду и оружие девушка увязала в узел и придерживала одной рукой на голове, а другой – загребала, так что дело двигалось еле-еле. О змеях она старалась не думать. Об омутах, водоворотах, реакции Лю на ее исчезновение и о том, как именно ей предстоит спасти сестру – тоже. Дело пахло очередной китайской чертовщиной, и разве не богиня Нюйва должна следить, чтобы ее, хм, посланницы оказались в силах совладать с темной магией?

С колдовством Нюйва, может, и поспособила бы, но вот с рекой Люсе пришлось справляться самой, и не сказать, чтобы удачно. Течение, чем ближе к середине, тем сильнее, отнесло ее довольно далеко от нужного места. Так что когда Людмила, задыхаясь, сморкаясь и клацая зубами от холода, выбралась-таки на топкий илистый берег, проломив в тростниках изрядную тропу, костра было уже не разглядеть. Хотя, может, он просто угас. Ночь давным-давно перевалила за середину, Люся дрожала и зевала, едва не выворачивая челюсть, а темень стояла такая, что и думать было нечего куда-то идти. Но и сидеть в тростниках, выжидая неизвестно чего, девушка не собиралась. Так и замерзнуть недолго.

«Луну бы, - мысленно попросила она, обращаясь к затянутому тучами небу. - Или хоть звездочек маленько, а? Я ж сослепу сама себе шею сверну, как уж тут Танюшу спасти и рыбок добыть!»

В сапогах мерзко хлюпала вода, влажная одежда ничуть не грела, но – словно в ответ на просьбу – в разрывах туч мигнула ущербным желтым глазом луна, и Люся приободрилась. И осторожно, но упрямо двинулась туда, где по ее расчетам засел неведомый враг.

Таня

Одно лишь радовало Таню – её сестренка так и не явилась на встречу. То ли братец Лю её не отпустил, то ли заподозрила неладное, но она сильно запаздывала, а Чжао Гао ждать до бесконечности не мог. Отставной император не ошибся с намеченной датой, и двум несчастным пленникам, безвольно бредущим следом за мучителем, оставалось лишь гадать, что задумал главный евнух.

Впрочем, терзалась только Татьяна, юноша для себя всё уже решил.

- Все равно меня убьют, - сказал он бесстрастно. - Не Чжао Гао так Пэй-гун, а не тот и не другой, то - Сян Юн.

- Не говори глупостей! Я не позволю генералу Сяну...

Мальчишка поглядел на подругу по несчастью с толикой жалости, словно на умом тронутую, что было бы немудрено.

- Кто бы не сел на престол Сына Неба и чью бы голову не увенчала мяньгуань, этот человек первым делом прикажет казнить последнего из династии Цинь. И правильно сделает. Если уж змея заползла в бамбуковую трубку, то... - он вздохнул. – Живой Цзы Ин никому не нужен.

Умом Таня понимала, что мальчик ничуть не преувеличивает, но сердце её отказывалось принимать жестокую правду здешней жизни. Как в свое время она не могла поверить в расстрел Государя Императора и всей царской семьи в Екатеринбурге. И долго плакала у иконы Богородицы, ставя поминальные свечи по невинно убиенным великим князьям и наследнику. Тогда ей казалось, что кара Господня вот-вот обрушится на бесчеловечных злодеев, что эти смерти должны уже стать последней каплей в чаше терпения. Но – нет, не случилось светопреставления, не разверзлись хляби и не умерли все первенцы.

- И всё же мы ещё поборемся, – отчаянно бодрилась девушка. – Гробница большая и темная, авось удастся сбежать.

Однако её собственные ноги, сами собой ступавшие след в след за Чжао Гао, доказывали обратное. Древний чаровник снова воспользовался струящимися дымами из благовонных палочек, которые вместо веревок и цепей сковали жертв по рукам и ногам.

- Станешь упираться, отрублю ноги по колено и побежишь на четвереньках, как собака, – предупредил негодяй, мерзопакостно усмехнувшись. - Так что, обойдемся без баловства.

Ни есть, ни пить, ни отдохнуть он пленникам не давал весь день, не желая тратить драгоценное время на уход за теми, кого заранее записал в покойники. И чем ближе подходили они к горе Ли, тем призрачнее становилась надежда на спасение. Сначала Таня молилась, но скоро душевные силы её иссякли окончательно, уступив место тупому онемению всех чувств. В конце концов, не так уж это и плохо, умереть от руки знаменитого злодея, чье имя стало синонимом вероломства и коварства. Гораздо хуже, когда жизнь твою обрывает твой бывший друг, коллега или односельчанин из зависти и классовой ненависти, а то и просто без всякой причины, а лишь потому, что у него есть винтовка. Все-таки правы были древние китайцы, полагавшие, что смерть смерти рознь.

А еще древние китайцы отлично умели прятать свои сокровища и тайны. Ни за что не догадаться, что неприметный овражек на склоне – это и есть потайной вход в подземную

гробницу грозного императора. Несколько крупных валунов, рассыпав припорошенных пылью кустиков жимолости и крапива по пояс. Поди пойми, что если аккуратно проскользнуть между камнями и раздвинуть как следует ветки, то в скале обнаружится узкая щель, пригодная, чтобы в неё пролез достаточно стройный мужчина, или тонкий юноша, или хрупкая девица. Или все по очереди.

- Идите вперед, - приказал Чжао Гао, толкая Таню в спину, в кромешную тьму подземелья.

Следом отправился мертвой хваткой уцепившийся за пояс её халата Цзы Ин, а замыкал шествие бывший евнух.

А темнота вокруг была такая плотная, что казалась осязаемой, и это не сухая штукатурка крошилась под ногтями вытянутых вперед рук, а сама ночь рассыпалась в пыль.

Узкий, лишь чуть-чуть шире девичьих плеч, коридор закончился. Стены внезапно исчезли, и Таня, неловко оступившись, упала куда-то вперед, пребольно ударившись коленками о каменный пол.

- Осторожнее, - злобно прошипел Чжао Гао. - Шею не сломай прежде времени.

- Посветить бы, - осторожно предложил отставной император.

И тогда евнух зажег факел.

Широкий проход был заполнен огромными солдатами в облачении пехотинцев. Их смуглые лица блестели, словно от пота, темные глаза щурились, губы улыбались. Воины замерли на месте и не двигались, будто ожидая команды.

Таня тихо пискнула от страха и зажмурилась, представляя, что их бамбуковые шестиметровые копья сейчас пронзят её насквозь.

- Не бойтесь, они – глиняные, – прошептал Цзы Ин. – Они не живые.

И - правда, это мерцающий желтый свет огня придавал сотням глиняных истуканов вид живых. Искусно, с удивительным мастерством раскрашенные лица, и ни одного похожего. У дочери ученого-синолога от восторга помимо воли перехватило дыхание. Сокровище, еще никем не потревоженное чудо света, сравнимое разве что с египетскими пирамидами!

- Сначала мой дед хотел похоронить живых воинов, но его отговорили. Сказывали, что мастера изготовили десять тысяч фигур. Их лепили с живых людей. Это была огромная честь.

- Боже! - ахнула Таня. - Целых десять тысяч...

- Сорок тысяч, – поправил Чжао Гао. - Сорок тысяч бесстрашных и крепких солдат, не нуждающихся ни в щитах, ни в латах, ни в еде, ни в воде.

Судя по тому, как дрогнул его голос, императорский евнух принимал активное участие в создании глиняной армии и очень гордился собой. Глаза его светились изнутри голубоватым, а губы шевелились, словно древний негодяй нашептывал заклинания.

- Идем... Нет! Мы поедем! - воскликнул он, словно внезапно потеряв контроль над собой.

О да! Тут было от чего с ума сойти. Таня Орловская, та и думать забыла и о своем бедственном положении, и о смертельной угрозе, исходящей от Чжао Гао. Она бы сейчас жизнь отдала за то, чтобы прикоснуться к статуям, а ещё лучше зарисовать. А ещё лучше остаться тут и открыть миру этот удивительный памятник. Чтобы подарить всему человечеству красоту и потрясающее свидетельство древней эпохи. Боже Праведный! Да они же все при настоящем оружии. И кони тут, и повозки, и сигнальные барабаны, и гонги. Татьяна сама себе завидовала. От имени всех археологов, всех историков, всех ученых!

- Сейчас проверим кое-что, - пробормотал тихонько евнух.

Он решительно подошел к лошади, запряженной в ближайшую бронзовую колесницу, и, соединив рыбок Ньювы в единую печать, приложил её ко лбу животного. Несколько жгучих мгновений ничего не происходило, совсем ничего. Но потом... призрачное голубое пламя окутало статую мерцающей дымкой. А затем гнедая шумно всхрапнула, взметнув облачко пыли, недовольно дернула ухом и взмахнула хвостом. Будто живая.

Люся

Люся поняла, что безнадежно опоздала, когда в неверной серости нарождающегося рассвета увидела из тростников полянку, на которой остывало кострище. Угли уже подернулись золой, значит, те, кто коротал здесь ночь, успели уйти. Куда? Как давно? Скрипя зубами, девушка выбралась из зарослей и разворошила костер. Руки у нее так окоченели, что Люся даже не сразу почувствовала тепло еще не до конца остывших углей. Зато когда почувствовала... На краткие, но сладостные мгновения, Людмила позабыла обо всем, с почти звериным урчанием зарываясь в теплую золу аж по локти. А когда очнулась, поняла – с «небесной» белизной кожи ей пришлось ненадолго расстаться. Зола покрывала ее всю, оседая на влажной одежде, размазываясь по лицу...

- А и хорошо, - проворчала она. — Не такой приметной буду.

Вернувшаяся способность соображать привела за собой и надежду. На поляне остались следы. Вон тот лоскут, зацепившийся за колючку – явно от женского платья. Это Танечкин след, никак иначе! А вот и трава примята, вот и роса сбита с высоких стеблей... Как ищейка рыская, Люся на коленках исползала всю полянку и убедилась – ей не примерещилось. Узкие и легкие отпечатки тряпочных тапочек могли принадлежать любой другой женщине, но кого бы ещё занесло в долину Байлююань, кроме Танюши? А вот рядом след пошире и подлиннее, да и отпечатался глубже. Но вот и еще, уже другие!

- Трое их, – по-турецки усевшись рядом с разворошенным кострищем, вслух пробормотала Люся. – Ушли... ушли вроде как на север. Ну же, отважная скво Бешеное Перо, думай! Вспоминай!

Кто бы знал тогда, в далеком и мирном 13-м году, что детские игры в зарослях бурьяна на даче в Териоки когда-нибудь пригодятся? Кто бы ведал...

- Так роса-то! – ахнула Люся, хлопнув себя по лбу. - Роса ведь сбита! Ну-ка, лиса небесная, хвост в зубы – и вперед, пока солнце не встало!

Вот припечет, пригреет, туман развеется, роса высохнет – и все, пропал след. Так что окоченела или нет, ноют ли ноги, колет ли в боку – рассусоливать некогда. Вперед! И не стонать!

Больше всего она боялась не успеть. Кто бы не заманил сюда Таню, намерения у него вряд ли были добрыми. Куда похититель ведет сестру? Зачем? Если бы дело было только в том, чтобы догнать – но ведь надобно и самой не попасться! Да, Люся боялась, очень боялась. С другой стороны, небесными девами так просто не разбрасываются. Не под каждым кустом найдется по белокожей «посланнице Яшмового Владыки», верно?

- С Танечкой все будет хорошо, - бормотала она себе под нос, то ли судьбу заклиная, то ли небеса, а может – и саму себя. – Все будет хорошо. Только поторопиться надо...

Солнце поднялось, и роса высохла, а вместе с ней – и след... но Люся, прищурившись, на пределе зрения все-таки успела заметить – что-то светлое мелькнуло среди сочной

зелени. Мелькнуло, пропало, но почти сразу показалось вновь.

Далеко впереди кто-то поднимался по ведущей в гору тропе. И этот кто-то был не один, а еще – это наверняка была Таня. Больше некому.

Люся отдышалась, энергично растерла ноющие икры – и прибавила шагу, почти переходя на бег. Только об одном она сейчас жалела – кобылка ее, верная Матильда, шлепком по толстому крупу отправленная обратно в лагерь Пэй-гуна, была уже далеко-далеко. А как сейчас пригодилась бы лошадь-то!

Размазывая пот по чумазому лицу, девушка упрямо шагала и шагала вперед. И знать не знала, что именно в тот миг, когда она, оступившись, прикусывает губу, чтобы не вскрикнуть, Лю Дзы, тихим от бешенства голосом уточнив у смущенного стражника: «Куда, говоришь, уехала госпожа? На юго-восток, да?» поднимает голову и смотрит в сторону лагеря Сян Юна долгим тяжелым взглядом.

Люся

Если бы не примятая крапива, обломанные ветки и раздавленные стебли сочной молодой травы, Люся наверняка сбилась бы с дороги и нипочем не сумела догнать тех, кто увел Таню. Она, конечно, и так не настигла пока похитителей, но все-таки постепенно нагоняла. Те, впереди, шли довольно медленно, а вот Людмила не мешкала. Хромота хромотой, но зато выносливостью Люся могла гордиться. Профессиональная танцовщица как-никак, столько лет тренировок и занятий! Невозможно хорошо танцевать – и не уметь терпеть боль, отстраняться от усталости и контролировать дыхание. Конечно, за последние месяцы девушка разленилась, и далеко не каждое утро теперь начинала с обязательного комплекса упражнений, но тело ведь ничего не забывает. Поймав ритм и выровняв дыхание, Люся шла вперед, почти не хромая, а на легкую рысцу не переходила только потому, что боялась пропустить следы. И все равно чуть не проскочила мимо неприметного овражка, заросшего бурьяном и крапивой. К счастью, потревоженная зелень не успела еще распрямиться и скрыть следы тех, кто продирался сквозь заросли совсем недавно.

- Так, - прошептала Люся, когда обнаружила, что путь ее кончается узкой расщелиной, уходящей куда-то вглубь горы. - Очень интересно. А дальше-то что мне делать?

Вопрос этот отнюдь не был риторическим и адресовался напрямую Небесам, а конкретно – Нюйве. Должна же древняя богиня тоже проявить хоть какое-то участие, в конце-то концов?

- Я ж там не вижу ни черта! – девушка заглянула в подозрительный проход и вздохнула. - Господи, темно ж, как в склепе!

Но тут взгляд зацепился за что-то светлое. Ахнув, Люся ухватила еще один повисший на кусте клочок ткани – опять шелк! Точно от платья! От Танечкиного!

- Ну, пронеси, Господи... - она перекрестилась, глянула в последний раз на солнечный свет, веселыми брызгами пляшущий на молодой листве – и решительно полезла в расщелину, словно в могилу.

Поначалу Люся действительно продвигалась вслепую, ни черта не видя перед собой и лишь на ощупь определяя, что узкий этот ход действительно куда-то ведет. Но потом то ли Нюйва, наконец-то, вспомнила о своей «посланнице», то ли ещё какая-то магия сработала, но девушка вдруг поняла, что видит, куда идти. Вокруг по-прежнему царила первобытная

тьма – хоть глаз выколи – но оказалось, что зрение тут не очень-то и нужно. Люся не видела, она просто чувствовала, знала, где уступ, где трещина, а где поворот. Словно стала то ли кротом, то ли червем дождевым, которым глаза не нужны, чтобы знать, куда ползти. И когда стены вдруг раздвинулись, и темный лаз сменился огромным, но тоже темным пространством, девушка сумела удержать равновесие и не упала, а легко спрыгнула... куда-то. И, подняв руку, ненароком коснулась чьей-то другой руки – холодной, твердой, неживой.

Таня

Ожившее глиняное изваяние – зрелище не для слабых духом. Хотя раскрашенная в гнедую масть лошадь и не обрастала шерстью прямо на глазах у изумленной публики, но от вида её шевелящихся ушей и подвижных ноздрей невольных зрителей кидало в дрожь. Цзы Ин, тот даже зажмурился.

Но стоило лишь Чжао Гао отнять божественную печать от поверхности статуи – лошадь так и застыла с приподнятой задней ногой.

- Вот, значит, как, – пробормотал евнух, не скрывая разочарования.

И незамедлительно, как это принято у душегубов, отыгрался на пленниках. Несколько резких пассивов – и невидимые пути сдавили несчастных со всех сторон, не давая вздохнуть полной грудью. Татьяна заскулила, а низложенный циньский ван тихонечко простонал что-то несвязное.

- Терпите, черви. Недолго осталось, – фыркнул Чжао Гао, но по влажному блеску его красивых глаз было ясно – он чужими мученьями просто наслаждается. Как иной человек – вкусной едой или сладким вином. Удовольствие получает. И не ведает ни сочувствия, ни жалости.

То ли пламя факела потускнело, то ли у Тани почернело в глазах, но тьма принялась снова сгущаться, обещая наконец-то освободить от мук. Где-то рядом сипел Цзы Ин.

Вдоволь натешившись видом корчащихся, задыхающихся жертв, истязатель ослабил свою удавью хватку. Как раз вовремя, пока они ещё не испустили дух. Неохотно отпустил, заставил себя, и то лишь потому, что нуждался в живых пленниках.

- Хватит валяться! Вставайте. Времени мало.

Таня и юный император с ужасом переглянулись. Теперь они уже не сомневались, что злодей приготовил для них что-то поистине ужасающее.

- Да, не тряситесь так, – кривовато усмехнулся евнух. – Мне лишь нужна ваша кровь, – и добавил уже почти весело. – Зато вся, какая есть.

Глумливо потрепал Цзы Ина по перепачканной щеке и как ни в чем ни бывало зашагал по коридору между рядов глиняных воинов.

Зашагал? Нет, это не совсем подходящее слово. Он не просто шел, по-девичьи изящный и одновременно по-мужски неукротимый. Чжао Гао струился, тёк вперед, оставляя за собой светящийся в темноте голубовато-серебряный след, схожий с полупрозрачным шлейфом из медленно гаснущих искорок. Несказанно красиво и одновременно чертовски страшно.

«Это из-за печати Ньювы», – догадалась Татьяна.

Сначала она подумала, что древнекитайский негодяй решил сбежать в будущее, чтобы там начать новую жизнь. Но зачем тогда он привел их в подгорную гробницу? Для чего ему кровь последнего императора Цинь? И почему, отобрав вождьленную рыбку, Чжао Гао не

удавил Небесную Деву, заодно отомстив Сян Юну?

Впрочем, все и так понятно... Ожившая на несколько мгновений терракотовая лошадь рассказала о планах хитрого евнуха больше, чем самое подробное изложение. Это ведь только в авантюрных романах злодеи становятся в красивую позу и на половину главы, страниц, эдак, на пять, подробно рассказывают, отчего и почему проворачивали свои грязные делишки. И как они, злодеи, дошли до жизни такой.

«Да разве я... Разве мы с Люсей не стали героями фантастической, невиданной и неслыханной истории? Разве мы не попали живьем на страницы книги? Ведь такого не может быть, чтобы и древняя как мир богиня, и путешествия во времени, и летающие даосы. И ожившие статуи-големы в придачу, - рассуждала Таня, чувствуя, что постепенно теряет остатки здравого рассудка. – Только китайских драконов не хватает – рогатых и бескрылых».

Какой, к черту, здравый смысл? К чему он в этом темном коридоре, заполненном глиняными солдатами – пехотинцами, лучниками, возничими, барабанщиками и всадниками, вооруженными – хоть сейчас в бой.

«К чему весь тот самообман, мадемуазель Орловская? – прошелестел из сумрачных подвалов сознания только что изгнанный туда с позором здравый смысл. - Когда сорок тысяч непобедимых глиняных воинов разом оживут и выйдут на свет божий, кто станет самым могущественным человеком в Поднебесной? А? Вот то-то же!»

В этот момент Чжао Гао остановился, обернулся и покосился на Таню изящно подведенным, черным, как обсидиан, из-за расширенного зрачка, глазом, в котором танцевало голубое пламя.

- Догадалас-сь, наконец-то? Долго же ты с-соображала, глупая девка.

И Таня готова была в этот миг поклясться на Святом Писании, что видела во рту у бывшего главного евнуха черный раздвоенный язык.

Казалось, путешествие по подземным коридорам никогда не закончится. Как не кончалось глиняное воинство, и не прекращался противный хруст под ногами, когда кто-то наступал на осколки человеческих костей.

Как и все древние деспоты, Цинь Шихуанди не пожелал удалиться в царство мертвых в гордом одиночестве. Тысячи и тысячи невинных людей были погребены вместе с императором. И это их скелеты устилали теперь пол гробницы.

Возле массивных ворот, полностью копирующих, как сказал Цзы Ин, ворота в императорский дворец Санъяна, Чжао Гао устроил для себя небольшой привал. Попил воды, отер лицо от пыли и еще раз поэкспериментировал с печатью Нюйвы. На этот раз он на несколько мгновений оживил терракотового арбалетчика. Скуластое темное лицо воина дрогнуло, рот беззвучно открылся и закрылся, и видимо, от неожиданности, солдат обронил оружие.

- Экий ты, братец, растяпа, - пожурил его евнух, пригрозив пальцем.

И пока они шли по внутренней территории подгорного дворца, у Тани перед глазами стоял искаженный мукой лик голема. Умом девушка понимала, что это всего лишь обожженная, а потом умело раскрашенная глина, но сердцем она чувствовала, как бесконечно страдало это оживленное колдовством создание. Краткий миг бытия между двумя вечностями до и после – это так жестоко.

- Ну вот мы и пришли, – молвил Чжао Гао остановившись перед резными дверьми, ведущими в главный зал, и добавил задумчиво. - А ведь знал, что всё так и случится. Просто

знал. Вот что бывает... - он повернулся к Цзы Ину, - когда заранее все правильно спланируешь. Даже если боги противятся.

Евнух глубоко вздохнул, словно перед прыжком с обрыва в реку, и резко распахнул створки. И тут же цепочки огнёй потекли куда-то вдаль. Это само по себе вспыхивало масло в чашах сотен треног, озаряя квадратный зал. Таня ожидала увидеть что-то вроде пещеры сорока разбойников или огромного пиратского клада – с грудями золотых монет и россыпями драгоценных камней. Чтобы повсюду гирлянды жемчужных ожерелий, короны древних царств и без счета всяких женских побрякушек кучами. Но дедушка несчастного Цзы Ина на такие банальные мелочи не разменивался. В центре абсолютно пустого зала на небольшом возвышении стоял саркофаг из чистого золота – массивный параллелепипед, густо-густо покрытый резьбой. Представить себе невозможно, сколько же весила подобная махина. Потолок над местом упокоения Цинь Шихуанди был выполнен в виде звездного неба – со сверкающим бриллиантом Полярной звезды в центре. Стоял же саркофаг на карте империи, сотворенной из разноцветного нефрита. Империи, которая по замыслу её создателя, должна была простоять незыблемо еще 10 тысяч лет. Горы всех оттенков желтого, долины – темно-зеленые, реки – прожилки молочно-белого камня. И города, много городов, и каждый аккуратненько подписан. Даже ногами жалко ступать по такой красоте.

Таня осмотрелась вокруг и озадачилась целым списком вопросов. Куда, скажем, ведут разбегающиеся от центрального возвышения узкие пустые канавки, похожие то ли на ветки деревьев, то ли на сеть кровеносных сосудов? И что они символизируют? Руслу небесных рек? Корни персиковых деревьев бессмертия? Пути-дороги к новой жизни?

- На саркофаг. Живо! - резкий голос Чжао Гао хлестнул по спинам пленников, словно плеть в руках тюремщика.

Его непреклонная воля быстренько загнала девушку на золотую крышку. Отрешенный и сосредоточенный юноша-император улегся рядом. Душой он, видимо, уже пребывал в преддверии загробного мира. Его спокойствию Татьяна не дивилась ничуть, все-таки дворцовое воспитание и привычка к строжайшему подчинению старшим. А, скорее всего, здесь просто застарелый утробный страх перед Чжао Гао.

Лежать на золоте было не только неудобно, но и ужасно холодно, словно на льдине. Завитки узора впивались в спину, и никакими силами не удавалось пристроить тело на этом жутковатом ложе.

- Хватит вертеться! - рявкнул Чжао Гао и буквально прибил девушку к месту незримыми гвоздями.

Ни голову повернуть, ни шевельнуться, ни глубоко вздохнуть. И по всему выходило, что яркая алмазная искра Полярной звезды на потолке станет тем последним, что увидит Татьяна Орловская перед смертью. И умрет она, даже ни разу не целованная. И жених есть, а спасти её никак не может. Вот что обидно! Сян Юн бы не побоялся ни подземелья, ни глиняной армии, ни Чжао Гао, в этом Таня не сомневалась ничуть. Да, он бы эту гробницу по камушку разнес, её бешеный генерал.

Каждой девушке хочется, чтобы однажды её спас отважный рыцарь. Чтобы явился бы в самый темный час и одолел зло, освободив избранницу сердца из тягостного плена. Пусть это будет не высокая башня, а маленькая и неудобная квартирка, и не дракон её стережет, а закладная в банке, и никакого коня и в помине нет, а сам храбрец беден как церковная мышь. Главное, чтобы нашелся такой вот безумец, готовый ради любви на подвиг. Нет! И даже это не самое главное. Порой достаточно просто знать, что где-то на белом свете есть такие

мужчины. Это, собственно, и есть самая важная женская тайна.

И надо же такому стать, у барышни Орловской – он был. Отважный, бесстрашный, честный и... обреченный самой Историей на смерть. Теперь понятно, как всё вернется на круги своя – Сян Юн не спасет сейчас Таню и сам погибнет через пару лет.

Боку стало мокро и горячо от крови Цзы Ина. Таня крепко зажмурилась, чтобы Чжао Гао не видел её страха, глубоко вздохнула и вручила свою душу Отцу Небесному. В конце концов, на всё воля Его.

Люся

Каким чудом Люся не заорала, ей самой было неизвестно. Наверное, сказала вбитая в подсознание за годы опасных скитаний привычка – что бы ни случилось с тобой, не шуми. Крики еще никого на памяти Людмилы не спасли: злодеев жалобные вопли жертвы только раззадоривают, а добрые люди, заслышав отчаянное: «Помогите!», предпочитают разбежаться и прятаться. И нельзя их за это винить, нет, нельзя.

Но, по правде, горло ей просто сдавил такой запредельный ужас, что девушка ни вдохнуть, ни выдохнуть не могла, не то, что кричать. Это ее и спасло. Потому что кто знает, что за нечисть скрывалась тут, в темноте? Люся так точно не знала.

Та холодная и неживая рука, которой она ненароком коснулась, оставалась неподвижной, и Люся, пережив несколько жутких мгновений, сумела тихонько перевести дух. И, осмелев, а скорее – одурев от страха, рискнула ощупать так напугавшую ее фигуру.

Это оказалась статуя, но какая-то странная, облаченная в настоящие доспехи поверх грубых одежд. Люсины пальцы натыкались то на холодный металл пластинок и заклепок, то на кожаные ремни, то снова – на... глину? Точно, на ощупь эта человеческая, в полный рост фигура казалась вылепленной из глины. И тут затылок уже привычно обожгло потустороннее дыхание древнего божества, и Люся вспомнила. Армия големов! Так вот, значит, как... И головоломка сложилась. И вместе с разгадкой – зловещей такой, фантастической, но бесспорной – пришел настоящий страх.

«Сила моей печати даст глиняным воинам подобие жизни, – так ведь говорила Нюйва тогда, на Цветочной горе. – И человек, сотворивший такое непотребство, получит власть, совладать с которой мало кто сможет в Поднебесной».

Сколько же тут этих големов? В темноте Люся, конечно, даже приблизительно не смогла бы их пересчитать, но дурное предчувствие твердило ей – много, очень много. Слишком много...

«Значит, злодей заполучил обеих рыбок, – сообразила она. – Иначе на черта бы ему сюда лезть? Но... но зачем ему Танечка?»

Догадка билась в мозгу, как... как живая рыбка на сковородке, но Людмила стиснула зубы и не позволила себе думать дальше. Слишком уж простым и жутким мог оказаться ответ.

И тут далеко-далеко, где-то на другом конце подземелья робким и неверным огоньком блеснул свет. То ли обман зрения, то ли какой-то призрачный светляк, пляшущий под сводами гробницы, то ли... Факел. Где-то впереди пробирался между рядами глиняных воинов тот, кто не боялся погони и мог позволить себе освещать путь.

«Стало быть, мне – туда», – решительно поджала губы Люся и сделала несколько осторожных шагов. Под ногами у нее что-то негромко и сухо хрустнуло, будто на полу

откуда-то взялся хворост, но девушка прогнала прочь очередное жуткое предположение и как можно тише и аккуратней двинулась вперед.

Чжао Гао

Никто не хочет умирать – ни кузнечик, ни стрекоза, ни ящерица, ни собака, ни оскопленный раб, ни император. Все хотят жить,исступленно цепляясь за каждый вздох. Только ничтожные твари бессильно скулят, а от попыток владык сберечь свое драгоценное пламя содрогаются горы, горит земля и кипит море. Пожалуй, никто из рожденных женщиной, не жаждал вечной жизни так, как человек по имени Ин Чжэн 4. И, уже став повелителем Поднебесной, объединив все царства, перекроив земли по своему усмотрению, заведя собственные порядки, он устремился к бессмертию ещё сильнее. Он так отчаянно искал вожаденный эликсир, что увлек идеей даже самого своего хладнокровного слугу. Самого скептического, самого циничного, самого равнодушного. Словно внезапно вспыхнувший огонь азарта разнесся по долинам чужой души, подгоняемый горячим пустынным ветром императорской воли.

«А старик всего лишь боялся смерти, - мысленно усмехнулся Чжао Гао. - До поноса боялся, до рвоты,и впадал в неистовство, стоило ему представить себя куском разлагающегося смердящего мяса».

Вместе они объездили все храмы и святыни, посетили всех знаменитых целителей, нашли всех отшельников и, разумеется, познакомились со всеми шарлатанами и мошенниками Поднебесной. Пилюли бессмертия ни у кого так и не нашлось, зато отыскалось множество любопытнейших записей, заинтересовавших Чжао Гао. Тогда и родился его личный План.

Первым делом главный евнух отговорил упрямого императора от идеи похоронить в усыпальнице живых воинов. Слухи, умело пущенные в армии,тоже сыграли свою роль. Реальная угроза кровавого бунта, знаете ли, это вам не шутки. Доблестные солдаты не хотели умирать, а Чжао Гао не нужны были их гниющие трупы. Такое вот редкое совпадение пожеланий.

Все уже придумано,и придумано, к слову, не людьми, а богами. Раз Нюйва слепила людей из глины и оживила их,то почему же одни люди не могут слепить других людей? Конечно, чтобы вдохнуть душу в глину, нужно быть богом. Но разве Чжао Гао потребны чьи-то живые души? Пфе! С ними только морока одна! Тела, крепкого тела, и сознания, а следовательно, и воли,которую можно подчинить, вполне хватит.

Кто знал, что хитрый старик Цинь Шихуанди окажется куда предусмотрительнее, чем ожидалось? Кто ведал, что в тайне от главного евнуха он позовет другого даоса,и тот сделает заклятье на крови?

Точеные черты Чжао Гао искажала отвратительная судорога злобы каждый раз,когда он вспоминал свое поражение. Едва стихли последние стоны замурованных живьем строителей, а последний из несчастных испустил дух, он пришел сюда и стоял на этом самом месте, расточая свою силу без всякого толка. Ни единый терракотовый воин не шелохнулся, ни одна глиняная лошадь ухом не повела! И, евнух готов был поклясться, мертвый император, там, под тяжелой крышкой своего гроба, в этот миг хохотал во все горло над неудачником.

Без высшей воли богини Нюйвы, без живой крови наследника империи Цинь,

могущественное заклинание не работало. Не работало оно, хоть умри, хоть отдай всю энергию ци капля за каплей! И если с императорской кровью ещё можно что-то придумать, то богиню не принудить – ни угрозами, ни лестью, и не задобрить подарками, и не выклянчить милость, а главное – не обмануть.

Оставалось только запастись терпением и ждать. Чего? Божественной оплошности. Боги слишком сильны, а потому неосторожны и неосмотрительны. Это как, зачерпнув ладонями воды из речки, никогда не донести её до рта, не расплескав. А малой букашке хватит и одной капли, чтобы вдоволь напиться.

Так тигр ждет в тростниковых зарослях возле тропы, ведущей к водопою. Бдительно и даже мысли не допуская, что никогда больше не ступит на эту тропу копытце жертвы. Он точно знает, добыча обязательно придет. Рано или поздно. Ждать, кстати, пришлось не так уж и долго.

Две крошечные рыбки выпали из рук Ньювы. Как и почему? Да какая разница! Значит, на то была Воля Небес.

Чжао Гао совладал с внутренним трепетом, успокоил дыхание, уравновесил потоки энергии в собственном теле. словно медленно вошел в прохладные воды озера, ощущая лишь спокойствие, граничащее с возделенной для каждого даоса абсолютной безмятежностью. Вот теперь можно делать всё.

Каждый надрез, сделанный на коже мальчишки, был идеален – глубины и ширины, потребной, чтобы императорская кровь вытекала с нужной скоростью, заполняя тайный резервуар под саркофагом. Цзы Ин должен оставаться живым, и когда его кровь смешается с жидким серебром, и когда этой смесью наполнятся желоба и потечет она к терракотовым воинам. Затем он умрет. Чудесная смерть, что ни говори, просто обессилеть и заснуть. Далеко не каждому так везет.

Закончив вскрывать вены мальчишки, Чжао Гао блаженно зажмурился. Казалось, уши слышали, как тихо шелестит золотой песок утекающих мгновений, последних мгновений в череде долгих лет подчинения и унижений. Его спина больше никогда не согнется в поклоне, не обожжет презрением ничей взор, и не найдется языка, который посмеет ему приказать... Небеса, как же это хорошо!

Все у него получилось. Всё сбылось, что загадывалось. Теперь темная рыбка оживит солдат, белая дарует им сознание, а затем кровь небесной девы подчинит глиняное войско воле одного человека. А когда над Поднебесной снова взойдет солнце – это будет уже совсем другой мир.

4 Таково было личное имя Цинь Шихуанди

Люся

Человеку непривычному все китайцы кажутся одинаковыми, на одно лицо. Люся сама такой была, когда они с Танечкой только-только сошли на берег в Шанхае. Одинаковые, как песчинки на берегу. Тысячи их! Как муравьи, ей-богу. Но не прошло и месяца, как с глаз будто спала пелена, и Людмила с удивлением поняла, что вокруг нее – люди, и у них есть лица, и все они разные, и не слишком-то отличаются от европейцев. Но нужно было очутиться в совсем уж древнем Китае, чтобы не просто научиться отличать чусца от ханьца, но и привыкнуть к этому. К тому, что вокруг нее сейчас нет никаких китайцев, единой

нации, одного народа, а есть жители Чу, уроженцы Хань или солдаты Цинь.

Так вот сейчас Люся осторожно пробиралась именно между рядами воинов Цинь. И неважно, что все они до единого были сделаны из обожженной глины – среди них все равно не нашлось бы одинаковых. И самое главное – у них были лица. Настоящие человеческие лица. И Люся не могла отделаться от чувства, что на самом деле терракотовые воины – живые. Что где-то там, под доспехами, под слоями глины спрятались всамделишные человеческие сердца. Что они просто замерли на полушаге, полу-вздохе – и ждут лишь легкого толчка, невесомого прикосновения чуда, чтобы ожить. И тогда – расправив плечи, покрепче сжав оружие, глиняная армия слаженно шагнет вперед – и присягнет тому, кто сумел их разбудить...

Наверное, это все-таки Нюйва поделилась с Люсей частью своего божественного зрения. Не иначе. Ведь тьма вокруг давно перестала быть кромешной, девушка отлично видела, куда наступает, что именно хрустит там внизу, под ногами, видела – и ощущала, что глиняные солдаты тоже на нее смотрят. Тоже видят.

- Простите, ребята, я тут прокрадусь тихонечко... - невольно бормотала она, перешагивая через чьи-то выбеленные кости, проскальзывая мимо терракотовых воинов, стараясь не задевать их даже краем рукава. Получалось не всегда, иногда Люся случайно касалась неподвижных холодных рук, и – опять не обошлось без Нюйвы, конечно! – ей казалось, что от мимолетных этих прикосновений статуи на миг теплеют и вот-вот шевельнутся в ответ.

Но свет впереди разгорался все ярче, и скоро она уже смогла разглядеть все в подробностях – и небольшую площадь посреди этого подземного некрополя, и здоровенные, настежь распахнутые ворота, подозрительно знакомые, к слову... Ба! Да они ж – один в один как те, что совсем недавно точно так же распахнулись перед Лю Дзы и его хулидзын! Ворота дворца Эпан! А за ними, получается – сам дворец? Город в городе? Кладбище внутри кладбища?

- Если б там, внутри, огонь не запалили, я б заблудилась уже к чертям, – тихонько призналась Людмила глиняному воину, из-за плеча которого, привстав на цыпочки, рассматривала ворота и дворец-гробницу. - Но что светло – это хорошо, конечно, однако ж лечу я теперь, как глупый мотылек на свечку! Не прокрасться ведь будет, а издали шмальнуть во вражину нечем... Лук у одного из вас отобрать? Так не натянуть мне толком боевой лук. Эх-ма, что ж придумать-то такого?

Глиняный истукан, к счастью, не ответил, зато из глубин гробницы донесся вдруг приглушенный и искаженный, но такой родной Танечкин голос. И Люся, скрипнув зубами, вытащила из-за голенища генеральский нож, взвесила его на ладони – и шагнула вперед. И чуть не упала, споткнувшись. Там, под ногами, вместо уже привычных черепов и костей, валялся...

- Арбалет!

Людмила подхватила оружие и оглянулась на «своего» солдата, только сейчас заметив, каким странным было выражение его застывшего лица, а еще – что воин безоружен.

- Выходит, это твой... - прошептала она, не в силах отделать от мысли, что глиняный цинец ее не просто слышит, а даже понимает. – Э... я одолжу его пока, можно? И стрелы тоже. Мне, понимаешь, стрелы ведь понадобятся... Еще б знать, как эту штуку заряжать-то, Господи...

Голем, понятно, опять ничего подсказать не смог, но Люся и сама разобралась, где

там натянуть, где подкрутить, а где – защелкнуть. Чай, не «трехлинейка»!

- Я вернусь, – пообещала она то ли сама себе, то ли глиняной армии, то ли самой Ньюйве. И, с арбалетом наперевес, двинулась дальше.

Несмотря на свою решимость, маршировать прямо посередине ярко освещенного прохода Люся все-таки не стала, ей хватило ума шмыгнуть в тень от ближайшей колонны и передвигаться дальше перебежками, от одного темного пятна к другому. Но когда в мечущемся свете огня, пляшущего в огромных чашах, она увидела, как Таня, ее Таня, лежит, распростертая на здоровенной золотой колоде, светлый шелк ее одежды заляпан почти черными пятнами, а над сестрой со здоровенным тесаком в руках навис... В первый миг Люсе показалось, что она вдруг снова оказалась в своем времени, и темный зал – это всего лишь синематограф, и злодейство – лишь подвижные картинки на экране... Не хватало лишь треньканья тапёра на раздолбанном пианино и стрекота проектора. И таблички, поясняющей смысл сцены: «Коварный злодей занес жертвенный нож над прекрасною девицею»...

- А ну отвали от нее, козел тянь-шаньский! – взвизгнула Люси и, вскинув арбалет, накрепко уперла приклад в плечо. Щелкнул крючок, резко и гулко прогудела тетива – и короткая тяжелая стрела, выпущенная почти в упор, буквально прошила мерзавца насквозь.

То есть, прошила бы и отшвырнула к противоположной стене, если бы в последний миг этот... это... существо это резко, по-змеиному, не прыгнуло в сторону. И вот оно, вырвав стрелу из широкого рукава, застыло напротив, недвижимое, жуткое, с искаженной каким-то диким изумлением мордой, и уставилось на Люсю глазами, в которых ничего человеческого не отыскалось бы и под микроскопом.

- С-с-сш-ш-сс...

Словно сплетенный брачным танцем клубок гадюк зашевелился. Шипение отразилось от каменного потолка и стен, и девушка мотнула головой, чтобы вытрясти из ушей эту потустороннюю жуть.

- Ядом не захлебнись, рыло гадючье! – дерзко крикнула она и метнулась в спасительную темноту за колонной, вслепую нашаривая ледяными от страха пальцами следующую стрелу.

Вопль «Люся!» умер там же, где родился – между голосовыми связками. Вспыхнул горячим огоньком и угас. А может, и не погас, а жгучей струйкой стек в желудок, откуда жар распространился по всему телу. Таня вдруг почувствовала, что её ничего не держит. Незримые пути исчезли, и девушка смогла приподняться на локте, посмотрела на мраморно-белого Цзы Инна, признаков жизни уже не подававшего, и такая злость её охватила, что словами не передать.

- Изверг! - взвизгнула она тоненько и со всех сил пнула мучителя ногой в бок. - Чтоб ты сдох!

От резкого движения девушка и сама свалилась со скользкого от крови саркофага. Очень вовремя, еще секунда, и Чжао Гао точно пригвоздил бы её к крышке тем самым ножом, которым только что кромсал несчастного Цинь-вана. Таня метнулась в сторону.

- Куда пошла? - рявкнул евнух, попытался цапнуть ускользающую жертву когтями, а когда у него не вышло, бросился в погоню.

- Танюшка! Беги!

Бегать по нефриту, тем более по кругу, не абы какое удовольствие, падать на него тоже

неприятно. Ну а что ещё прикажете делать?

- Стой!

Какое-то время они с Чжао Гао кружили вокруг саркофага, как лошадки ярмарочной карусели. Подстегиваемая дичайшим страхом девушка не знала устали и, как евнух не старался, догнать её у него всё никак не получалось. Казалось, еще один рывок, и девчонка затрепыхается на острие ножа, но... нет. Юркая небесная девка знай себе уворачивалась, точно заранее чуяла, когда преследователь ускорится, а когда сменит направление.

Таня отлично понимала – так долго продолжаться не может, наступит миг, когда она оступится и упадет. Но она просто обязана была дать Люсе время перезарядить арбалет. И, конечно, прицелиться. Сестричка ведь не профессиональный стрелок, а древнее оружие - не винтовка-трехлинейка.

Внезапно древнекитайский злодей остановился. Лицо его, залитое потом, искаженное злобой и потемневшее от прилива крови, окаменело. Словно он вдруг вспомнил что-то важное. Таня тоже замерла, стараясь как можно скорее отдышаться.

- Всё, хватит баловства, - прошипел себе под нос Чжао Гао.

Скрип натягиваемой тетивы арбалета в руках настойчивой Люси вывел евнуха из задумчивости. Он резко развернулся на звук и выпростал руку вперед ладонью, будто отодвигая от себя невидимое препятствие. Волна воздуха, отчего-то ставшая почти зримой, стремительно покатила в сторону Людмилы и отшвырнула девушку, словно та ничего не весила. Но оружие свое цепкая и упрямая барышня Смирнова не бросила. Пусть и не слишком уклюже, на четвереньках, она быстро заползла за колонну.

- Ты очень вовремя, хулидзын, - молвил бывший главный евнух. - Мне как раз тебя и не хватало.

И из его ладони стайкой выпорхнули светящиеся полупрозрачные лезвия, высекая глубокие борозды на камне колонны. Таня с ужасом представила, что сотворят они с Люсей. Раскромсают на ломтики, вот что!

- Выходи, пока я не выпустил кишки твоей сестре!

Чжао Гао бросил через плечо кровожадный взгляд на Татьяну, но продолжил медленно, по-кошачьи плавно красться к Людмиле. С пятки - на носок, с пятки – на носок. Раз, два, три. Прямо-таки не идет, а танцует.

«Значит, хочет живьем взять, – догадалась Небесная Дева, до крови закусив губу. – Боже мой! Что ж делать-то?» Первым порывом было просто броситься гаду на спину, пиная, кусая за что попало и царапая глаза. Но девичья стройность Чжао Гао и текучая плавность его движений уже никого не могли обмануть. Прихлопнет одним махом, как комара. Или расплющит воздушной волной. Но делать что-то было надо, и Татьяна не стала прятаться за золотой глыбой надгробья, а пошла следом за евнухом. Точнее, побрела, шатаясь от страха и усталости.

Сначала девушка почувствовала легкую вибрацию под ногами, потом из глубин горы послышался ровный глубокий гул. Словно где-то под саркофагом заработал огромный паровой двигатель. А затем Таня узнала, для чего нужны были каналы на полу. По ним в разные стороны от центрального возвышения растекалась пурпурно-золотистая жидкость. Густая, с металлическим отливом, похожая одновременно на кровь и ртуть. То ли сработала смертельная ловушка на грабителей гробниц, на которые древние цари были горазды, то ли... Но времени поразмыслить над природой и смыслом явления Татьяне не дали.

Чжао Гао вдруг подпрыгнул, изогнулся по-змеиному и, приземлившись, со всего маху

хлопнул раскрытой ладонью по полу. Многолетняя пыль тут же вспухла серыми клубами.

Колонна, за которой притаилась Люся, вдруг словно истаяла, осыпалась пылью и прахом, до колен засыпав ноги девушки мелким серым... Песком? Пеплом? И хулидзын, спиной ощутив змеиный взгляд евнуха, медленно, будто во сне, повернулась и застыла, замороженная. Почти снаряженный арбалет в затхлой, ватной тишине опускался в разом онемевших руках – тоже медленно, мучительно медленно, и Люся, глаза-в-глаза с древним колдуном, как мышь перед гадюкой, не сразу сумела вспомнить, как дышать.

Но когда сумела...

- Господи... - беззвучно прошелестела она. – Оборони, Господи...

Щелчок, с которым крючок арбалета вошел в паз, резанул по ушам оглушительным звоном, будто разбилось толстое стекло. Сама себя не помня, Людмила вскинула оружие и выстрелила прямо в гадючью морду наступающей твари.

Стрела летела медленно, адски медленно, как сквозь воду, как бумажный голубь, пущенный неумелой и неловкой рукой. Чжао Гао даже уклоняться не стал, просто отмахнулся. И сделал еще шаг к девушке, почти парализованной ужасом. На кончиках его длинных и бледных пальцев уже заklubилось что-то мерзкое, что-то убийственное, что-то, чему в русском языке названия не было, да и в китайском бы вряд ли нашлось. А Люся могла лишь смотреть на то, как изжелта-зеленая смерть собирается в руках колдуна-евнуха, как, разворачиваясь дымной петлей, тянется к ней, равнодушно и неотвратимо соскальзывая с длинных острых ногтей, в почти непристойной ласке поглаживающих воздух.

- Иди сюда...

- Хрен! – взвизгнула хулидзын и швырнула в чародея уже бесполезный арбалет.

Ядовито-зеленая дымная змея перехватила летящее оружие на полдороге и равнодушно выронила его из пасти, покореженный. И евнух приблизился ещё на шаг.

Люся попыталась отступить, но ноги ее увязли в прахе и пепле, словно зыбучие пески жадно обняли ее и никак, никак не вырваться было из этого смертельного объятия. Она просто упала, опрокинулась навзничь и уже снизу, из праха и пепла, смотрела, как отчетливо видимые нити – веревки, цепи! – чужой недоброй силы сползаются к ней, вкрадчиво и уверенно оплетают. Так паук деловито пеленает муху, зная, что жертва никуда не денется.

- Попалас-с-сь... - шипение, слетевшее с узких, глумливо изогнутых губ, было под стать мучителю. Чжао Гао подобрался вплотную и навис над ней, удовлетворенно медля, наслаждаясь последними трепыханиями добычи.

Люся хотела вдохнуть – и не могла. Ядовитая зелень колдовского дыма петлей сдавила ей горло, выедала глаза, будто небесная лиса ненароком оказалась не в древней гробнице, а в мясорубке долины Ипра. Яд сгустился, из облака соткалась змеиная голова, и разинутая пасть застила Людмиле остатки света, трепеща раздвоенным языком, пробуя на вкус ее страх и отчаяние.

- Господи... - не в силах даже зажмуриться, она снова прошептала это, отчаянно, в последней, яростной мольбе докричаться до Того, кто один лишь и мог услышать молитву тут, в забытой всеми могиле посреди бесовского, адского века.

- Х-хе... - выдохнула тварь. - Х-ха-а...

И пока эхо летело к далеким сводам гробницы, ледяные пальцы Люси, слабо, судорожно скребущие в пыли, вдруг наткнулись на что-то обжигающе-горячее, что-то твердое, крепкое, невероятно, волшебное острое... Настоящее. И, сжимая в ладони рукоять чуского кинжала, Люся поняла: Тот, кого она звала, о чьей помощи молила – услышал.

«Ближе, мразь... Наклонись ещё ближе... Еще...»

Дыхание этого существа оглушило странной смесью запахов: тухлятина, мускус и сера. Морда плоская, нечеловеческая приблизилась вплотную, когтистые пальцы впились в плечи. Люся обмякла, растекаясь в подобие обморока, изо всех сил представив, что она – вода, просто вода, и утечь сквозь эти растопыренные пальцы и острые когти ей ничего не стоит. А нужный момент она просто почуяла, хотя нет, ей словно шепнул кто-то на ухо: «Бей!» Будто подтолкнул, направил руку. Сквозь чародейский дым и бесовский смрад Людмила резко и стремительно, как коршун, ловящий змею, ударила снизу и вбок, вонзив кинжал по самую рукоять в неожиданно мягкую, податливую, какую-то вязкую плоть. Она не промахнулась, о нет. Она не могла промахнуться. Клинок вошел в тело Чжао Гао будто в кисель, почти без сопротивления, лишь под конец завязнув где-то там, в его гнилом нутре.

Завизжав так, что с потолка посыпалась какая-то труха, евнух дернулся, попытался отпрыгнуть, рванулся... Но нож вошел глубоко, и вопящий колдун невольно потянул за собой Люсю. Она оскалилась, с натугой пытаясь провернуть кинжал, торопясь добить, добить упрямую тварь... но когтистая рука уже выпросталась из ядовитого облака и ухватила Людмилу за горло, сжимая в мстительном и смертельном захвате. Они захрипели оба, оба – убийцы, оба – жертвы, и, сцепившись крепче любовников, покатались по полу, вздымая целые тучи пыли и праха.

- Таня! – выкрикнула Люся, на миг сумев ослабить удушающую хватку Чжао Гао. – Бей гада!

И почти сразу когти ослабели и соскользнули с горла девушки, оставляя глубокие царапины. Евнух отпрыгнул, а кинжал наконец-то высвободился. Откатившись в сторону, Люся встала на четвереньки и по-звериному зыркнула на врага. Над воющим и визжащим колдуном стояла барышня Орловская, с натугой заноса какой-то бульжник для нового удара.

- Давай! – крикнула Людмила и, когда сестра с размаху уронила каменюку на вражину, метнулась вперед, целясь в брюхо, в мягкое, скрытое под слоями шелка брюхо. Клинок со свистом распорол воздух и заскрипел, снова входя в плоть.

- Изыди, бес! – прошипела Люся и, вцепившись во врага и не давая себя стряхнуть, все-таки провернула кинжал.

Чжао Гао завизжал. Пронзительно, на высокой рвущей ухе ноте. Так кричит человек, страшась боли и смерти настолько, что от страха перед ними тут же теряет человеческий облик. Чжао Гао верещал как поросенок.

И Таня ударила его камнем еще раз. А потом снова. И если бы не Люсины слова, то остановилась бы, лишь вколотив убудка в землю, размазав его по всему подземелью.

- Хватит, ну хватит же... Он уже сдох, - просипела сестра. - Остановись, Танюшка.

Татьяна гневно промычала и замотала головой.

- Не-ет, нельзя... А то он... оно снова восстанет из мертвых... Надо добить! Надо, Люсенька.

Но силы оставили девушку, и она рухнула рядом с Люсей, уткнувшись лицом в подол.

- Помоги-ка мне выбраться из-под этого дохляка, - попросила та и скривилась. - Фу, вонь какая!

- Сейчас, сейчас...

Таня подхватила сестру под руки и оттащила подальше от смердящего трупа.

- Ты не ранена? Ты вся в крови!

- Ты тоже. Что он с тобой сделал?

Они говорили одновременно, вцепившись друг в друга, словно перепуганные зверьки, ощупывали руки-ноги липкими ладонями, не в силах уверовать, что обе уцелели в этом подгорном аду. А потом просто крепко обнялись и разрыдались на радостях.

- Сестричка моя! Люсенька! Родненькая! Спасительница моя.

Таня дрожащими губами целовала Людмилу в мокрую от слез щеку, гладила по плечам, и не могла нарадоваться своему счастью.

- Танюшка! Солнышко моё! Душенька! Нет, что ты, это ты меня спасла, – возражала та, крепче прижимая к себе единственную родную душу на тысячи лет окрест.

- Этот гад Цзы Ина убил, – отчаянно всхлипнула Татьяна. - Всю кровь ребенку выпустил. Такую красоту загубил.

Люся гневно засопела.

- Зато сам сдох, как хряк на бойне.

- А вдруг воскреснет? - ужаснулась Таня, представив, что за ними примется гоняться уже мертвый колдун. С этих клятых даосов станется.

Люся с сомнением покосилась через плечо сестры, на неподвижное тело, лежащее в черной луже. Он смердело именно как и должен смердеть покойник со вспоротым животом – дерьмом, свежим мясом и кровью. Уж они-то с сестрой нанюхались этого добра, дай боже! После сабельной атаки, когда поле завалено трупами людей и лошадей, вонь стоит несусветная, без мокрого платка на лице близко не подойти.

- А давай ему голову отпилим? – тут же предложила нежная барышня Орловская без всякой задней мысли. – Чтобы уж точно не восстал из мертвых.

- Ого! - поразилась эдакой кровожадности Людмила. – Да ты тут совсем озверела, душа моя. Довели мою голубицу до греха узкоглазые сволочи.

Таня ни капли не смутилась .

- Заслужил!

Ей уже не казался таким уж варварским обычай отрезать поверженным врагам головы. Если бы у Чжао Гао было десять голов, она бы всех их отрезала по очереди. Самолично!

- Как скажешь. Попробую ножом отпилить.

Но на поверку декапитация оказалась не таким уж и простым делом. Не говоря уж об эстетике.

- Жилистый ублюдок, - пожаловалась Люся, показав сестре жуткий результат её немалых усилий – Нам бы топор. Или меч.

- О! Я сейчас.

- Да уж, – усмехнулась хулидзын, глядя как её добросердечная сестричка направилась за чем-нибудь посерьезнее чуского кинжала - Мы тут со всех сторон окружены солдатами при полном вооружении.

Вернулась Татьяна быстро, с мечом наперевес и с круглыми от изумления глазищами.

- Големы светятся, - прошептала она. - И глазами смотрят как живые.

Но не успела Люся объяснить, почему ничего такого плохого она не ждет от светящихся глиняных истуканов с глазами, как её нежная чувствительная сестрица смело подошла к трупу, примерилась, сноровисто ухватила за рукоять меча обеими руками и с каким-то палаческим хеканьем снесла башку Чжао Гао.

- Острый, как бритва, - похвалила Татьяна оружие. - С одного удара получилось .

- На тебя чуский князь плохо влияет, по-моему... - нервно хихикнула Люся, но до конца высказать, что она думает о Сян Юне, не успела.

Потому что тело бывшего главного евнуха вдруг словно рябью подернулось, колыхнулось и распалось на тысячи отдельных песчинок. Не сразу, нет, несколько мгновений оно продолжало сохранять форму, несмотря на то, что крошечные частички уже отделились друг от друга. Они словно повисли в воздухе, удерживаемые, должно быть, силой ненависти древнего злодея, а потом шумно, с неприятным шелестом обрушились на землю, чтобы через ещё одну секунду разлететься в разные стороны со скоростью взрыва.

И девушки почувствовали, как черные песчинки прошивают их насквозь. И не только их, но и все вокруг. Какое-то время они ничего не видели и не слышали, задохнувшись от боли.

- Таня, гляди! - только и смогла прохрипеть Людмила, тыкая пальцем в центр усыпальницы.

- Боже! Неужели вселится...

Черный смерч кружился вокруг золотого саркофага Цинь Шихуанди и безжизненного тела внука императора, лежащего на нем. Вихрь сжался до узкого столба, загустел, а затем стал пухнуть, разрастаясь и ширясь во все стороны. Он извивался, шатался, словно внутри, как в мешке, вращалось огромное существо.

- Всё, Танюша, пропали мы, - обреченно прошептала Люся, крепко обняв сестру. – Вот теперь мы точно сгинем тут.

Им оставалось только смотреть, как исполинское антрацитово-черное тело, зародившееся внутри смерча, стремительно растет, как поблескивают сквозь тонкие просветы то ли чешуи, то ли когти, то ли зубы. Из голов девушек исчезли все слова молитв и к губам примерзли крики ужаса.

А потом все закончилось. Внезапно и практически неуловимо для глаз. Обернувшись несколько раз вокруг саркофага своим длинным телом, там стоял дракон. Черный и блестящий, как зеркало из вулканического стекла, с пастью, полной острейших зубов, бескрылый, зато с золотыми усами, как у сома, ветвистыми рогами и пушистой гривой. Чудовище ловко изогнулось, царапнуло алмазным когтем нефрит и уставилось на окаменевших девушек с эдаким веселым любопытством.

В это сложно поверить, но вертикальный зрачок, взрезавший сияющий солнечным сиянием глаз, точно меч, глядел на смертных букашек едва ли не с любовью. И страх их растворился без остатка в этом взгляде, истаял под его теплом.

- Ты... кто? – шепотом спросила Люся, дивясь только тому, что её язык не прикипел к гортани от пережитого ужаса.

- Совсем-совсем не узнаете меня, Небесная Госпожа? - удивленно молвил дракон голосом Цзы Ина. – Как же так?

И приветливо помахал огромным гребнистым хвостом.

«На чужом пиру похмелье – это про нас с Люсей сказано было, я так до сих пор считаю. А еще очень подходит поговорка про соломку, которую следовало бы подстелить в нужном месте».

(из дневника Тьян Ню)

ГЛАВА 4. Хунмэньский пир

«Правда, доподлинная правда об исторических событиях на самом деле никому не интересна. Людей тревожат лишь параллели между прошлым и настоящим, им кажется, что в прошлом сокрыты тайны, отгадав которые они смогут обезопасить себя в настоящем и будущем. Жаль, что всё совсем не так. Правда, мне очень жаль».

(из дневника Тьян Ню)

Тайбэй, Тайвань, 2012 г.

Ин Цзы Ин, князь-дракон, хранитель горы Ли

Сон дракона глубок и темен, как вода, и словно вода, неудержим. Цзы Ин, обнимающий кольцами своего необъятного тела Ли-шань, спал, и сон его стекал по склонам, звучал в журчании ручьев, колыхался покрывалом туманов, оседал росой на траве. Спящий, он был и дождем, и снегом, и росинкой на лепестке раскрывающегося лотоса. Он обнимал гору, и гора дремала в его объятиях, убаюканная, и дремала терракотовая армия в недрах Ли-шань, и беспробудным сном спал Цинь Шихуанди под крышкой своего саркофага. Годы ручьями сливались в тысячелетия, тшась наполнить бездонную чашу-вечность, но мир людей, изменчивый и суетный, покинутый Цзы Ином столь давно, не мог потревожить покой горы и ее хранителя. До тех самых пор, пока...

Сон Цзы Ина, князя-дракона, был столь глубок, что последний император Цинь попросту проспал. Столетиями никто из смертных не смел нарушить покой горы Ли, династии сменяли друг друга, люди рождались и умирали, а гробница Цинь Шихуанди оставалась неприкосновенной. Немудрено, что Цзы Ин, давно утративший счет векам и забывший о власти времени, забыл и о том, как настойчивы и назойливы бывают люди. И когда крестьяне, бурившие на склоне Ли-шань артезианскую скважину, наткнулись вдруг на глиняных солдат владыки Цинь, они почти застали дракона врасплох. Почти. Слегка растерянный спросонок, Цзы Ин заворочался – и Ли-шань ответила камнепадом, ненадолго распугавшим любопытных смертных. Но, припомнив все-таки кое-что о людях Поднебесной, о том, как настойчивы они и упорны – и как алчны бывают, князь-дракон не нашел ничего лучше, как просто сдвинуть время. Ведь что есть время? Вода. А кому, как не дракону, повелевать водой, ее течением, ее сутью? И когда туман рассеялся, людям открылась совсем другая Ли-шань. И хоть раскопки и продолжились, в настоящую гробницу Цинь Шихуанди смертным никогда не войти, а настоящую его армию – не потревожить. Пустая оболочка осталась в зримом, земном мире, суть же была надежно укрыта Цзы Ином, его силой, его грезами. Успокоенный, он вновь задремал, восстанавливая силы, а когда неясная тревога пробудила его снова, понял – возрождение старого своего врага он тоже проспал. Позорно проспал, как нерадивый дозорный – сигнальный огонь на башне. Проспал глупо, почти так же, как тогда, давно, когда был еще человеком. Когда Чжао Гао – тоже еще человек – отнял у него суть и сердце империи, похитил и умертвил душу Цинь, оставив лишь мертвое, разлагающееся тело, тотчас растащенное падальщиками-чжухоу...

Враг его снова родился, но ныне Чжао Гао стал совсем иным. Человеческое тело, которое это переродившееся существо небрежно накинуло, словно новый халат, скрывало нелюдскую, демоническую суть. Но даже ему не удалось избежать воды, а что

видела вода, то видел и Цзы Ин. Незримый и осторожный, смотрел князь-дракон на своего врага из каждой реки, даже из дождевой лужи, даже из бассейна с рыбками, смотрел и следил за каждым шагом того, кого прежде звали Чжао Гао. Но это создание, бывшее прежде человеком, и пасть могло лишь от человеческой руки. Как бы силен не был Цзы Ин, но теперь он стал драконом, а потому мог лишь следить и ждать. Ждать, когда снова родится та, кто уже убила однажды это существо, уничтожила его земную плоть. Родится, окрепнет – и вспомнит имя свое. Но даже и этого будет мало...

И однажды дождь принес Цзы Ину весть из мира людей – он дождался.

Небесная ванхоу вновь ходит по этой земле, помнит, кто она, а главное – знает, кто он, тот, кто должен нанести последний удар, чтобы уничтожить Чжао Гао без надежды на возрождение, окончательно.

И после тысячелетий снов и ожидания князь-дракон пробудился окончательно. Пришла пора действовать.

Председатель Сян Лянмин и Юнчен

Коррупционный скандал – это всегда плохо, ещё хуже то, что у соратников по Новой Партии и в самом деле рыльца оказались в пуху. Но к середине дня ситуация была уже под контролем. Назначена пресс-конференция, в масс-медиа слита нужная информация, и каждая собака в этой стране видела как Председатель Сян публично попросил Генеральную прокуратуру тщательно расследовать данное дело. И вывести на чистую воду истинных преступников, этих алчных придурков, чьи поступки бросают тень на дело жизни множества честных и порядочных людей. Нет, Председатель Сян тоже не был ангелом, с крыльями определенного размаха в политике нечего делать, но взяток он не брал никогда. Принципиально! Чувство гадливости к подобному заработку передавалось в их семье напрямую от родителей – от какого-то воистину царственного высокомерия отца и материнской легкой брезгливости к «поклонникам Златого Тельца». Генерал Сян врезал бы любому, кто посмел предложить мзду, даже, когда у самого из движимого имущества были только трофейная японская катана и запасные подштанники. Матушка... Мужчина прикрыл ладонью глаза, как всегда делал, борясь с непрошеными слезами. Небожительницам чужды презренные бумажки, да.

Такое воспитание получили они с братьями. Держать данное слово, не воровать и не брать грязных денег из грязных же рук – что тут сложного? Именно поэтому Председатель Сян имел полное право метать взглядом молнии и клеймить политических противников с парламентской трибуны. Его совесть была чиста.

Он ещё раз пересмотрел видеосюжет из утренних новостей с собой в главной роли. Безошибочное попадание! Бинго! Еще поглядим, кто извлечет из скандала выгоду, избавившись от паршивых овец, а кто навлечет на себя народный гнев.

Тут бы и дух перевести, но стойкая госпожа Гу – бессменный и незаменимый секретарь последние десять лет – доложила о приходе господина Лю Юнчэна. Того самого Лю Юнчэна!

Гнев неволью вспыхнувший в сердце растворился, как сигаретный дым на ветру, едва они с молодым человеком встретились взглядами.

- Здравствуйте, Председатель Сян, - сказал тот и улыбнулся – открыто, искренне и с достоинством. - Я пришел к вам, чтобы покончить со всеми недоразумениями между

нашими семьями и... заключить мирный договор.

- Присаживайся, молодой человек, – кивнул в ответ отец Сян Джи. - Что ж, поговорим как союзники.

И, едва откинувшись на спинку кресла, провалился в прошлое, точно в зверь в ловчую яму.

Та история десятилетней давности с сорвавшейся помолвкой. Это было какое-то помутнение рассудка, честное слово. Шутливая фраза, брошенная одним из уважаемых донаторов 5 партии – владельцем лапшичной империи по фамилии Лю, точно спелое зерно, попала в почву, щедро унавоженную постоянными, еще со школьной скамьи, упреками в высокомерии.

«Ах, какой же красавицей стала ваша дочь, Председатель Сян! А у меня ведь сын вырос. Может сосватаем детишек, а? Внуки буду чисто айдолы – хоть в кино снимай». И он подумал тогда: «А почему бы и нет?». И не только подумал, но и вслух сказал.

Лянмин всегда был не такой как все, от чего и страдал. Дело даже не в русской матери. Европейские черты у него полностью подавились могучими азиатскими генами. Но что-то такое необъяснимое постоянно выдавало Лянмина с потрохами. Свободное владение двумя языками – немецким и английским? Аристократические замашки? Иностранские привычки? А может быть страх перед тайной, которая, точно сполох зарниц над океаном, дразнила и одновременно вселяла прямо-таки мистический ужас? Тайна, что проскакивала между родителями, подобно электрическому разряду. Такое же сияние – яркое, глубинное и опасное имелось в его крошке Джи-эр. Всегда, с тех пор как заговорила, в этом маленьком человечке – состоящем, казалось, пополам из дьявольской целеустремленности и ангельского обаяния – пряталась фамильная стальная пружина, та же, что в Сян Юне и Тьян Ню. И самое необъяснимое и дикое - они оба тоже об этом знали.

А Лянмину отчаянно хотелось быть нормальным, как все остальные люди. Разве это великий грех? Столь желанная нормальность, понятность и объяснимость – всё, что однажды удачно сыскалось в Яншу, в его жене – настоящей до мозга костей, как говорила матушка, китайской женщине, чьим житейским принципам по меньшей мере тысяча лет.

Опять же, в тот момент племянник Юньси как раз объявил о помолвке с иностранкой. Светловолосое и голубоглазое, как балинезийская кошка или призрак, чудо прекрасно лопотало на китайском, однако жить собиралось только в милой Франции. Второй брат грустил, но стойчески делал это молча. Ему проще – у него оставалось двое детей, которые и не помышляли покинуть Тайвань. У Председателя Сян была только его маленькая Вишенка. Слепая родительская любовь – эгоистическое и неподвластное разуму чувство.

Сын бизнесмена Лю виделся Лянмином таким же якорем для Джи-эр, каким стала для него самого Яншу. Хорошая, крепкая, а главное, традиционная семья, и следовательно, защита для его девочки с этой проклятой Тайной в крови – вот, что видел в потенциальном женихе. Почему-то верилось, что с юным Лю Юнченом Джи-эр никогда не сбежит на другой конец света, а станет как все и обретет счастье и покой, недоступные её отцу. Он, правда, хотел как лучше.

Теперь Лю Юнчен стоял напротив – весь из себя современный молодой человек, с модной стрижкой, и если верить всемирной «паутине» – баснословно богатый. С одной стороны, настоящий selfmade-men, парень, сделавший сам себя без отцовских денежек, а с другой - чувство такое, будто рядом оказался воскресший из мертвых отец. Кто-то из эпохи Настоящих Героев, которые богатыри и честолюбцы, борцы и двигатели самой Истории во

плоти. Такие, как генерал Сян – великие, ужасные, на которых иногда, как и на солнце, смотреть физически больно.

Поза раскованная, широкие плечи свободно расправлены, глаза спокойные и улыбка... Настоящая улыбка, без капли лицемерия. А там, за этим симпатичным лицом притаилась Она – та самая Тайна, что и в Джи-эр.

«Где, черт возьми, они находят друг друга?» - изумился Сян Лянмин, сам не понимая – радоваться ему или огорчаться.

Не сказать, чтобы Юнчен совсем-совсем не интересовался политикой, но не больше и не чаще, чем любой другой простой обыватель. Разве только регулярно ходил на выборы, а так... Скандалы в «желтой» прессе, расследования известных блогеров, горячие телерепортажи, компании поддержки или травли разных общественных деятелей были и оставались для занятого молодого бизнесмена где-то по ту сторону монитора, в виртуальных и очень параллельных мирах. До последнего времени. И вот руками хрупкой немолодой женщины в строгом костюме распахнулись для Ин Юнчена двери, если не в мир Большой Политики, то, определенно, в его официальную приемную. Один только вид государственного флага аккуратно развешенного на стене за спиной у Сян Лянмина пресекал любое легкомыслие. А еще там были фотографии Председателя в компании с министрами, иностранными президентами, миллионерами. И этого человека Юнчен собирался всю оставшуюся жизнь называть тестем и почитать наравне с отцом. Но для начала следовало, как минимум, извиниться за глупую сцену в «Джонке», не сделавшую чести обеим семействам.

- Я искренне сожалею о том, что случилось в ресторане. Это лишь моя вина, уважаемый председатель, – поклонился молодой человек. – Понимаю, что произвел не самое лучшее впечатление на вас и вашу супругу, но...

- Но?

Юнчен крепко сжал челюсти и выдержал тяжелый взгляд будущего родственника.

- Но еще сильнее, я провинился перед своими родителями. Они ничем не заслужили такого отношения ни с моей, ни с вашей стороны.

- Вот как?

На Ин Юнчена навалилось жестокое ощущение дежавю. Было уже... где-то, когда-то, давным-давно или в прошлой жизни. Короче, где-то на бесконечном ободе Колеса Сансары, не иначе, он уже ощущал этот лихорадочный азарт опасной игры, где на кону твоя жизнь. Неверное слово, резкое движение, мимолетное сомнение в своей правоте – и острое холодное лезвие взрежет кожу, расчленил сосуды и вонзится в позвонок, поставив жирную точку в коротком свитке с твоим жизнеописанием. И всё закончится, не начавшись .

Может ли кондиционированный воздух в офисе пахнуть лошадиным навозом, мужским потом, жареным мясом, свежей кровью и гарью одновременно? Станет ли трепетать холодный свет люминесцентных ламп , подобно масляным светильникам в ветвистых шандалах? Таится ли в глазах современного сдержанного политика дикая тигриная желтизна? Наваждение, обман чувств, нервы. Или всё же...

- Я уверен, что вы тоже сожалеете о многих сказанных в тот момент словах , председатель.

- Отчего такая уверенность? – холодно полюбопытствовал господин Сян Лянмин.

Терять Юнчену было уже нечего, а умение идти ва-банк имелось у него чуть ли не с

младенчества.

- Вы умеете быть честным с самим собой, председатель Сян, - сказал он. - Всё, что я почитал о вас в интернете, говорит об этом. А кроме того... вы – отец Саши... Сян Джи. Она такая, как есть, и благодаря вам тоже. Поэтому – да, я считаю, что вам жаль и вы на самом деле не хотели сделать больно моим родителям.

Намерения иногда важнее самих поступков. Умысел же, как известно, отягощает вину. Но все мы люди и никому не чужды слабости, будь-то горячность или обидчивость. Юнчен щедро позволил этому строгому и жесткому человеку с характерным прищуром быть порывистым и даже гневливым. Разрешил и сам себе удивился. Словно он имел право миловать и казнить, судить и оправдывать. Всегда его имел.

- Вы слишком высокого мнения обо мне, юноша, - вздохнул Сян Лянмин и сделал ответный шаг: - Госпожа Гу, - сообщил он в трубку внутреннего телефона. - Меня нет ни для кого. И для господина президента тоже. Через полчаса подайте кофе, пожалуйста.

Только теперь Юнчен обратил внимание, насколько его визави подтянут и ловок в движениях. Хотя, почему бы и нет? Интернет подсказывал, что Сян Лянмин большой любитель гольфа, а значит имеет отличный глазомер и умеет соизмерять силу для удара.

Тот неожиданно покинул председательское кресло и жестом предложил устроиться в кресле, а сам занял место на диване напротив. Весьма демократично, что ни говори.

- Я так понимаю, что именно вы позаботились вчера о безопасности моей единственной дочери.

Юнчен согласно кивнул. Правду, как известно, говорить всегда легко и просто.

- Именно. В конце концов, однажды мы чуть не стали женихом и невестой. Это вообще-то мой святой долг, дорогой отец.

Честь и хвала Председателю Сян Лянмину! Ни единый мускул не дрогнул на его лице, не сверкнула искорка в темно-карих глазах под тяжелыми веками. У этого человека были стальные нервы.

- Ответственное заявление, дорогой сын. Я ведь могу так тебя называть, Лю Юнчен?

- В полной мере.

В такой ответственный момент любой мужчина на месте Юнчена внутренне трясся бы, как кроличий хвост. Саша, конечно, девушка современная, своевольная, заокеанской свободной жизнью избалованная, но старое доброе отцовское благословение – дело такое... Весьма желательное. Просто потому, что именно так будет правильно. А более всего сыну почтенных родителей хотелось сделать всё как положено. Чтобы потом вместе наперекор всему миру, чтобы крепко взявшись за руки, чтобы глаза в глаза или же, при необходимости, спина к спине – и до последнего патрона, и никаких сожалений, а так же заноз в глубине сердца.

Юнчен глубоко вздохнул, словно собирался прыгнуть со скалы в штормовое море.

- Мои неприятности никак не связаны с политикой, они несколько иного плана и с первого взгляда напрямую не касаются ваших... хм... сложностей последних дней, но я убежден, что они имеют один и тот же источник.

- О как! - будущий тесть приподнял бровь.

- Именно. Нашлись люди, которые объяснили мне эту непростую взаимосвязь.

Чжан Фа сделал ровно два звонка. С перерывом в полчаса, который они просидели в джипе на стоянке. Первый адресовался человеку, обязанному неутомимым ногам и широкой спине брата Фа жизнью. На себе рысью домчать истекающего кровью человека до

больницы может далеко не каждый, и ещё меньше людей способны на такое с пробитым легким. У долгов подобного рода не существует срока давности, и не имеет никакого значения, что жизненные дороги должника и кредитора разошлись в диаметрально противоположных направлениях.

- Чувак карьеру в триаде сделал ого-го, – поцокал языком Чжан Фа. – Сейчас на нем, как на помощнике Красного Шеста, многие вопросы завязаны. Информации брата У всегда доверять можно, точняк.

- Лексикон у тебя... – криво ухмыльнулся Юнчен, но тут же сам себе признался, что в сложившихся обстоятельствах готов не то что к Мастеру Горы идти на поклон, но и к самому дьяволу, если потребуется.

Второй звонок пришел со скрытого номера. Невидимый собеседник говорил с отчетливым кантонским акцентом, старомодно называл Юнчена «молодым господином» и настоятельно советовал решить по-хорошему проблемы с дочкой председателя Сян Лянмина. От этого, дескать, и карьера её папеньки напрямую зависит. И назвал несколько звучных имен – однопартийцев председателя Сян, чьё грязное бельишко извлечено на свет божий с определенной целью.

- И как же самоубийство бывшей подружки связано с моим... хм... скандалом? По моему дорогой сын принимает желаемое за действительное.

В голосе отца Саши, льдисто-освежающем, как вода в горном ручье, на самом дне блестели камушки надменности. Мол, кем ты себя возомнил, паренек? Где ты с твоими честно заработанными миллионами, спортивными машинами, тучей подружек и тусовками в ночных клубах, и где серьезные взрослые люди, решающие государственные вопросы в тиши скучных кабинетов.

И тогда Ин Юнчен разозлился по-настоящему.

- Хотите, чтобы я назвал людей из вашего ближайшего окружения, которые якшаются с триадой? Всё – от торговли людьми до махинациями с земельными участками, и происходит это прямо под вашим носом.

С будущего тестя мигом слетела шелуха самодовольства.

- Это так-то ты пришел договариваться о будущей свадьбе с моей дочерью? – прошипел он.

- Нет, это так я пришел заключить стратегический союз с умным и дальновидным, как пишут в сети, человеком. Союз для победы над нашим общим врагом.

Юнчен вскинул подбородок и демонстративно отвернулся, давая собеседнику рассмотреть повнимательнее свой профиль. Пиксель все время твердил, что такой выдающийся нос нужно на монетах чеканить, поднимать, так сказать, престиж национальной валюты.

И взгляд разгневанного молодого человека случайно упал фотографии, которые политик просто обязан хранить на рабочем столе: классический семейный снимок – отец семейства в центре, а по бокам жена и дочь, маленькая черноглазая девочка с хвостиками над ушами в костюме какого-то фрукта. Затем, разумеется, родители. Каждый посетитель обязан увидеть, что председатель Сян – семьянин и почтительный сын, да. В конце концов, даже у Юнчена в его ультрасовременном стеклянном аквариуме-кабинете перед глазами всегда была фотография отца и матери в традиционных одеждах.

Госпожу Сян Тьян Нью молодой человек узнал сразу же – женщина европейской внешности, снятая на фоне недостроенного Музея императорского дворца. Мягкие локоны

разделенных на прямой пробор светлых волос, яркие глаза, тонкие брови по моде тех лет. Ни единой общей черты ни с сыном, ни с внучкой.

А рядом, на другом снимке... Юнчен задохнулся, словно получил удар под дых. Трое солдат расположились возле пулемета – в гимнастерках, кепи и обмотках, и знаков различия не разобрать. Один целился и лица его не было видно, тень от козырька упала на лоб того, что справа, но зато мужчина слева смотрел прямо в объектив, прямо на Ин Юнчена. Сколько лет их разделяло? Семьдесят или больше? Но Юнчен физически ощущал на себе этот взгляд. Цепкий и серьезный, он больше всего напоминал рыболовный крючок, пребольно вонзившийся в мягкое нёбо.

- Кто это? Где это?

Юнчен мог говорить только шепотом, так сильно перехватила ему горло нездешняя боль. Председатель Сян проследил за направлением его взгляда и тоже осекся, забыв колкую фразу приготовленную в ответ малолетнему засранцу, сидящему напротив.

- Это мой отец. В 1935 году в Сиане дело было.

...Тот летний солнечный день пах пылью и оружейной смазкой, а ещё портянками, скипидаром и мочой. Синее небо опрокинулось на город, который давно уже выплеснулся за древнюю защитную стену, разросся, сжимая в каменном кулаке русло Вэйхэ, и даже успел несколько раз сменить имя. Пагоды, дворцы, мечети, обычные дома, прямые улицы, вывески, полотнища флагов, цоканье подков по брусчатке, топот солдатских башмаков, шелест шин, звуки клаксонов, резкий дунганский говор и лица, лица, лица – мужские, женские, детские. Всё, как всегда, как было и будет на этой благословенной, щедрой и жестокой земле. И город, что построил когда-то веселый мятежник Лю из камней, взятых за рекой, на развалинах столицы Цинь, будет стоять пока существуют сами Небеса. Сян Юн сдвинул армейскую кепку на коротко стриженный затылок, сжал в кулак правую кисть и бестрепетно посмотрел в блестящий стеклянный «глаз» камеры. Укоры совести? Нет! Кто-то же должен разрушать дворцы тиранов, чтобы из этих кирпичей можно было создавать четырехсотлетние империи. Желаящие всегда найдутся, но не у каждого получится то, что вышло когда-то у одного черноголового пройдохи. А у него всё получилось... Юнчен тряхнул головой, отгоняя видение. Почему ему знать, что думал и чувствовал дед Саши в далеком 1935 году? Откуда ему помнить то лето и тот день? Откуда, вообще, взялись эти безумные воспоминания? Чьи они? Младшего офицера армии Гоминьдана, фотографирующегося на память со своими боевыми товарищами и думающего о первом императоре Хань? Или Сян Юна – древнего чуского полководца, вана-гегемона Западного Чу, начинающего новую жизнь в городе, основанном его побратимом и непримиримым врагом?

- Он был удивительным человеком, – медленно сказал председатель Сян. - Я до сих пор слышу его голос и ощущаю взгляд.

Вот это точно, подумалось Юнчену. Не взгляд, а китобойный гарпун. Насквозь пробивает.

- И так, что же связывает девушку в желтом платье и моих нечистых на руку коллег? - внезапно вернулся к прерванному разговору будущий тесть, заодно демонстрируя поразительную осведомленность в делах неожиданного гостя. – Союзникам полагается делиться стратегическими сведениями, разве нет?

- Если они – союзники, то – да, разумеется, - согласился Юнчен уклончиво.

- А как иначе, если молодой господин Лю хочет стать моими уважаемым зятем. Он

ведь хочет?

- Очень, - кивнул тот. - Молодой господин Лю им непременно станет и ему.. - пришлось для пущей доходчивости постучать ладонью по груди, – хотелось бы получить не только руку и сердце Саши, но еще и родительское благословение.

- Как будто этому ребенку оно когда-то требовалось... - невесело усмехнулся председатель.

Вот чего не собирался делать будущий зять, так это вмешиваться в тонкости сложных взаимоотношений между отцом и дочерью. Потому перешел к делу:

- Мэйли убили, никакое это не самоубийство. Убили, чтобы связать руки мне. Чтобы я не смог защитить Сашу. Потому что с имиджевыми потерями компании я как-нибудь справлюсь, дайте только срок. Никуда от меня клиенты не денутся. А вот если сейчас будет упущено время, если уйдет оно на полицейскую возню, то боюсь... – Юнчен едва перевел дух, словно не говорил, а бежал в горку, - случится что-то непоправимое.

- С моей дочерью?

- Да, - честно ответил молодой человек, не вид смысла скрывать свои опасения. — Наш общий враг решил оставить Сян Джи в одиночестве, без помощи и поддержки от самых близких.

Председатель благоразумно не стал спрашивать, когда это его визави стал его девочке настолько близок. За те десять лет, что она провела в Сан-Франциско папочка успел притерпеться к подобным мыслям. А поначалу-то бесился и всё порывался нанять девочке телохранителя. Пока дед Сян Джи не шваркнул бронзовую курильницу на пол и не пообещал в следующий раз сломать палку об спину непочтительного сына, если тот не перестанет унижать родное дитя недоверием. И сломал бы, он мог.

- Тогда говори, что тебе нужно напрямик, Лю Юнчен.

И совершенно трезвый, трезвее не бывает язык сына почтенных родителей чуть не брякнул сам по себе: «А не взять ли нам на пару Пэнчэн?!»

- Если бы уважаемый... отец намекнул полицейскому руководству, чтобы их подчиненные искали настоящего виновника смерти Мэйли, а не пытались повесить всех собак на самую удобную кандидатуру. Это развязало бы мне руки.

Раздумывал над предложением председатель Сян совсем недолго.

- А взамен - имена паршивых овец?

Юнчен кивнул.

- И направление, в котором надо копать компромат.

Щедрый дар для любого человека смыслящего в политике. Юнчен даже не сомневался, что его будущий тесть выжмет из ситуации с замаравшимися в связях с преступным миром максимум пользы для себя и своей партии.

- Хорошо. Договорились, дорогой... хм... сын.

Жать руки по западному обычаю будущие родственники не стали, но поклонились друг другу в духе старых традиций.

Когда дверь за молодым господином Лю закрылась, председатель Сян попросил миссис Гу соединить его с замначальника столичной полиции. Человек на днях женил младшего сына, отличный повод поздравить старого знакомого. Лянмин не поскупился на цветистые здравницы молодоженам, пожелал скорейшего появления внуков. В ответ на сам по себе напрашивающийся вопрос о браке единственной дочери с гордостью ответил, что это дело уже решенное, осталось только подходящую для свадьбы дату выбрать. Всем

новостям новость , если знать, как давно и упорно в обществе циркулируют слухи о непростой семейной ситуации председателя Сян. Мало кто сомневался, что бунтарка Сян Александра Джи «осчастливит» родителей мужем-американцем.

Лянмин даже не представлял, как приятно ему будет объявить, что его девочка выходит замуж за Лю Юнчена. Да-да,того самого единственного сына семьи Лю – наследника и миллионера.

- А вот так и получилось! Встретились через десять лет , посмотрели друг на дружку и влюбились. Представь себе! Воля Небес, не иначе, согласен. Знаю, что у парня сейчас неприятности, но так жё знаю, что он ни в чем не виновен. Хороший парень он. Конечно , пригласим на свадьбу! Угу,и платье будет из Парижа от знаменитого кутюрье.

Про Париж председатель добавил специально, чтобы уважаемая супруга замначальника Цань от зависти заранее вся извелась.

Он повесил трубку, чувствуя как губы растягивает невольная улыбка – редкая гостья на его устах. Вот теперь точно отступать некуда – ни ему самому, ни,тем более, дорогому будущему зятю. Всё! Молодой господин Лю теперь не отвертится!

5 спонсор , поддерживающий политическую партию деньгами

Саша и Кан Сяолун

Поначалу Саша даже не сообразила, что нужно бояться, а потом дверь за ее спиной с глухим стуком захлопнулась, и стало поздно. И для страха,и для побега.

Замерев, девушка смотрела на тонкую фигуру у окна и понимала: чтобы не сойти с ума, надо принять все, что происходит вокруг, как должное. Разумом она знала, что чудовищ – настоящих чудовищ из легенд и преданий – не существует, бывают лишь твари в человеческом обличье. Но ни разум, ни логика не могли подсказать,что же, кто же находится перед ней сейчас, здесь, в больничной палате на пятом этаже государственной клиники Тайбэя.

Он – оно? - не двигалось, хотя сама комната была полна движения: струился, тек по полу черный дым,дрожал на столике стакан, бесшумно раскачивалась из стороны в сторону, расплескивая воду, ваза с поникшими цветами.

А еще он – или, о боги, все-таки оно? – улыбалось. Ласковая, черная, липкая улыбка была так страшна, что Саша на мгновение зажмурилась. Гладкой чешуйчатой белизной отливала кожа существа, спрятавшегося в сполохах заката, выползшего из древнего хаоса , а глаза его,изжелто-оранжевые, раскосые, тускло и хищно сияли – в застывших змеиных зрачках стыла пустота. И голод. И любопытство.

Нет, это был не человек.

Саша знала это и – самое страшное - узнала и само чудовище. Девичье, застывшее в торжествующем совершенстве лицо , прихотливо изогнутые губы, густые ресницы, словно оттягивающие вниз тяжелые веки...

- Господин Кан, – чувствуя, как слова царапают горло, выдохнула внучка Тьян Нью.

- Как славно, что вы заглянули, – нежно отозвалась в ответ тьма. - С нашей последней встречи прошло не так уж много времени, но я тосковал без вас, - и, старчески изломившись, шипение вдруг издевательски потеплело, сплелось в давно позабытое ласковое имя: - Сашенька.

Сян Джи отшатнулась, невольно вскинула руку, словно прикрываясь от невидимого удара.

Эта тварь! Это дьявольское отродье посмело присвоить себе... говорить голосом бабушки! Тем самым голосом, что пел ей, Саше, французские колыбельные на ночь, что утешал ее и хвалил, и отчитывал, и любил.

- Ах ты!.. - во мгновенной вспышке ярости девушка сжала кулаки и шагнула вперед, и тут ассистент Кан склонил голову набок.

Растекшаяся по полу чернильная тьма, живая, дрожащая, вдруг поползла вверх по Сашиним ногам, обвила лодыжки, потянула вниз. С тихим вскриком мисс Сян рухнула на пол, прямо в темноту, и едва не завизжала – на секунду ей почудилось, что сейчас из маслянистой хмари бросятся на нее жирные блестящие змеи.

Приподнявшись, она посмотрела на Кан Сяолуна – снизу вверх, но отчего-то по-прежнему без страха. И спросила, не смогла удержаться:

- Почему?

В этом вопросе сошлось все: и изумление от обрушившейся на нее лавины тайн и событий, и непонимание, и даже, наверное, глупая надежда на то, что все ещё можно обсудить и уладить.

И задавать его не стоило – Саша поняла это, едва слова, словно жемчужины, канули в бездонную чернь, заливавшую комнату.

- Почему? – переспросила тварь с лютой, неутолимой яростью, и тьма вокруг вдруг пошла волнами, завихрилась, застонала.

Александра застонала вместе с ней. В голове будто что-то расколосось пополам, разбилось вдребезги, и мир сдвинулся с места, пошатнулся. Это была не боль, нет - больше, чем боль. Это было словно кто-то разбил ее, Сашу, а потом смял и скрутил обломки в кусок бесформенной глины. Все, чем она являлась, все, чем гордилась и чего боялась – сгустком перекрученных, красных и бьющихся мышц Кан Сяолун вытянул из нее ее саму.

- Потому что, – заскрежетала тварь, и теперь уж вовсе не осталось в ее мертвеном, застывшем лице ничего человеческого, кроме несгибаемой, свирепой, смоляной злобы, - какой еще судьбы достойна воровка Тьян Ню, и кровь от крови ее, и каждый, кого она породила?

«Ты заплатишь, вор!» - вдруг полыхнул в Сашиной памяти крик из предсмертного послания Мэйли. Той самой Мэйли, которую, по словам Юнчена, заставили прыгнуть вниз, в пустоту, силой. Но даже сын почтенных родителей, помнится, не понял и не сообразил тогда, чего же он такого мог украсть.

Потому что, лихорадочно подумала девушка сквозь красный туман боли и слабости, он и не крал! А, например, получил в наследство, как и она. Не случилось ли так, что вместе с дневником и рыбкой Тьян Ню оставила им и этот ужас, змеиную жуть, напялившую на себя человеческое тело, словно дорожную рубашку?

Нет.

Осознание ударило мисс Сян, сжало в железном кулаке легкие.

Не Тьян Ню оставила – она, Саша, сама приманила опасность, показав ассистенту Кану заветную рыбку, ни в чем толком не разобравшись! По ее следу он пошел, как гончая, и через нее дотянулся и до отца, и до Юнчена!

Чувствуя, как скатываются по щекам слезы, девушка потрясла головой и подняла глаза на своего учителя.

Кан Сяолун стоял над ней в огненном закатном пламени – не человек, не тень, демон и дьявол. С каждой падающей в прошлое секундой – Александра чувствовала это – они вдвоем, нет, втроем, потому что где-то здесь корчился в бессловесном кошмаре и Ричард, проваливались в безвременье.

Больничная палата была уже не совсем палатой – за привычными предметами, как тень на дагерротипе, проступала иная реальность. И она, Саша, тоже искажалась мучительно и странно: в разбитую, расколоченную ассистентом Каном форму лилась чужая память – память белокожей женщины с решительно вздернутым подбородком.

И Кан Сяолун...

Девушка содрогнулась.

Его образ двоился, расслаивался так, будто кто-то заправил в проектор старую, поцарапанную пленку. Одно мгновение: и ученый был здесь, в Тайбэе – ожившая мраморная кукла, зловещая маска в дорогом, сшитом на заказ костюме. А потом – вздох, секунда – и выплывала из темноты фигура в шелковом халате с широкими рукавами, со схваченными шпильками длинными волосами.

«Он тоже, – захлебываясь болью, подумала Саша, – оттуда. Из прошлого».

«Нужно его убить, – в этот же момент зазвучал в голове женский голос, чужой и свой. – Снова. Убей его!»

Александра застонала – она не могла, ей не хватало сил отделить в этом море иллюзию от истины, зерна от плевел. И уж точно никто не собирался дать ей время на то, чтобы обуздать призрака из снов.

- Тысячелетиями, – пропел между тем Кан Сяолун, склонившись к девушке, и поддел черным изогнутым когтем ее подбородок, – я ненавижу Тянь Ню. Тянь Ню и ее сестру, зарвавшуюся вульгарную девку-босячку. Знаешь ли ты что-нибудь о ненависти, дитя, мошка, личинка, копошащаяся в своих мелких бедах с таким примитивным упорством?

Саша застыла – она тонула, исчезала в желтом пламени его глаз, теряла волю и силы. Руки ее подогнулись, и девушка упала бы с головой в маслянистую тьму, если бы не острый коготь у шеи, которым тварь удерживала ее на поверхности.

- Перерождение за перерождением, – шипел Сяолун, – смерть за смертью – я возрождался бессечно, и помнил. Ты знаешь, каково это – умирать, ты, мерзкое человеческое мясо?

Девушка скорчилась – она не понимала, происходит ли весь этот кошмар на самом деле или нет, но какое это имело значение? Тело ее рвали, прорастая сквозь плоть, шипы, и дробились в пыль кости, и перед ее глазами, как расшитое шелком полотно, разворачивалось время – чужие годы, заполненные холодной, беспощадной, неукротимой ненавистью.

Она видела – так, будто Кан Сяолун с головой окунал ее во мрак – как с каждым новым воплощением вскипала и каменела его душа, как отшелушивались от нее, словно засохшие лепестки, крупы сомнения и страхов, как пожирал он сам себя и вновь возрождался, раз за разом повторяя и умножая собственную бездну.

Она видела, как человек превращался в демона.

«И я привела его к Юнчену!» - скулило в Саше отчаяние.

И набатом звенел в мыслях приказ светлокожей женщины: «Убей!»

- Где рыбки? - ворвалось в этот хаос шелестящее шипение, и Александре стало холодно – словно вонзились в кожу тонкие ледяные иглы.

Впрочем, холод не помешал ей удивиться вопросу. Рыбки? Почему рыбки? У нее ведь

была всего одна...

«Молчи!» – снова вмешалась в калейдоскоп иллюзий женщина из снов – это ее бабушка в своем дневнике называла Людмилой, Люсей, теперь сомнений в этом не оставалось. «Молчи, не позволяй ему!..»

Саша кивнула – откуда бы не донесся до нее этот голос, был ли отзвуком прошлого или порождением ее собственной боли, он был прав. Нельзя было отдавать Кан Сяолуну ничего, кроме лжи, никак нельзя!

- Где? - снова спросил демон, и в оранжевом пламени его глаз трепыхнулось безумие.

- Там, – с трудом ворочая языком, прохрипела Саша, – где тебе, тварь, их не достать.

От его ненависти тьма всколыхнулась, закипела. С оглушающим звоном взорвались в окнах стекла, отлетел к стене шкафчик с недоеденным ужином, зазвенели по полу вилки и нож. Кровать, на которой метался в бреду Ричард, отшвырнуло к стене. Что-то огромное, искрящееся мелькнуло за окном, но девушка лишь мотнула головой – здесь и сейчас это уже было неважно.

Потому что Саша почувствовала, как Кан Сяолун вползает в ее мысли, вгрызается в самую мякоть, ворочается в ее голове, словно несытая, раздувшаяся пиявка. Как листы бумаги над пламенем, воспоминания чернели и сворачивались под его прикосновениями, и хуже этого не могло быть, не было ничего. Голос, тягучий и полынный, тек по костям и жилам, приказывая и повелевая, и послушаться его было невозможно.

Словно бы со стороны Александра смотрела на себя – вот ее тело, подчиняясь чужой воле, двигаясь сорванно, словно сломанный механизм, поднялось с колен, потянулось за валяющимся на земле ножом...

- Я достану, - пообещал ей между тем демон, не прекращая долгой пытки, - а если не я, то, может быть, он попробует? Если ты попросишь его получше? Попросишь как следует?

«Он?» - встрепенулась Саша, леденя, и постаралась отогнать от себя догадку и не думать, не думать, не думать о Юнчене.

- Да, он, – согласился с ней сочащийся злобной радостью голос, - твой босоногий князь, выползший из гнилого болота на самое солнце! Тьян Ню неплохо разыграла свою партию, и я почти благодарен ей за столь изысканное развлечение – не каждый раз представляется возможность отправить к праотцам такой экземпляр!

Кан Сяолун на секунд умолк, и в голове мисс Сян вспыхнул крик: глазами змеи она увидела изломанное тело Юнчена, пустые глазницы, окровавленный рот, посиневшие губы, почувствовала, как роятся в чужом сознании бесчисленные планы, направленные лишь на то, чтобы крушить, мучить, давить и истязать.

Тут же скользкая, неумолимая воля вновь навалилась на ее разум, как таран, сметая еще одну линию защиты, и еще, и еще, и было в этом что-то, вдруг встрепенулась Саша, задыхаясь, какая-то зацепка, крючок. Маленький, почти невидимый.

«Он использует против меня мою...» - неуверенно, словно нащупывая ногой кочку в трясине, подумала она.

«...твою собственную слабость, - закончил за нее мысль негодующий голос женщины-лисицы. – Нашу собственную слабость. Ублюдох».

Да, поняла Саша, уже совсем не заботясь о том, не странно ли это – разговаривать с голосами в собственной голове. Да, ассистент Кан, змеиное отродье, использовал не свою силу, но ее опасения и страхи, чтобы вгрызаться, ломать и корезить одну преграду за другой.

Это был беспроигрышный вариант, изуверская пытка – ведь у кого нет больных мест, воспоминаний, которые хочется забыть, тревог, которые невозможно успокоить?

Александра ощутила, как горячее, звонкое негодование поднимается в ней, нарастает, рокошет. Призраку из снов не надо было больше ничего требовать – представься ей шанс, дочь председателя Сяна со свирепым гневом сама рванулась бы сейчас к своему врагу. Убивать, да – потому что тварь, каравшая своих жертв за то, что они были просто людьми, не заслуживала пощады и сострадания.

- Маленькая самонадеянная пустышка, – с неизбывным, скучающим презрением процедил Кан Сяолун, решивший, видно, что уже сломал свою жертву в достаточной степени. – Как жаль, что умерла твоя бабка! Я хотел бы позабавить старуху, развлечь с тем же рвением, с каким она в свое время развлекла меня. Как бы ведьма ползала, как извивалась, глядя сейчас на свою любимую девочку, хмм? Впрочем, я неприхотлив – с меня будет довольно и твоих криков, Сян Александра Джи.

Саша почувствовала, как дернулась против воли ее собственная рука, как повернулось лезвие зажатого в кулаке ножа. На мгновение девушку захлестнул ужас, и тут же, без промедления и жалости, демон ударил опять, пробрался ещё дальше, почти к самой сердцевине и смыслу. Бабушка сказала бы – к душе.

«Нет! Ни за что!» - вспыхнула Сян Джи, цепляясь за остатки своего «я», за бабушкин дневник, за все, что было правильного и хорошего у нее в жизни. «Моя маленькая вишенка» и «Александрин, внученька», и ладони Юнчена, такие теплые, и удовольствие от танца...

- Да, да, – повторил Кан Сяолун, и глаза его разгорелись голодным сладким блеском, - покричи, кровь Тьян Нью.

И повел ладонью в сторону распластавшегося на разворошенной кровати Ричарда.

Саша дернулась вслед за его рукой, как привязанная собачка на поводке, ничего пока не понимая. При чем тут ее жених? Зачем он здесь?

Снизу, с измятых подушек на нее уставились воспаленные, покрасневшие, затравленные глаза мужчины, которого ещё месяц назад девушка почти любила. Ричард забился – жалкая изломанная кукла – и только в этот момент мисс Сян поняла, что нависла над ним с ножом в руке.

Кан Сяолун тихо рассмеялся позади.

- Спасибо за поддержку и сотрудничество, мистер Ли, – свистел, взблескивал ядом его тихий, мертвый голос. - Вы так выручили меня. Не так-то легко разменять пешку на королеву, знаете ли, и я даже сомневался, что вы окажетесь... как бы это сказать, драгоценный мой друг?.. подходящей наживкой. Но все обернулось вполне удачно. Сян Джи?

Саша не хотела поворачиваться, но ее желания заботили ассистента Кана так же, как и нервная крысиная дрожь Ричарда – никак.

- Не пришло ли время, госпожа Сян, - спросил демон и томно опустил ресницы, - разорвать вашу помолвку?

Девушка сглотнула.

- Я имею в виду – навсегда, - пояснило чудовище, и Ричард заскулил – безнадежно, тоненько, на одной ноте.

А Сян Александра Джи, скрипя зубами от того, как гнула, выкручивала ее чужая, злобная воля, оскалилась, закричала - и замахнулась.

Темнота, быстро поняла Саша, имела свою структуру и оттенок – она то сыпалась по плечам черной пылью, то скольким тяжелым слизнем наползала на мысли. Однажды давно, еще в школе, Сян Джи, любопытствуя о жизни и смерти, обмотала шею бабушкиным французским шарфиком и потянула – сильно, до жжения по коже. Мир тогда остекленел, а потом загудел, захрустел лишенной воздуха кровью.

Стал легким и тяжелым сразу. Исказился.

В тот день она, внучка Тьян Нью, размотала шарф – из страха, что кто-то увидит, а ещё потому, что ни жизнь, ни смерть не показали ей своих лиц.

Сейчас шелковый жгут был в руках у Кан Сяолуна, и он-то выпускать его из рук совсем не собирался. Наоборот – петля закручивалась все туже, пробивала мышцы, вгрызалась в кости. По ее дрожащей тугой струне стекали горячая жажда и холодная ненависть, и у них был голос.

И голос этот управлял Сашей. Вытаскивал из нее слова и воспоминания. Смеялся над ней.

- Разве ты не хочешь убить мистера Ричарда Ли, попрыгунья? Попрыгунья-стрекоза – так звала тебя старуха Тьян Нью, когда никто не слышал. Потому что она знала, что ты никто. И мистер Ричард Ли это знает.

Это была ложь, конечно, это была ложь, но что-то внутри все равно вздрагивало и корчилось, и не хотело слушать.

«Бабушка любила меня больше всех на свете, – говорила себе Александра. - Она сражалась за меня так, как я за себя не могла».

- Ты заплатила за мистера Ричарда Ли, да? - не отступался Кан Сяолун. – Купила себе глиняного болвана за бабкины гроши, стрекоза. А тех, за кого мы платим, мы вправе наказывать. Ты же у нас плясунья, верно? Так пойдя же попляши.

«Я не покупала Ричарда. Я думала, что люблю его», – думала Саша с отчаянной злостью, но рыбки-воспоминания выскакивали из омута: вот она покупает Ричарду дорогой пиджак. Дарит ему на их годовщину часы. Мои деньги – наши деньги, правда, дорогая?

Воздух перед ней всколыхнулся, перемешав тени. За окном снова мелькнуло что-то стремительное, взблескивающее чешуей, и девушка сглотнула – может, подумалось ей, там, за стенами больницы, нет больше Тайбэя, нет дома клана Сян, Америки, Китая, России. Ничего нет, кроме пустоты, тьмы и чудовищ.

- Зачем тебе Тайбэй? – усмехнулся голос. Темнота истово схлынула, зашипев, и племянник профессора Кана внезапно оказался прямо перед Сашей – вспышкой, осветлившей тени, засияло его белое лицо с чернильными провалами глаз.

Тонкие когтистые пальцы прикоснулись к щеке, скользнули по шее, и, вдохнув, Александра почувствовала исходящий от волос своего врага запах сандалового масла, пыли и крови.

- Зачем тебе Тайбэй, плясунья? – повторил он нежно. - Ведь на самом деле ты хочешь убить мистера Ричарда Ли.

Саша почувствовала, как ее рука сжимается, как впивается в ладонь рукоять ножа, и на мгновение – страшное, опрокидывающееся в никуда мгновение – и впрямь пожелала своему бывшему жениху смерти.

«За что? - откуда-то издалека, из полыхающего алыми флагами прошлого рассмеялась она сама. Она, та, что была раньше, лисица из снов, зыбкое отражение и живая женщина. - Можно его убить, этого твоего Ричарда, но - зачем?»

Сян Джи зажмурилась. Прошлое – Люси – была близко, была везде, и она не боялась ни Кан Сяолуна, ни теней. Ее огонь проглатывал тьму. Она была спасением, но...

Ее было недостаточно.

Сердце отсчитывало удары, грудь поднималась и опускалась – выдох, вдох – но только это уже не она, Александра, отдавала своему телу приказы. От той, кого звали Сян Джи, осталась лишь искра в бесконечности, маленькая стеклянная капля света, качающаяся на волнах реки по имени время.

А в ее оболочке – в ее крови, печени, коже – было пусто.

«Он опустошил меня, - подумала Саша, ощущая бездонный, пронизывающий холод. – Он меня выпотрошил».

Ее тело сделало один шаг, потом другой, склонилось над кроватью Ричарда. Из своего укрытия посреди вечности Александра почувяла крысиный, отчаянный ужас своего американского почти мужа, и ей стало его жаль.

Она не хотела его убивать. Она хотела бы его спасти – он любил танцевать, и смеялся, когда она щекотала его ладонь, и любил собак. Он был ошибкой – ее ошибкой и своей собственной – но даже ошибка не заслуживала такого финала. Здесь, в больничной палате, где, захлебываясь ядом и обжигаясь чужой злобой, остановилось время.

- Ладно, - поскучневшим вдруг голосом скомандовал Сяолун. – Хватит, хватит, хватит. Убивай!

Сян Джи – пустота внутри нее – замахнулась. Лезвие сверкнуло – кажется, оно, как и все в этом месте, было голодным – и Саша как наяву увидела будущее: тело Ричарда, вой сирен, собственную расколотую вдребезги жизнь, опозоренную семью.

«Эх, - сказала – как плюнула! - из темноты лисица-Люси задумчиво, с каким-то медленным разочарованным предвкушением, – дура. Не того бьешь. Эх, не того!»

И Саша ощутила, как искра, которой она была, безымянный испуганный огонек, вдруг полыхнул огненным смерчем – будто бросили в горючую смесь швырнули со всего размаха факел.

Ее бросило вперед и вверх, мир побелел, высветлился – и вновь погас. Только теперь не было в бесконечной пустоте белокожей женщины, с которой она встречалась во снах, которой она любовалась на перекрестке миров. Не было и Сян Александры Джи.

Как половинки разбитой чаши, как две вильнувшие хвостами рыбки, они слились в единое целое. Без прошлого и будущего, без отражений в рябой воде времени. Не было больше эпох и конца с началом – только нашедшая себя сущность.

«Вот что, – подумала Саша – Люси - сотни воплощений, рождавшихся и умиравших между ними, - вот о чем говорил Кан Сяолун. Вот что он понимал! Вот на что он потратил себя!»

И развернулась к своему врагу, не в силах сдержать улыбку.

Ласточка бежала вверх по больничным лестницам и надеялась, что скоро этот кошмар завершится, мир погибнет, дракон улетит, и она наконец проснется. Будучи человеком рассудительным, проснуться она была готова даже и в смиренной рубашке.

Потому что все, все было лучше, чем то, что происходило вокруг.

Люди – медсестры, врачи, пациенты – которых творящийся в госпитале армагеддон накрыл в коридорах и общих залах, лежали и сидели на полу. Никто не кричал, не плакал и

не бился в истерике: застывшие лица и остекленевшие глаза выплывали из клубящихся теней и в них же таяли.

Янмэй не боялась ограблений, пауков, темноты, скорости и высоты. Она сама – что уж там, припрет и не так извернешься – могла кого угодно ограбить, знала за собой силу и гордилась ей. Но замерших, вмерзших в ткань бытия людей – их она боялась.

Кого-то, едва влетев в больницу, она попыталась растормошить, оттащить в сторону, уложить на кресла – нельзя ведь было вот так перешагивать через лежащих, не по-людски.

Но ее не слышали и не видели. Не живые существа – потерявшие волю, пустые манекены наполняли комнаты. словно огромный ребенок, желающий позабавиться, рассадил в кукольном домике пластмассовых человечков – да и позабыл в скуке своих игрушки, забросил их, разбросал.

Рядом мелодично, на одной ноте подвывал Пиксель, и, пожалуй, только его присутствие позволяло Янмэй не рехнуться окончательно.

- Слышь, - говорила она, когда очередной лестничный пролет оказывался позади, и окаменевшие лица-маски ныряли в темноту, – слышь, герой, ты тут? Ты это видишь?

- Ви-и-и-и-жу, - в похоронной тональности скулил Ю Цин, нащупывая ее ладонь, и Ласточку отпускало.

Так они добрались до третьего этажа – Юнченева девчонка, Ласточка помнила, бормотала что-то про четвертый, и это значило, что выдюжить осталось всего ничего.

Да и пути назад не было – внизу уже пожирала живое и неживое тьма.

Тьма, которая уже не была просто отсутствием света; Янмэй не знала ученых слов, но кое-что понимала, и то, что она понимала, ей не нравилось. Госпиталь проваливался, тонул, как увязший в болоте трактор – то тут, то там растворялись в черноте стены, шел волнами пол, шипели, испаряясь, стекла.

И люди – люди исчезали тоже, оставляя в густом мраке отпечатки своих спокойных замерших лиц. Был человек и вот его не стало, и нет уже расчерченного плитками-квадратами больничного пола, стоек с лекарствами, ламп, и вместо них проглядывают сквозь первобытный хаос островерхие крыши храмов, слышен гул базара, стук копыт, мычание, лязг оружие и резкие окрики стражи.

Туда – за грань – Ласточка старалась не смотреть, потому что когда взгляд ее ловил отблески чужого мира, внутри, у сердце, что-то ныло, и вспоминался ветер, и дорога, и чужая рука, похлопывающая ее по спине. Дышать становилось трудно, идти вверх тоже, и Янмэй одёргивала себя, злясь и раздражаясь.

Мороки – они мороки и есть.

Вперед – значит вперед. И ша.

- К-китай, - придушенно дергался рядом Пиксель. - Это ж-же К-китай. Д-древний. Д-да?

- А хрен его разберет, – сжимала его ладонь в своей Ласточка. – Хоть какой пусть, здесь-то он на что нам сдался, а?

- Н-не знаю, – икал Ю Цин.

- То-то же.

На четвертом этаже было не просто тихо – там было... никак.

Ни людей, ни запахов, ни звуков – только уходящие вверх и вокруг коридоры с закрытыми дверьми, ряд окон, из которых виден был больничный двор, аккуратная ограда и – боги и демоны, неужто в мире оставалось еще что-то настоящее? – далекий шпиль Тайбэй

Янмэй стиснула зубы. Дверь по правую руку от неё колыхнулась, словно занавесь – и изменилась. Поверхность ее пошла трещинами, трещины начали свиваться в выпуклую резьбу, потемнели от лака – и рядом с аккуратной табличкой «Служебное помещение» вдруг вынырнула из ниоткуда деревянная львиная морда с оскаленным ртом.

- Что? – спросила Ласточка у морды, не зная, куда дальше идти и что делать. - Чего, нам туда?

Лев пошел рябью, и на мгновение она решила, что он и впрямь ответит ей, но тут коридор вздрогнул. Воздух трянуло, резьба на двери посыпалась, как ссохшаяся штукатурка, и сквозь наваливающееся на больничный коридор прошло вновь проглянула реальность.

Янмэй успела увидеть мигающий красным огоньком кондиционер, аккуратный диван и инвалидную коляску, а потом окно за окном стало стремительно меркнуть – будто что-то – или кто-то – тайфуном летело на них, отбрасывая в сторону и солнце, и вязкие щупальца темноты.

Приоткрыв рот, Ласточка смотрела на извивающуюся черную молнию, гасящую неверный коричневый полусвет.

- Д-д-д! – захрипел Пиксель. - Д-д-д! Д-др-дрры!

- Дракон, - выдохнула Янмэй, и в этот же миг окна брызнули стеклами, фальшивые двери со свистом распахнулись, исчезнув, и с потолка веером посыпались капли воды – включились датчики дыма.

Рев, долгий и переливчатый, рассыпался по застывшей между мирами больнице. Ласточка поняла, что кричит, только из-за того, что разом заболело горло. Она и Пиксель вжались в стену, схватившись друг за друга, а над ними, качаясь в пустоте, полыхала черным золотом драконья пасть, влажно блестел драконий глаз.

- Твою мать, – прооравшись, с чувством проблеяла Янмэй

Дракон мотнул гривой, извернулся невозможной восьмеркой – застучали, выворачиваясь из стен, подоконники - и полетел вперед, скользя вровень с окнами.

- Н-нет, - дрожа, провыл Пиксель, и Ласточка непонимающе глянула на него.

- Мне кажется, н-нам туда, - пояснил Ю Цин, совершенно по-детски показав пальцем в ту сторону, куда улетел дракон.

Янмэй развернулась – и охнула. Там, в тусклой коридорной кишке, ползли по стенам вязкие дегтярные змеи. Они выползали из-за угла, оформившиеся, почти живые, разевали рты, в глубине которые металась раздвоенные языки, пели, перешептывались, свистели.

Да, Ю Цин был прав.

- Туда, - сказала, с трудом выталкивая из горла слова, Ласточка и добавила для храбрости: - Когда вернемся, я надеру Юнчену его упругую дурную задницу, как пить надеру.

- А я, – не отрывая выпученных глаз от змей, мяукнул Пиксель, – п-постою. Н-на стреме.

Поднебесная, 206 год до н.э.

Лю Дзы и соратники

Доблестный Гу Цзе оказался нечеловечески везучим парнем. Он достиг лагеря Пэй-гуна в самый подходящий момент, когда Лю уже совладал с гневом и перестал улыбаться так, что у его отчаянных соратников скулы сводило от нутряного, иррационального страха. Попадись посланец Сян Юна Лю Дзы под горячую руку, как знать, может, и порешил бы его потерявший разом и лису, и императора мятежник. Но Гу Цзе Небеса благословили везением. Правда, он о таком даре вряд ли догадывался. И уж точно не ожидал застать соперника своего господина у коновязи, будто простого солдата самого низшего ранга.

- Что-то зачастил ты, братец... - только и молвил Пэй-гун, отложив лошадиный скребок, но закатанных рукавов не опуская. - Братец... Гу Цзе!

И улыбнулся, довольный, что вспомнил имя гонца.

- Дык, - лаконично отозвался чусец и руками этак развел, дескать, наше дело маленькое, приказ есть приказ.

- Все ли благополучно в ставке моего уважаемого старшего брата? - ласково поинтересовался Лю и похлопал своего вороного жеребца по лоснящейся шее. - Здорова ли моя прекрасная сестрица Тьян Ню?

- Ну, это... Госпожа, она того... Здорова, вестимо. Эта... письмо тут к вашеству от господина моего. Вот тама... в ём... всё и есть.

Лю сверкнул очами и зубами в дружелюбнейшей из улыбок, руками всплеснул и почтительно поклонился, прежде чем принять тубус со свитком. А вот ладоней после чистки лошади даже об полы ханьфу не обтер. Крестьянин, что с него взять? Так грязными руками и схватил письмишко-то. Никакого вежества и воспитания!

- Так-так-так... - с непочтительной быстротой пробежав глазами послание, Пэй-гун поцокал языком и глянул на Гу Цзе хитро: - Ну, хвала Небесам, старший брат Юн здоров и благополучен! А скажи, братец, что ж ты запинаясь-то так, когда я о Небесной Деве спрашивал?

На смуглом челе чусца работа мысли отразилась буквально: он не только бровями зашевелил, но и аж вспотел весь. «Так-так, - отметил это замешательство Лю. - Очень интересно».

- Дык, я ж, того... к госпоже не допущен, - наконец нашелся с ответом Гу Цзе.

- Да ты совсем, братец, запутался, от усталости, наверное! - покачал головой Пэй-гун. - Сам же в прошлый раз приближенным моей небесной сестрицы назывался? Э? Когда письмо от нее для Небесной Госпожи Лю Си привозил. Запомятовал?

- Э...

- Ну и ладно, - внезапно смягчился Лю. - Когда простой человек настолько приближается к небесным созданиям, немудрено все на свете позабыть! Ступай-ка отдохни, поешь да выпишь. А после я с тобой снова поговорю.

- Мне б, того... С госпожой хулидзын бы повидаться...

Солдат осекся и невольно отступил на шаг, заметив, какое бешенство на миг промелькнуло в доброжелательно прищуренных глазах «сына Красного императора».

- С Небесной Госпожой Лю Си, - медленно проговорил Лю, - сейчас тебе увидеться никак нельзя, братец. И не проси.

- Дык...

- Эй, кто там есть! Проводите доблестного Гу Цзе, место ему у костра найдите, да глядите, чтоб братца никто болтовней не донимал! Он тут, у нас, погостит немного.

- Э...

По бокам от чусца словно из-под земли тут же возникли двое ханьцев, шириною плеч и свирепостью на лицах не уступая отборным солдатам Чу. И спорить дальше стало бессмысленно. Но Гу Цзе решил сразу прояснить свою судьбу.

- Вешать будете или голову рубить?

- Помилуй, братец, что за речи! – возмутился Пэй-гун. - Ты за кого меня принимаешь? Разве б я посмел допустить, чтобы с головы посланца моего уважаемого старшего брата Юна хоть волос упал? Поди-поди, отдохни и ни о чем таком даже не думай. Вот соберусь я на пир к брату Юну, заодно и тебя с собой прихвачу. А то мало ли какая беда с тобой случится, ежели ты теперь один поскачешь. Путь-то неблизкий!

- Иногда я совсем не понимаю тебя, брат Лю, - признался мудрый Цзи Синь, задумчиво глядя вслед уводимому чускому посланцу. – К чему тебе задерживать этого простака? Отчего не отпустить его восвояси, если ты не собираешься его казнить?

Конфуцианец так выразительно взмахнул сложенным веером, что тут любой бы догадался – сам Цзи Синь чусца казнил бы, не раздумывая. Просто чтобы не нарушать гармонию между Землей и Небом.

Лю мрачно ковырнул утопанную сотнями ног и копыт землю носком сапога.

- Убить? Экий ты кровожадный, братец... Да если я стану убивать каждого солдата, вся вина которого лишь в исполнении приказов господина, останутся ли в Поднебесной люди, которыми мне предстоит править? Я задержал отважного Гу Цзе, чтобы он по простоте своей уважаемому брату Юну не разболтал о наших делах прежде времени, но зла я ему не желаю.

- Может быть, ты ему вообще жизнь спас, – философски вздохнул Цзи Синь. — Неизвестно, как парня встретил бы Сян Юн.

- Может быть... - Пэй-гун отвернулся и в который уж раз устремил долгий тяжелый взгляд в сторону чуского лагеря.

Конфуцианец притих, не рискуя даже сочувственно покачать головой. Приходилось уже нарываться на бешеный гнев побратима, стоило лишь заикнуться о том, что лисица, видать, неспроста сбежала. Рукоприкладствовать Лю Дзы не стал, но из его горячей речи Цзи Синь, несмотря на всю свою образованность, понял едва ли половину слов.

- Не пыхти! – резко бросил Лю, не оборачиваясь. - Говори, что у тебя на уме.

- Этот пир... - осторожно молвил Цзи Синь, предусмотрительно отступив на полшага.

- Не нужно тебе туда ехать. Генерал Сян известен своим несдержанным нравом, а ты, как ни крути, увел у него из-под носа и столицу, и Цинь-вана. Одними извинениями тут не обойтись, брат Лю. Как бы он тебя попросту не убил.

Пэй-гун фыркнул и пожал плечами.

- Именно это чуский князь и планирует. Убить меня.

- Откуда знаешь?

- «Не ездь в Хунмэнь», - так она сказала, - Лю поднял глаза к небу. – Прежде чем уйти, сказала мне: «Когда Сян Юн позовет тебя на пир, не ездь! Он попытается тебя убить». Должно быть, о том есть запись в Книге Девяти Небес...

- Вот видишь! – с жаром поддержал сгинувшую небесную лису Цзи Синь. - Если даже Небесная Госпожа Лю Си предостерегала тебя...

- Забавно, что стоило ей исчезнуть, как ты тотчас перестал звать мою госпожу «лисой», – усмехнулся Пэй-гун. - Думаешь, она вернулась на Небеса?

Вопрос был с подвохом, и мудрец попытался изящно обойти скользкую тему.

- А ты сам разве так не думаешь? Нет-нет, Лю, не злись снова! Подумай! Сперва исчез

Цинь-ван...

- Мальчишку околдовали, ты сам говорил.

- Да, говорил, и скажу снова – людям не под силу противостоять такому колдовству.

Но вот небесная госпожа, вполне возможно, и сумела бы справиться с чарами. Вспомни, как сильно она привязалась к Цзы Ину, как опекала его! Не удивлюсь, если госпожа отправилась по следу Цинь-вана. погоди! Дай закончить! Она ушла, не спросив тебя – но разве ты отпустил бы госпожу, даже если бы она попросила?

- То есть, ты думаешь, что она не у Сян Юна.

- Более того, у меня есть подозрение, что и госпожа Тьян Нью могла покинуть лагерь генерала. Прибытие посланца косвенно это подтверждает.

Лю поморщился. Его-то никакие посланцы ни в чем не убеждали и ничего не подтверждали. Сян Юн гонца прислал? Значит, запутать хочет! Замыслил подлость, вот и отводит подозрения.

- И если нашей госпожи в лагере Сян Юна нет, – развивал мысль Цзи Синь, не замечая, как скептически кривятся губы побратима, - то и тебе ни к чему идти в ловушку. Не ездь в Хунмэнь.

- Ты ничего не понимаешь, мой мудрый брат, – вздохнул Лю. – У Сян Юна – сто тысяч воинов, у меня – тридцать! Если я не приду к Сян Юну, он сам придет ко мне. И что мы станем делать тогда? Убегать и прятаться по оврагам и ущельям? Снова хорониться по горным пещерам? Опять разбойничать? Нет уж! Я – Пэй-гун! Раз уж я назвался сыном Красного императора, то пойду до конца. Если в Книге Девяти Небес записано, что мне суждено погибнуть на пиру в Хунмэне, что ж... Судьба человека – в его руках. Отчего бы не поспорить с Небесами?

- Разве ты не боишься, брат Лю? - тихо спросил Цзи Синь, немного помолчав.

- Я? – Пэй-гун глянул на побратима, и мудрец поежился. В глубине темных зрачков Лю Дзы, как рыба в садке, плеснуло хвостом безрассудство, если не безумие. – Я? О, боюсь, и еще как. Но я поеду в Хунмэнь. Мой уважаемый старший брат зовет меня на пир – как я могу отказаться?

«Будь проклята ты, подлая лисица, где бы ты ни была!» - рассвирепел Цзи Синь и погрозил Небесам кулаком. Но так, чтобы Пэй-гун случайно не увидел.

Сян Юн

Лагерь Сян Юна на холме Хунмэнь ошетинился стягами разной степени белизны, напоминая огромную прачечную. Да и настроения внутри, за валом и рядами отточенных кольев, не далеко ушли от тех, что царят среди упрямых и злоязыких прачек. Солдаты томилась в ожидании штурма Санъяна, их командирам не усидеть было на циновках от желания запустить руки в кубышки столичных жителей, а военачальники, те вообще нацелились на императорскую сокровищницу. Где прямо сейчас копался в свое удовольствие подонок Пэй-гун. Опять же, наложницы, красавицы со всей Поднебесной, нежные и сладострастные, которые только, надо думать, и ждут, когда отважные воины заявятся в их опочивальни, чтобы осчастливить. Красавицами мятежник Лю Дзы наверняка тоже не брезговал. А кто бы отказался? В рассказе про сдержанность черноголового

мятежника никто в здравом уме не верил.

Но чтобы дожить до сокровищ и красавиц, требовалось не только разбить армию Пэй-гуна и проломить столичные ворота, но и пережить ярость Сян Юна, тигра Юга, осиротевшего без Небесной Девы. Ухищрения поваров не помогали унять его гнев, Мин Хе от побоев едва ноги за собой таскал, а несчастные, умудрившиеся разозлить главнокомандующего предосудительными поступками, украсили своими головами ворота в лагерь. В назидание прочим.

Про посланца в Башан – Гу Цзе все говорили как про покойника, а дядюшка Сунь Бин возжег курительные палочки на скромных поминках юноши. Даже если храброго добровольца помилует Пэй-гун, то от Сян Юна, в его нынешнем настроении, ничего доброго не жди. Хорошо, если живьем сварит, а то ведь может и лошадыми разорвать. Сунь Бин и сам ходил по краю пропасти, каждый раз докладывая, что не нашел следов Небесной Девы. Подчиненные только облегченно вздыхали, когда командир выходил из палатки Сян Юна на своих ногах. Очередной кровоподтек на скуле не в счет.

- Да кто ж лист тутовника в октябре собирать-то будет б? – отмахивался старый солдат.

Не рассказывать же бестолковым соратникам, что главнокомандующий уже однажды взялся за его кадык и спросил шепотом, как он, паршивый пес, предпочитает умереть – быстро или медленно. А Сунь Бину было без разницы. Если его предсмертные крики заставят Яшмового Владыку или Матушку Сиванму прислать весточку, что с госпожой Тьян Ню всё в порядке, то можно и помучиться как следует. Сян Юн в ответ глухо, по-тигриному, зарычал, но жизнь солдату оставил. И на том ему спасибо.

Тем временем советники с новой силой пытались лить главнокомандующему в оба уха яд подозрений и зависти, живописуя, как насмехается над ним Пэй-гун, одной рукой держа нефритовую чашу с вином, а другой – лаская прелести императорской наложницы.

- Да пусть он там хоть до мозолей руки об дворцовых девок сотрет! - взревел Сян Юн.
- Я хочу, чтобы этот сукин сын на коленях просил прощения!

- Драконий... – чуть слышно уточнил Дун И.

И едва не поплатился головой за любовь к уточнениям.

- Опять цветные облака привиделись? Опять эманации? - вопрошал чусец, от души разукрашивая советника во все оттенки кроваво-синего.

Никто из присутствующих с места не сдвинулся, чтобы не попасться под горячую руку Тигра Юга.

Сян Юн уже рот раскрыл, чтобы кликнуть стражу с острыми мечами для срочного укорачивания болтуна на голову, как в палатку ворвался Мин Хе со спасительным для всех известием:

- Сто всадников под красными флагами с запада, мой господин! Пэй-гун явился!

- Превосходно, - рыкнул главнокомандующий чжухоу, роняя на ковер бездыханного от страха Дун И. - Встретим же гостя дорогого.

6 Лист тутовника в октябре - кто тебя станет собирать?! - аналог русского «Да кому ты нужен?»

Люй Ши и остальные

Бедному Люй Ши не елось, не пилося и не спалось с тех самых пор, как он, очнувшись от колдовского сна, узнал, что небесная сестрица Лю Си пропала из лагеря в Башане. И вот странное дело! Ладно бы была в этом исчезновении хоть малая вина Люй Ши – но нет, не было за ним вины, никакой, если не считать преступлением то, что вместе с прочими поддался он чародейству и проспал позорно, как госпожа улизнуть изволила. Но Пэй-гун его не виноватил. Он вообще никого не обвинял, не кричал и не ругался, только зубами скрежетал да коня начищал так, что у Верного и без того блестящая шкура светилась теперь ярче звездного неба.

Конечно, они искали госпожу. #288548465 / 16-ноя-2020 И Люй Ши искал, и проштрафившиеся «евнухи», и даже старый Ба совсем уж было собрался ковылять куда глаза глядят, лишь бы не видеть, как Пэй-гуну худо. Насилу уговорили старца обойтись молитвами да поклонами. Все войско пребывало в смятении. Шутка ли! Было-было благословение Небес, а тут вдруг раз - и пропало! Уж не знак ли это того, что Яшмовый Владыка более не покровительствует Лю Дзы и его армии? Уж не предупреждение ли?

Только сам командир Лю оставался спокоен, словно ничего особенного и не произошло. Будто не исчезла небесная госпожа, а просто прогуляться ускакала в поля, цветочков пособирать, причем по его, Пэй-гуна, прямому разрешению.

«Наша госпожа – с Небес, - невозмутимости Лю черной завистью могли бы позавидовать все блаженные бессмертные даосы с Пяти Священных Гор. - Небеса позаботятся о ней. Если она ушла, значит, такова воля Яшмового Владыки. Когда придет время, госпожа вернется».

И всё! Хоть бы поругался или покричал, хоть бы побил кого!

«Ты можешь привести лошадь на водопой, Люй Ши, но как ты заставишь ее пить?» - только и молвил Пэй-гун, когда ординарец прибежал с докладом о том, что в лагерь прибрела госпожи Лю Си соловая кобылка, усталая и голодная, но целая-невредимая. И этих слов командира Лю юноша совершенно не понял. При чем тут лошадь? У лошади-то не спросишь, куда госпожа девалась и почему!

Как не понял, и почему это Пэй-гун, вопреки всем предупреждениям и уговорам, все-таки собрался ехать в этот самый Хунмэнь на пир к Тигру Юга. В самое ведь тигриное логово полез! И ладно бы хоть доспехи надел, так нет – нарядился, словно и впрямь дорогой брат пригласил его на праздник, а не свирепый Сян Юн, который, говорят, заснуть не может, пока кому-нибудь голову не отрубит!

- Может, все-таки панцирь, а? – канючил Люй Ши, ужом вертясь вокруг командира. - Ну хоть кольчужку, а? Халат-то длинный, рукава вон какие! Никто и не заметит! Кольчужку-то надень, брат Лю!

В просьбах мальчишка был не одинок. Цзи Синь, тот все норовил в одеяния Пэй-гуна серебряную булавку воткнуть, а тот лишь отмахивался.

- Не спорь! – сердился стратег. – А вдруг Сян Юн тебя отравить надумал? Обмакнешь иглу в яства незаметненько – и сразу поймешь, есть там отравка или нет!

- Отстань, - ворчал Лю, пытаясь одновременно и кушак завязать, и от назойливого брата отбиться, и от Люй Ши увернуться. — Ну, пойму, что яд – и что дальше мне делать? Соседу на голову миску вывернуть, что ли?

- Кольчужку-у! – улучив момент, вернул Люй Ши и для убедительности позвенел припасенной «железной рубахой».

- От отсечения головы доспехи не спасут!

- Так-то оно верно, – подал голос и молчаливый Фань Куай. - А вот если кто решит тебе ножик под лопатку сунуть, так оно и защитит. А, братец?

- Да вы ополоумели все! – спокойствие Пэй-гуну наконец-то изменило, он топнул ногой и чуть не сшиб Цзи Синя наземь широким рукавом нарядного синего ханьфу. - Какой ножик? Куда сунет? Да если Сян Юн всерьез решил от меня избавиться, станет он морочиться на ножики с ядами? Он что, брошенная наложница, что ли? Певичка? Евнух? Хочет убить? - Пусть попытается! Я тоже не вчера родился! Раскудахтались! Младенец я, что ли? Люй Ши! Не стой столбом! Коня седлай!

Правда, в пылу этой речи Лю Дзы не заметил, как подкраившийся Цзи Синь все-таки умудрился вколоть в полу синего ханьфу серебряную булавку. А Фань Куай, вздохнув, поглядел, как колыхнулся полог шатра, опускаясь за спиной стремительного Лю, и веско вымолвил:

- Вы как знаете, братцы, а я с ним поеду.

- Так ведь Лю строго-настрого... - Цзи Синь нахмурился, осекся и с треском сложил веер. - Я тоже.

- Ему ведь о том знать необязательно, – богатырь поскреб бородку и подмигнул онемевшему Люй Ши. – А ты, братишка, оставайся за главного.

Так и вышло, что вместе с Лю Дзы в «логово Тигра» отправились не сто всадников, а сто два. Цзи Синь и Фань Куай тихонько пристроились в хвост кавалькады, а Пэй-гуну было не до того, чтобы сейчас своих людей пересчитывать.

Сян Юн и Лю Дзы

Выходить навстречу черноголовому выскочке Сян Юн не собирался из принципа. Вот ещё! Не заслужил названный младший братец подобных милостей. Пусть сам преклонит колени и объяснит, как так вышло с Санъяном, а заодно скажет «спасибо», что старший братец не заставил ползти на пузе от ворот лагеря к шатру. Воинственный настрой начальства не утаился от взгляда Мин Хе и поверг бравого ординарца в глубокие раздумья. Если встреча кончится смертоубийством, то надо ли переводить харчи на гостей? Их же положено мясом кормить, а свинок так жалко. Самим быгодились. Жратва никогда лишней не бывает.

- Чего стоишь?! - взвился Сян Юн, давая слуге изрядного пинка пониже спины. – Марш на кухню, бестолочь! Распорядись насчет угощения!

Справедливости ради надо сказать, что поварам досталось ничуть не меньше. Недаром юноша столько времени провел в компании вспльчивого генерала. Он тоже умел орать и пучить глаза. И, само собой, запугивать страшными карами.

- Ежели снова мясо в середке окажется сырым, как было в прошлый раз, - прошипел он в лицо главному кухарю. - Твои уши и язык, паскуда, со сладкой подливой подадут Пэй-гуну.

Тогда повара от смерти спасла Тьян Ню, сказавшая, что на Небесах подобная прожарка почитается как деликатес и называется «с кровью». На этот раз Небесной Девы рядом с Сян Юном нет, вступить будет некому.

«Магушка Сиванму! Верни нам добрую госпожу поскорее, а! Ну что тебе стоит? - молился ординарец на обратном пути.- Неужто некому, кроме Тьян Ню, твои персики Бессмертия собирать? Сделай такую милость!»

А шатер уже приготовили к встрече – деревянный настил прикрыли коврами, прогорклое масло в светильниках заменили на свежее, благоуханное. И каждый столик был установлен согласно правилам. Чтобы Сян Юн сидел лицом строго на восток, его приближенные глядели на запад, а долгожданный, но ненавидимый гость оборотился к северу. Мин Хе не поленился и еще раз все проверил. Слуги у чуского князя подобрались расторопные, а других не заводилось, но лишний раз удостовериться не помешает.

- Стража расставлена, воробей не пролетит, - доложил взопревший от избытка рвения командир Ли.

- Это мы поглядим, - буркнул ординарец.

Соратники мятежника Лю совершенно не походили на оборванцев, ещё не так давно выпрашивавших в Пэнчэне милостей у чуского вана, точно воробьи – крошек. Да и сам Пэй-гун больше уже не тот веселый лохматый босяк. Настоящая война, которая как ни крути, а сильно отличается от коротких разбойничьих набегов, отсекала всё лишнее в облике Лю Дзы – разудалую ухмылку, небрежность в одежде и раскованность в движениях. Имеющий глаза увидит: опасен стал веселый бунтарь. И ханьфу надел синего цвета, словно служитель Богини Западного Неба!

- И чо будет? - спросил Мин Хе, зачарованно наблюдая за гостями из Башана, что въезжали в лагерные ворота.

- Много крови будет, – ответствовал дядюшка Сунь Бин и, подумав, добавил весомо: - Уже сегодня.

Он помнил господина Сян Юна бестолковым забиякой, мальчишкой с мечом,творящим, что первое в голову придет, а значит, уже наблюдал похожее превращение: из толстолапого щенка – в хищного зверя.

- Оба молоды, оба полны амбиций, оба злы. В одной долине два тигра мирно не уживутся.

Выяснить, подразумевал ли Сунь Бин под этой самой долиной весь Гуаньчжун, ординарец главнокомандующего не успел.

Конечно, всю свою "почетную" сотню всадников в лагерь "брата" Лю Дзы тащить не собирался. Бестолку. Чтобы силой вырваться из ловушки, сотни конников мало, только полягут зазря. В тигриное логово Пэй-гун всерьез вознамерился войти в одиночку, но не тут-то было. Перед самыми воротами, когда он привстал в стремях и оглянулся, чтобы приказать своим людям держаться в отдалении и коней не расседлывать, вдруг выяснилось, что оба его побратима, Фань Куай и Цзи Синь, тут как тут. Не послушались, приказ нарушили, получается. Но отсылать ослушников назад в Башан было уже поздно, да и, по правде-то, втроем действительно как-то веселей. Где наша не пропадала!

- Два упрямых дурака! - одними губами прошипел Лю, сердито зыркнув на соратников. - Пропадете ни за гнутый чох!

Братец Синь изо всех сил постарался выглядеть виноватым, а богатырь Фань только плечами пожал и обронил:

- Ну, вместо кольчужки-то... Может, и мы на что сгодимся.

Лю отмахнулся, но заметно повеселел. Верно говорят: рядом с другом и помирать легче!

Так и получилось, что к шатру Сян Юна ханьцы подъехали втроем.

Лю, ничуть не смущаясь чужих взглядов, что цепко обшаривали его, все-все примечая

- и не затаил ли мятежник Лю кинжала в широких рукавах, и каким узлом завязан его кушак, и не слишком ли широка кайма на вороте ханьфу - ласточкой спорхнул со спины Верного. И, взмахнув рукавами, распластался перед входом в шатер в низком-низком поклоне, как журавль, подстреленный на лету.

- Ничтожный простолюдин нижайше приветствует уважаемого старшего брата!

Сян Юн, стоявший посреди пиршественного шатра, сделал знак, чтобы стража раздвинула полотнища полога, и молча поглядел на спину "младшего братишки". Широкую такую спину, спину бойца, обтянутую ныне дорогой тканью и ничего иного, кроме ненависти, не выражавшую. Чусца низким поклоном не обманешь. Он этих спин наглядился за свою короткую жизнь - чуть больше, чем до рези в глазах. Всяких-разных – покорных, испуганных, жадных, упрямых. Лю Дзы преклонил колени, что правда - то правда, но без смирения или страха.

"Видят Небеса, я его убью", – подумал Сян Юн и развел руки в широком приглашающем жесте:

- Добро пожаловать, мой драгоценный младший брат! - сказал он.

Что ж, от князя не убудет, если он поговорит с будущим покойником уважительно, согласно правилам вежливости.

- Рад видеть тебя в добром здравии, братец Пэй-гун!

Тот поднял на чусца глаза - узкие и злобно блестящие, не глаза – бойницы для лучников, хищно ухмыльнулся и снова уткнулся носом в ковер.

- Что к месту примерз? Давай, двигай. Разговор есть.

Лю, прищурясь, быстро зыркнул по сторонам. Ага, народу-то, народу... Да все при оружии, а рожи такие приветливые, что того и гляди живьем сожрут. "Подавитесь", - с веселой злостью подумал Лю Дзы и, решив, что подниматься с колен покамест преждевременно, двинулся вперед. Прямо на коленях пополз, дорогого одеяния не жалея. А что? Драгоценный брат ведь лично его не поднял, так? А черноголовому простолюдину ползком-то привычней!

"Вот ведь мерзавец! Издевается!" - мысленно фыркнул Сян Юн.

- Дорогой братец, как можно? Встань с колен, не позорь меня перед людьми, - всплеснул он руками, ощущая в себе дух покойного дядюшки Ляна, как если бы тот и впрямь вселился в тело племянника. – Посмотрят они и скажут, что главнокомандующий пренебрегает названным братом. Как можно?

В груди чусца сладко ворочалось кровожадное чудовище, состоящее пополам из жестокости и удовольствия.

Но поднимать собственноручно коварного крестьянина он не стал. Хочется человеку поползать, надо его желанно уважать.

«Экий ты, "брат" Юн, снисходительный. Точно уже нож наточил», – подумал Лю и встал, деловито отряхнув одежду.

- О чем речь, уважаемый брат! Как бы я посмел тебя опозорить! Да пусть Лэй-гун тут же на месте поразит меня молнией, коли я хоть что-то против тебя замыслил!

Вокруг дерзкого ханьца, который вдруг перестал говорить о себе в третьем лице, да ещё и к чускому князю обратился, как равный к равному, к счастью, было достаточно пустого пространства, чтобы прочие, в шатре бывшие, особого не рисковали, если б повелитель молний и впрямь сейчас с Небес по Пэй-гуну шандарахнул. Однако ж огонь небесный наглеца не поразил. Видать, недосуг было Лэй-гуну вникать в мелкие делишки

смертных.

Сгорбленный слуга проводил Лю Дзы к столу по правую руку от хозяина. Циньки под задницу шелком обтянуты, тарелки бронзовые, чарки для питья из белой яшмы – словно не в военном лагере пир, а прием во дворце у императора. Линьинь 7 Фань Цзен, сидевший напротив черноголового выскочки, скривился, словно зеленую, но уже с червяком внутри, сливу сжевал. Оно и понятно, место почетное, а перед глазами все время будет смуглая разбойничья рожа Пэй-гуна. Придется терпеть какое-то время.

Лю по сторонам особенно не глазел – глаза б на эти наглые чуские морды не смотрели! Ишь, так и долбят взглядами, словно уже примериваются, как бы половчее рассечь Пэй-гуна на тысячу кусков! А ведь и верно – если всей толпой навалятся, то и рассекут, и именно на тысячу, не меньше. Аж полог шатра колышется от нетерпеливого дыхания да земля поскрипывает под сапогами. За тонкими полотняными стенками – кольцо вооруженных до зубов солдат. Стоит лишь Сян Юну знак подать, и свистнут мечи, рассекая полотно, чтобы... «А может, просто пристрелят, - с нездоровым азартом предположил Лю, сам с собой решив поспорить, какую именно казнь припас для него «уважаемый брат». - Самострелы-то мечей надежней. От мечей я, пожалуй, и увернуться сумею, а от десятка стрел – вряд ли».

Одно непонятно: коли чуский князь и впрямь решил покончить с неуместным союзником, то отчего медлит?

«Коту с мышью играть привычно, - шальная улыбочка сама собой прокралась, искривила губы, от страха онемевшие. - Так тигр ты или кот, брат Юн? А ну как эта мышь решит потрепыхаться напоследок?»

- Что ж ты, братец, так поспешил с Саньяном? – спросил Сян Юн, чуть пригубив первую чарку. – Ужель покойный Куай-ван был столь строг?

Чем уместить этого Тигра, раздери ему Яньло-ван все нутро крючьями! По справедливости рассудить, так никакой вины за Пэй-гуном не было. Формально он всего лишь следовал указу благородного Куай-вана. Но о справедливости рассуждать уже поздно, на формальности Сян Юн чихать хотел, а указы покойного вана годились теперь разве что на подтирки. И все же...

- Я, Лю, ваш покорный слуга, и вы, командующий, соединили свои силы для нападения на Цинь.

Пэй-гун сам себе сейчас напоминал большую мышь, зачем-то вырядившуюся в синие шелка, что, сидя на задних лапах, пытается почтительными речами умиротворить нависшего над нею хищника.

«Я – мышь, я – мелкая тварь, я воробья мельче! Во мне и мяса-то нет! Что ж ты пасть разинул? Я ж тебе на один укус, зверюга!»

- Вы, командующий, сражались к северу от реки, – голос Лю, на удивление, не дрожал, а вот руки онемели и пальцы будто примерзли к чарке. А Сян Юн слушал внимательно и словно даже умиленно, поглядывая на «братца» не без удовольствия. Наслаждался!

- ...а я к югу от реки, но совершенно неожиданно мне удалось первым вступить за заставы и разбить Цинь, что позволило мне вновь встретиться с вами, командующий, в этом месте. Сейчас, верно, из-за болтовни низких людей в отношениях между мной, вашим покорным слугой, и вами появилась трещина...

- Кто ж посмел? – сурово сдвинул густые брови чусец. – Кто этот бесчестный человек? И что мне с ним сделать?

Он обвел тяжелым взглядом собравшихся, особо задержавшись на внезапно посеребривших губах благородного линьиня. Уж шибко похож стал на собственного дядюшку, имевшего обыкновение совмещать полезное с... полезным.

«Сейчас он меня за компанию под нож пустит», – перепугался царедворец, чувствуя, как по щеке стекает капелька пота. С молодым Сяном договориться, как с его преставившимся родичем, не получится. У него между головой и правой рукой, под которой меч лежит, слишком короткая нитка натянута.

«Прикажет казнить и вся недолга! Ради красного словца!» Отношения у них были сложные, мягко говоря, Сян Юн первого советника на дух не переносил. Было за что.

- Пока ваш младший брат, наш доблестный Пэй-гун ходил по землям к востоку от гор, он не гнушался богатств и красивых наложниц, - заторопился с оправданиями Фань Цзен, выдавливая из себя натужную улыбку. - Но вступив в пределы застав, он вдруг стал бессребреником. Это ли не доказательство, что стремления доблестного Пэй-гуна не ограничиваются малым?

Сян Юн, вдоволь насладившись унижением линьиня, всем телом развернулся к гостю:
- Что на это скажешь, младший братец?

Лю изо всех сил удерживал кривую усмешку, да вновь не удержал. И глаза отвести не смог – да и не пожелал, чего уж там! «Кто ты таков, «братец», чтобы я перед тобой лебезил? Может, и хватит с тебя уже, э?»

- Господин первый советник прав, – развел руками Пэй-гун. — Некогда я и впрямь был человеком алчным и блудливым, жадным до богатств и красавиц, но нынче... С тех пор как я вступил в земли за заставами, я не посмел прикоснуться даже к самой маленькой вещице, а, наоборот, произвел учет чиновников и населения, опечатал дворцовые хранилища и стал ожидать прибытия командующего. И тут не ошибся почтенный линьинь! Такие перемены внушают подозрения! Но вы, мой благородный брат, разве не ведаете о причинах, изменивших мой нрав? Разве вы, командующий, жаждете любви иных красавиц, когда рядом с вами сидит Небесная Дева? Так и я, ничтожный, удостоился благосклонности небесного создания. Рассудите, уважаемый брат, до наложниц ли мне теперь?

Расчет был идеальным. Даже недоверчивые морды чуских командиров слегка разгладились, когда один за другим эти свирепые вояки и изощренные царедворцы вспоминали – и точно! При Пэй-гуне ж небесная лиса обретается! Хулидзын – они такие, смирению и кротости не обучены, а уж ревнивы-то – страх! Чуть зазеваешься – и все, считай, что с мужским началом ян можно попроситься... И верно – до наложниц ли тут?

Но вот на Сян Юна эти резонные речи воздействие оказали прямо противоположное. Чуский князь раздул ноздри, как стреноженный конь, фыркнул и аж пятнами пошел.

- Я послал военачальников защищать заставу потому, что хотел принять меры предосторожности против прихода различных грабителей и быть готовым ко всяким непредвиденным обстоятельствам. Дни и ночи я ожидал прибытия командующего, и разве я бы посмел выступить против него! – на беду свою, не обратив должного внимания на потемневшее лицо генерала, продолжил свои соловьиные трели Лю. А чтоб оправдания не звучали слишком уж униженно, напомнить решил, что они с Сян Юном, между прочим, не только на словах побратимы, а еще и, так сказать, через небесных своих женщин. Упомянутая Тьян Нью ведь Пэй-гуну названной сестренкой приходится! Практически родня!

- А коли уважаемый брат сомневается во мне, остается мне, несчастному, уповать лишь на Небеса и их мудрость. Будь здесь сестрица Тьян Нью, подтвердила бы, что... У-ху, да

где ж она? Не приключилось ли с сестрицей какой хвори?

От простейшего и невиннейшего вопроса Сян Юна перекошило. Чусец скрипнул зубами.

- А чего ты сам без хулидзын явился? Моя Тьян Ню по сестрице тоскует денно и ночью. Ужели на привязи удержишь?

Лю тоже зубами скрежетнул. Вдруг как-то совсем безразлично стало, убьет ли его Сян Юн и как именно. Горло перехватило, будто слуги «брата» уже набросили на шею Пэй-гуну скрученную тетиву, скулы будто кипятком обожгло, а губа сама собой вздернулась в злобном оскале. И не удержался от ответной колкости, ответил резко:

- Как мне с моей небесной госпожой обходиться – то мое дело. Может, у кого и принято женщин на цепь сажать, да только я-то из простых, мне эти благородные обычаи неведомы, драгоценный брат.

И, аккуратно поставив яшмовую чарку на столик, поправил рукава и добавил, шалея от собственной дерзости:

- А не кажется ли уважаемому брату, что пришло самое время нам обсудить, как теперь быть с циньским наследством? Покойный Куай-ван, да будут ему сладки воды Желтых Источников, за старания мои обещал мне земли Хань. Но брат Юн теперь сам стал правителем Чу. Подтвердит ли брат указы покойного вана?

Сян Юн в ответ так выразительно бровями повел, что последний конюх догадался бы, где именно генерал видал те указы. Но Лю рассудил, что теперь-то уж терять нечего, а ясность внести надо.

- Что же до Санъяна и коренных земель Цинь, то претендовать на них мне, ничтожному, совсем неместно. Столицу я, как видите, любезный брат, для вас берег. Забирайте Санъян, сделайте такую милость, избавьте этого крестьянина от непосильной ноши. Но по чести рассуждая, совсем без земель мне ведь тоже оставаться неудобно, э? Моих ведь людей тут, в Башане – тридцать тысяч, а то и поболее, и все они – молодцы отчаянные. Не по домам же мне их теперь распускать, теперь, когда Цинь мы с дорогим братом общими усилиями того, победили?

Воздух в палатке, и без того густой от дыма благовоний, запаха жареного мяса и рисового вина, сделался еще гуще от гнетущего молчания. Фань Цзен уморился уже вращать глазами и теревить висевшее у него на поясе нефритовое кольцо с прорезью 8. Главнокомандующий намеков на решительные действия не понимал.

- Кхм... - молвил главный советник. - У нас тут вроде бы пир, а не военный совет, в самом-то деле. Под скучные разговоры и вино скиснет. Перед гостем неудобно как-то.

- Тебе и вправду скучно, братец? - спросил Сян Юн, глядя в упор на Лю.

Началось, подумалось Лю. Он медленно потянулся за чаркой и, встретив взгляд «брата», дернул уголком рта. Чет или нечет, «братец»?

- Эй, Цин Бу! - окликнул Фань Цзен клейменого военачальника. - Люди говорят, нет никого, кто танцевал бы с мечом лучше тебя?

Данъян-цзюнь, сидевший в задних рядах пирующих и только успевший чарку ко рту поднести, удовлетворенно дернул свежееотрошенным усом. Лучшего повода прикончить Лю Дзы и сыскать-то сложно. Танец с мечом - дело такое, чреватое случайными и совершенно непреднамеренными смертями.

- Да запросто! - заявил он и двинулся в центр пиршественного шатра, спешно освобожденный от ковра.

Попробуй потом кровь отмыть!

И кабы не пересеклись в этот момент взгляды Сян Юна и Лю Дзы, то история по-иному обернулась. Конечно, Пэй-гун страшился, а кто бы не испугался? Но, сволочь черноголовая, рожу скорчил настолько наглую, что рука Юна сама потянулась к мечу.

- Стой, данъян-цзюнь! - рявкнул чусец. – Я сам. Станцую. Окажу честь братцу.

Чтобы потом ни одна собака в Поднебесной не посмела твякнуть, что князь Чу, воин из рода воинов, царедворцев и ученых, убил врага руками слуг. Своего самого главного врага.

А ведь ничего угрожающего в Лю Дзы вроде бы нет. Всего лишь один из черноголовых, которых под Небесами тысячи тысяч, которых не сосчитать и не перебить, как не выпить реку и не вычерпать море. Они - трава под ногами, топчи – не вытопчешь никогда.

Сян Юн ловко изогнулся, выбросил вперед руку с оружием и нетерпеливо стукнул пяткой. И раз, и два, и три. Словно уже вколачивал упрямую травинку-Лю в дорожную пыль, в бурю сухую землю. Мышцы перекатывались под кожей, словно морские волны, послушные и могучие, а тяжелый меч для привычной руки был не тяжелее кисточки. Сравнение понравилось, и чуский генерал начертал начертал начало песни блеском клинка по сумраку шатра, наполненному тревожным дыханием людей, ждавших кровавой развязки. Кто с нетерпением, кто с ужасом.

Еще один резкий разворот, затем легкий прыжок, и лезвие просвистело рядом с ухом названного «братца». Пэй-гун не шевельнулся, но тяжело сглотнул.

«Потерпи немного, я уже скоро» - мысленно пообещал Сян Юн, делая выпад в сторону. Мечник работает не оружием, а всем телом. Что-то в этом духе любил повторять Сян Лян. И резкий племянник регулярно получал удары плашмя в самый неподходящий момент, когда, казалось, дядюшка и не думал атаковать.

«Вот бы ты уже и к Яньло-вану на обед попал, гаденыш. Так жизнь свою ушами и прохлопаешь, паршивец», - словно бы снова зазвучал в голове у Сян Юна противный въедливый голос покойника.

Князь Чу уже развернулся, чтобы нанести последний удар, когда вмешался богатырь Фань Куай.

Он легким взмахом руки отшвырнул от себя двух слуг-подавальщиков, пинком ноги отправил «отдохнуть» чуского стражника, а его высвободившийся меч забрал себе. Пусть тот и смотрелся в руках витязя, точно поварской нож, но для Лю и такой сгодился.

- Кто ж так танцует, что один пляшет, а другой сидит безоружный, - пробасил Фань Куай и протянул орудие побратиму. – Держи меч, братец, да уважь князя. Ты ж у нас тоже сплясать не дурак.

Воспрянувший духом Пэй-гун вскочил на ноги и хрипло крикнул пересохшим горлом:

- Потанцуем, брат?!

И тут Сян Юну стало по-настоящему весело. Почти радостно.

- Потанцуем, брат!

Каждая мышца, каждый нерв, каждая бисеринка пота кричали Лю: «Бей! У тебя меч, перед тобой – враг! Какие танцы? Режь его, коли его, руби! Делай хоть что-то!»

Но Сян Юн тек и струился, не как вода, не подобный огню даже – нет! Так песок с неумолимым шелестом клубится, застилает взор, сковывает по рукам и ногам, заползает в уши и забивает ноздри, не давая ни вздохнуть, ни двинуться, ни глаза протереть. И только

безжалостный скрежет песчинок... Но нет, не песчинки – это мечи шипят, скрежещут, льнут друг к другу, словно не оружие в руках у противников, а живые змеи.

Танцы? Какие уж тут танцы...

Что-что, а все эти забавы князей, эти пляски со смертью – никогда Лю их не понимал. Хочешь убить – бей! Один удар, один труп. Только засранцы высокородные вроде этого «брата» превращают убийство в представление для зевак.

Так ли, брат? Отчего не решить дело одним ударом?

Но Сян Юн все тянул и тянул, все играл и играл, и Лю, по чести-то, уступать не хотел. Да, не красиво, да, не изящно совсем, грубовато и неуклюже, но плясал-таки. Жалкое зрелище, видят Небеса!

- Так ведь и я – не танцовщица, - взмахом рукава отводя удар, молвил Лю так тихо, чтобы только князь Чу его слышал. - Вот брат все делает красиво. Не то, что я. Брюхо кому вспорет – и сразу новую песнь складывает. Голову отрубит – и за флейту. А, брат?

Шаг, еще шаг, поворот – и вновь скрежет, и вновь змеиный шелест и шипение. Полный шатер народу, а будто и нет никого. Будто их только двое, а под ногами – земля, огромная, ничья земля, покорно ждущая победителя.

- Так ты хочешь, чтобы я песню... - выдохнул Сян Юн прямо в лицо Лю, – ...сложил про тебя потом?

- И даже надеяться... - Пэй-гун изо всех сил оттолкнул от себя наседающего врага... то есть, брата, конечно. – Надеяться не смею на эдакую милость.

Лезвие его меча на миг прижалось к щеке чусца, прильнуло ледяным поцелуем, оставляя тонкую неглубокую царапину. Всего одна капелька крови на память о великом дне. И боль-то пустяковая, как короткая вспышка, почти неощутимая. Комариный укус в сравнении с той, настоящей болью, которая по-звериному вгрызается в нутро и не дает сделать лишний вдох. Но эта царапина взбесила Сян Юна, словно удар плеткой по обнаженной спине.

- А я сегодня очень добрый! - рявкнул он, снова бросаясь в бой.

В задницу танцы! Пусть женщины танцуют. Мужчины – сражаются!

- Ты вообще... – Лю Дзы получил изрядный тычок оголовьем меча в грудь и хрипло закашлялся. - Добрее тебя, братец, и нет никого.

Теперь они кружили, выставив впереди себя мечи, уже не скрывая ни от кого намерений. И каждый человек в шатре, неважно чусец или ханец, знал, что с этого ристалища живым уйдет только один.

- Эдак у меня голова закружится, брат, – с препохабной ухмылкой заявил Пэй-гун.

Сян Юн в ответ лишь глухо заклокотал горлом, точно цепной пес. И ударил. По-настоящему. Почти достал, зацепил соперника, но не сильно. Верткий гад!

Да как он посмел, этот грязный скот?! Нет, не ранить, и не огрызаться! Как он посмел встать против князя Чу? Словно... равный во всем. Нет, суть дела не в этом.

- Хватит играть! - крикнул Цин Бу, тоже рвущийся в бой.

Да какие уж тут игры?! Все давным-давно всерьез. И сверканье клинков, и насадный хрип, и Санъян, и Поднебесная, и земля, и Небеса.

И вдруг, в самый разгар поединка, когда за гулким грохотом сердца, отдающимся в ушах, и горячими толчками крови из несерьезных пока ран, ничего и почувствовать нельзя, Сян Юн отчетливо понял, за что хочет убить человека по имени Лю Дзы. За то, что тот, отлично понимая, для чего зван на этот пир, не устранился, как сделал бы любой другой

черноголовый. Не сбежал, теряя плетеные сандалии, в горные ущелья, спасая свою шкуру. Пэй-гун принял вызов, словно благородный человек. Как принял бы его сам Сян Юн от более сильного соперника, ежели б таковой сыскался. А что это значит? Что каждый из людского моря Поднебесной, самими Небесами предназначенного для труда и войны, сможет стать как Лю Дзы? Такого быть не может! Не должно быть!

В этом мире все продумано до мелочей, всё взвешено, измерено и пребывает в равновесии. Огонь обжигает, а вода мокрая. Земля, она под ногами, небо - над головой. Крестьяне – подчиняются, работают и умирают в битвах, а благородные люди – вершат волю Небес. И никогда наоборот!

- Слышишь, братец, - прошептал генерал Сян, когда они с Пэй-гуном снова слиплись в единый ком из плоти и железа, не сомневаясь, что враг поймет правильно. - Слышишь? Не бывать этому никогда! Чуешь меня? Знай свое место, грязь.

- А это мы ещё посмотрим... братец, - оскалился тот. – Поживем – увидим...

Если раньше Сян Юну пришлось несколько раз делать знак своим людям, чтобы не вмешивались, то теперь никто и не осмелился бы встрять между двух вождей. Все равно, что вмешаться в поединок двух сцепившихся матерых тигров. Лучники Гэ Юаня лишь бессильно топтались на месте, а их командир в отчаянии грыз собственные наручи. Ему самой судьбой отводилась незавидная роль – просто ждать, чем кончится этот так называемый танец. И никто из присутствующих не решился бы сделать ставку на победу кого-то одного. Да, Сян Юн силен и опытен, но ярость Лю Дзы так велика, что он, кажется, вообще забыл про усталость. Так и гадали бы воины об исходе поединка, если бы испуганные вопли откуда-то снаружи не просочились под полог шатра. Далекий и неясный гул человеческих голосов все нарастал, а потом накатился, словно исполинская приливная волна. Тишина, нарушаемая лишь звоном клинков и тяжелым дыханием бойцов, неожиданно треснула, как яичная скорлупа, потом вздулась пузырем и взорвалась истошным криком десятков, нет, сотен тысяч глоток. Все кричали - люди, лошади, и даже обычно равнодушные ко всему воли ревели во всю мощь легких. И от их воплей, от их ужаса, мнилось, что купол Небес прогнулся и хрустнул. Смачно так захрустел, сочно. Х-хрясь! Что-то огромное и острое вспорол купол шатра. Причем сразу в нескольких местах. Через прорехи внутрь рванулся багрово-золотой закатный свет. Как кровь из свежих ран, которыми Сян Юн и Лю Дзы щедро наградили друг друга только что.

- Что? Что это? - ахнул чусец, застыв на месте и вглядываясь в то, что творилось в небесах.

- Это же не...

Пэй-гун тоже опустил меч. Его разум категорически отказывался верить в увиденное.

Прямо на них из победно-алого поднебесья пикировал черный дракон: огромный, блестящий, зубастый и рогатый, выставив вперед лапы с выпущенными когтями. Ни дать, ни взять, кот в решающем прыжке на мышь. Мало того - на загривке у него расположились всадники. И надо думать, с комфортом. Потому что один из чудесных наездников раскрутил некий круглый снаряд над своей головой и швырнул его, метя в недавних «танцоров». И почти попал. Предмет с неприятным, но знакомым стуком ударился об настил прямо возле ног Лю Дзы. Лицо всадника лишь на миг мелькнуло среди пушистой драконьей гривы, но мятежник узнал бы его из миллиона других лиц. И другое лицо тоже.

- Ну, сестрички, ну вы придумали... - выдохнул он с облегчением. И рассмеялся, глянув на перекошенную физиономию Сян Юна. - Ишь, какие затейницы!

7 так именовался в Чу первый советник.

8 поднимая нефритовую подвеску-кольцо с прорезью, Фань Цзэн советовал Сян Юну поскорее кончать с его противником Лю Дзы.

«Жаль, не даровал мне Господь умения сочинять сказки. Вот где было бы развернуться. В сказке запросто можно водить знакомство с драконом, на то она и сказка. А так только внуки и слушают мои истории. Но я не ропщу, на всё воля Божья».

(из дневника Тьян Ню)

ГЛАВА 5. Живые и мертвые

«С моей биографией лучше всего держать воспоминания и откровения при себе. Не с моим жизненным опытом оспаривать религиозные догмы. Но в вопросах бессмертия души я разбираюсь лучше моего духовника – это совершенно точно»

(из дневника Тьян Ню)

Тайвань, Тайбэй, 2012 год н.э.

Кан Сяолун и Саша

Кан Сяолун не успел понять, когда и что случилось. Внучка старухи – точнее, горстка обтянутых плотью костей и пучок волос, которыми он управлял, как хорошо настроенным механизмом, вдруг дернулась, высвобождаясь, и развернулась к нему.

Лезвие в ее руке стало красным. Племянник профессора Кана, привыкший не просто смотреть, но видеть, заметил отразившиеся в сверкающей стали лица - бесчисленные лики перерождений, уходящую в древние миры цепочку.

- Ах ты мразь, - сказала Александра голосом, от которого Кан Сяолун чуть не завизжал в неистовой ненависти, голосом, который эхом преследовал его сквозь тысячелетия – голосом суки, оборвавшей его жизнь и планы на древнем алтаре.

- Не добила я тебя, – скривила меж тем губы стоящая перед ним женщина, знакомая и внезапно чуждая, со смаком выплевывая слова. – И гляди-ка! Выполз!

- Ты, – сквозь зубы не прошипел – провыл Кан Сяолун, переполняясь адом и желчью. – Ты!

Тело его прогнулось, как тонкая бумага под порывом ветра, и он почувствовал – всем телом, каждой жилой – как рвет и корежит его злоба, обретшая собственную форму, как вздуваются от нечеловеческого напряжения мышцы и рвут губы, проталкиваясь из десен, клыки.

Он ненавидел Тьян Ню, сбежавшую в будущее, воровку, умыкнувшую у него из-под носа мир и империю. Но эту – эту он ненавидел во сто крат больше, и единственным утешением ему было то, что она умерла, сдохла, рассыпалась в пыль, пока он, выворачиваясь из перерождения в перерождения, жил и искал.

Ночь за ночью, жизнь за жизнью он представлял себе, как она умирала, выдумывая все новые и новые мучения: разъедающую ее кожу и нутро раковую порчу, дурную болезнь, разорванный родами живот. Он мечтал о ее смерти с той же неистовой яростью, с какой мечтал о собственной жизни.

А она...

- Узнал меня? - хмыкнула Сян Александра Джи – Лю Си – и поудобнее перехватила нож. - Вижу – узнал. Ну что? Давай, тварь, иди теперь сюда. Ну!

Кан Сяолун изогнулся, не в силах говорить от собственной лютой злобы. Мир вокруг перестал быть и значить, рыбки со звоном сломали и опали глиняной трухой, и все, все потеряло смысл, кроме жажды бить и убивать.

Убей ее, убей, убей, стучало под ребрами. Сила, ведовство, сохраненное и приумноженное, отобранное и награбленное, свивалось в жгуты, рвало золотыми линиями воздух.

Убей, сожри ее, разорви – ширился в нем демон, демон, которого он вскормил на собственном мясе и собственной мысли.

Убей!

Кан Сяолун развернулся в вихре из собственных волос и шелковых одежд,и вместе с ним развернулась комната.

Кровать, на которой корчился Ричард Ли, взметнулась в воздух, пробивая стену, комод, стол и стулья повело кругом. Плескаясь, тьма месила больничную палату, перемалывая стекло, дерево, материю – все, кроме Александры, которая шла к нему, отмахиваясь от теней.

- Я выгрызу твои кишки, лисица, - прошипел Кан Сяолун,. – Я буду жрать тебя, жилу за жилой, тянуть и рвать,и жечь.

Внучка Тьян Нью сощурилась, чуть отвела в сторону плечо, будто готовясь к удару.

А потом его мир вздрогнул и раскололся.

Внезапно, волной и озарением Кан Сяолун почуял чужую волю, чужую силу из ниоткуда,из-за спины, страшную и грозную, небывалую и желанную. Дверь палаты, залитая темнотой, прогнулась, окна провалились внутрь под напором чудовищного рева.

Воздух застыл.

Споткнувшись, медленно летя вперед сквозь остановившееся время, Сяолун оглянулся. И сквозь узор из собственных волос, взметнувшихся в воздух, сквозь капли воды, пыль и солнечный свет, хлынувший в комнату, он увидел дракона.

Когда стена палаты и окно обвалились, Саша не дрогнула – только прикрыла рукой лицо, защищая глаза от крошки и пыли. У нее была цель, и выход был только один – сдохнуть или сражаться и, значит, надо было сражаться.

Однажды она вскрыла тому, что называло себя Кан Сяолуном, брюхо. Вскроет снова. Потому, что такому нельзя оставлять жизнь ни в одном из миров. Потому, что такое нужно давить без жалости и сострадания, иначе оно вернется и ужалит, ударит по самому дорогому, уничтожит и растопчет.

Ей, Саше, есть что терять. Родителей, клан, Ин Юнчена, его глупых и верных друзей... себя. И она не отдаст – ничего и никого.

Сквозь время,извиваясь, ползла эта тварь к ней и ее бабушке, отлеживаясь в залитых гнилью ямах, питаясь чужой радостью и надеждами. Сколько он убил? Сколько исковеркал?

Александра стиснула зубы: при мысли о виновных и невинных, на чьем пути встретился Кан Сяолун, ее жгло гневом. И когда сквозь ворвавшееся в палату солнце росчерком из черного пламени вспыхнул дракон, она лишь кивнула.

Хорошо. И на охотника можно охотиться.

Кан Сяолун замер, уставившись на зверя из легенд. Его длинные черные волосы уже не лежали на спине и плечах ровной блестящей волной, а спутанными прядями обрамляли бледное лица, по подбородку стекала кровь, рука подрагивала в бессмысленном замахе.

- Ну, - сказала Саша во внезапно свалившейся на палату тишине, – давай. Жри.

И, подняв перед собой нож, пошла на него.

Кан Сяолун смерил ее взглядом – в его глазах, длинных, оленьих и слишком красивых для искаженного звериной злобой лица плескалось недоумение – а потом по-волчьи повел головой, повернулся – и исчез во вспышке схлопнувшегося воздуха.

Дракон рванулся вперед, щелкнув зубами, но схватил лишь пустоту. Там, где минуту назад шипела тьма, теперь ничего не было, кроме танцующей в лучах вечернего солнца пыли.

Позади что-то зашуршало. Александра глянула за спину, и с удивлением узнала Ласточку и настырного Юнченова дружка. Они в растерянности стояли, разглядывая разгромленную палату, распластавшееся на полу тело Ричарда, погнутую кровать, зияющую провал стену.

- Эй, - сказала Янмэй, опираясь о стену. - Ты, как тебя там, ты в порядке?

Саша повернулась к дракону. Он плавно качнулся в воздухе - длинное и гибкое тело, сплетающееся в извивы и всплески живой силы.

- Эй, - повторила Янмэй – Ты что заду...

И тогда Сян Александра Джи – Люся – Небесная Лиса – отбросила в сторону нож, стряхнула с одежды пыль и побежала вперед. Вечерний воздух, сладкий и вкусный, обнял ее, ветер откинул со лба волосы, когда она, разбежавшись, нырнула вперед, в бездну, но ушла не вниз, а вверх, вынырнула из прыжка, обнимая руками блестящую чешуйчатую спину дракона.

- Вот и мы встретились, – не слыша и не слушая криков Янмэй и Пикселя, прошептала она, подставляя лицо облакам, – наконец-то. Да, ваше величество, мой маленький император?

Ин Цзы Ин, князь-дракон, и Саша

Небо пахло грозой и полынью. Прижатая к мощному, текучему телу дракона, Саша старалась наклоняться как можно ниже, прячась от ветра, который так и норовил украсть дыхание с ее губ. Заслоненная развевающейся гривой, она лишь мельком увидела опрокинутый, уходящий куда-то вниз и вбок Тайбэй, а потом князь-дракон заложил вираж, и осталось только небо – везде, повсюду, вверху и внизу, лишь небо и ветер. Но не прирученный, пахнущий цветами, дымом и бензином ветер Тайбэя, не ветер мира людей, нет. Могучий и свирепый, напоенный запахами грозы и степных трав, этот ветер вольно летал в небесах, не оскверненных следами ракет и самолетов, не запятнанных людьми. Это поднебесье было иным. Здесь – Саша отчего-то поняла это сразу и ясно, невыносимо ясно – пролегли пути иных созданий. По этим небесным тропам шествовали боги, стремительно пролетали небесные девы, невесомые и изящные, будто персиковые лепестки, парили бессмертные мудрецы-даосы, а ещё – драконы. Могучий Цзы Ин, струясь, летел наперегонки с облаками, и Саша иногда успевала заметить золотой проблеск луны – где-то внизу и чуть слева – и силуэт лунного зайца на сияющем диске.

- Ветер великий бушует, - беззвучно прошептала она. - Тучи несутся, вздымаясь...

И встречный вихрь, хохоча, сорвал древние стихи с ее пересохших губ, похитив их вместе с дыханием.

Они покинули мир людей, пересекли границы пространства и времени, и парили теперь там, где ни время, ни законы физического мира не властны. Но страха не было, не было совсем.

Ослепленная ветром, оглушенная и полузадохнувшаяся то ли от этой несказанной ясности, то ли от восторга Саша на миг зажмурилась и пропустила момент, когда дракон вдруг резко прыгнул вниз. Сердце всадницы снова подпрыгнуло, уши заложило, она изо всех сил вжала лицо в драконью гриву, а потом... Потом все закончилось.

Многоцветная парча поднебесья, где день и ночь властвовали равно и одновременно, сливаясь воедино, сменилась бархатной чернотой подземелья. На мгновение Саша будто с головой окунулась в непроглядно-черный омут, где сами понятия «время» и «место» потеряли всякий смысл, стали бессмысленной шелухой, опадающей с обнаженного разума. Но она не успела даже вздохнуть, не то что испугаться. Темнота вдруг перестала быть непроглядной: сперва один светильник-светлячок вспыхнул в ней, затем еще и еще, и вот уже Саша, изумленная и восхищенная, оказалась в самом центре разбегающихся, вспыхивающих огней. Сами собой зажглись свечи в высоких ветвистых светильниках, вспыхнуло масло в церемониальных треножниках, и ряд за рядом, узор за узором, огонь и свет преобразили подземное царство, раздвинули его границы. Саша стояла на высоком подиуме, перед нею раскинулась площадь, а за спиной – даже не оборачиваясь, она уже знала это – высился дворец – подземный двойник дворца Эпан, чуда древнего мира, погибшего в огне войн и бунтов две тысячи лет назад.

- Это гробница Цинь Шихуанди под горой Ли, – прошептала она, невольно вздрогнув, когда подземное эхо возвратило этот шепот каким-то потусторонним шелестом. - Настоящая гробница, до сих пор сокрытая от людей... Но где же владыка и хранитель Ли-шань и где его армия?

- Нерадивый и злосчастный Ин Цзы Ин, смотритель горы Ли, смиренно приветствует небесную ванхоу.

Девушка стремительно вгезаии обернулась. Юноша, облаченный в черное императорское лунпао, расшитое золотыми драконами, склонился перед ней в поклоне столь низком, что длинные распушенные волосы его касались пола.

- Небесная ванхоу вернулась. Позволит ли госпожа своему должнику и слуге подняться?

- Саша! - вырвалось у нее почти против воли. Так странно, так чуждо, так неуместно прозвучало это иноземное имя под сводами древней гробницы. Так же странно и чуждо, как странной, чужой и неуместной была здесь она сама – растрепанная, в джинсах и мятой футболке с чужого плеча. Но все же она была здесь, и князь-дракон склонился перед нею, и единственным способом не потерять себя, не раствориться в бездне времени было это имя.

- Саша. Меня зовут Саша.

- Как будет угодно небесной ванхоу, - покладисто молвил дракон и улыбнулся. — Небесная госпожа носила много имен. Некоторые из них известны Цзы Ину, некоторые – неведомы. Но какое бы имя вы не избрали себе в этом воплощении, вы все равно остаетесь небесной госпожой, первой ванхоу династии Хань.

Нет более избитого и пошлого сравнения, чем «глаза как звезды». Очи князя-дракона были словно окна, распахнутые в ночь – ночь одновременно и звездную, и лунную, и расцвеченную полярным сиянием. Саша моргнула, чтобы избавиться от наваждения прежде, чем ноги сами понесут ее навстречу неведомым чудесам и древнему могуществу. Дракон, безмолвно извиняясь, отвел взор.

- Простите этого невежду, небесная ванхоу. Я был неподобающе назойлив. Прежде это я не смел встретить ваш взгляд, но вы, верно, теперь и не вспомните...

- Ну, полно тебе чиниться, маленький братец! Какая я тебе «ванхоу», малыш?

Слова опять слетели с губ сами, так быстро, что Саша не успела остановить их, вспорхнули и разлетелись под сводами гробницы, как вспугнутые летучие мыши – совсем не те слова, которые следовало бы говорить то ли дракону, то ли императору. Но Цзы Ин от этой

дерзости и грубости расцвел, будто горная слива. Даже мраморно-белые скулы бессмертного слегка порозовели.

- «Малыш»! Только небесная госпожа Лю Си могла называть меня так! Только для нее одной злосчастный Цзы Ин не был ни императором, ни пленником. Значит, вы помните! Вы все вспомнили, госпожа?

Саша больно, хоть и несколько запоздало, прикусила губу. Радость дракона была почти осязаемой, она золотистой то ли моросью, то ли пылью струилась по пещере, прочищая легкие, но затуманивая голову, и без того идущую кругом. Но сейчас только честность могла спасти ее, спасти их всех. Надо признаться, потому что если дракон верит, что Саша – могучая и отважная древняя ванхоу, то Кан Сяолун, или кто он там на самом деле, точно знает – это не так. В барышне Сян от небесной лисы Лю Си осталось очень мало. Почти что и ничего.

- Нет, - тяжело сглотнув и на всякий случай зажмурившись, призналась Саша. – Я не она. Я... ничего не помню. Почти ничего! А то, что вспоминается... Это обрывки, клочья, образы, сны... И я даже не могу понять, что из этих видений – правда, а что – выдумка. Может, я обманываю саму себя? Может, читая бабушкин дневник, я просто представляю себя Люсей, Лю Си, а на самом деле... Я не она! Я Саша, Сян Джи, а не Лю Си.

Дракон молчал так долго, что девушка устала жмуриться и открыла глаза. Цзы Ин прямо смотрел на нее, но не казался ни разочарованным, ни опечаленным, ни злым.

- Небеса милосердны к вам, госпожа. Человеческий разум не в силах вместить память о всех прожитых жизнях.

- Человеческий... - шепот эхом слетал с губ Сян Джи. - Не в силах...

Она обернулась, до рези в глазах вглядываясь в полумрак, туда, где среди расцветенного огнями убранства подземного дворца одиноко застал – она знала это! – саркофаг владыки Цинь. Того, кто алкал бессмертия настолько, что не заметил, как потерял свою собственную, единственную человеческую жизнь. Откуда ей стало известно, что Ин Чжен, первый император Цинь, не родился больше под этими Небесами – ни мужчиной, ни женщиной, ни бессловесной живой тварью? Откуда-то. Знание это пришло само, не памятью беловолосой хулидзын, а иной, нечеловеческой памятью...

Саша машинальным и странно привычным жестом потерла затылок, вдруг похолодевший, будто кто-то со спокойным, бесконечным терпением глядел на нее из темноты. Кто-то, знавший ее бесконечно долго. Кто-то, кто помнил все ее имена.

- Да, - молвил дракон. - Вы мыслите верно, госпожа. Ин Цзы Ин, злосчастный последний правитель Цинь, был убит здесь. Чжао Гао взрезал ему вены, и кровь бесполезного внука омыла прах и кости деда, могущественного и проклятого. Тот юноша умер, но благодаря небесным девам, пришельцам из иного, чужого грядущего, здесь, под горой Ли, родился дракон. Но для этого человеку пришлось погибнуть. И если бы не воля Небес, не власть Матушки Нюйвы и не милосердие тех чужих и странных женщин, от Цзы Ина не осталось бы даже горсти праха. Та, кем вы были прежде, барышня Сян, спасла Ин Цзы Ина дважды. В первый раз Лю Си, небесная спутница мятежника Лю, уговорила владыку Хань пощадить сдавшегося и всеми брошенного императора. Кто, кроме нее, еще смог бы разглядеть за облачением Сына Неба просто ребенка, не нужного никому? Во второй же раз Лю Си и ее сестра, госпожа Тьян Ню, убив колдуна, позволили родиться дракону. Ин Цзы Ин дважды ваш должник, госпожа. Вы – не только потомок Тьян Ню, но и возрожденная Люй-ванхоу. Но Небесами не суждено, чтобы я сумел расплатиться с вами. Напротив, этот наглец

смеет вновь просить небесную ванхоу о помощи.

Саша – а может, и Люся тоже, не поймешь! – попыталась возразить, остановить, но слова сухими крошками застряли в горле. Прижав к губам руку, она могла только беспомощно смотреть, как лунь-ван, князь-дракон горы Ли, расплескав по яшмовым плитам пола рукава, кланяется ей, будто низжайший из простолюдинов – императрице.

- Чего... - хрипло каркнула она, совладав с голосом. - Чего вам надобно от меня, лунь-ван? Что лиса может сделать для дракона? Чем Сян Джи способна помочь Ин Цзы Ину? И встаньте же, ради милости Небес, не пугайте меня так!

Цзы Ин словно того и ждал, поднялся, изящный и звонкий, оправил рукава. На черных одеждах князя-дракона не было ни пылинки. И молвил, не по-китайски деловито и прямо:

- Барышня Сян Джи не сможет помочь ничем и никому, даже себе самой. Тот, кто зовет себя Кан Сяолуном, теперь знает, какое имя барышня Сян носила в прежней жизни. Он не отпустит вас, госпожа, он найдет вас и уничтожит, не столько из опасения, но ради одной лишь мести. Небесная ванхоу некогда убила Чжао Гао, и каждый раз, возрождаясь, он искал ее, ждал и таился, копил ненависть. Но Лю Си, небесная лиса, была сильна и бесстрашна, и Небеса благосклонно взирали на нее, и сила богини Нюйвы была ей щитом, а любовь Сына Неба – опорой. Вы же сейчас – легкая добыча, и станете ещё одной жертвой Кан Сяолуна, если не вспомните, кто вы есть и кто должен быть рядом с вами.

- Но я же как-то сумела вырваться! Он завладел моим разумом, да, но ведь я же смогла...

Лучистый взор Цзы Ина потяжелел. Дракон с сожалением покачал головой.

- Вам удалось вырваться только потому, что наш враг не ожидал встретить вместо испуганной девы – небесную лису, которая уже убила его однажды. И мое появление стало для него вторым ударом. Потому существо, бывшее прежде Чжао Гао, великим евнухом, отступило. Но отныне он будет готов. И в следующий раз нам не удастся с ним справиться.

- Вы все время говорите о нем: «был прежде», «звался»... Кто... или что он теперь? Как вышло, что убитый Люй-ванхоу евнух переродился вот в это?

Цзы Ин вздохнул, и эхо его вдоха отозвалось вкрадчивым шелестом, шорохом осыпающегося где-то песка, а еще – легчайшим, каким-то потусторонним поскрипыванием и треском.

- Не ведаю, кто из них, – он махнул рукавом в сторону саркофага, – первым заронил в сердце другого жажду бессмертия. Мой ли дед-император или его главный евнух – кто из них сильнее страшился забвения и алкал вечности? Но Чжао Гао обманул своего повелителя. Цинь Шихуанди умер и не воскрес, а лукавый слуга еще два месяца возил его тело по стране, обложив соленой рыбой, чтобы скрыть запах тления... Но сам он, Чжао Гао, не-муж и не-жена, оборотень и колдун, достиг цели. Люй-ванхоу убила его земное тело, а Тьян Ню отсекла ему голову, и плоть великого евнуха рассыпалась прахом, но дух его уцелел...

«Ну, убиться веником! А смерть этого Кощея китайского – в игле, а игла – в яйце, а яйцо – в утице...» – насмешливый голос, раздавшийся в Сашиной голове, напугал бы кого угодно, если бы...

- А колечко в вулкан бросать не придется? – фыркнула девушка и, осознав, ойкнула и прижала ладонь к губам.

Дракон озадаченно моргнул.

- Цзы Ин не понимает слов небесной ванхоу. Он... Я не знаю этого языка, госпожа.

«Ну ещё бы. Я же сказал это по-русски. Именно я – и сказала, и подумала. Люся

Смирнова в жизни не смотрела кино про хоббитов, а Сян Джи знать не знала про Кошечку Бессмертного, и бабушка ей таких сказок не читала... Я. Это все время была я. Всегда была я».

- Значит, это все-таки правда, - вздохнула Саша... нет, Люся... или кто она была теперь? – Все это правда. А злыдень этот выжил, и перерождался все эти годы, и копил злобу, и ждал. Ждал, пока две русские беглянки окажутся в Шанхае. Ждал, пока рыбки Ньювы приплывут ему в руки. Но круг замкнулся, рыбки ускользнули, а Люся и Таня перенеслись на две тысячи лет назад, туда, где он ещё ничего о нас не знал. Ух, вот бы нам с Танечкой увидеть его лицо, когда он понял, что упустил нас! Когда осознал... Но погоди! Погоди, малыш! Месть, злоба, весь этот яд – я понимаю, как сильно он ненавидел Тянь Нью и Люй-ванхоу, это я понимаю. Но вот рыбки... Рыбка-то теперь всего одна.

Сказала и вдруг поняла, что не помнит, совершенно не помнит, что же случилось со второй. И не только этого не помнит, а вообще почти ничего. Промельки, проблески, вспышки. словно разрозненные кадры старого, кое-как склеенного фильма, немного и черно-белого, мелькали перед ней. Заросли тростника на берегу какой-то реки, растоптанная десятками ног дорога... Снова река, снова заросли, а там, в воде – чье-то неподвижное, безжизненное тело... Храм, словно парящий над вершиной горы, а потом – вдруг, внезапно, лесистый склон и соломенные крыши селения, почему-то внизу, под ногами, будто кто-то сверху снимал панораму древней деревни... Куда-то марширует войско в разномастных доспехах, а над ним полощется знамя – почему-то отчаянно-красное, кроваво-яркое пятно в монохромном мире... А потом, внезапно, без предупреждения – высокая трава и солнечные искры, вспыхивающие на обнаженных плечах кого-то... Кого? Кто был с нею там, в поле? Чье лицо она никак не может разглядеть в мешанине тьмы и света, в пляске теней и солнечных пятен? И – конец, обрыв плечки, треск и шипение и – всё...

- Не помню, - прошептала девушка. — Ничегошеньки не помню! Почему рыбка одна? Куда вторая-то делась? И Лю... Мой Лю! Где он, почему он?.. Скажи, Цзы Ин, - вцепившись в черный шелк, Саша встряхнула дракона так, что чуть не сорвала лунпао с последнего владыки Цинь, – только скажи! Ты – знаешь? Ты помнишь? Что случилось с нами? Отчего я здесь одна?

Цзы Ин осторожно высвободил одеяние из цепких пальцев Сян Джи и дернулся, словно хотел в утешение погладить ее по руке, но в последний миг смущенно отступил.

- Мне неизвестно, госпожа, отчего так случилось, но одно я знаю – под этим Небом сейчас существует лишь одна половина печати Ньювы. И в том спасение для Поднебесной и для всех людей ее, но...

- Но не для меня, – сообразив, что к чему, кивнула Саша. – Не для нас. Когда Чжао Гао поймет, что печать ускользнула от него – снова! – я и представить не могу, что он сотворит. Кстати, малыш, я ведь так и не понимаю – а на что ему печать-то? Разве что армию оживлять, так ведь нынче не древние времена. Сорок тысяч глиняных солдат мир захватить не помогут. Ну, оживит, ну, вытащит из горы – и что? На сувениры растащат все сорок тысяч, и черепка не останется! Или он того не понимает?

- После стольких перерождений, когда он зрил воочию, как меняется мир и люди в нём, как все смертоносней становится оружие... Вы полагаете, он не понимает? - Цзы Ин плавно повел плечами, будто ветер качнул занавес. - Чжао Гао ныне не человек, а демон, и ум его нечеловечески изощрен. Возможно, он верит, что печать богини, ее сила, позволит ему и вовсе повернуть время вспять? Может, он надеется пройти вашим путем, госпожа, и

вернуться обратно, в то время, когда он проиграл, и обратить поражение в победу?

- Ладно, - Саша (а может, и Люся) встряхнулась, пятерней пригладила встопорщенные волосы и подобралась, став вдруг собранной и деловитой. Такой, какой сроду себя не помнила. - И верно, нам не постичь, что творится в голове этого бессмертного упыря, да и не к чему это. Не добились мы его, теперь расплачиваемся. Стало быть, надо его остановить. Знать бы еще, как такое убивают! Неужто мне опять придется на Чжао Гао с дедушкиным... с чуским ножом выходить и брюхо ему вспарывать? Одной?

Но это у Цзы Ина, к счастью, ответ имелся, и обнадеживающий.

- Почему же, госпожа? Одна вы уничтожить великого евнуха не сумеете, да Небеса и не ждут от вас еще одного единоборства с чудовищем...

- Уже легче, - пробормотала Саша с непривычной – Люсиной? - иронией. – И кто же мне подсобит? Уж не ты ли, твое величество?

Лунь-ван вздохнул, и непонятно, чего в этом вздохе было больше – сожаления или облегчения.

- Нет, ванхоу. Победить это создание способен лишь Сын Неба, а ваш слуга Цзы Ин и в давние времена недостойн был этого звания, а уж ныне-то!.. Только истинному императору, избраннику Небес, под силу совладать с той тварью, в какую обратился Чжао Гао. Только он...

- Это понятно, – снова перебила его Люся, нетерпеливо загоня Сашину деликатность и воспитание подальше и поглубже в их общее сознание. - Я даже в курсе, кто у нас Сын Неба. Раз я снова родилась, то и за моим Лю не заржавеет. Вот только вспомнит ли он себя? Меня-то ладно, а вот себя – Сына Неба, императора?.. И где, скажи на милость, мне его теперь искать? В Тайбэй придется вернуться.

- Не придется, - дракон слегка наклонил голову, будто к чему-то прислушивался. - Нет, не придется... Сын Неба вскоре окажется там, где ему и место. И уж туда-то я вас, госпожа, во мгновение ока доставлю. Не в первой.

Поднебесная, 206 год до н.э.

Люси, Таня и остальные

Драконы, вообще-то, не предназначены для того, чтобы их обнимали и орошали слезами. Даже китайские драконы. Непривычно как-то таким огромным и могущественным существам быть объектом радостных объятий и причиной рыданий. А уж бывшему императору и подавно в новинку было, что кто-то так искренне ему радуется. Но небесной лисе не впервой шокировать древних китайцев бурным проявлением чувств.

- Малыш! – Людмила взвизгнула так, что с потолка гробницы снова посыпалась какая-то труха. – Ты живой. Слава богу. Танечка, Танюша, смотри! Он живой!

Как угодно можно было назвать теперь Цзы Ина, но точно не «малышом». Но Люсю это не смущало. Всхлипывая, она гладила здоровенную драконью лапу и приговаривала:

- Живой! Значит, этот гад тебе все-таки не убил. Танечка, иди сюда. Потрогай! Колдун его не убил!

Дракон смущенно пошевелил усами и аккуратно попробовал отодвинуть лапу. Но Люся держала крепко.

- Ну, вообще-то... - пророкотал видоизмененный Цзы Ин. – Чжао Гао меня все-таки

убил.

От шумного его вздоха по всей гробнице взметнулась пыль и прах.

- Но как же тогда...

Люся растерянно выпустила драконью лапу. Он был живой! Он совершенно точно был живой. Но если евнух-колдун успел все-таки убить маленького императора, то почему Цзы Ин, вместо того, чтобы умереть, стал драконом?

- Эх, если бы я сам знал, - дракон изогнулся, заерзал, словно пытался совладать с исполинским телом, чтобы пожать плечами, как привык в бытность человеком, а потом добавил, как почудилось Тане, крайне смущенно: - Вот как-то так получилось. Само.

- Здра-аствуйте, - пролепетала небесная дева и весьма неуклюже поклонилась мифическому созданию. Хотя больше всего ей очень хотелось, по примеру Мин Хе, бухнуться перед чудом-юдом на колени. Он был такой... такой... что даже плакать хотелось от восхищения. А глазам больно смотреть - как на солнце. Броня блестящая и гладкая - чешуйка к чешуйке, пушистая грива - волосинка к волосинке. Диво дивное.

Люся звучно шмыгнула носом, растерла по щекам грязь пополам со слезами и снова погладила Цзы Ина по лапе:

- И что ж теперь с тобой будет, маленький? Ты теперь насовсем такой? Обратное - никак?

Конечно, драконистый Цзы Ин оказался внушительным и... и восхитительным. Но ведь все равно - ребенок! Мальчик ещё совсем, как же он теперь жить-то будет?

- Не знаю... Еще не пробовал.

- А вы попробуйте! - воскликнула Таня. - Вдруг получится? Вам же отсюда выйти как-то надо.

Разумеется, они с Люсей ни за что не оставили бы чудесное создание заточенным под горой. Понадобилось бы - руками отрыли выход.

Дракон старательно зажмурился, смешно сморщил свой, похожий на собачий, чуткий и влажный нос, зашевелил усами и прятнул ушами... А потом вдруг - бац! Девушки моргнуть не успели, как он исчез и снова появился, но уже в человеческом облике.

- Ка-а-акой хорошенький! - восхищенно ахнула Таня, залюбовавшись бывшим императором, словно увидела его впервые. - Такой миленький!

Зачарованный Цзы Ин походил на истерзанную куклу, которую злое чадо намеренно извозило в пыли. Но теперь погасшие очи его вновь засверкали, кожа светилась изнутри, волосы струились нежным шелком. Драконье преобразование пошло юноше на пользу, как ни крути.

«Прямо витязь из сказки», - умилилась Татьяна и тут же сама себе напомнила, что перед ней низложенный император Цинь, а не просто очаровательный молодой человек.

Небесная лиса облегченно вздохнула и попыталась пригладить распущенные волосы «малыша»:

- Драконом тоже красивый был! - приговаривала она. - Но человеком как-то привычней... Малыш, ты не ранен? У тебя ничего не болит? Может, попить хочешь или покушать?

За годы скитаний Людмила научилась запасливости. Иногда обычный сухарь может жизнь спасти. Поэтому прежде чем отправиться на поиски сестры, девушка припасла кое-какую снедь. Многочисленные складки древних одежд были словно специально созданы для того, чтобы припрятать в них пару ячменных лепешек. После переправы через речку

лепешки, конечно, намокли и немного видоизменились, но еда есть еда. Однако Цзы Ин только головой помотал:

- Нет, небесная госпожа. Мне теперь ни пища, ни вода не нужны.

Люся кивнула. Батюшка ведь рассказывал им в детстве легенды о китайских драконах, которые по сути – духи, а не твари из плоти и крови. Такому созданию для пропитания потребны не хлеб и вода, а что-то иное. Магическая энергия, наверное. Вот только... Но додумать она не успела.

- Что там такое? – встрепелась Люся, обернувшись на звуки, раздавшиеся в темноте.

Снаружи усыпальницы происходило что-то странное. Звяканье, хруст и топот становились все громче и громче. Больше всего эти звуки напоминали... Да. Именно! Словно к месту последнего упокоения Цинь Шихуанди приближалась целая армия. Сестры встревоженно переглянулись.

- Ах! - Таня нервно икнула. - Кажется, наши големы сюда идут. Постояли, поглазели и теперь вот...

От терракотовых солдат, сделанных по приказу жестокого тирана и оживленных ныне колдовской силой злобного евнуха, она ничего хорошего не ждала.

- Погоди-ка, - Людмила на всякий случай еще раз ощупала маленького императора, проверив на предмет ран, а потом решительно задвинула его к себе за спину и подпернула рукава: - Големы там или не големы, это мы сейчас разберемся. Не дрейфь, сестренка, печать-то у нас. Нюйва что говорила? У кого печать, тому они и служат. Пойдем. Разберемся.

Вот что-что, а бояться кого-либо, после встречи с Чжао Гао лицом к лицу, у Татьяны еще долго не получилось бы. Потому и возражать она не стала.

«С колдуном разобрались и с големами уже как-нибудь сладим», – подумалось не на шутку расхрабрившейся небесной деве. Случайная победа над жутким евнухом пьянила не хуже шампанского. Барышне Орловской сейчас море было по колено, а горы – по плечо.

- Погодите-ка! - крикнула Таня, вспомнив о своем кровавом трофее.

Девушка тщательно завернула отрубленную голову в черное полотнище циньского флага и с этим жутковатым узелком последовала за сестрой.

- А что? На всякий случай. Вдруг пригодится? - дерзко ответила Татьяна на удивленный взгляд Люси. - Здесь так принято.

- Доведут тебя эти узкоглазые, сестренка... – проворчала сестра, но идею с "гостинцем" в целом одобрила. – А вообще – правильно. Надо ж доказать, что мы и правда Чжао Гао завалили. Без головы-то могут не поверить.

Не то, чтобы le général не поверил бы небесной деве на слово, но с таким весомым «доказательством» и объяснять ничего не придется.

- Как бы они там не передрались в Хунмэне, - вздохнула Таня. - Ты же помнишь про тот злосчастный пир? Как думаешь, поехал твой Лю Дзы к моему Сян Юну? - и осеклась, испугавшись собственных слов. Это ж надо! Уже "мой" и "твой"!

Люся на это только фыркнула, пытаясь за насмешкой спрятать тревогу.

- Сестренка, может, позволим большим мальчикам разобраться между собой без нашего участия, а? Пока они там империю делят, мы тут, вообще-то, мир спасаем! Тоже, выходит, не бездельничаем!

И крепко ухватив сестру за рукав, добавила:

- Вообще-то, я моего мятежника предупредила. И если Лю позволит себя... - она

прикусила губу, запретив себе произносить вслух то, чего боялась. «Убить. Если он позволит себя убить, я...»

- Я его сама со свету сживу! – пообещала Люся и решительно тряхнула головой. - Давай решать наши проблемы по очереди, хорошо?

Таня кивнула. По очереди это хорошо, это правильно. Вот только очередь слишком длинная. Как в Петрограде за хлебом весной 1918. Молчаливая и терпеливая очередь, состоящая из забот, тревог и опасностей этого дикого мира.

Втроем они осторожно выбрались из усыпальницы и замерли прямо у врат, потому что дальше двигаться было некуда. Во всех коридорах плечом к плечу стояли глиняные воины. И если забыть, что это големы, то издали от живых, вышколенных солдат не сразу отличишь. Только вот не дышит никто. И от неестественной этой тишины волосы дыбом встают.

В самом широком проходе, который Таня сразу окрестила Центральной аллеей, застыла повозка главнокомандующего. Все как положено – запряженная четверкой глиняных лошадей, с широким зонтом, барабаном и возницей. Сидевший в ней терракотовый генерал медленно поднял руку. И тут все войско пришло в движение: солдаты разом застучали древками копий об землю, мечами - о щиты, затопали и закричали что-то вроде: «Хо-хей-хо». Да так громко, что девушки едва не оглохли. И, должно быть, гора, под которой находилась гробница, в этот миг вся затряслась от подножья до вершины.

- Поднимите печать повыше, госпожа Лю Си! - Прокричал Цзы Ин. В человеческом облике голос у него остался юношеский.

Люся чуть по лбу себя не хлопнула. Точно. Печать Нюйвы, про которую она напрочь позабыла. К счастью, здоровые рефлексы кухаркиной дочки не подвели. Уж что-то, а случая прибрать то, что плохо лежит, Людмила Смирнова никогда не упускала. Неожиданно увесистый артефакт лежал себе спокойненько в рукаве небесной лисы. Видать, машинально прихватила и спрятала.

Накрепко сцепившиеся, будто живые, глиняные рыбки светились и вибрировали. Люся даже испугалась, что колдовская вещица сейчас выскользнет из ладони и... И что случится тогда?

«Затопчут нас, вот что», - подумала Людмила и хозяйственно протерла печать о рукав. Тоже рефлексы, будь они неладны. Негоже ведь размахивать перед целой древней армией артефактом, который в прахе злодейского колдуна замаран. Негигиенично.

Печать Нюйвы в поднятой руке Люси вдруг вспыхнула, на миг осветив сумрачное подземелье, а потом...

Размашисто качнулись тяжелые шелковые кисти на зонте. Это командующий глиняной армией выбрался из своей колесницы. Медленно подошел ближе, почтительно поклонился и прогудел, точно праздничный благовест на звоннице:

- Войска ждут вашего приказа.

- Похоже, попали мы, как кур во щи! – тихонько пробормотала Люся, грубовато, но в целом верно озвучив общую мысль: у победителей Чжао Гао нарисовалась очень большая проблема. Или целых сорок тысяч увесистых таких проблем – это уж как считать, в совокупности или по головам.

Войско, огромное даже по меркам Поднебесной. Войско, которому не нужны ни пища, ни вода, ни фураж, ни отдых. Практически непобедимое войско, готовое подчиняться любому приказу владельца печати Нюйвы. Но мысль об обладании такой силищей почему-

то ни капли не радовала, а напротив, вызывала ужас. Люся зябко поежилась, глянула на сестру и прочитала в глазах Тани тот же страх и ту же печаль. Господи, да что теперь с ними делать-то?

- Цзы Ин! – спохватилась Людмила и цепко ухватила императрениша за край черного халата: - Твое величество! Ты же у нас циньский император! А эти глиняные братцы, я так понимаю, аккурат армия Цинь. Стало быть, твои они. А?

Стремление избавиться от неожиданной ответственности у гражданки Смирновой оказалось так велико, что она совсем упустила из виду тот факт, что возродить империю Цинь с помощью армии големов как-то совсем не комильфо. Вот уж чему ни Лю, ни Сян Юн точно не обрадуются!

Однако и против фактов не попрешь: солдаты циньские! И если под рукой есть император этой самой Цинь, то...

- Нет! – вскрикнул Цзы Ин и замотал головой так отчаянно, словно не был он ни императором, ни драконом, а просто испуганным ребенком. - Нет, нет, небесная госпожа! Пожалуйста! Только не это!

И Люсе стало невыносимо стыдно. Хороша «госпожа»! Здоровая ведь девка! А свалила на мальчонку такую беду и рада. Позорище.

- Я ведь уже не человек, - переведа дух, попытался объяснить Цзы Ин, но даже древнекитайская невозмутимость не могла совладать с дрожью в голосе. – Уже не человек и не могу быть государем Цинь... И, поймите, госпожа Лю Си, госпожа Тьян Ню... Я был Сыном Неба, но Небеса ныне отвернулись от Цинь. Всё, что произошло с моей страной, со мной, с... с ними... Это расплата. Даже если бы я хотел попытаться повернуть всё вспять, всё вернуть... Нет, нет! Это – против законов земных и небесных. Направить эту армию против живых людей? Это ведь...

- Бесчеловечно, – молвила Татьяна.

- И бессмысленно, – добавила Людмила.

- Мой уважаемый дед, Цинь Шихуанди, стыдится и проклиняет такого слабого потомка, - вздохнул Цзы Ин, затравленно оглянувшись на темный провал, ведущий в зал с саркофагом. – Но я не могу. И не хочу.

- Ладно, - Люся взвесила печать в ладони и протянула ее сестре. - Танюша, ты же у меня умница. И с моралью и этикой дружишь не в пример лучше меня. Твоя очередь предлагать.

Таню от одного вида оживших глиняных созданий сотрясала крупная дрожь. И вовсе не оттого, что терракота двигалась и говорила, но от всепроникающего ощущения её одушевленности. Там внутри глиняных тел тлела божественная искра духа. И это было неправильно, несправедливо и бесчестно. Взять и наделить душой глиняный горшок! Что может быть хуже и гаже, чем заставить горшок осознать себя горшком? Мыслящий горшок, чувствующий и всё понимающий. Ужас какой! И что станет с душой, когда горшок разобьется?

Однако армия ждала приказа от того, в чьих руках сейчас печать богини.

- Может быть, мы сумеем принудить наших... Лю Дзы и Сян Юна примириться? – робко спросила Татьяна. - Вдруг чжухоу испугаются и разойдутся по своим царствам?

Прозвучало так беспомощно, что девушке стало стыдно. Он и сама не слишком-то надеялась на успех «Терракотового умиротворения». Говорят, братья Райт свято верили, что их крылатые машины изменят навсегда ход истории, положив конец войнам. Как бы не так!

Не вышло. Прошло десять лет, люди приделали пулемет к аэроплану и принялись убивать друг друга с утроенной силой.

Цзы Ин только головой покачал, а Люся вздохнула:

- Насчет небесной воли я не в курсе, но, чтобы всех помирить, нам придется над каждым живым китайцем глиняного солдата поставить. И каждому выдать по здоровенному дрыну. Сколько их тут? Сорок тысяч? Даже такой армии не хватит, чтобы всех устеречь, да и толку-то...

Людмила осторожно слезла с каменного приступочка, на котором они втроем теснились, и обошла вокруг глиняного генерала, заглядывая ему в лицо. Голем возвышался над небесной лисой головы на полторы, поэтому Люсе приходилось изворачиваться и привставать на цыпочки. Но темно-красная, почти черная глина не отразила ни малейших эмоций. Осмелев еще больше, Люся помахала ладонью перед самым носом главнокомандующего, разочарованно вздохнула и прошла вдоль неподвижного строя, разглядывая темные лица воинов.

- А может... – проговорила она, остановившись рядом с богатырем-копейщиком. То ли воинственная фантазия скульптора виновата была, то ли природа щедро одарила «прототип» терракотового солдата, но этому голему Люсина макушка едва доставала до нагрудника.

- А давайте их отпустим! Пусть глиняные, но ведь живые же люди! Пусть ходят по земле, раз уж так вышло. Пусть будут свободными!

Некий звук, одновременно легкий и гулкий, пронесся над армией, потерявшись где-то под сводами. Но никто из глиняных истуканов не шелохнулся.

Людмила вернулась к генералу и осторожно подергала его за рукав:

- Что думаешь, воин? Если мы вас всех освободим? Хочешь? – обернувшись к остальным, она крикнула во все горло, чтобы уж точно каждый ее услышал: - Хотите на волю, братцы?!

Нет-нет, конечно же, о том, что именно будут делать освобожденные глиняные солдаты, когда выйдут из подземелья на свет божий – об этом Люся не подумала. Как не удосужилась представить себе и то запредельное счастье, что испытают обитатели Поднебесной, обнаружив рядом с собой таких вот «соседей». А уж что сделает Сян Юн... А что скажет Лю...

Но в голове у гражданки Смирновой всегда кипела настоящая каша из идей. «Либертэ, эгалитэ, фратернитэ» соседствовали с «Земля и воля!», а украшала сей компот невесть чья и не ясно, где подхваченная, но ввевшаяся в память очень красивая фраза о земле, по которой должны ходить свободные люди и кони.

Но терракотовых солдат лозунги анархо-синдикалистов вдохновить не могли. Полководец только слегка наклонил круглую, как ядро, голову и проговорил:

- Слуга не понимает. Слуга не знает, что такое «хотеть».

- Вот черт... - пробормотала Люся и отступила. Весь ее запал угас, небесная лиса сникла и растерялась: - Вы не умеете... хотеть? Получается, что...

- Если госпожа прикажет, слуги исполнят, - добавил генерал. Люсе на миг показалось, что самому глиняному воину этот разговор был в тягость, и он спешит поскорее его закончить. Побыстрее получить вожделенный приказ... хоть какой-то приказ. Хоть что-то, что придаст смысл существованию всей этой одушевленной, но ущербной орды. Или покончит с ними, наконец-то.

«Их не получится отпустить, – поняла Людмила. - У них нет своей воли. Поставишь –

будут стоять, велишь лечь – лягут, пошлешь – пойдут... О Господи!»

- Госпожа может просто приказать слугам перестать быть, – подсказал вдруг терракотовый полководец. Словно услышал ее мысли. Словно все-таки был человеком, способным если не хотеть, то надеяться.

Люся замотала головой. Теперь ей так жалко было их всех: и генерала, и знаменосцев, и великана-копейщика, и давешнего паренька-арбалетчика, и лошадок. Так жалко, что сердце зашлось, а горло перехватила удавкой непролитых слез.

Рядом тяжело вздохнула сестра:

- Господи, да за что же их так наказали-то? Души-то живые. Страдают.

Людмила всхлипнула уже в голос, не стесняясь эмоций, и в сердцах потрясла печатью:

- Да что ж эта Нюйва молчит, когда в кои-то веки нужна! Цзы Ин! Мальш! Твое величество! Ты же такой умный! Придумай хоть ты что-нибудь. Неужели и впрямь никакого способа нет им помочь?

Таня осторожно приблизилась к глиняному генералу, потрогала пальцем его пластинчатый доспех, в глаза заглянула, а там...

- Мы правда не знаем что делать с вами, - прошептала она. – А сами вы ничего не хотите. Несчастные души, лишённые свободной воли. Но где вам все-таки лучше - там или здесь?

Она и не надеялась, что терракотовый воин её поймет, она сама себя до конца не понимала. Но тот прекрасно всё понял. И что такое «там» и где это «здесь».

Люся подскочила с другой стороны:

- Скажи, братец... Что ты чувствуешь? Без приказа, без принуждения... Просто - что?

Воин молчал так долго, что Людмила устала ждать и нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

- Холод... – наконец, разомкнул уста полководец. - Там - холод и пустота. Здесь... – генерал всем телом развернулся в сторону Цзы Ина, и огромное войско повторило это движение. - Здесь - тепло и свет. Цель и смысл. Здесь.

Девушки переглянулись.

- Их оживила кровь императора, ведь так? - пробормотала Люся. - Значит...

- Значит, они все-таки твои, Цзы Ин, - обреченно вздохнула Таня. - Драконье войско.

Цзы Ин выпрямился, расправил плечи и – Люсе даже показалось, что бывший император вырос на пару вершков! – развел руки в стороны, взмахнув тяжелыми рукавами. Словно дракон – крыльями. У китайских драконов крыльев никаких нет, но... Этот мальчик, прошедший через унижение, страдание и смерть, определенно был крылат.

Печать богини, зажата в ладони Людмилы, потяжелела и налилась силой, пульсируя в такт ударам ее сердца – и в тот миг Люсю пронзило понимание: это сердце и есть. Общее сердце бессмертной и бессердечной армии. Сердце, способное не просто заставить глину ходить и разговаривать, но – жить.

Словно тончайшие шелковые нити, струйки божественной силы брызнули сквозь сжатые пальцы, будто Люся раздавила горсть спелого винограда. Потекли к Цзы Ину, затрепетали, ласково обвиваясь вокруг юноши-дракона – и выстрелили ввысь, вверх, туда, к темным сводам, чтобы опасть на неподвижное войско невесомым, теплым, светящимся дождем. Запрокинув голову, девушка тоже подставила лицо этой мягкой могущественной мороси, чувствуя, как сами собой расплетаются узлы в ее сердце, как легче становится дышать, как растворяется без остатка тяжелый комок в груди, словно кусок сахара в стакане

кипятка.

Войско вздохнуло. И снова. И ещё раз. На них, не-живых и не-мертвых, на них, холодных и глиняных, бесчувственных и бессердечных, нисходила жизнь.

Всхрапнула терракотовая лошадь, запряженная в колесницу генерала. Звякнула сбруя. Заскрипели доспехи. Кто-то чихнул.

- Воины Цинь! – голос Цзы Ина, вроде бы и негромкий, не звучал – гремел набатом, звенел мечами о щиты, рокотал боевым барабаном: - Слушайте мой приказ! Отныне вы останетесь здесь, дабы хранить покой государя! А я... – юноша на миг запнулся, но поднял голову и продолжил: - Я останусь с вами.

Ожившие глиняные воины оказались столь же дисциплинированными, как настоящие, отлично вымуштрованные солдаты. Получив не просто приказ – а цель и смысл – они возвращались на привычные места организовано, четко, но без суетливой спешки. Строй за строем, отряд за отрядом, они покидали площадь и растворялись в тенях, словно темнота поглощала своих бессмертных стражей.

Нет, не поглощала, вдруг поняла Люся. Принимала и приветствовала. Нежеланные пасынки человеческого мира, големы возвращались в сумрак подземных чертогов, как в ласковые объятия матери.

Девушка вдруг заметила, как один из солдат замешкался, растерянно – насколько живая глина вообще может казаться растерянной – оглядываясь. Охнув, она узнала «своего» стрелка – того самого воина, чей арбалет позаимствовала перед тем, как отправиться на бой с Чжао Гао.

- погоди-ка, братец! – крикнула она и мышью метнулась обратно, к саркофагу. К счастью, светильники все ещё горели, иначе Люся наверняка споткнулась бы и расшиблась, пока искала среди обломков и праха потерянное оружие. Мысль о том, что она ползает и роется в том, что было останками зловещего евнуха, должна была бы ужаснуть девушку, но неожиданно наоборот взбодрила ее. Чжао Гао рассыпался в прах, зато они-то живы! Знай наших, упырь узкоглазый!

Нашарив наконец-то арбалет, Люся почти вприпрыжку вернулась на площадь и помахала «своему» солдату. Показалось ей, что на темном невозмутимом лице промелькнуло какое-то чувство... Показалось или нет?

- Вот, – протянув голему арбалет, сказала она. – Вот, держи. Спасибо, что одолжил – мне эта штука ой как пригодилась!

И, повинувшись внезапному порыву, осторожно погладила прохладную, каменно-твердую ладонь.

Глина, даже одушевленная – это не человек. Даже если слепить из нее подобие человека. Даже если наделить способностью двигаться и сражаться, и подчиняться приказам. Это все равно глина. Не скованная условностями, не замкнутая в плену традиций и правил, властных лишь над людьми. Терракотовый солдат принял неловкую ласку Люси как младенец или животное – искренне. Ей же показалось, будто коснулась она камня, но камня, нагретого солнцем. Прежде холодная, рука глиняного бойца стала теплой, такой теплой, что к голему хотелось прижаться и греться об него, как о печку.

Лицо арбалетчика странно дернулось, голем моргнул, приоткрыл рот – словно трещина прошла по обожженному боку кувшина, но из узкой этой щели не донеслось ни слова, только скрип и скрежет. Мучительная гримаса перекосила лицо голема, он мотнул

головой и уставился в пол.

- Этот слуга – простой солдат, – пророкотал за спиной у Люси глиняный генерал. - Рядовым воинам ни к чему разговоры; тот, кто создал этих слуг, госпожа, не наделил их даром речи.

Поклонившись, полководец отступил в полумрак. Скрипнула колесница под тяжестью терракотного тела, звякнула лошадиная сбруя, и предводитель глиняной армии присоединился к своему войску. Вновь неподвижному, но отныне – живому. Просто – спящему.

- Небесная госпожа! – ахнул Цзы Ин. - Небесная госпожа... что с вашим лицом? С вами все хорошо?

- Мне... жаль, - выдавила Людмила, яростно моргая и вытирая лицо о предплечье. - Господи, как же мне жаль! Почему эту тварь, сволочь эту... - она ткнула пальцем в кулек с головой Чжао Гао, - почему его нельзя убить еще раз! Сорок тысяч раз убить – за каждого из них! За каждого... И того будет мало! Почему мы прикончили его так быстро?!

- Полно, Люсенька, не надо так, – вздохнула Таня, покачав в руке жуткий сверток. – Что сделано, то сделано. Прикончили мерзавца, и слава Богу.

- Собаке собачья смерть! – Люся в последний раз шмыгнула носом и деловито огляделась. – Однако... надобно нам теперь как-то выбираться из усыпальницы этой. Кто-нибудь помнит дорогу наружу?

Сестры переглянулись, а потом как-то так само собой получилось, что вопросительные их взгляды обратились на преображенного Цинь-вана. Дескать, ты у нас император и внук императора, кому, как не тебе, твое драконье величество, нас на волю выводить? Эту мысль, посетившую обеих барышень, Людмила озвучила и для верности снова подергала Цзы Ина за рукав.

Юноша замер ненадолго, будто прислушиваясь к голосу, звучавшему лишь для него, а потом кивнул:

- Да, сударыни. Я знаю дорогу... откуда-то знаю. Это будет не сложно. Вот только... - он обернулся, – наверное, нам понадобится пара факелов...

- Не понадобится, - Люси улыбнулась и погладила его по плечу. - Ты и сам светишься как елка в сочельник, малыш. Так и должно быть? Тебе не больно? Нигде не жжет?

- Не знаю, – развел руками император, смущенно улыбаясь в ответ. - Не ведаю, небесная госпожа, отчего так случилось, но... - Цзы Ин оглядел себя и вздохнул. Он и впрямь светился – мягким, ненавязчивым светом, и даже слегка мерцал.

- Пожалуйста за мной.

С этими словами Цинь-ван двинулся вперед, а сестры пошли за ним, прямо по цепочке его следов, отчетливо заметных в полумраке.

- Гляди, будто светлячки роятся! – Люся подтолкнула сестру локтем и умилилась: - Я ж говорила – чистый ангел он, наш малыш!

Татьяна только головой покачала. И верно: коли уж им, в этом лютном древнем мире, повстречались уже и демоны, и бесы, и колдун, которому впору самому Нечистому советником служить, так почему бы и ангелу не явиться?

Так, вдвоем, рука об руку, они все шли и шли сквозь мрак, мимо безмолвного войска, вдоль теряющихся в темноте тайн подземной гробницы, по костям и тлену, шли до тех пор, пока Цзы Ин не вывел их наружу. К свету. Из мира мертвых в мир живых.

Таня

Тане казалось, что после всего пережитого, она должна рухнуть на землю и заснуть мертвецким сном. От долгих часов страха и отчаяния тоже можно устать, как собака. Но вместо блаженной расслабленности Татьяну, едва они выбрались из горы на свет божий, охватило какое-то нездоровое беспокойство. Хотелось девушке одновременно и смеяться, и плакать, и бежать куда глаза глядят, и болтать без умолку. Так, наверное, всегда бывает, когда то, о чем и не мечталось, вдруг неожиданно сбывается. Будто золотую рыбку поймала, и теперь надо скорее желание загадывать, пока ловкое стремительное тельце не выскользнуло между пальцами, пока волшебство не закончилось. Вот только знать бы, чего на самом деле надобно удачливой рыбачке? Новое корыто или царицу... Чу?

По здравому уму выходило, что самое время снова соединить вместе две половинки печати Ньювы и – фьють! оказаться в 20 веке. Разве не к этому они так стремились? Разве не ради этого мига претерпели столько страданий? Но трезвый рассудок сразу же честно напомнил, что возвращаться-то особенно некуда. Дома, куда торопится всякий странник, дома, где тепло, свет и ждут, у сестер не осталось. И нового не предвиделось. В родном двадцатом веке Таня и Люся снова стали бы беззащитными беженками. И если бы только без нансеновского паспорта... Мысленно Татьяна заскулила от досады. Они, по сути, остались вообще без каких-либо документов и средств к существованию. В Китайской республике образца 1923 года посланницей Яшмового Владыки не назовешься.

Девушка разрывалась между двумя желаниями прямо противоположного свойства. С одной стороны, до смерти хотелось вырваться из этого дремучего страшного мира, а с другой – тот, родной, тоже далеко не ушел, разве только способов умертвить ближнего стало на порядок больше. И все же еще совсем недавно Таня сделала бы выбор без колебаний. Еще под Динтао не было у барышни Орловской никаких сомнений. Но потом случилось столько всего... Случился дядюшка Сунь Бин, поганец и манипулятор Мин Хе, дрянь Мэй Лин и дурочка-Вторая. А еще Сян Юн и эти его безумные букеты...

«Так! Какие ещё сомнения? – мысленно Татьяна отхлестала себя по щекам, чтобы привести в чувство. – Вопрос не в том – вернемся ли мы? Тут даже думать не о чем. Вопрос – когда это лучше сделать?»

Вот на него Таня ответа не знала и спрашивать у сестры отчего-то страшилась. А та словно почуяла, что о ней думают.

- Извозились мы как чушки, - хихикнула вдруг она. - Чумазая ты, Танюшка, словно трубочист.

- Сама-то? - Таня в доказательство провела пальцем по щеке сестры, оставив светлую полосу. - На себя погляди.

А ведь практичная и дальновидная Люся снова права. Не плохо было бы отмыться от крови, копоты и пыли, которые покрывали победительниц Чжао Гао в три слоя с ног до головы.

Таня попыталась отряхнуть одежду и оттереть щеки рукавом, но выходило только хуже. Её шелковый халат теперь напоминал тряпку, которой, годами не меняя, вытирали пыль и паутину по всем затхлым углам Поднебесной.

- Ну? Что делать будем? Мыться-стираться? К речке пойдем? - вопросы сыпались из Люси, как зерно из порванного мешка. Сестра, похоже, сомнениями не терзалась и с планами на ближайшее будущее определилась.

- Танюшка, да не бойся ты. Смотри, какой у нас теперь защитник есть! - бодро заявила она. – Настоящий дракон! Никто посторонний сунуться не посмеет – ни пеший, ни конный.

И на смущенного Цзы Ина игриво пальчиком указала. А тот засмутился, щечками бледными порозовел. Мальчишка ещё совсем ведь. Впрочем, Таня тоже не до конца понимала, что происходит.

- Я не знаю...

- Чего ты не знаешь? Мы себя в божеский вид должны привести прежде, чем явиться к нашим... кхм... героям. Нет, я спрашиваю, должны или нет?

Не желая тратить время на вялые пререкания, Людмила подхватила сестричку под локоток и мягко, но неумолимо потащила за собой в сторону реки. Бывшему императору Цинь пришлось пристраиваться арьергардом к такому решительному авангарду.

- К героям? А мы что, вернемся в Хунмэнь? - растерянно спросила Татьяна, не пытаясь вырваться из цепких рук.

- Так, сестренка! - Люся начала подозревать неладное. – Вот ты мне сейчас совсем не нравишься. Соберись!

- Я просто не совсем понимаю, что нам теперь делать.

- Как это что? – изумилась сестра, подпрыгнула на месте и оскалилась, словно настоящая хулидзын. - Сначала моемся, потом - в Хунмэнь...

- Я могу верхом довести, - встрял Цзы Ин. – Я ж теперь летать могу.

- Вот! - гражданка Смирнова расцвела счастливой улыбочкой. - Вместе летим в лагерь, предотвращаем смертоубийство. Потому как не верю я, что Лю в Башане усидел и разбираться к Сян Юну не помчался. Я его знаю! А голову этого гада ползучего предьявляем всем, как...

- Как мандат, - хмыкнула Татьяна. Здравый смысл единокровной сестры действовал на неё прямо-таки отрезвляюще.

- Да, точно! Как мандат. Опять же, у нас есть целый дракон, в качестве решающего аргумента. Верно, малы... твоё драконье высочество?

- Угу, – вздохнул недавний Сын Неба.

- Разводим наших древних героев по углам, чтобы снова не сцепились, и... - Люся ловко, как жонглер подбросила глиняную рыбку в воздух, обернулась вокруг своей оси и успела поймать фигурку. - И дальше думаем, что делать. Примерно в такой последовательности.

- А я думала, мы сразу...

- Что? Обратно? Вот прямо так - немывыми, грязными и вонючими? Ни за что! - преувеличенно возмущенно вскричала Людмила, потрясая зажатой в кулаке рыбкой. – В любом случае, сначала надо себя в порядок привести.

И Тане от этих простых слов полегчало. Даже в сказках, баба-яга сперва Ивана-дурака в баньке парила, потом кормила и спать клала на перину, а затем лишь о деле пыталась. А они столько славных подвигов нас совершали, что на дюжину богатырей хватит.

Незачем торопиться, их с Люсей рыбки совсем не золотые, они подождать могут. И с окончательным решением тоже вполне можно повременить. Тем паче, что подходящий для банных радостей ручеек сыскался чуть ниже по склону. Его бывшее императорское величество от щедрот драконьих одним движением могучей лапы перегородил течение камнем, чтобы образовалась небольшая заводь, а потом еще и заставил тучку пролиться на смеющихся купальщиц теплым дождиком. А радуга получилась сама по себе.

Люся

Блаженны не ведающие сомнений, ибо никогда не посещают их навязчивые желания поймать разом двух зайцев и оказаться в двух местах одновременно. Едва Люся окончательно поверила, что черная рыбка – ее половина «пропуска» обратно в 20-й век – действительно у нее в руках, вот прямо здесь, крепко-накрепко зажата в ладони, как сразу испытала все искушения разом. Ухватить Танюшу за рукав и рвануть к Цветочной горе, чтобы уговорить (или попытаться заставить) древнюю богиню отправить их домой – это соблазн номер раз. А другое желание – оседлать Цзы Ина и спикировать с гиканьем на лагерь Сян Юна, пока герои и полководцы друг друга не покروшили. Разумеется, она ни на миг не усомнилась, что Лю наплевал на ее предупреждение и отправился в Хунмэнь. Пэй-гун не брезговал отступлением на заранее подготовленные позиции и частенько говорил, что бегство – лучшая стратагема, но... Не в этот раз. Определенно не в этот. Да и куда убежишь от Сян Юна? Не говоря уж о том, зачем. Они ведь победили. Пришла пора делить добычу. Лю не отступит и не спрячется, а князь Чу – пощадит ли дерзкого простолюдина, обскакавшего его на финальном круге?

Домой хотелось, хотелось отчаянно, но вот в чем беда – Шанхай 23-го года 20 века был не большим домом для дочерей профессора Орловского, чем революционный Петроград, тифозный Омск или переполненный беженцами Владивосток. Той страны, где родилась Люся, где отцовский друг читал стихи у лампы на веранде, где жива была матушка, цвела сирень, сплетничали и ябедничали барышни в балетных классах – ее больше не было. Не было нигде. А Сан-Франциско, их хрустальная мечта, их Земля обетованная... Люся крепко зажмурилась и честно попыталась представить: теплое море, солнце, автомобили, вырезки из журналов, яхты, варьете, отели и рестораны... И не смогла. Вместо далекого города за веками и океанами вспомнился почему-то холм над Санъяном, высокое небо и Лю, беспечно грызущий травинку.

«Да бога ради! – разозлилась Людмила. – Что за напасть! Вот ведь шанс, наш единственный и верный шанс уйти и позабыть все, как опиумный бред!»

И поняла – не сможет. Уйти, не попрощавшись, не увидев его, не сказав, что... Не сможет. Нет.

«Есть тут еще одно узкое место, гражданочка, – напомнила себе Люся. - А когда увижу, а тем паче – скажу... Я вообще смогу ли с ним расстаться, а?»

Но Тане об этих мыслях знать не обязательно. Сама себя запугала, не хватало ещё и сестру с пути сбивать!

Люси бодренько встряхнулась и принялась с удвоенной энергией отмывать волосы под веселым дождиком, который устроил им император-дракон. Как будто мытье головы снаружи могло помочь с прочисткой мозгов.

«А вот еще одна история.

В год, когда сгинула династия Цинь, некий человек по имени Чжи Цин увидел, как над горой Ли парит пятицветное облако, по форме напоминающее дракона. Люди в его деревне тоже видели, но испугались. Он же немедленно пошел туда, куда указывало знамение, и узрел двух небесных дев, танцующих в дождевых струях, изливающихся из облака посреди солнечного дня. Были они белее жемчуга и нежнее лебяжьего пуха. Признав

перевоплощенных дочерей Владыки Девяти небес, Чжи Цин хотел попроситься к ним в слуги. В это время загредел гром, засверкала молния, и вокруг стемнело. И тогда Чжи Цин увидел черного дракона, что окружил собственным телом место священного танца. Густой туман укрыл всю гору Ли, а когда он рассеялся, на том месте Чжи Цин нашел большой камень, из-под которого бил родник. Испив из него, Чжи Цин ушел в пещеру Белых облаков, которая находится в горах Заоблачных снов, и всецело посвятил себя изучению магии».

«Роман о чудесах», анонимный автор XIV века, Государственная Центральная библиотека Тайваня

ГЛАВА 6. Здесь и сейчас

«Главное в любом путешествии – знать с кем идешь и куда».

(из дневника Тьян Ню)

Тайвань, Тайбэй, 2012 год н.э.

Ин Юнчен

Атмосфера в допросной была очень специфическая. Казалось бы, здание суперсовременное, целиком из стекла и стали, символизирующих собой открытость общественному взгляду органов правопорядка, а в тихой комнатке с большим зеркалом на всю стену все равно как-то неуютно. Может быть, дело в холодном свете из потолочных панелей, который точно лунный свет, что льется сквозь крошечное окошко затхлои темницы в зимнюю ночь... Юнчен едва сдержался, чтобы не передернуть нервно плечами от неприятных ассоциаций. Или воспоминаний? Чертовщина, творившаяся последние несколько часов со всеми органами чувств молодого господина Лю, выбивала из равновесия. Слышался ему в тихом гудении кондиционера ему то ли звон цепей, то ли стоны страдальцев. Сумасшедший дом, да и только.

- Давайте еще раз вернемся к тому дню, когда вы в последний раз видели госпожу Янь живой, - нудел старший из напарников-детективов.

Номер его телефона, Юнчен неосторожно подписал «Cop1», его коллеги, соответственно, «Cop2», и теперь, глядя в прищуренные глаза Коп1, искренне сожалел, что воспитан родителями настолько законопослушным гражданином. Сбросить вызов и заняться более неотложными делами – вот как следовало бы поступить. Но – нет! Ин Юнчен, конечно, ответил на звонок. Потому что он невиновен и скрывать ему нечего.

- Ты чо творишь? – возмутился Чжан Фа, когда друг решительно мазнул пальцем по экрану смартфона вправо. - Загребут же ж!

Но, разумеется, умник Юнчен и не подумал прислушиваться к гласу рассудка. Коп2 настойчиво пригласил сына достойных родителей посетить полицейское управление и ответить на ряд вопросов. Да, прямо сейчас. Да, на добровольной основе. Пока так, а там уж как пойдет. Сказано было с нажимом на слово «пока».

- Хорошо, я приеду, - опрометчиво пообещал Юнчен.

- Братан, тебя повяжут, точно тебе говорю, - подливал масла в огонь здоровяк. - Им лишь бы дело поскорее закрыть. Как я тебя вызволять буду, ты подумал? Штурмовать центральный офис? Вот дурак! Ну, дурак же!

Предчувствия не обманули Чжан Фа, за Юнчена взялись вплотную, стоило тому перешагнуть порог полицейского департамента, чья монументальность как-бы сразу намекала на серьезность его положения... Короче, теперь уж поздно желать тихой погоды, тем паче, когда поднялся ветер.

- Мы случайно встретились в баре, – пожал плечами Юнчен и совершенно бесстрастным тоном перечислил все подробности: название заведения, имя знакомого бармена, свой заказ, точное время. Всё-всё, кроме имени той, с кем обедал в тот день.

Коп2 деловито сверился с записями в своем блокноте и спросил:

- Свидетели говорят, что вы ссорились с госпожой Янь. Это так?

- Точно. Она мне свидание испортила.

- С кем?

Юнчен прикинул и так и эдак, и по всему выходило, что пора выложить на стол свой фул-хаус.

- С госпожой Сян Александрой Джи, моей невестой. Мэйли повела себя провокационно, если не сказать по-хамски. Обидела Сашу.

Детективы бодро переглянулись.

- И давно вы помолвлены?

- Родители хотели сговорить нас ещё десять лет назад, – уклончиво ответил молодой человек. – Сян Джи долго жила в Соединенных Штатах и только недавно вернулась.

Он сделал неопределенный жест рукой, словно всё так и было задумано изначально. Жест абсолютно уверенного в себе человека.

- И как, невеста простила? – мрачно любопытствовал Коп1, всем видом изображая осуждение нравов «золотой молодежи».

- Конечно.

Ин Юнчен прекрасно видел, что не нравится обоим полицейским. И потому, что часы на его запястье стоят, как годовая зарплата старшего офицера, и потому, что ведет себя свободно и раскованно, и потому, что такой весь из себя лохотронный красавчик, которого хочется поставить на место, а придраться по-серьезному не к чему. И всё бы ничего, пусть бы копы себе наслаждались раздражением, чего не сделаешь для хороших людей. Но время-то шло, а тратить его на бессмысленные разговоры было сейчас подлинным преступлением. Это Юнчен чувствовал каждым нервом.

- Вы ведь уже посмотрели записи камер в моем жилом комплексе, - вздохнул он. – Отлично знаете, кто был у меня в гостях в ночь убийства. И то, что мы с ней никуда не выходили из квартиры, а следовательно, и убить никого не могли. Так к чему все эти расспросы?

И демонстративно посмотрел на циферблат часов.

- Вы куда-то торопитесь, господин Лю?

- Угу. Причем очень сильно. Как минимум спасти свою компанию от банкротства. Знаете, сколько людей останутся без работы, если я ещё несколько часов просижу взаперти? Лично мне их жалко.

Своих сотрудников Юнчен и вправду очень ценил. Всех, включая секретарш и стажеров, каждого. И не на словах, а на деле. То была его маленькая, но боеспособная армия, не единожды приводившая к победе над конкурентами. Бизнес – та же война, и не всегда бескровная. Как там сказано? Завоевывать надо не города, но сердца людские? Что ж, тут сын почтенных родителей преуспел. Несколько часов назад они все – начиная от главного бухгалтера и заканчивая девчонкой-студенткой, приставленной к ксероксу – выстроились в холле, чтобы поприветствовать руководителя низкими поклонами и заверениями в преданности. «Мы с вами директор Ин» говорили они и добавляли: «Мы не дадим компании сгинуть, можете рассчитывать на нашу помощь». Чертовски приятно! Жаль, что копы не видели этого, а потому не поверили. Из классовой солидарности, надо думать.

- Придется немного задержаться и ответить еще на несколько наших вопросов, - издевательски проворковал Коп2. - Честно и откровенно, разумеется.

- Спрашивайте.

- Вы знаете этого человека? - спросил Коп1, протягивая Юнчену фотографию.

- Впервые вижу, – ответил тот.

Кого угодно готов был увидеть Ин Юнчен, но только не человека из триады. И стрижка у парня обычная, и рубашка приличная, но перепутать этот характерный взгляд невозможно. Одновременно хищный и трусливый, дерзкий и покорный, как у бродячего пса, никогда не знавшего человеческой доброты и настоящей домашней сытости.

- А вот Джейсон Ху, он же Ху Минхао вас не просто знает, он вами бредит. Как вы можете это объяснить, господин Лю? - осклабился старший из детективов. И поведал историю удивительную, достойную хитрого поворота в детективном сериале. Обдолбавшийся какой-то редкой дряни бандит бегал по улице и у каждого встречного спрашивал о нем – о Ин Юнчене. Пока добрые люди не вызвали «скорую» и та не увезла укурка в неотложку.

- Кстати, почему на вашей визитке фамилия Ин, а в удостоверении личности - Лю? - вставил младший коллега.

- Когда бизнес открывал, не хотелось светить фамилию отца. Разные сферы деятельности, понимаете?

- Так вы не знаете господина Ху? Ни разу не встречались? Рискованное кредитование бизнеса? Быстрое решение сложных вопросов? – Коп2 строчил вопросами, как из пулемета. Того самого, столь любимого грозным дедушкой Саши. Что ж, с быстротой реакции у Юнчена тоже был порядок.

- Не знаю. Не пересекались. Мои финансовые отчеты за последние годы находятся в открытом доступе на сайте, ознакомьтесь. И естественно, у меня нет дел и вопросов, для решения которых приходится обращаться к триадам. Я не знаком с Ху Минхао. Такие дела.

- Не хотите подумать еще?

Молодой человек усилием воли подавил раздражение, пенной волной поднимающееся в душе.

- Нет, у меня отличная память на лица.

«Спокойствие, главное сохранять спокойствие. Не злить копов, не заводится. Терпение – добродетель благородного мужа, - мысленно медитировал он. - Председатель Сян поможет, в случае чего. Надо просто подождать».

- Где вы провели прошедшую ночь, господин Лю? Вы ведь не ночевали дома? Почему? – не унимался Коп2. – Обнаружили слежку?

- Мы с невестой поехали на пикник за город встретиться со старыми друзьями, - отчеканил Юнчен. Правду же сказал! За городской чертой, значит, пикник. Друзья старые? А то! А уж какой десерт у них с Сян Джи получился! О!

И вместо теплой истомы, сопровождавшей каждое воспоминание о вчерашней ночи, острейшее ощущение, что он безнадежно опаздывает, вонзилось в живот, словно стрела. Больно, горячо, а главное, так знакомо. Он не удержался и потер место чуть ниже печени, где нестерпимо жгло и давило.

В это время одному из детективов пришло сообщение, он его прочитал, покосился на допрашиваемого, потом дернул за рукав напарника.

- Оставим вас ненадолго, господин Лю, – пообещал тот и вместе они выскочили из кабинета.

Приходилось только надеяться, что будущий тесть пустил в ход связи, и это полицейское начальство затребовало ретивых исполнителей для разъяснительной беседы. Любви копов к богатенькому засранцу господину Лю это, само собой, не прибавит, но чем-

то надо жертвовать. Впрочем, на звание «Лучшего друга полиции» тот и не претендовал.

И едва лишь надежда осенила Юнчена своим легким крылом, как злодей-телефон выдал бодрящее «I won't pay, I won't pay ya, no way. Why don't you get a job...», а на экране засветилось имя «Пиксель»

- Что?! - рявкнул Юнчен, уже почти зная ответ.

Против всех ожиданий Ю Цин не истерил, словно детсадовец, напротив, Пиксель, похоже познал одновременно Дао, истину и смысл жизни. Ибо только в таком состоянии души и можно рассудительно нести редкую околесицу, достойную смиренной рубашки и уютной комнаты со стенами обитыми толстым слоем поролон. Пикселя, когда он несет в народные массы свет истины заткнуть невозможно, Юнчен и не пытался, но из бреда про драконов, демонов, дымных змей молодому человеку удалось вычленивать самое важное – Сашу за каким-то чертом понесло в госпиталь, там на неё напал маньяк, а та сбежала.

- Выглядело это, конечно, ошеломительно. Не каждый день девушка на твоих глазах выпрыгивает в окно и улетает на драконе? - в голосе Ю Цина, точно карпы в озерной глади, плескались незабываемые впечатления. - Точнее, в пролом в стене.

А пока Юнчен вспоминал, как дышать, судорожно хлебая спертый воздух допросной, на другом конце эфира произошла легкая потасовка между реалисткой-Ласточкой и просветленным другом. Янмэй победила с разгромным счетом.

- Слушай, друг мой, тут черт знает что творится, – молвила она мрачно. - Разумных объяснений у меня лично нет, а Ю Цин сейчас слегка... поехал крышей.

- Что с Сян Джи?

- Это... – Ласточка гулко сглотнула. – Где ты отыскал такую, а?

- Она... жива?

- Живее многих, успокойся.

Что-то было в голосе суровой подруги, сразу же вернувшее Юнчена к реальности из власти кошмара. И хотя где-то на заднем плане Пиксель пытался научно обосновать появление в небе над Тайбэем настоящего дракона, сын почтенных родителей сделал шаг в сторону от бездны. Пережить можно абсолютно всё, кроме вечной разлуки с Сашей. Это Юнчен понял так же отчетливо, как факт своего существования, подтверждаемый учащенным сердцебиением, липким потом, заливающим лицо, и дрожью в пальцах.

«Я только что нашел тебя, лисичка. Мы наконец-то встретились не для того, чтобы расстаться», - сказал в его голове знакомый голос: хриловатый, треснутый какой-то, как глиняная чашка, и на каком-то странном ни на что не похожем языке, лишь отдаленно напоминающем родной мандарин.

«Ты кто?» - осторожно спросил Юнчен, уже не слушая, что там кричат в трубку Ю Цин с Янмэй

«Дожились, – усмехнулся незримый некто. - Уже сам с собой разговариваешь, парень. Решил к компании чокнутых присоединиться? А ещё говорят, что сумасшествие не заразно»

Голоса в голове могли означать только одно... Кое-кто только что определенно спятил. Давайте угадаем с трех раз, кто это у нас такой счастливчик? Кто получает главный приз нашего реалити-шоу – годовой запас антипсихотиков и скидку на групповую терапию в клинике неврозов?

Юнчен бессильно опустился на стул и подпер буйную и, возможно, необратимо больную голову руками.

- Чо смурной такой? Ишь, расселся!

Голос исходил не изнутри. Ин Юнчен поднял взгляд от серого пластика столешницы и ошеломленно уставился на незваного гостя. Отлично! Просто отлично! Теперь у него начались галлюцинации!

Поднебесная, 206 год до н.э.

Мин Хе и остальные

Хунмэньский лагерь чжухоу гудел как растревоженный улей. И всяк, кто нес соратникам сладкую пыльцу подробностей, в тот же миг становился желанным гостем возле походного костра. Ему, благодетелю, наливалась полная чарка крепкого рисового пойла, ему же в плошку подкладывался самый жирный кусок мяса. Ешь-пей, только рассказывай всё без утайки. А людей-то понять можно. Не каждый день зрят они своими собственными глазами настоящего дракона, который парит над головами, сверкая обсидиановой чешуей и золотом когтей. Слухами наполнилось огромное войско, самыми дикими и невероятными, но лишь до тех пор, пока не снизошел к страждущему народу ординарец главнокомандующего. Его тут же под белые ручки хватать и к костру поближе. И не успел Мин Хе очухаться, как его уже окружила толпа солдат. Захотел бы, не смог вырваться.

Парень огляделся и понял, что настал его час славы. Для всех новобранцев и ветеранов, рядовых и офицеров он сейчас выше всех князей-чжухоу вместе взятых. Кроме господина Сян Юна и Яшмового Владыки, само собой.

Для начала Мин Хе поклялся алтарями земли и злаков, что своими глазами видел, как небесные девы спускались по воздуху прямехонько в середку развороченного пиршественного шатра. Одежды их при этом изящно шелестели, волосы красиво развевались на ветру, а очи сияли небесным гневом. А вот никаких молний не было. Это всё враки!

- А куды ж дракон подевался-то? - спросили из толпы. – Экая махина!

На что Мин Хе с видом знатока ответил так:

- Невидимым он стал. Во избежание паники в войсках среди людей и тягловых животных.

И чуские ветераны, кто еще под началом покойного Сян Ляна ходил, понимающе закивали. Мол, стратегически мудрое решение господином драконом принято. Перепуганный народишко и себя потопчет, и лошадок перепугает. Как и встарь, добр, мудр и милостив змей-лун к людям. Слава богам, что есть на свете нечто неизменное, что особенно ценно в проклятые времена перемен.

Кое-кто из молодежи тут же нескромно любопытствовал ножками небесных дев. Если ж снизу на женщин смотреть, то много чего можно увидеть... Но Мин Хе заверил сомневающихся, что одежды посланниц Яшмового Владыки были подобающей длины, и никто ничего эдакого не узрел. Ибо, как выразился ординарец: «Госпожа наша Тьян Ню пребывала в таких оскорбленных чувствах, что мало кто осмелился поглядеть в её ледяные очи, не говоря уж о том, чтобы помыслить о других частях тела».

- Осерчала, стало быть! - охнул молоденький арбалетчик.

И вся немалая компания благодарных слушателей тут же зашикала на болтуна. Мол, захлопни пасть, пацан, задним рядам ничего не слышно из-за тебя.

- Едва коснувшись ногами земли, небесная госпожа перстом указала на главнокомандующего, вопрошая: «Ужели посланница самого Яшмового Владыки видит, что

два названных брата дерутся прямо на пиру?»

- А он чего?

- Да тихо ты! - взвыли страждущие.

- А он в ответ молвил, дескать, мы тут и не деремся вовсе, а натурально танцуем старинный и угодный предкам танец с мечами. Очень красивый, к тому же. И на Пэй-гуна кивает, дескать, названный братец сейчас подтвердит.

- А она?

Языкатого парня тут же пнули в бок, он тихонько взвыл, но на месте усидел.

- Небесная же дева недоверчиво покачала головой и сказала с укором. «Меня, - говорит, - похитил злодейский злодей Чжао Гао, едва не уморил до смерти, сестру мою, госпожу Небесную Лису, прожившую на земле тысячу лет праведной жизнью, чуть было не угробил. И вместо того, чтобы спасти двух беззащитных женщин от поругания и гибели, два названных брата, победители империи Цинь, лаются меж собой точно цепные псы». И так печально вздохнула, что у старшего советника Сыма Синя слезы на глазах выступили.

- Иди ты в пень, Мин Хе. Проще черепаху заставить петь, чем этого хитроглазого циньца растрогать от нахлынувших чувств, - не поверил командир пехотного лян.

У Мин Хе были иные впечатления. Ему Сыма Синь даже по душе пришелся, хоть он, конечно, типичная циньская морда. Своим сдержанным нравом, в основном.

- Клянусь, не вру! Помощник Сыма потом развернул «подарочек», которым небесные госпожи наших князей приветили. А там башка главного евнуха. А еще! - ординарец Сян Юна многозначительно замолчал, вызвав у слушателей нестерпимый зуд в ушах.

- Ну! Говори, не томи!

- Так это ведь проклятый колдун Чжао Гао перекинулся барышней Фэн и похитил нашу небесную деву!

Гневный вопль разнесся над лагерем. Мало того, что подлое коварство, так еще и колдовство.

- И кто ж его завалил? Витязь какой? Или дракон?

Мин Хе снова сделал загадочное, как ему очень хотелось верить, лицо и указательный палец вверх поднял, мол, слушайте и не говорите потом, что не слышали.

- Госпожа Небесная Лиса, вот кто! Кинжалом, дареным ей моим господином! Так наша драгоценная госпожа Тьян Ню и сказала. «Милостью Яшмового Владыки и храбростью моей благородной сестры только спаслись. Потому как ничьей помощи не дождались. Ибо могучие витязи с мечами выганцовывали».

- Во дела!

- Ишь ты!

Но никто особенно не удивился, говоря по чести. Кому как не Небесной Лисе показывать зубы? Паршивый евнух просто не знал, с кем связался! Другой вопрос волновал слушателей гораздо сильнее:

- А главнокомандующий же чего?

И Мин Хе понимал соратников лучше всех. Хулидзын, пока суд да дело, своего Пэй-гуна под ручку ухватила крепко-крепко, хвостом взмахнула и была такова. Только пыль поднялась за конной сотней сопровождения. А им здесь оставаться, подле князя Сян Юна, к милосердию не склонного.

- Чего-чего? Озверел он, как обычно. «Вы, - говорит, - улетели так внезапно. Мы тут не знали, что и думать. Мы ж люди земные, мы за вами следом полететь никак не можем.

Ибо нелетучие все как на грех!»

- И всё?

- Да как же всё! - воскликнул обиженный за своего господина Мин Хе. - И добавил, что ничего бы такого не случилось, кабы мы уже в императорском дворце сидели. В Санъяне, то бишь.

Момент, последовавший за тем, как небесная дева в запале крикнула, чтоб князь Чу имел совесть и не перекладывал с больной головы на здоровую, Мин Хе провел, спрятавшись за спиной господина Сыма Сиңя.

- А дальше-то что было? Чего молчишь, доблестный Мин Хе?

- Что-что? Небесная дева ручкой легонько взмахнула и молвила: «Путь на Санъян свободен уже несколько дней. Идите, коль вам не терпится зарыться в императорские закрома. Однако же вам отчего-то втемяшилось расправиться с Пэй-гуном. Хоть я вам человеческим языком ясно донесла волю Яшмового Владыки – не трогать этого человека и зла ему не чинить».

На самом деле, госпожа едва глаз командиру Гэ Юаню не выколола, когда ткнула пальцем в направлении столицы, а попала в командира лучников. Тот потом клялся, что пальчик у небесной девы что твой железный гвоздь – насквозь, должно быть, пробивает кожаный доспех. И голос у госпожи Тьян Ню ничем звучание божественных флейт не напоминал, это факт.

- А потом... чего? – шепотом спросил говорливый мальчишка из легкой пехоты. А может и не мальчишка. Туда всегда брали всяких недомерков.

Но рассказывать о том, как позорно тряслись колени, Мин Хе не собирался до конца своей жизни. По правде говоря, когда Сян Юн решительно шагнул к госпоже Тьян Ню, отважный ординарец едва в штаны не напрудил от страха.

«Так значит, вы вернулись только для того, чтобы спасти этого черноголового выскочку?» - спросил князь и потемнел лицом. Тишина, павшая на место недавнего танца с мечами, была поистине страшной. Тут даже небесная дева догадалась, что пытается вырвать зуб у тигра. У разъяренного дикого тигра южных лесов, если точнее. Тигр с рычанием нависал над госпожой Тьян Ню и в отсутствии хлесткого хвоста, сжимал и разжимал кулаки.

«Я вернулась, чтобы спасти вас, mon general, - отвечала она бесстрашно. - Едва упросила Повелителя Молний Лэй-гуна не карать вас за ослушание. А вы не цените!»

«Ах, вот как! Значит, лично умоляли Лэй-гуна?» - прошипел Сян Юн. На его месте Мин Хе тоже заподозрил бы неладное. Обычно госпожа именами богов не разбрасывалась, когда правоту свою доказывала. И кабы не дракон...

«А что делать-то оставалось? Вас ничем не проймешь, только молнией по темечку!» - кричала она, тоже сжимая кулачки.

- Поругались они, - буркнул Мин Хе, здраво решив, что за распускание сплетен о господине рискует лишиться слишком длинного языка. - Разругались страшно.

Забыв обо всем и обо всех, князь Чу, победитель Цинь, главнокомандующий всей армией чжухоу лаялся с посланницей самого Яшмового Владыки, хранительницей садов богини Западного Неба, точно горшечник какой-нибудь со своей бабой. Оба были хороши. И кабы не дракон...

К невысокой белокожей девушке с нечеловечески светлыми глазами все успели привыкнуть. Да, вида она необычного, да, ведет себя чудно, но пьет-есть, как человек, мерзнет и потеет тоже вполне по-людски, простужается опять же. Тут немудрено забыть,

что госпожа Тьян Нью с Небес. А теперь она прилетела на огромном черном драконе и напомнила всем и каждому, кто она такая есть. Кроме Сян Юна. До того такие вещи всегда плохо доходили, он привык глотать финик целиком 9 . Тут, пожалуй, и молния Лэй-гуна не помогла бы.

- И теперь что будет?

Но донести до соратников свои соображения Мин Хе не успел. Гонг и барабаны ответили вместо него, а тут и командиры подоспели. Приказ был прост и доступен для понимания: «Лагерь сворачивать и вперед выступать». А что у нас впереди? Точно! Санъян.

9 - Действовать поспешно.

Лю Дзы и Люси

Госпожа небесная лисица, едва успев спуститься с небес, сразу же ухватила Пэй-гуна за рукав и выдохнула сквозь зубы так, что слышал только он: «Ну, слава богу, успели!» И Лю Дзы словно теплой водой умылся, так ему стало хорошо и спокойно. Сразу и раны, которыми наградила его брат Юн во время «танца», болеть перестали, и от сердца отлегло, и улыбка, шальная и дурацкая, как у блаженного, подкралась и осветила лицо. Словно вокруг не шумел и не гомонил пораженный чудесным явлением небесных дев чуский лагерь. Будто необтертый клинок меча Сян Юна не заляпан был его, Лю Дзы, кровью. Словно всё уже закончилось, и закончилось как нельзя лучше.

Вернулась! Она вернулась! Сошла с Небес – сюда, к нему – снова! Санъян? Гуаньжун? Империя? Да забирай эту империю, Сян Юн! Подавись своей империей! Кому она нужна, если...

Но блаженствовал Пэй-гун недолго. Прекрасная и отважная посланница Небес дернула его за ханьфу с такой силой, что ткань затрещала, и, свирепо шевеля бровями, прошипела:

- А теперь – валим! Ходу, Лю, ходу! Пока они не очухались!

Слова – простые, грубые – совсем не такие дивной музыкой должны были литься с уст небесного создания, победительницы Чжао Гао, но Лю был рад им больше, чем самым изысканным речам. Эта грубость, это просторечие ей подходило, ей пристало, и вновь подтверждало – это она. Сошедшая с Небес посланница Яшмового Владыки, едва коснувшись ногами тверди, вновь обратилась женщиной – земной, близкой, желанной. Его женщиной.

Пэй-гун кивнул, сжимая в ответ ее запястье, чувствуя, как едва заметно дрожит ее рука, какой неровный, рваный у нее пульс. Устала. Скитаясь, сражаясь и паря в поднебесье, как же отчаянно она должна была устать!

Быстро, сосредоточенно и очень спокойно, они отступили вместе, рука об руку, проскальзывая между палаток, умудряясь не задевать локтями столпившихся солдат – деловитые и уверенные, как пара лис, покидающих разоренный курятник.

Тут главное не спешить слишком сильно, не выдавать страха. А Лю боялся – боялся сильнее, чем когда ехал в Хунмэнь, больше, чем на пиру, слушая свист чуского клинка над ухом, чуял этот страх острее и резче, чем боль от первых ран. Теперь ему было, что терять. О, теперь было! Ведь она, его лиса – вернулась.

И в каждом движении, каждом прикосновении – когда подсаживал на коня, и когда

обнимал вокруг талии, пуская Верного вскачь, подальше, как можно дальше от чуского лагеря – соседствовали страх и радость. Радость и страх – смесь, пьянящая похлеще вина, будоражащая сильнее самой азартной игры. Нет на земле другой такой женщины, но нет таких и на Небесах. Больше – нет.

Слова им не понадобились, не нужными оказались даже взгляды. Лю Си просто положила свою ладонь поверх его руки и прижалась щекой к синему шелку нарядного ханьфу. И задремала прежде, чем они отъехали от Хунмэня хотя бы на несколько ли.

Лю оглянулся, придержав Верного. От лагеря Сян Юна до Башана и ехать-то всего ничего, а если скакать стремглав, так и вовсе за пару часов обернуться можно. Но гнать жеребца в галоп сейчас, когда небесное его благословение так уютно и доверчиво посапывает, склонив буйную голову ему на грудь... Погони, меж тем, не слышать, да и не до того сейчас князю Чу, чтобы гоняться за Пэй-гуном. Небось, сам вокруг своей небесной девы хороводы водит и песни поет, как кот у корзины со свежей рыбой.

- Езжайте вперед! – приказал Пэй-гун свите и повторил специально для побратимов, на которых будто глухота напала: - Вперед езжайте, я сказал! Мы догоним.

- Как скоро? - голос у брата Синя был ледяной, взгляд – неодобрительный, а общий вид – крайне недовольный. Лю уже вздернул губу, чтобы подстегнуть умника парой простых и доходчивых фраз, но спящая девушка пробормотала что-то во сне и потерлась щекой о синий шелк, и все проклятья умерли, не успев слететь с губ Лю Дзы.

Фань Куай посмотрел на такое дело и ухватил лошадь побратима за повод, буркнув лишь:

- Ты это... того... особо-то не задерживайся, братан.

Лю ответил ухмылкой и двинул Верного в сторону от дороги, туда, где меж холмами текла, извиваясь, речушка. Умыться, раны промыть да и просто поразмыслить в тишине – вот что ему сейчас было нужно. И с небесной летуньей своей переговорить – не в суматохе и толчее военного лагеря, где за полотняными стенками шатров всегда торчит десяток-другой любопытных глаз и ушей, а с глазу на глаз, наедине. На языке у Лю вертелась тысяча вопросов, не меньше, но по-настоящему он хотел услышать ответ только на один. Почему? Почему, заполучив-таки свой амулет, свой пропуск обратно в тот мир, откуда она явилась, Лю Си не отправилась напрямик на Небеса, плюнув на суету и грызню смертных, а вернулась. Ведь не к храму на вершине Цветочной горы принес небесных сестричек дракон, а в Хунмэнь!

Простой кожаный шнурок выскользнул из-за ворота ее одежды, когда Пэй-гун осторожно снимал ее, спящую, с коня и укладывал на прогретую солнцем траву. Помедлив всего мгновение, он подцепил шнурок пальцем и вытянул наружу добычу – маленькую черную рыбку – из складок халата на ее груди, как из пруда.

Знак богини лег в ладонь Лю так привычно, так... доверчиво, словно был живым существом, крошечным, но бесконечно могущественным. На миг ему даже померещилось, что глиняная рыбка шевельнула хвостом. Пальцы Лю дрогнули. Еще чуть-чуть – и он подчинился бы желанию, безотчетному и властному – сжать покрепче, раскрошить в прах, уничтожить проклятый амулет! Навсегда отрезать ей путь на Небеса. Привязать к земле, к себе – навсегда и накрепко, чтобы...

Чтобы увидеть, как зачахнет, угаснет небесное создание, прикованное, плененное. Хотя нет, не зачахнет – сгорит! Такие не тлеют, такие пылают яростно, жестоко – и без остатка. Себя не жалеют, а других – и подавно. Даже пепла не останется. Даже горсти праха.

Что вообще может прийти в голову женщине, которая прикончила великого и ужасного Чжао Гао, а потом еще и дракона оседлала? Вот то-то же.

Он медленно разжал ладонь, выпуская рыбку-амулет на волю. Сердце колотилось отчаянно, пот заливал глаза, руки дрожали – точь-в-точь, словно он опять схлестнулся насмерть с беспощадным «названным братом». Словно он снова побывал в бою, но на этот раз – чудом – победил.

Люси проснулась в самый неподходящий момент, когда Пэй-гун, шурясь и морщась, спустил с плеч свой наряд и с тихим шипением пытался дотянуться до очередного «подарочка» от дорогого «брата» - длинного пореза на левой лопатке. Для промывания ран у Лю имелось крепкое рисовое вино в бамбуковой фляге, но попробуй извернись так, чтобы добраться до каждой царапины! «Ну, погоди, братец! – злился Пэй-гун, чуть ли не позмеиному извиваясь. – И как только умудрился так порезать-то! И халат новый испортил, пес бешеный!»

Крестьянская прижимистость не была самой лучшей чертой Лю Дзы, он и сам это признавал. Даже бороться пытался с собою, чтобы больше походить на рожденных в высоких палатах благородных мужей, которым до Западного Неба, сколько на них халатов искромсают... Но покамест дорогого ханьфу Пэй-гуну было жалче, чем собственной посеченной шкуры.

- Этак у тебя ничего не получится, - хриплым спросонья голосом молвила небесная лиса, и Лю, вздрогнув, пролил вино из фляжки аккуратно на порез. И чуть не взвыл. Хорош-шее вино! Будто раскаленной кочергой приложили!

- Проснулась, – отметил он, во все глаза глядя на свою лису. Почему-то именно сейчас смотрел на нее – и насмотреться не мог. И Люси, такая дерзкая и резкая обычно, вдруг нахмурилась и отвела взор, будто смутилась.

- Сядь-ка прямо, – скомандовала она. – Давай помогу.

Неловкость. Вот что внезапно нависло над ними обоими, навалилось, как тяжелое, мокрое насквозь ватное одеяло. Лю и сам отчего-то напрягся, и, даже не видя, по прикосновениям ее понял – небесной лисе тоже не по себе. Слишком уж рьяно она взялась обрабатывать его раны. С таким настроением не лечат, а калечат разве что.

- Ты меня попытать решила, что ли?

А ведь было, от чего смущаться. Расстались-то они нехорошо. Сперва наговорили друг другу лишнего, потом позволили невозмутимому каменщику-молчанию возвести стену отчуждения, а потом хулидзын и вовсе ушла, даже не уведомив об уходе. И сам он... Разве не предупреждала Люси, чтобы не ездил Пэй-гун в Хунмэнь? Предупреждала. А он что? Поехал!

Лю тряхнул головой, зажмурился – а потом едва окрепший лед вдруг треснул от ее смущенного смешка. Пэй-гун обернулся и сам расплылся в улыбке в ответ на сдавленное хмыканье своей лисы.

- Помучить-то, может, и стоило бы... - проворчала она, отводя глаза. - Да только я и сама хороша! Мир?

- Оба мы хороши, - дипломатично отозвался Лю и накрыл пальцы девушки своей ладонью. - Мир!

Тут бы ему и воспользоваться случаем, да и расспросить толком свое небесное благословение обо всем: и куда все-таки делся циньский ван, и как две хрупкие девы умудрились самого злобного Чжао Гао ухайдочать, да ещё и голову ему оттяпать, и каково

оно, на драконах летать, но... Но то ли Лю, забывшись, потянул к себе девушку, то ли она сама потянулась – ближе, ещё ближе, совсем близко. Неловко и неуклюже, будто разом утратив все свои знаменитые юбкодральные ухватки, Пэй-гун ткнулся губами ей в висок и замер, вдыхая запах волос своей лисы.

Она пахла поднебесьем: ветром, вольно гуляющим над вершинами самых высоких гор, пылью и дымом, а еще – грозовой свежестью. Будто только что парила над облаками рука об руку с Лэй-гуном, повелителем молний. Хотя почему – будто? Люси ведь и впрямь сошла с небес. Тут и самый недоверчивый скептик убедился – небесные девы на самом деле небесные.

Люси коротко, неровно вздохнула, ладони ее прошли по его плечам, чуть царапая кожу жесткими валиками мозолей, Лю вздрогнул и прижал ее крепче. Словно боялся, что небесное существо сейчас передумает – и упорхнет прочь, как стрекоза с тростника. Но девушка, будто услышав его мысли, мотнула головой и тихонько фыркнула прямо в ухо:

- Нет. Не улечу.

И, сразу поверив, Пэй-гун ослабил хватку и чуть отстранился. Только руки остались лежать на ее плечах, словно он то ли забыл про них, то ли не знал, куда девать.

- Почему... - помолчав, немного сдавленно молвила Люси. - Почему ты не спросишь ни о чем?

Неужели, вдруг подумал Лю, у нее тоже сейчас перехватывает дыхание, словно горло стягивает удавка, а сердце то колотится запыленно, то тяжело бухает кузнечным молотом, то и вовсе замирает?

- Потому что я уже знаю все, что мне нужно знать. Ты здесь. Я здесь. Остальное...

Сам себе противореча, он захотел сказать сразу и много, и уже даже рот приоткрыл, но тут Люси вдруг подалась вперед, к нему – плавно и уверенно, почти по-лисий. И Лю от неожиданности промедлил, не сообразил сразу и даже чуть ли не отпрянул. Сама? Она тянется к нему сама? Что же произошло с этой женщиной там, над облаками?

Но от небесных даров откажется только глупец, а уж Пэй-гун дураком никогда не был. И оказался вознагражден. Даже сверх ожиданий.

Ах, эти губы – нежные, розовые, словно едва раскрывшиеся лепестки лотоса! Ух, эта невероятная, нечеловеческая белизна кожи – вот тут, чуть ниже мочки нежного ушка! А мягкое, манящее тепло стана, согревающее ладони даже сквозь все слои одежды!

Кстати, многовато ее, одежды. Слоев-то, слоев...

На миг оторвавшись от сладких уст своей лисицы, Лю нетерпеливо зашипел, дергая узел на ее кушаке. Одной рукой развязать не получилось, но на второй лежал затылок небесной лисы. Когда и как он умудрился опрокинуть ее на траву, про то лишь Яшмовый Владыка ведает.

- Да что ж такое-то... - нервно вздохнул Лю Дзы, безуспешно пытаясь распутать проклятый узел. Но не тут-то было! Не поддавался поясок хулидзын чужим пальцам, как заколдованный.

- Никак? - сочувственно спросила она, и Лю моргнул и замер, словно кувшин холодной водицы на его буйную голову пролился. Охолонув, Пэй-гун начал соображать – и мгновенно исполнился подозрений. Ибо в устремленном на него снизу вверх прозрачном взгляде небесной лисы не разглядел он ни желанья, ни страха, вообще никаких чувств, приличествующих девам. Одно лишь любопытство.

- Ты вообще-то понимаешь, что я собираюсь сделать? – Лю даже не пытался как-то

замаскировать свою подозрительность. Прямо сейчас он чуял ловушку, только вот объяснить это странное чувство не мог.

- О да, - уверила его хулидзын. – Вполне.

- Тогда, может быть... - еще раз, но уже без прежней настойчивости дернув пояс, ханец озадаченно склонил набок голову и глянул искоса: - Может быть, ты меня остановишь?

- Почему это вдруг? – молвила лиса и быстро облизнула пересохшие губы, все-таки выдавая этим волнение.

- Потому что сам я уже не остановлюсь, – теряя разом и голову, и способность сопротивляться зову, честно предупредил Лю, наклоняясь ближе, как зачарованный. – Но я хотел, чтобы все было... правильно. В нужное время. В нужном месте.

- Силы небесные, Лю! – фыркнула она и, приподнявшись на локтях, потянулась к нему навстречу. - Мы оба чуть не сдохли, пока дожидались этого твоего «нужного» времени! Все уже правильно, правильно прямо сейчас. Завтра я наверняка передумаю. Но сейчас...

И замысловатый узел на поясе небесной лисы вдруг развязался сам собой.

- Воля Неба! – ухмыльнулся Лю и поторопился запечатать ей губы, пока неумная хулидзын не принялась снова болтать.

А волю Небес надо принимать и исполнять с благодарностью и усердием, это Пэй-гун очень хорошо знал.

Люся

Несмотря на происхождение, воспитание и все жуткие приключения, внебрачная дочь профессора Орловского была невинна не только телом, но и отчасти душой. Нет, разумеется, Людмила давным-давно (гораздо раньше Танечки) узнала, зачем одна собака прыгает на другую, прыщавый студент пытается зажать юную курсистку в уголке, ражий мужик задирает юбку ревущей бабе, а лощеный кавалер в ресторации шуршит ассигнациями. И в теории знала, да и насмотрелась всякого. Так что Люся в свои невеликие лета уже вполне четко уяснила для себя, что всякий мужик есть лютый враг, только и мечтающий, как бы снасильничать. А если сразу в кусты не тащит, так это не из благородной сдержанности, а исключительно из особого коварства. И нет никакой манящей тайны в отношениях между полами, а одна лишь голая, потная и пошлая физиология.

Но ради Лю она готова была снести и это. Сколько ж еще бедолаге мучиться? Аж извелся весь! Ну не убудет же от нее... то есть, убудет, конечно, но если ему так этого надо...

«Как зуб вырвать! – мысленно прикрикнула на себя небесная лиса. - Делов-то... Перетерплю как-нибудь».

И храбро приготовилась перетерпеть.

Но ведь это же был Лю, тот самый Лю, который смотреть умел так, что от одного его взгляда начинало томительно тянуть что-то в животе, а ноги слабели и так и норовили раздвинуться сами собой. Этот Лю, от которого – ещё чуть-чуть! – и невозможно будет уйти. Нет, Люся не боялась того, что он с ней сделает. Наоборот, она хотела – отчаянно хотела, чтобы вот сейчас, не дожидаясь ни приглашения, ни разрешения, он навалился бы, грубо и жестко, и, не слушая возражений, взял свое. Грязно и унижительно, как и положено поступать жестокому и дремучему дикарю. Чтобы показал наконец-то свой истинный нрав. Чтобы перестал, чтобы не смел, никогда больше не смел прикидываться таким хорошим! Таким

невозможно, невероятно терпеливым и чутким. Таким, от которого невозможно уйти даже на эти их пресловутые Небеса.

Пусть станет нормальным, обычным – одуревшим от близости доступного тела диким мужиком. И тогда, ей-же-ей, Люсе и впрямь полегчает. Ведь правда?

Все эти мысли, сомнения, опасения и выдумки Люся успела передумать, пока Лю наклонялся к ней, близко-близко, глаза-в-глаза... но стоило ему замереть на миг, промедлить, задержаться на бесконечное мгновение, прежде чем снова поцеловать ее, как из головы небесной лисы со свистом улетучилось всё.словно раскаленная игла проткнула воздушный шарик – такой у него был взгляд. Люся застыла, замороженная, не слыша даже стука собственного сердца. А потом Лю вдруг зажмурился, как мальчишка перед витриной кондитерской, и тихо-тихо спросил:

- Можно? Правда – можно? Честно?

Вместо ответа она только вздохнула, неглубоко, неровно, тоже зажмурилась на миг крепко-крепко, до вспышек под сомкнутыми веками – а потом прыгнула ему навстречу из ненужной уже шелухи одежд как росток из семечка, согретого солнцем.

И вдруг не осталось никакого страха, и исчезли, растворились сомнения, да и мысли все ушли. Кроме одной – ясной, насквозь пронзающей своей ясностью. Это ведь танец. Это танец, поняла Люся, и все сразу стало просто.

Да, незнакомый, да, тяжелый, сложный, как все новое. Но стоит лишь потрудиться, стоит переломить, преодолеть протест неловкого, непривыкшего ещё тела – и движения, рваные и резкие, кажущиеся бессмысленными, обретут полноту и завершенность. Люся это знала. Более того, она это умела. Словно когда-то, где-то, то ли в прошлом, то ли в будущем, но это уже случилось с нею, с ними обоими. И теперь они не узнают друг друга, а просто вспоминают те самые, правильные, точные движения. Прикосновения. Вздохи и поцелуи. И шелест ветра в пушистых метелках высокой травы, и стремительный бег облаков, и слепящие косые лучи солнца, вспыхивающие на смуглых плечах Лю, будто искры, летящие вверх из костра.

Подхваченная этим пониманием, Люся осмелела окончательно, поверила и себе, и ему, и отпустила себя – почти как в танце. Совсем как в танце. Запустив пальцы в спутанные черные волосы на затылке Лю, она подалась вперед, притягивая его к себе ближе, еще ближе, и отвела в сторону колена, чтобы темное наконец-то сошлось со светлым вплотную, сплелось и сплывилось воедино. Потому что – пора. Потому что...

- Не спеши... Не торопись. Поспешим – будет... нехорошо.

И Люся поняла вдруг – и этот сдавленный голос, и то, как дрожат от напряжения его руки, и как неровно, рвано он дышит – это из-за нее. Это она причина того, что он, дикий и дремучий, сдерживает себя, укрощает даже сейчас, когда между ними не осталось ни преград, ни покровов. Такая власть завораживала, дразнила, искушала – и пугала, конечно. Ведь Люся уже попалась, уже увязла по уши, но выпутываться ей не хотелось. Все-таки не удержавшись, она жестоко насладилась этим мгновением, тем, как он, горячий и тяжелый, замер над нею, а потом медленно согнула ногу, обжигая и даже слегка царапая тонкую кожу об него, жесткого и горячего, словно печка.

- Давай уже, - выдохнула она, шалея и от собственной смелости, и от этой его сдержанности, и от его запаха, смешанного с резким и свежим запахом примятой, раздавленной травы. И Лю, должно быть, только сейчас уверившись, что она это всерьез, коротко выдохнул, провел руками по ее бедрам – уже не ласково, уже нетерпеливо – и

качнулся вперед. А вслед за ним вздрогнул и качнулся мир.

Широко распахнув глаза, Люся вцепилась в его спину и отважно подалась навстречу, всем телом, каждой его клеточкой чувствуя, как что-то меняется в ней – навсегда. Медленно, это было медленно, даже слишком. Но ей-то не хотелось уже, чтобы бережно и осторожно, ей-то нужно было, чтобы быстро и сильно! Она все-таки глухо вскрикнула, но не от той самой, обязательной боли, а потому, что амулет Нюйвы вдруг мгновенно раскалился и обжег ей кожу, будто на грудь Люсе просыпались уголья из костра. Глиняная рыбка жгла так, что сам момент расставания, так сказать, с девичеством, небесная лиса даже не заметила – не до того было. Лю пробормотал что-то, какие-то извинения, невнятно и торопливо, в кратких перерывах между поцелуями, но и это стало неважно. Рыбка остыла, боль угасла, а Люся уже услышала мелодию, поняла и подхватила рисунок, ритм и темп их общего танца – *allegro moderato*, сказала бы она, если бы еще могла говорить. Ей, новичку в таких делах, за оживившимся вдруг Лю все равно было не поспеть, но что Люся точно не собиралась делать, так это тихонечко лежать, пока он там резвится. Этот экзерсис определенно надо отрабатывать вдвоем.

Лю заметил, и оценил, и что-то такое сделал, как-то двинулся, глянул, по-особенному выгибая бровь, так что ей почему-то захотелось одновременно и укусить его, и поцеловать, целовать бесконечно, не останавливаясь, и сжать, стиснуть не только ногами, но и всем телом так, чтобы он и вовсе двигаться не мог. Настолько ясно и остро это было, что Люся, зверея от невозможности назвать словами то, что чувствует, глухо зарычала и даже тьякнула, словно настоящая лиса.

- Ага-а... - пробормотал Лю, все равно – даже сейчас! – весело щуря глаза. – А я уж думал...

- Что. Ты. Там. Еще. Думал? - почему-то говорить у Люси получалось только коротко и отрывисто, как в телеграмме.

- Думал, что небесным... погоди-ка... девам небесным правилами приличия предписано помалкивать. А? О! Или нет?

Хитрец дал ей передохнуть совсем недолго, поэтому Люсин ответ вышел возмущенным и сдавленным. Нет, говорить ей сейчас было не вмоготу. Какое говорить? Тут и дышать-то получается через раз!

- Лю! – выдохнула она, захлебнулась возгласом, судорожно глотнула воздуха и снова, уже почти выкрикнула его имя.

- Да?

- Заткнись и доделай, что начал!

- Как пожелает моя...

Но голос его утонул в каком-то странном, одновременно и знакомом, и невозможном звуке. Люся замотала головой, задыхаясь и впиваясь пальцами в его спину, но наваждение все длилось и длилось, не отпуская. Стрекот. Это был стрекот, но не какие-нибудь китайские кузнечики его издавали, нет. Откуда-то издалека доносился звук мотоциклетного мотора. И девушке вдруг померещилось, будто вовсе не в поле они, не сочные стебли весенней травы окружают их ложе, а стены. Вот косо блеснул солнечный луч, пойманный в ловушку давно не мытого окна, вот мелькнула паутина на низком потолке, а ещё – о, снова! – прострекотал мотор, словно там, за стеной, по дальней улице протарахтел мотоциклет.

В ноздри ударила пугающая смесь запахов: пыль, и кельнская вода, и синий бензиновый дымок, и разогретая резина. Кажется, даже машинное масло! Люся запрокинула

голову – и увидела.

Прямо над ними, над примятой, раздавленной травой, над сплетенными воедино, будто половинки проклятой печати, телами, стремительно бегущие облака закручивались в какую-то адскую воронку, а из центра ее... Девушка зажмурилась, но ощущение чужого взгляда не пропадало. Кто-то глазел на них так откровенно, что даже увлеченный ею Лю что-то почувствовал.

Он замер, проследил за ее отчаянным, неподвижным взглядом – а потом поднял голову и посмотрел вверх.

- Вот как... Кому-то на Небесах любопытны наши дела? Нет, нет, не смотри туда. На меня. Только на меня. Мы ведь... танцуем. Да?

Люся хохотнула – отрывисто, хрипло, срываясь на стон. Танцуют? О, да. Что еще оставалось между спятившим небом и содрогающейся землей, кроме них двоих, кроме этого их танца на самом краю мира, готового сорваться и полететь в пропасть? Только они и их общий танец. Лю это понимал, он тоже это почувствовал, и подхваченная этим пониманием, этой ясностью девушка обхватила его еще крепче, ещё теснее. Скрестив лодыжки, она ощутила, что он теряет контроль, срывается, поцелуи становятся грубее, движения – резче... Но не вскрикнула, а только охнула, когда Лю на мгновение впился зубами ей в плечо. Вот, вот, ещё чуть-чуть, и бесконечный разбег закончится прыжком, станет полетом. Еще...

Но тут Лю шумно, тяжело выдохнул, почти простонал, задрожал и замер, прижимаясь мокрым виском к ее щеке. И Люся сквозь шум в ушах расслышала далекий и призрачный звук, будто где-то ветер запутался в струнах. А небо... снова глянув вверх, она увидела: облачная воронка стремительно рассеивается, и если кто-то оттуда, с Небес, и наблюдал за ними, то теперь, похоже, отвернулся.

И сразу же ей стало как-то неудобно. Разом заныло и заболело все, чему полагается ныть и болеть. Люся неловко поерзала, и Лю, поняв намек, сдвинулся и откатился на бок. Обнимать ее он, впрочем, не перестал.

- Люблю тебя, - сказал он, целуя ее в висок. - Люблю. Завтра... нет, через два дня – женимся.

«И это – всё?» - подумалось Люсе. Вслух она, конечно, такое говорить не стала, но, видимо, что-то промелькнуло у нее в глазах. Не разочарование, нет... Не совсем разочарование. Разве что самую малость.

- Эх... этот ничтожный простолюдин все-таки не сумел угодить госпоже... А так старался!

- Даже не пытайся, – проворчала девушка и для наглядности ткнула его пальцем. - Да-да, вот именно это и не пытайся! Нечего делать виноватое лицо. Ты же доволен, как... как... Просто возмутительно доволен!

Чего у Лю было не отнять, так это его ужасающей честности. Там, где любой другой древний хитрец начинал юлить, вилять и лебезить, Лю Дзы просто с обезоруживающей наглостью признавался. А уж улыбался при этом так... Люсе при одном лишь взгляде на эту дерзкую улыбочку почему-то немедленно захотелось повторить. Всё. И незамедлительно.

- Есть такое, – легко признался Пэй-гун, чуть приподнялся, опершись на локоть, склонился к самому ее уху и прошептал: - Ожидание было долгим, но оно того стоило. Моя лиса. Ну, а ты? Как ты?

Мало кто расслышал бы за таким неприкрытым бесстыдством тревогу и заботу, но Люся – о, она уже достаточно хорошо узнала своего доисторического... Кто он ей теперь?

Любовник? Жених?

«Как-как? Как неразорвавшаяся граната!» - подумалось ей, но озадачивать Лю такими сравнениями небесная лиса не стала. Хотя ответила тоже по-честному:

- Не знаю. Не уверена. Не... не распробовала!

И, вывернувшись из-под жаркого Пэй-гуна, сама наклонилась близко-близко, пробормотав почти губы-в-губы:

- Надо бы повторить.

- О небесная госпожа! Как сладко слышать такое из твоих уст, - ухмыльнулся Лю. - Но помилуй этого ничтожного крестьянина. Я нынче уж ни на что не годен. По крайней мере, до завтрашнего рассвета – точно. И вообще... теперь надо погодить до свадьбы. Народ не поймет.

- Народ? – нехорошо прищурившись, переспросила Люся. – Не поймет?

Нёкое подозрение заставило ее выпрямиться и внимательно оглядеться. Вокруг, насколько глаз хватало, шелестела высокая трава. Но...

- Лю! А ты, похоже, уверен, что нас не хватятся... и не схватят тут какие-нибудь вражьи выползки. Иначе с чего бы так спокойно развалился на травке, после того, как тебя чуть Сян Юн не порешил... Ну-ка, признавайся! Сколько молодцов подглядывает за нами из бурьяна?

- Приглядывают, – осторожно поправил ее Лю. – Приглядывают, а не подглядывают. И если они подошли ближе, чем на ли, я... я...

- Ты – что?

- Поцелую дорогого брата Сян Юна! – Пэй-гун приподнялся на локтях и, запрокинув голову, проорал в небо. -Клянусь алтарями Земли и злаков, я этого надменного поганца расцелую!

Люся отняла ладони от ушей и потрясла головой, усмехаясь вместе с ним:

- Ой ли? Сян Юна? Поцелуешь?

- Конечно, - облизнулся Лю и добавил доверительно: – После того, как отрежу говнюку башку – отчего бы не расцеловать?

- Ты!..

Все еще хихикая, девушка толкнула его в плечо, скользнула ладонью ниже – и замерла.

- Ты... ты ведь раны разбередил. У тебя кровь идет.

Лю поймал ее руку и легко коснулся губами пальцев.

- Кровь? О, так мы, получается, в расчете?

Небесная лиса зашипела сквозь зубы, как закипающий чайник.

- Бесстыдник ты! Слышишь? Совершенно бесстыжий... и безмозглый! Просто невероятно, как я могла...

- Как ты могла – что? - стремительно сев, Лю ловко поймал ее и вкрадчиво поинтересовался: - Могла – что? Полюбить такого дурака? Да?

Безуспешно дернувшись пару раз, Люся замерла, прижавшись к нему, и легко потерлась щекой о расцарапанное плечо своего древнего мятежника. Вместо ответа. Да.

- Лю, - молвила она чуть погодя. – Лю.

- Что?

- Лю, я... я есть хочу. Готова лошадь съесть. Честно.

Хочешь управлять мужчиной – ухвати его за самое дорогое, да покрепче. Эту истину гражданка Смирнова почерпнула от матушки. Та папашей вертела аккуратно через желудок.

Любил Петр Андреевич хорошо покушать, и если бы расстегаи с кулебяками не сходились каждый раз в борьбе с древними китайцами, как знать, может, матушка и перетянула бы своего профессора окончательно в пропахший пирогами мир подушек, салфеточек и слоников на каминной полке.

Лю проявил похвальную сообразительность, сразу оценив риски.

- Только не Верного! Он нам ещё пригодится. Погоди-ка... сейчас-сейчас...

Люся прилегла на бок, с интересом наблюдая, как он роется в ворохе сброшенных одежд.

- Ты бы хоть штаны надел...

- Это потом, -отмахнулся Пэй-гун. - Где же... А! Вот!

Он торжествующе помахал рукой с зажатым в ней невзрачным свертком. Люся повела носом. Пахло... Пахло мясом!

- Но откуда? Как? - она стремительно переползла поближе и с восторгом уставилась на неожиданное богатство: жареную курицу (без одной, правда, ножки) и две мелкие, помятые, но целые мандаринки.

Лю небрежно повел плечом:

- Да так... Я ж на пиру был, вот и прибрал со стола, пока все отвлеклись.

- Лю... тебя же Сян Юн убить пытался. А ты в это время у него из-под носа курицу стянул?

- Ну-у...

- Seriously? Ты у него курицу украл! И кто тут после этого лис?

Вместо ответа Пэй-гун одарил ее ослепительной улыбкой и оторвал от добычи крылышко, предлагая разделить по-братски. И не успела Люся благосклонно принять подношение, как Лю уже стремительно почистил для нее мандаринку.

Они сидели рядышком на измятых шелках пэй-гунова халата, уплетали экспроприированную курицу, заедали костлявыми и кислыми мандаринами, и Люся, смеясь, утирала стекающий по губам горчащий сок. И в целом мире остались только они двое – усталые, голые, счастливые – в кольце высокой травы между землей и небесами.

Таня

Как ни крути, а возвращение в чуский лагерь и встреча с Сян Юном не должны были превратиться в публичный скандал. Татьяна Орловская всегда считала себя выше банальных склок. Даже в том возрасте, когда девочек так и тянет выяснять отношения по любому поводу, она оставалась в стороне от интриг своих гимназических одноклассниц. Танечке с лихвой хватало и тех скандалов, которые устраивала её маменька папеньке. Благо, повод имелся весомый и неизменный – мать Люсеньки и собственно Люсенька сама по себе. В такие моменты Таня запиралась в своей комнате и молилась, чтобы, не дай боже, на Петра Андреевича не подействовали упреки, и он не отвернулся от второй своей семьи. Маму было жалко, но сестру Татьяна потерять никак не могла. Ни тогда, ни сейчас.

До последнего мгновения Тянь Ню надеялась, что успеет прежде, чем подученный Сян Юном человек вызовется танцевать с мечом с намерением убить Лю Дзы. Спасти родоначальника величайшей династии Китая – это же огромная честь для любого историка.

А, оказывается, чуский генерал и тут старого доброго Сыма Цяня обошел на повороте! И когда небесная дева увидела его с обнаженным мечом, то натурально взбесилась. И

приличную девушку из профессорской семьи понесло по кочкам. А она-то боялась, что не сможет отвлечь Сян Юна, что актерского мастерства не хватит. Ого! Еще как хватило!

«Как горохом об стену! Просила, умоляла, Яшмовым Владыкой грозила! Нет, он, как бульдог в кость, в этого Лю впился! - все еще пылала праведным гневом Тьян Ню, когда развернулась на пятках спиной к Сян Юну, давая понять – их неприятный разговор окончен. - Вот ведь упёртый! Как баран!»

Горделиво вскинув голову и сохраняя на лице маску невозмутимого спокойствия, небесная дева направилась к своему личному шатру. Хотелось поскорее снять еще влажное после стирки в ручье ханьфу, переодеться в сухую одежду и вытащить из волос золотую шпильку. Творение древнего ювелира Таня прихватила в гробнице Цинь Шихуанди по необходимости. Чтобы волосы в лицо не лезли. Самую легкую выбрала – со скромными нефритовыми цветочками подвески. И теперь расплачивалась за невольное расхищение могилы. Голова болела, кожу стянуло, словно злополучная шпилька вонзилась прямо в скальп.

- Тысячу лет жизни нашей небесной госпоже! - воскликнул одноглазый телохранитель Тьян Ню и повалился ниц.

- Тысячу лет! - подхватили его подчиненные, словно приветствовали императрицу, пав на колени.

Мэй Лин и Вторая, забыв о склоках, дружно рыдали в обнимку. А в шатре пахло почти по-домашнему. Собственно, во всех мирах эта вылинявшая от дождей и ветров палатка и была единственным домом Татьяны Орловской.

- Мы уж и не чаяли увидеть госпожу Тьян Ню, – с облегчением вздохнул Сунь Бин, и его единственный глаз непривычно увлажнился. - Я так и знал, что вас похитила эта... злодей этот в полон захватил. Всю округу обошел в поисках ваших следочков, моя добрая госпожа. Каждый кустик облазил, в каждый овраг спустился. Не поверил этот ничтожный слуга, что небесная дева покинет его, даже не попрощавшись. Но слуга не терял надежду, нет. Никто из нас не усомнился. Верно я говорю?

Таня огляделась – эти воинственные мужчины с обветренными, почти черными от загара лицами, эти дикие злые девчонки ждали её, молились о её здравии и теперь искренне радовались возвращению. Её маленькая свита, её люди, её... друзья. И растроганно всхлипнула.

- Спасибо вам всем, – прошептала девушка, и не зная, как выразить свою признательность, с нежностью погладила огромную твердокаменную ладонь дядюшки Сунь Бина. – Как же я могла вас бросить?

Боже мой, как же стыдно Тане было в этот миг. Они заботились о госпоже Тьян Ню, жизни готовы были отдать за неё, а она... Они ведь с Люсей все-таки попробовали соединить рыбок. Вдруг получится открыть проход в свое время? Не вышло. Где-то в тайном уголке души Таня даже обрадовалась. И как выяснилось – не зря.

- Спасибо вам, братцы и сестрицы, - тихонько всхлипнула небесная госпожа. – Вы такие хорошие, такие добрые. Как же мне без вас обойтись?

А действительно, как? Одежду ей новую, чистую и нарядную, подали, чаю налили, столик кушаньями устали без всякого напоминания. Словно заранее всё знали и готовились к встрече.

«Все хорошо, что хорошо кончается, - размышляла Таня, подводя итоги своей дерзкой эскапады. - Лю Дзы убежал из лагеря живой и невредимый, это - раз. Люсю он в обиду не

даст, это - два. Сян Юн меня на месте не прибил за дерзость, это – три. Всё у меня получилось как нельзя лучше». Только руки потереть, эдак удовлетворенно, не успела.

Что бы там не говорили, а судьба не любит излишне самоуверенных. И боги очень любят посмеяться над честолюбивыми замыслами смертных. Сказано же: «Человек предполагает, а Господь располагает». Татьяна Орловская предполагала, что справилась со всеми напастями, но зловредные китайские боги рассудили по-своему.

- Госпожа! Куда же вы? - только и успел крикнуть вослед подопечной дядюшка Сунь Бин. - Погодите же!

А «годить»-то было поздно. Сян Юн срочно решил занять Санъян. И теперь спасать надо было целый город.

- О, это снова вы, - меланхолично молвил главнокомандующий, когда небесная дева ворвалась в его шатер. - Придумали, в чем еще меня обвинить, беспокойное создание?

Но на этот раз Тянь Ню держалась тише воды, ниже травы. Она смиренно опустилась на колени и прижалась лбом к жесткому ворсу ковра.

- Дайте-ка угадаю, – невесело усмехнулся Сян Юн. – Вы пришли просить меня не захватывать столицу Цинь, верно?

- Так и есть, *mon general*, – призналась Таня. – Я умоляю проявить к жителям города милосердие, равное милосердию Пэй-гуна.

В ответ чусец беззлобно фыркнул:

- Ваша наглость, Тянь Ню, равна и даже, по моему мнению, превосходит размерами священную гору Таньшань. Вы об этом знаете?

Раны, нанесенные ему милосердным парнем Лю Дзы, лекарь уже зашил и смазал целебным бальзамом, но они ещё болели. Чертовски болели, насколько девушка могла судить, по тому, как осторожно двигался Сян Юн, как прикусывал губу время от времени.

- Согласна, *mon general*. Я веду себя крайне нескромно, но ничего не могу поделать, кроме как просить вас о милости к побежденным, к этим беззащитным и слабым людям, чьи жизни сейчас в вашей власти.

Против всех ожиданий Сян Юн не злился, не рычал, словно успел позабыть о недавней ссоре. Это внушало Тане робкий оптимизм. А вдруг и сейчас получится? Главнокомандующий тем временем поднялся со своей циновки, шагнул к девушке и протянул ей руку, чтобы помочь встать. Застарелые мозоли были сорваны, и половина ладони походила на кусок подсохшего мяса.

- Не бойтесь, я привык, мне не будет больно, - заверил Таню генерал. - Я просто так давно не прикасался к вам.

Он подвел её к выходу из шатра, откинул полог, чтобы вместе какое-то время смотреть на растревоженный людской муравейник.

- Все эти люди, Тянь Ню - и владетельные князья, и простые солдаты, пришли сюда ради богатств Цинь, что вобрал в себя Санъян, - сказал Сян Юн очень серьезно. - Они прошагали через все царства Поднебесной именно за этим.

- Чтобы разграбить Санъян и весь Гуаньчжун? – прошептала потрясенно Таня.

- Да. Они пришли за золотом, нефритом, шелком, женщинами и пленниками. И даже я не смогу запретить взять то, что теперь принадлежит им по праву победителя. Их не остановить. Санъян будет разграблен, его жители пленены, его сокровища поделены. Так и будет, моя милосердная Тянь Ню. И ни мои, ни ваши желания уже не имеют никакого

значения.

О нет, Сян Юн не насмеялся над добротой небесной девы. Он просто знал единственный путь, с которого ещё никто не сворачивал. И никогда не свернет. Горе побежденным.

- Затем я раздам земли союзникам и... – теперь он позволил себе мягкую улыбку. - Вы все-таки станете моей женой. Клятва, данная предкам, мною исполнена. Яшмовый Владыка тому свидетель, а вы обещали.

- А тогда вы не станете сжигать Санъян? – с надеждой спросила Таня.

- На кой мне его сжигать? Пусть себе стоит, – махнул рукой Сян Юн. - К слову, мне тут донесли, что своим слугам за верность вы пообещали персики бессмертия из садов богини Западного Неба. Это правда? А мне персик? Я тоже хочу.

- Ничего подобного! - опешила небесная дева, глядя в полные обиды глаза князя Чу. – Как я могла такое пообещать? Это... это запрещено!

Главнокомандующий возмущенно хлопнул себя по бедру и зашипел от боли:

- Вот ведь брехуны! Что за люди!

Скорость, с какой здесь распространились слухи, попутно обрастая дичайшими подробностями, Таню все время приводила в смятение. Откуда они взяли эти персики в подарок?

- Вот и я каждый раз дивлюсь. Сказочники языкатые.

- Должно быть, меня как-то неправильно поняли, - поторопилась объяснить Татьяна, глядя на мрачную физиономию генерала. – Не гневайтесь на ваших людей, mon general. Никто не хотел дурного, я уверена.

- Да? - чусец вопросительно изогнул широкую бровь. - Ну ладно. Если вы так считаете... Но от персика я бы не отказался. От обыкновенного персика.

И видимо так ясно представил себе сочный сладкий плод, что не удержался и облизнулся. И губами причмокнул совершенно по-детски. Обрек тысячи людей на смерть и размечтался о персиках. Нет, к этому невозможно было привыкнуть.

- А если у вас нету персиков, то расскажите мне о своих приключениях, Тьян Ню, - попросил Сян Юн и сжал руку девушки в искалеченной ладони. – Я тосковал по вам в разлуке. Думал, что вы улетели обратно на Небеса, что бросили меня ради службы Яшмовому Владыке. Кстати, – оживился он. - А почему вы и в самом деле не улетели? Вы же были верхом на драконе. Неужели ради меня? Правда же?

Глаза главнокомандующего сверкали искренней радостью, он забыл и о ранах, и о кровожадных планах. У него на языке вертелась еще сотня вопросов

- Ну пожалуйста, Тьян Ню. Заодно и помиримся. Вы же хотите помириться? Я, например, очень хочу.

«Большой свирепый мальчишка, – напомнила себе Татьяна. - Жестокий и безжалостный лишь потому, что родился и вырос в жестокое время». И с тайным умыслом поинтересовалась не собирается ли он выступить с армией чжухоу прямо сейчас.

- Не-а, - мотнул головой Сян Юн. - До завтрашнего утра я честно отдыхаю. Эй, Мин Хе!

Ординарец тут же просунул голову в щель между полотнищами полога.

- Принеси-ка нам с госпожой небесной девой чего-нибудь вкусенького. Что-то ж там осталось от этого поганого пира. Не все же наши пролоты сожрали, верно? Тащи только самое лучшее!

Мин Хе умчался к поварам, а они с генералом устроились, как он выразился, «по-домашнему». Точнее, Сян Юн вытянулся на ложе, а его гостья уселась возле его изголовья.

- Ну, рассказывайте, – попросил он и весь обратился в слух.

И что оставалось делать? Сначала Таня поведала о коварном Чжао Гао, потом Мин Хе принес угощение – какие-то вкусные пирожки и мясо в пахучем соусе. Они поели и Сян Юн потребовал повторить историю про то, как они улетели с поддельной Фэн Лу Вэй. Видимо, утолив голод, он так и не насытился чудесами. Развесивший уши ординарец тут же заскулил от желания послушать дальше, получил по шее, но в итоге остался, чтобы заодно прислуживать своему господину. Колдовскую битву в подземном дворце Яньло-вана Тане пришлось живописать трижды, каждый раз украшая историю новыми деталями. И никого из благодарных слушателей этот факт не смущал нисколько. После живого дракона-то! Дочка профессора Орловского благоразумно умолчала о том, что побывала в гробнице Цинь Шихуанди. Дабы не искушать малых сих на грабеж могил. И о том, что бывший император обернулся драконом, тоже не стала упоминать. Но в остальном же Татьяна рассказывала чистую правду, не забывая, правда, изрядно её приукрасить. Здесь так принято было – расцвечивать суровое полотно жизни ярким шитьем выдумки. Много ли радостей у мужчин в долгом военном походе? Вот они и веселились, точно дети, затаив дыхание, внимая сказительнице, и тут же перебивая её, требуя подробностей, смеялись, ужасались и спорили.

А дозволенные речи продолжались до тех пор, пока у новоявленной Шехерезады не начал язык заплетаться. Она вымолила минутку, чтобы чуть-чуть передохнуть, да так и заснула крепким сном под несерьезную перебранку генерала и ординарца, свернувшись на покрывале калачиком.

- Всё! Хватит, не шуми, - прошептал Сян Юн, заметив такое дело. – Кликни Сунь Бина и девушек, что ждут снаружи. Пусть стерегут её здесь.

- А..

- Пусть спит, сколько спится. Не смейте будить мою небесную госпожу.

- Это да, - согласился Мин Хе. – Уморилась, поди.

А главнокомандующему было чем заняться в эту ночь. Его огромная армия собиралась захватить столицу бывшей империи. Какой уж тут отдых.

«Я так и не увидела этот город. Ни целым, ни в руинах. И, должно быть, это единственное о чем я жалею».

(из дневника Тьян Ню)

ГЛАВА 7. Свадьба с приданым

«Разумеется, это мое личное мнение, но я абсолютно уверена, что каждая женщина должна хоть раз в жизни надеть свадебное платье. Белое, кружевное и с фатой или же красное с алым покрывалом, не суть. Главное, чтобы оно однажды случилось».

(из дневника Тьян Ню)

Цветочная гора, где-то, когда-то и Тайбэй, 2012 г

Ли Линь Фу, бессмертный даос

Ветер робко касался розовых лепестков на бессмертных сливах и персиках, тихо шлепало по воде колесо мельницы, неприметная пичуга распевалась, спрятавшись в листве. Покой в деревне у подножья Цветочной горы можно было попробовать на вкус как сливовое вино, его можно было вдохнуть вместе с запахом свежее испеченных лепешек, и еще проще – прикоснуться. Достаточно было сжать в ладонях маленькую чашечку с чаем.

В доме Ли Линь Фу царил прохладный полумрак, пронизанный тончайшими солнечными лучами, которые с боем пробились сквозь щели в бамбуковых занавесях. Золотые и острые, они взрезали благовую эту тишину, словно серпы в руках невидимых жнецов. Хотя... нет, если тишину что и нарушало, то лишь громкое смачное чавканье, с причмокиванием и утробным урчанием. Дедушка Линь Фу кушал жареную курочку и всецело наслаждался процессом.

Еда, тем паче хорошая еда – есть основополагающая радость существования. Пустое брюхо глухо и к ученью, и к красоте, и даже к гласу рассудка. Сытый человек – уже наполовину счастливый человек. Так было всегда и так будет пока по земле будут ходить двуногие и двурукие существа. Потому что тот, у кого есть половина целого, рано или поздно отправится в поисках второй половины. И каждый найдет её в своем – кто-то в другом человеке, кто-то – в молитве, кто-то – в созидании.

Некоторые в своих поисках приходили однажды к подножью Цветочной горы, переступая через ту невидимую грань, что отделяла каменную громаду с руинами древних кумирен, с дорожками и лесенками для всепроникающих туристов от той Хуа-шань, где цвели бессмертные сливы и где в храме на вершине вращался и вращался без остановки гончарный круг богини Нюйвы. Где была эта грань – во времени или в пространстве, Ли Линь Фу никогда не знал. Возможно от того, всецело материального мира, Хуа-шань отделяло всего одно лишнее мгновение? Кто знает.

Там, за этим мгновением, текли века, менялись одежды и привычки, оружие становилось все более смертоносным, рождались и умирали идеи, вздымались над руинами и рушились в грязь знамена, владыки толпились возле тронов, вырывая друг у друга царственное лунпао, точно собаки замурзанную в грязи кость. Кстати, относительно владык...

Ли Линь Фу сгрыз второе крылышко и отломил от мясистого основания сочную ножку. Полюбовался на золотистые капельки жира и облизнулся, словно кот.

Так вот, эти владыки всегда так и норовили прикрыть алчность, жестокость и властолюбие волей Небес. Совсем, как с любовницей застуканный сластолюбец прикрывает подштанниками свой срам. Потому что Небесам больше делать нечего, только

каждому висельнику выдавать... Как там говорила эта поддельная хулидзын - Люй-ванхоу? А! Мандат! Точно! Мандат выдавать каждому ушлому генералу, чиновнику или разбойнику. Или вообще какому-нибудь дикому кочевнику – чужаку и завоевателю. Еще чего!

Небеса, насколько знал Линь Фу, явили свою волю лишь единожды, когда решили, что пришла пора создать из множества племен – единый народ, который возглавил бы тот, кто плоть от плоти этого народа. Да-да! Человек по имени Лю Дзы Бан из Фэна. Вот это и была подлинная воля Небес. Он был и оставался единственным Императором по Воле Неба за всю историю Поднебесной. Остальные лишь нагло примазались.

Мясо во рту так и таяло, ублажая все органы чувств даоса, а вторая куриная нога звала скорее приобщиться к её благодати, когда мысль, а точнее понимание проникло в разум бессмертного.

- Да что ж такое-то! - возмутился Линь Фу, досадливо крякнув. - Ну вот почему такие вещи случаются всегда в самый неподходящий момент? Не раньше и не позже, э?

То, что Император снова родился - это вот прям отличная всем новостям новость, а то, что он почти вспомнил и осознал себя – вообще великолепно, но почему прямо во время обеда?

Он прислушался к шепоту ветра листве, который вовсе не ветер в обычном понимании.

- Так они наконец-то снова встретились – Император и его лиса? Ну, тогда другое дело!

Даос хищно вгрызся в куриную ногу, а затем упруго, точно мячик, вскочил на ноги и перешагнув низкий столик оказался в маленькой, но на редкость неуютной комнате. И хотя Ли Линь Фу ни разу не бывал в допросной полицейского управления, зато опыта вызволения героев из темниц у него имелось, прямо сказать, с большим избытком. Ни тебе пыточного инструмента и светло, точно днем, а все равно сразу ясно – тюрьма это, узилище натуральное. Хотя чистенько, да.

Там за столом сидел понурый молодой человек и крепко сжимал обеими руками голову, точно боялся, что та сейчас отвалится. Поначалу даосу причудилось, что Император надрамшись, настолько окосевшим взглядом тот одарил старого знакомого. В нынешнем обличье мерзавец Лю нравился даосу больше. Ишь, какие плечи наел, засранец хитрый. Чисто буйвол! А волосы короткие! Непорядок.

- Чо смурной такой, я вопрошаю, твое величество? Ась? С перепоею или с недосыпу?

- Ты кто, дедушка? - шепотом спросил Сын Неба, чем разозлил Ли Линь Фу несказанно.

Паршивец Лю, хоть он сто раз переродился, настойчиво продолжал величать его «дедом».

- Тоже мне внучок выискался! - взвизгнул даос, воинственно потрясая куриной ногой. - Хватит дурака валять! Вставай, давай. Нам пора.

Пальцы Юнчена впились в край столешницы – не отодрать. Никуда идти с беловолосым и упругим, как резиновый мяч, дедом он не собирался и под страхом смерти. Еще чего не хватало! С галлюцинациями известно куда люди ходят. Прямоком к психиатру!

- Откуда вы здесь появились? - строго спросил он.

Дед подозрительно прищурился, поджал губы, нахмурил брови и придвинувшись ближе, поманил молодого человека наклониться.

Юнчен, отличавшийся отличной памятью на лица, был готов поклясться, что видел

этого типа впервые в жизни. Такие толстые щеки и оттопыренные уши он запомнил бы.

- Ближе, ближе, дело-то важное. Твоей лисы, к слову, касательно.

Конечно же, услышав прозвище Саши, растревоженный юнец подался вперед. И получил куриной ногой в лоб. Шлёп! Только брызги жира в разные стороны полетели.

Удар слабенький, скорее обидный, чем болезненный. Однако эффект он произвел на Юнчена ошеломительный. Или уже не на него – жителя 21 столетия, уроженца мегаполиса, а на первого императора Хань? Привычная реальность со всеми её чудесами и обыденностями, с автомобилями и самолетами, сверхмощными компьютерами и пересадкой сердца, космическими станциями и правами человека вдруг лопнула, словно хрустальный шар. Осколки, сверкающие и переливающиеся радужным сиянием, разлетелись, дробясь и множась, так же как жизнь Ин Юнчена, такая понятная и объяснимая, внезапно распалась на множество предыдущих рождений и смертей.

... Он устал, у него болит зашибленное колено и тянет подживающая рана на ребрах, его до скрежета зубовного вывел из себя советник Цзы Синь, и он даже не пытается скрыть свое настроение – ругается последними словами, подгоняя Верного. Не обижайся, братец, скоро уже конец походу, скоро будет тебе и скребок, и вода, и полные ясли. Потерпи, дружок! От склоненных спин рябит в глазах. Внутренний дворец полон народа, но он видит в толпе только одно лицо, только её светлые глаза на бледном лице. Ставит сапог на спину евнуха, сдирает шлем с головы и швыряет его куда-то за спину – кому надо, тот поймает, и прихрамывая, несется навстречу. Чтобы обхватить колючими ладонями её нежные скулы, прижаться липким от пота лбом к её лбу с золотой висюлькой.

- Ты вернись. Мой Лю. Ждать, ждать, - смеется она.

А губы-то дрожат.

- А то! Куда я денусь, лисичка моя...

Делов-то! Навалил очередному борзому степному вождёнку и вернулся.

Он гладит её по мягким волосам, как мечтал последние два месяца, он целует её в губы, словно уже знает, как отчаянно их будет не хватать в каждой из будущих жизней...

Сколько их было? Много? Мало? Неважно. Ни в одной из них не было Лю Си, его небесной госпожи, его гордой ванхоу. Сколько ни искал, сколько ни ждал.

Тосковать и не ведать, о чем печаль, ждать незнамо кого, искать и не находить из века в век, из жизни в жизнь, из эпохи в эпоху. И только теперь, спустя две тысячи лет...

Ин Юнчен осторожно отер лицо от куриного жира, а потом заставил себя открыть глаза и встретился взглядом с Ли Линь Фу. Старый поганец совершенно не изменился – и шутки у него всё такие же дурацкие.

- Вот и свиделись, твое величество, – молвил даос. - Как ощущения?

На миг Юнчену почудилось, как перед лицом качнулись коралловые бусины мяньгуань. Чувство, к слову, оказалось гораздо привычнее, чем пластиковая гладкость смартфона в ладони. Эх, сейчас бы меч в руку!

- А ты знаешь, кем я был во времена династии Мин?

- И знать не хочу! - фыркнул Ли Линь Фу. – Таким же говнюком как и всегда, я полагаю.

Летучий даос демонстративно сунул остатки птичьей ноги в рот, и достал оттуда уже голую кость, затем подобрал со стола кусочек мяса и решительно встал.

- Хватит рассиживаться, твое величество. Дел еще невпроворот.

Спросить, как они выберутся из допросной Юнчен не успел. Вредный дед резко

дернул молодого человека на себя, точно собирался бросить его через бедро, как борец-дзюдоист.

Детектив Пэн, которому Юнчен так щедро дал кличку Коп1, славился на всё управление несдержанностью и ещё раз подтвердил свою репутацию, со всего маху стукнув кулаком по двери туалетной кабинки. Чудом не проломил дыру в казенном имуществе.

- Ну и чего ты творишь? Думаешь, поможет? – спросил его напарник, укоризненно глядя на него в большое зеркало над рядом хромированных умывальников. Смеситель всё никак не мог выбрать, какой должна быть вода – обжигающе горячей или студеной, поэтому выдавал и ту, и другую поочередно.

- Зло меня бёрет, братец Цзыю, – прошипел детектив Пэн. – Маленький гаденыш так быстро подсуетился. На ходу подметки режет, не находишь?

Маленьким господин Лю Юнчен точно не был, напротив даже, рослый и крепкий, как какой-нибудь янки, а с «гаденышем» и не поспоришь, и другого слова не подберешь. Слишком смазливый, слишком богатый, чтобы вызвать симпатию у скромных госслужащих.

- А ты сомневался? – пожал плечами Коп2, в смысле, детектив Чжан Цзыю, конечно. - Слышал же, кто у него тестем будет? Странно, что председатель Сян не порешал вопрос ещё вчера.

- Вчера ему не до будущего зятка было, - ядовито фыркнул детектив Пэн.

После короткого, но предельно жесткого разноса в кабинете у начальства оба офицера не сговариваясь отправились в туалет – если не смыть позор, то хотя бы умыться. Руководство умело устроить головомойку так профессионально, что обоим опытным полисменам только и оставалось, что бляеть оправдания, краснеть и потеть.

- В одном наш старикан прав, у нас ничего нет на этого Ин Юнчена.

Коп2 иногда сохранял объективность, в то время, как его старший друг не совсем профессионально шел на поводу у своих симпатий-антипатий. Молодой человек, что томился в допросной, на беду свою, относился к самому нелюбимому детективом Пэном типу богачей-пиджачников. Он выглядел шикарно в простых шмотках, разговаривал слишком уверенно, и в целом вел себя крайне раздражающе. Слово весь мир принадлежал ему одному. Коп1 таких вот красавчиков на дорожных байках всю жизнь люто ненавидел. Было за что.

- Цзыю, - взвился он тут же. - Ты вообще на чьей стороне?

- На твоей, братец. Но...

- Что «но»?!

Офицер Чжан тяжело вздохнул, собираясь духом прежде, чем сказать другу и напарнику неприятную правду прямо в лицо. Чего тот не любил, как и всякий нормальный человек.

- Я говорю, что Ин Юнчен и в самом деле не сбрасывал девчонку с крыши. Это факт. На крыше его не было, находился он совсем в другом месте и в присутствии живого свидетеля. Другими словами, у парня железное алиби.

Пэн Юй пару мгновений играл желваками, соревнуясь с коллегой кто кого переглядит. Закономерно проиграв невидимое миру сражение жажды социальной справедливости с реальными фактами, доводами рассудка и укорами совести, он прошипел сквозь зубы ругательство и от избытка чувств крутанулся на пятках вокруг оси. В свете люминесцентных ламп глаза его горели нездоровым азартом.

- Да знаю я, знаю. Но почему тогда она именно ему послала сообщение перед прыжком? Даже не сообщение, а целое обращение. Такое... драматическое, я бы даже сказал трагическое.

На крыше небоскреба камер наблюдения, понятное дело, не было никаких отродясь, а на технический этаж погибшая забралась по аварийной лестнице такой крутизны, что не каждый альпинист одолеет.

- Ин... тьфу ты! Формально господин Лю не виноват, что девушка была им одержима. И патологоанатом подтвердил, что нет никакой беременности. Глупая смерть.

- А тогда каким тут боком боец из триады? Объясни мне!

Коп2 растерянно поскреб затылок. Поехавший крышей мелкий гангстер не вписывался в расклад ну совсем никак. Причем на имя молодого бизнесмена он реагировал, по словам медиков, бурно, а упоминание прыгуньи не вызывало никаких эмоций.

- Пазлы от разных картинок. Чертовщина!

Старший напарник, чуждый всякой мистики, в ответ криво ухмыльнулся. Объяснение есть всему, надо только его найти. И окажется оно, скорее всего, простым, как...

- Ты обратил внимание, что наш господин Лю куда-то торопится? - спросил он. - На часы поглядывает, в телефон, опять же.

- Предлагаешь, дать ему конкретно опоздать? - тут же подхватил его мысль детектив Чжан. - Чтобы стал поразговорчивее?

- Точно! Я хочу курочку. Сходим к тетушке Ча?

Детектив Пэн Юй обожал курятину, предпочитая это мясо любому другому.

- Мне бы кофейка. Аж в горле пересохло.

Офицеры неспешно помыли руки, и отправились в забегаловку в соседнем переулке. Сочные куриные шашлычки вкушали степенно, отдавая отчет, что наскоро проглоченная пища вредит здоровью. Затем выпили по стаканчику капучино и не торопясь вернулись в допросную.

- Как думаешь, господин Лю уже созрел для откровенного разговора? - спросил Коп1, глянув на часы.

- Заждался нас, поди, - в том ему, то бишь весьма глумливо, ответил напарник. - Сделаем, пареньку приятный сюрприз.

И открыл дверь в допросную - пустую и тихую, как храм в ночи.

- Как такое может быть? - прошептал детектив Пэн, глядя на тщательно обглоданную бедренную кость курицы, мирно покоящуюся на столе и всем видом своим намекающую на грядущий грандиозный скандал в полицейском управлении Тайбэя.

И детективу Чжану вдруг послышался в тихом едва уловимом гудении ламп под потолком ядовитый смех. Должно быть, то были тысячи куриных душ, чьи тела съел детектив Пэн за свою жизнь. Мистика!

Поднебесная, 206 год до н.э.

Люси и Лю Дзы

Вольно же было Пэй-гуну от широты древнекитайской души заявить: женимся через два дня! Тут и за два месяца поди управься, если делать все, как по обычаям полагается!

Так, во всяком случае, думала Люся, ожидая, что все эти китайские церемонии

растянутся на неопределенный срок. Особенно если за организацию торжества возьмется ушлый знаток традиций Цзи Синь. Думала – и ошибалась. Ибо у Лю Дзы все давно уже было схвачено, словно мятежник только и ждал того часа, когда небесная лиса наконец-то согласится.

- Главное, чтобы старый хитрец Люй Лу приехал в Башан вовремя, – рассуждал Лю, пока они неторопливо ехали к лагерю. Люся, сонно позевывавшая, при этих словах насторожила уши.

- Я за ним послал, как только мы в Санъян вошли, – ответил Пэй-гун на ее невысказанный вопрос. – Так что старик должен прибыть со дня на день. Сразу же проведем обряд, он тебя удочерит, а на другой день – и свадьба...

- Послал за ним? – переспросила Люся. – То есть, ты знал, что я соглашусь? Знал, что вернусь и соглашусь?

- Не знал, – признался Лю. – Не знал, но... Верил. Да.

Девушка только вздохнула. Вот что с ним делать? Сердиться на него? Ругаться? Попытаться объяснить, что она и сама уже не знает, во что верить и на что надеяться?

- Может, без всех этих церемоний обойдемся, а? – наконец вымолвила она. – Ну к чему это удочерение, в самом деле...

- Нельзя жениться на женщине с той же фамилией. Запрещено. Поэтому или тебе, или мне придется из Лю стать Люй. Иначе...

- Иначе народ не поймет, угу, – буркнула Люся. – Но ведь я же тебе объясняла, что на самом деле у нас имена звучат по-другому.

- Ты объяснила, и я понял. Но каждому бойцу в нашей войске и каждому простаку в Поднебесной не растолкуешь, как там на Небесах имена дают и родство считают. К тому же... ты же сама говорила, что моей императрицей станет женщина из семьи Люй. То есть – ты.

- Но...

- Ты, – жестко повторил Лю. – Если в книге Девяти Небес так записано, так тому и быть. А чтоб в небесной канцелярии не случилось какой путаницы, мы это дело в свои руки возьмем.

Люся хмыкнула, поерзала, сморщила нос, но все-таки попыталась снова:

- Разве нам обязательно жениться?

Пэй-гун даже коня придержал и, наклонившись, с интересом заглянул ей в лицо.

- Не поздновато ли для отступления, а?

- Я...

- Если ты хотела улететь на свои Небеса, почему вернулась? Испугалась, что Сян Юн меня убьет? Или другая причина нашлась?

- Лю...

- Я не сержусь. Просто рассуждаю. Даже не спрашиваю, заметь! Хотя мне хотелось бы знать, где ты была и причем тут циньский мальчишка и Чжао Гао.

- О! – Люся не сумела разглядеть ловушку и, обрадованная тем, что скользкую тему свадьбы Лю пока отбросил, стремглав устремилась в расставленный капкан. – Ну, это просто! Я тебе как раз собиралась рассказать... Мы были в гробнице Шихуанди. Этот... евнух... он Таню украл и выманил Цинь-вана каким-то колдовством своим.

- Внутри Ли-шань? В горе? – Лю, не стесняясь, поежился. Свои собственные воспоминания о строительстве гробницы циньского кровопийцы он старался не ворошить

без нужды. Мятеежнику тоже было, что вспомнить и от чего вздрагивать.

- Да, - девушка прижалась к нему крепче, то ли спасаясь, то ли, наоборот, защищая от стылого сквозняка воспоминаний. – Внутри. Я за ними пошла, туда, вглубь. Там... там столько костей, Лю! Сколько же народу закопал этот старый император!

- Я знаю, - Лю сглотнул. – Знаю.

Про глиняную армию Люси решила не упоминать. Мало ли... Пэй-гун ведь хороший-то хороший, конечно, но и в практичности ему не откажешь. И вообще... не откажешь, если хитрый ханец, прослышав о непобедимом войске, решит им воспользоваться. Как такому отказать?

- Зачем Чжао Гао императорский отпрыск, я могу предположить, – молвил Пэй-гун задумчиво. - Но вот на кой евнуху небесные девы, да еще и две сразу? Что он затевал?

- Знаешь, меня в тот момент его мотивы волновали мало, – со всей честностью, на которую была способна, ответила девушка. - Да и не очень-то я помню, что там вещал этот безумец... Вроде бы он собирался дохлого упыря воскресить или что-то в этом роде. Мальчонке, во всяком случае, Чжао Гао кровь пустил аккурат над дедовым гробом и уже к Танечке моей с тесаком подбирался, да тут ему и конец пришел.

Подвергнутая жесткой цензуре версия событий в гробнице, впрочем, Пэй-гуна удовлетворила. Кажется. Хотя бы на время. Он только вздохнул, обнял еще крепче и спросил:

- А... как ты его?..

- Кишки выпустила гаду, - отчиталась Люси и шмыгнула носом. - Воняло было... А потом он в прах рассыпался, насилу успели башку ему отчекрыжить. Ну и умаялась я, пиливши-то! Шея у злыдня была хоть и тонкая, словно у змеюки, а жилистая... Хорошо, Танечка сообразила мечом рубануть, а то целый день провозились бы!

Лю задумчиво выгнул бровь. Меч? Откуда же взялся меч? Но ловить хулидзын на оговорках и выпытывать подробности сейчас было не к месту и не ко времени. «Успеется», – подумал он.

- Значит, несчастный Цзы Ин все-таки убит злодеем? - Пэй-гун честно попытался скрыть неуместное облегчение. Еще бы! И самому руки марать не надо, и ответственность за судьбу последнего циньского правителя – с плеч долой, да и, если уж начистоту, наблюдать, как Сян Юн будет казнить парнишку, Лю не хотелось. А в том, что чуский князь потребовал бы казни маленького императора, ханец не сомневался.

- Ты вроде как даже рад!

Лю виновато развел руками.

- Смерти бедняги я не радуюсь, поверь, моя лиса, но...

- Но живой он всем только мешал, - вздохнула девушка. – Скажи, разве это справедливо?

- Нет, конечно. Тут и спорить не о чем. И если бы у меня была возможность предотвратить гибель Цзы Ина, я...

Хулидзын подозрительно прищурилась, но Лю ничуть не лукавил. Другое дело, что случая спасти парнишку ему не представилось, так ведь?

- О! – усмехнулась она. – Тогда я тебя обрадую. Ожил он.

- Как... ожил?

- А вот так! Дракона помнишь? Так вот это теперь он. Видать, кому-то там, - она ткнула пальцем вверх, в по-вечернему ласковое небо с легкими перистыми облачками: -

глянулся циньский мальчонка.

Лю озадаченно поскреб затылок.

- Дела-а... вот оно как, значит. Был Цинь-ван, стал лунь-ван? А что? Как по мне, так это самый наилучший исход! Стал драконом и привез тебя ко мне. Как раз вовремя, потому что драгоценный старший брат Юн уже аккурат к моей шее мечом примеривался. И, кстати говоря...

Он усмехнулся и подмигнул ей, но в этой ухмылке лукавства было вровень с горечью:

- Я даже знаю, почему вы полетели в Хунмэнь, а не на Цветочную гору. Сказать?

Девушка засопела, глянула исподлобья и отвела взгляд. Рука ее непроизвольно нашла в складках одежды глиняную рыбку и стиснула ее, будто фигурка могла снова ускользнуть.

- Скажи, раз знаешь. Я вот, например, до сих пор понять не могу, почему...

- Твой амулет, - Лю накрыл ладонью ее сжатый кулак, в котором притихла, затаилась половинка печати Нюйвы. - Твоя рыбка. Я так понимаю, что если бы печать Матушки Нюйвы открыла вам с сестрой дорогу обратно в ваш небесный мир, только бы мы с Сян Юном вас и видели. Так?

Люся закрыла глаза, пытаясь совладать с почти неуправляемым приступом злости. Хотелось заорать, прыгнуть с Верного и стремглав убежать прочь... или развёрнуться и впиться ногтями в лицо Лю Дзы. Выцарапать ему глаза, чтоб не смотрел! Порвать зубами губы, чтоб не улыбался! Он ведь попал, попал почти точно в цель. Было, от чего взъяриться.

- Нет, - сдавленным от ярости голосом проскрежетала девушка. - Не так! Не знаю, как Танюша, а я - я точно не смогла бы улететь, не попрощавшись! Что? Думаешь, мне духу не хватит сказать: «Я возвращаюсь домой! Мы прощаемся навсегда, Лю!» Считаешь, я струшу? Или стану колебаться?

Ее прямо-таки трясло от злости, а Пэй-гун продолжал улыбаться. Все так же, лукаво и горько.

- Отлично, - молвил он. - Теперь я уверен. Прежде чем улетать, ты придешь попрощаться. Но это будет не сегодня. И не в ближайшие дни, потому что послезавтра мы поженимся.

У их поцелуя был вкус мандариновой дольки: острый и пряный, с горечью, притаившейся в ароматной сладкой мякоти, словно капля яда в вине.

Лю Дзы, Люси и соратники

Чего у уроженцев Поднебесной не отнять, так это чутья на прибыль. И нет принципиальной разницы, в эпоху Воюющих Царств родился ушлый делец или в веке двадцатом, зовется он китайцем, ханьцем или чусцем - умение чутя выгоду остается прежним во все времена. Так думала Люся, и старый господин Люй служил ее мыслям живым подтверждением. Очень активным и шустрым подтверждением, особенно для человека столь почтенного по местным меркам возраста.

Они с Лю Дзы въехали в ликующий лагерь ханьцев в Башане, и не успела девушка избавиться от звона в ушах, рожденного гомоном, ржанием, свистом, гудением, рокотом барабанов, взвизгиванием флейт, дребезжанием гонгов и лязганьем мечей, колотящих о щиты - а господин Люй уже вынырнул из радостной толпы, склонился в земном поклоне, верткий и неотвратимый, как водяная змея.

- Только мне от этих славословий не по себе? - тихонько пробормотала Люся, пока

почтенный Люй Лу приветствовал «Хань-вана и небесную госпожу» так велеречиво, словно Пэй-гун уже нахлобучил на лохматую макушку императорскую шапку.

- Терпи, - вздохнул Лю, незаметно поморщившись. - Я же терплю.

- Ты у нас будущий Сын Неба, тебе терпеть положено. Привыкай! - фыркнула девушка и съехала наземь по гладкому боку Верного. Решительно поддернув рукава, небесная лиса хлопала коленопреклоненного Люй Лу по плечу и прошипела:

- Почтенный батюшка, вы бы Небеса не искушали, а? Мы от милостивого повелителя Чу едва ноги унесли, тут не до титулов пока. Вперед забегать не надо. И людей вокруг смущать – тоже.

Хитрый старик глянул на Люсю искоса и – хулидзын чуть не подпрыгнула от неожиданности! – лукаво подмигнул:

- Небесная госпожа изволила оговориться? Этот ничтожный торговец небесной госпоже покуда не отец.

- Но ведь станете, - девушка вздохнула, не скрывая тоски. - Договор дороже денег. Это такая поговорка небесная.

- А на Небесах знают толк в том, как держать слово! – Лю тоже спешил и подхватил свою лису под локоть: - Но моя госпожа устала, и ни к чему сейчас утомлять ее лишними разговорами. Мы с вами, почтенный Люй, и сами все обсудим.

Люся возмутилась бы, но она и впрямь устала, да и все уже было решено, поэтому вместо того, чтобы недовольно фыркнуть она протяжно зевнула и проворчала:

- Ванна. Еда. Постель. Остальное – твоя забота, Хань-ван.

- Не Хань-ван, - улыбнулся Лю. – Пока ещё нет. Но стану.

Зевая и отпихивая радостную «свиту», девушка пробралась в шатер, с трудом дождалась, пока ей наполнят бадью горячей водой – и заснула, едва ее затылок опустился на деревянный бортик. И, конечно же, во сне Люся не услышала и не почувствовала даже, как старый Ба, заглянув за ширму и смущенно поохав, послал за Пэй-гуном. Лю пришел, осторожно выловил свою мокрую лису из остывающей воды, обтер и уложил, как ребенка, накрыв двумя одеялами, чтобы его небесное чудо не простыло. И сам задремал, сидя рядом с постелью и положив голову ей на живот.

Засыпала она хулидзын, лисой-оборотнем Лю Си, а проснулась – небесной госпожой Люй, дочерью почтенного Люй Лу и сестрой проворного Люй Ши. Причем обнаружила это Люся неожиданно и внезапно. Спросонья даже не сразу сообразила, откуда в ее шатре взялась низенькая, замотанная в пестрые шелка тетка, похожая на матрешку. Эта решительная китайская мадам бесцеремонно сдернула с Люси одеяло и пронзительно завопила:

- Просыпайтесь, барышня Люй!

- Ась?

Пока ошарашенная таким напором Люся моргала и трясла головой, пытаясь проснуться, китайская «матрешка» пошла в атаку – ухватила девушку за руку и потащила с кровати. Точнее, попыталась. Небесная лиса терпеть не могла, когда ее хватали, а уж тем более – куда-то тянули. Особенно с утра. Гражданка Смирнова фыркнула, заломила незваной тетке пухлую ручонку, оскалилась и щелкнула зубами для острастки. Обычно на местных такое проявление недовольства действовало безотказно, и наглой бабе полагалось немедля плюхнуться на пол, начать отбивать поклоны и вопить о «ничтожной слуге,

достойной смерти». Но не тут-то было. «Матрешка» ловко увернулась и заорала еще пронзительней:

- Ну-ка немедленно вставайте, барышня Люй! А то я быстро научу вас почтительности!

Люся опешила и ущипнула сама себя за руку, не особенно, впрочем, надеясь очнуться от кошмара. Всякое ей снилось, разное мерещилось, но крикливых китайских баб прежде не бывало. «Может, я умудрилась проспять переворот, и вместо моего Лю тут теперь братец Цзи Синь командует?»

Но поразмыслить ей не дали. Неугомонная тетка снова попыталась ее схватить, на этот раз за ногу, и это было уж чересчур. Вряд ли китаянка специально собиралась вцепиться именно в больную лодыжку небесной лисы, но намеренно или нет, а впилась она ногтями именно туда. Люся заорала и из всех сил пнула агрессоршу свободной ногой. «Матрешка» с писком откатилась к дальней стенке шатра, как большой мяч из пестрого тряпья, а хулидзын, не теряя времени, вскочила с ложа и завопила:

- Эй, кто там есть! А ну ко мне, живо!

Но не надеясь на подмогу, вытащила из-под подушки чуский кинжал и выставила его перед собой, на случай, если непонятная тетка опять нападет. А то поглядывала отброшенная врагиня так, словно вот-вот снова бросится.

- Я убила Чжао Гао, – мрачно предупредила Люся. – Думаешь, тебя не зарежу, кошёлка?

«Матрешка» злобно зыркнула в ответ и уже явно собралась что-то ответить, но тут наконец-то полог шатра колыхнулся, и внутрь проскользнул Люй Ши.

- Драгоценная сестрица! - радостно всплеснул руками он. - Вы проснулись!

И осекся, заморгал, завертел головой, разглядев сразу всё: развороченную постель, взьерошенную «сестрицу» с обнаженным кинжалом в руках и шипящую себе под нос проклятия тетку.

- Ой, – по-девчоночьи пискнул Люй Ши. – А чего это вы? А?

Люся, убедившись, что агрессорша пока присмирела, аккуратно вложила подарок Сян Юна в ножны, но далеко убирать не стала, а демонстративно положила рядышком, чтоб под рукой был.

- Ну-ка, братишка, поведай мне, что происходит? - потребовала она. - Откуда у меня в шатре взялась эта... это... вот эта вот? - Люся ткнула в «матрешку» пальцем для наглядности. - И кто ей позволил тут распоряжаться? А еще, малыш, ответь-ка: почему эта женщина называет меня «барышней Люй»?

Люй Ши фыркнул, хмыкнул, поскреб затылок и вытер нос рукавом.

- Так с чего начать-то?

- С начала, - рыкнула Люся. - Вот прямо с самого начала и начинай.

- Ага. Понял. Эта вот почтенная женщина – сваха из Санъяна...

- Лучшая сваха Санъяна! - вдруг подала голос тетка. – Лучшая!

- ... всех, кто из циньской столицы к нам набежал, перетрясли, но кроме этой, никто не признался. А какая же свадьба без свахи-то? Вот и пришлось ее приволочь пред ваши очи, уважаемая сестрица.

Людмила посмотрела на охающую «матрешку» по-другому. Надо же, какая отважная. Не побоялась ни в лагерь мятежника Лю отправиться, ни к зловещей хулидзын в шатер войти, да еще и за ногу ее дернуть! Хорошо, за нос не укусила.

- Смелость, - молвила Люся. – Это хорошо. Я уважаю смелость. Здесь, в вашем... здесь, среди смертных, это редкий товар. Но вот наглости и хамства я не выношу ни в приближенных, ни в слугах!

Небесная лиса решила, что не стоит озвучивать очевидное – то, что она и сама отлично умела хамить и нагличать. И уж получше всяких древних теток! Кто в обжорном ряду Никольского рынка за пирожки с требухой не торговался, тот хамства и наглости не видал.

- Люй Ши, этой женщине объяснили, кто я?

Она сама удивилась, насколько высокомерно это прозвучало. Гражданка Смирнова, ты ли это? Откуда в кухаркиной дочке взялась этакая царственность? Самой-то не противно?

«Зверею я с ними», – грустно подумала Люся, но надменно вздернутый подбородок опускать не стала.

- Объяснили, небесная сестрица, как не объяснить...

- Значит, плохо объясняли! Недоходчиво! Иначе почему эта женщина посмела решить, что может коснуться меня без дозволения?

Тут даже ко многому привычный Люй Ши выпучил глаза. Никогда прежде он не слышал, чтобы простая и веселая хулидзын говорила так, как положено небесной госпоже.

- Отвечаю барышне Люй...

Каким-то древнекитайским чутьем «лучшая и единственная сваха Санъяна» почуяла: если сейчас смолчать, хулидзын вырвет ей печень. И сожрет, не позаботившись о приправах. Мало ли что там говорили! Дескать, и добра небесная лиса не по-земному, и нрава легкого и живого, и к людям почтенным – почтительна... Как бы не так! Ишь, глазищами зыркает! Видать, уже примеряется, куда бы честной Сы Нянь кинжал ткнуть, в глаз или в печень. А уж если дознаются, что Шелковая Тетушка никакая не сваха... то есть, не совсем сваха... совсем даже не сваха, если разобраться...

- Сы Нянь отвечает барышне Люй... - начала она, но хулидзын, оскалившись, непочтительно перебила женщину:

- Барышня Люй? Как ты меня назвала? Барышня Люй?

Примолкший было Люй Ши аж подпрыгнул, ужом извернулся и вклинился между Люсей и теткой:

- Так правильно ж, драгоценная сестрица, давеча, пока вы спали, батюшка жертвы предкам принес и в родовую книгу вас вписал. Вы ж его перед людьми отцом повеличали, а больше от вас и не надо ничего, согласие только... Сестрица? Небесная сестрица! Что это вы глазки так закатили?

Люся и сама не знала, злиться ей или смеяться, хохотать или лаять по-лисьи. Китайцы! Стоило ненадолго отвлечься, расслабиться – и уже подсуетились!

- А собственную свадьбу я, надеюсь, не проспала? - проворчала девушка, потирая лоб. С хитроумных ханьцев сталось бы и брачные обряды провести, пока небесная лиса дрыхнет, не чую лап.

- Не-не-не! – замотал головой парнишка. - Без вас, драгоценная сестрица, свадьбу никак нельзя! Но... это... того... без свахи тоже не получится. Так что вы сначала уж поженитесь с братом Лю, с Хань-ваном, стало быть, а потом уж и казните эту подлую бабу, как вам угодно.

- Барышня Люй! – немедленно взвыла сваха и с размаху стукнулась лбом об застеленный циновками пол. - Ваша слуга молит о пощаде! Слуга сожалеет! Слуга сожалеет!

Люся скрипнула зубами. Лодыжка, за которую ее хватала китайская «матрёшка», всё ещё ныла, в ушах звенело от визга, в глазах рябило от мельтешения пестрых шелков. И как в такой ситуации проявлять милосердие?

- Барышня Люй? – проворчала она. - Если уж на то пошло, то – небесная госпожа Люй. Посланница Яшмового Владыки, прожившая тысячу лет праведной жизнью небесная лиса, которой ведомы все тайны земли и Небес, собственноручно положившая конец злодеяниям мерзавца Чжао Гао. Неужели так сложно запомнить?

Еще совсем недавно гражданка Смирнова и в тифозном бреде не соорудила бы себе этакий громоздкий титул, а тем паче – не выговорила бы его без запинки и не дрогнув ни единой ресничкой, но... Противостояние с бесовским колдуном Чжао Гао в подземелье, полном смерти и ужаса, постоянная изнуряющая борьба с самой собой, а потом ещё и Лю – ах, этот Лю! – всё это не прошло бесследно даже для неунывающей Люси. Ее превратили в Люй-хоу, пока она спала? Что ж, теперь Люй-хоу они и получат!

- Слуга выучит! – причитала сваха, не переставая кланяться. – Слуга запомнит!

И Людмила, глядя, как пресмыкается перед нею чужая испуганная женщина, попыталась найти в глубине сердца сочувствие – и не нашла.

- Конечно, запомнишь. Если не умрешь.

Люй Ши тихонько шмыгнул, словно от холодной, пронзительной злости небесной лисы у парня в носу засвербело.

Людмила фыркнула, тщательно расправила складки халата и выпрямила спину так, будто не на походной лежанке сидела она, а стояла у балетного станка.

- Думается мне, братец, что нелишне будет переговорить с твоим... с нашим уважаемым отцом. Будь любезен, пригласи его сюда. Да скажи моим людям, пусть приготовят чаю.

- А... - недоуменно спросил парень. – Сестрица, а Хань-ван как же? Его-то позвать? Брат Лю, правда, как раз с посланцами Сян-вана разбирается, но коли ему сообщить, что вы проснулись...

- Позже, - мотнула головой Люся. - Не тревожь его. У Хань-вана свои заботы, а у нас, - небесная лиса показала зубы, – свои. Семейные.

Семейство Люй

Почтенный Люй Лу не сумел бы построить свою пусть маленькую, но собственную торговую империю, а тем паче не дожил бы до благородных седин, кабы не обладал особенным чутьем. Тем самым, что способно почуять, когда Небеса посылают благоприятный ветер, а когда – грозят губительным шквалом. И пока Люй Лу степенно шествовал в шатер своей новообретенной дочери, внутреннее его чутье прямо-таки криком заходилось: «Осторожно! Берегись, старый Люй, берегись! Остерегись, ибо пытаюсь ухватить за хвост феникса, немудрено и рук лишиться!» Поэтому мудрый старец спину согнул заранее, не дожидаясь, пока евнух откинет полог шатра. Пусть небесная лиса и не видит, но Небеса-то следят!

«Эта женщина сделает меня дедом императора, – напомнил себе Люй Лу, не поднимая взора от устилавших пол циновок. И, вздохнув, признал также: - Если не убьет, как убила Чжао Гао».

История с отрубленной головой главного евнуха, черном драконе и налетом на лагерь

Сян Юна успела обрасти такими подробностями, что ни один разумный человек ни за что бы в нее не поверил. Но Люй Лу не разменял бы шестой десяток лет, если бы в жизни руководствовался только доводами рассудка.

- Простолюдин Люй Лу почтительно приветствует небесную госпожу.

Большого нарушения традиций и представить нельзя. Он, почтенный, убеленный сединами мужчина, кланяется юной женщине, приемной дочери... Уж не ропот ли возмущенных этаким непотребством духов семейства Люй всколыхнул полотняные стенки шатра?

«Даже благороднейший из мужей склоняется перед Небесами, - одними губами прошептал оправдания Люй Лу. - Не гневайтесь, почтенные предки! Мало найдется тех, кто умер от вежливости!»

- Мой почтенный отец, верно, хочет, чтобы я от стыда сгорела, - возмутилась небесная лиса. - Прошу вас, уважаемый батюшка Люй, не кланяйтесь мне так, будто я уже владею... хм...

Хулидзын осеклась, и острый глаз Люй Лу заметил тень смущенного румянца на светлых скулах названной дочери. Нарочно ли она оговорилась? Или без всякого умысла сорвалось с бледных губ это нечаянное признание? «Будто я уже владею Поднебесной» - вот что собиралась она сказать. Или нет?

- Супруга Сына Неба должна привыкать к тому, что знатнейшие и почтеннейшие из мужей будут склоняться пред нею, - осторожно напомнил Люй Лу.

- Но я покамест еще не супруга Хань-вана.

- Но станете не позднее, чем минует завтрашний полдень.

- Вот тогда и рассудим, кто будет кланяться и кому. И как низко. А сейчас сделайте мне одолжение, батюшка, присядьте рядом и выпейте чаю.

Хулидзын не стала самолично наполнять чашку названному отцу - то ли нарочно не удостоила такой чести, то ли просто не выучила ещё этот обычай. Просто этак прищелкнула пальцами и указала пожилому евнуху, отиравшемуся рядом со входом, на чайник, дескать, налей. А когда Люй Лу прижмурил глаза, поневоле наслаждаясь ароматным паром, вьющимся над чашкой, тем же жестом отослала прочь всех остальных. Кроме одной.

- Ты, женщина. Остайся.

Люй Лу все подмечал, укрывшись чашкой, словно щитом. Неспроста он послал к «дочери» санъянскую сваху, недаром приказал той не бояться быть дерзкой. Хотел посмотреть, изучить, убедиться. Что ж, похоже, стратагема сработала. Или нет?

- Мне требуется ваш совет, уважаемый отец, - внезапно молвила хулидзын, глядя куда-то поверх головы задумавшегося Люй Лу. Тот чуть не обжегся от неожиданности.

- Что тревожит мою небесную госпожу?

- Вашу небесную дочь, - прохладно поправила лисица. - Дочь. Небесную. Это ведь важно, не так ли?

- Что обеспокоило мою небесную дочь? - тут же изобразил понимание Люй Лу.

- Присланная мне рабыня проявила дерзость и непочтительность. Ужасную дерзость и непочтительность... ммм... отвратительную. Как, по-вашему, мне следует поступить с мерзавкой?

Люй Лу про себя порадовался, что рожден человеком, а не, скажем, охотничьим псом, иначе не сумел бы скрыть мысли и чувства. Вздернулись бы торчком уши и хвост задрожал бы, как спущенная тетива. А человеку для того и дан разум, чтобы ничем своей радости не

выдать. Он не прогадал! Пусть лиса, пусть небесная, но его приемная дочь все равно оставалась женщиной, а любой женщине нужно руководство умного мужчины. Хулидзын напугана и растеряна, и без мужского совета не может справиться даже с такой малостью, как дерзкая служанка! Очень хорошо. Именно для того Люй Лу и послал к будущей госпоже Поднебесной эту, как ее... эту названную Сы Нян. И вот же радость: небесная лиса оказалась умна по-женски и стремится теперь опереться о надежного человека, а значит – будет повиноваться отцу. А кто управляет лисой, сможет и на Хань-вана повлиять.

- Конечно же, вам нельзя оставлять дерзкую слугу безнаказанной, – молвил Люй Лу, за собственным удовлетворением и самодовольством не заметив, как блеснули серебром очи названной дочери. - Что же вы сделаете с нею, дочь моя?

- Ничего, – ответствовала лиса. – Ничего не сделаю. До тех пор, пока не услышу ваш совет, уважаемый отец.

Ладони Люй Лу потирать не стал, даже улыбнуться себе не позволил, но прищур его сделался очень выразительным. А вот притихший мальчишка Ши-эр почему-то вдруг заерзал и как-то странно хекнул, будто то ли вздохом, то ли кашлем хотел на что-то намекнуть – но не решился.

- Вам надлежит немедля приказать забить мерзавку палками. Простолюдины должны испытывать к вам страх и почтение, моя небесная дочь, и преступление вашей служанки – хороший повод для того, чтобы...

- Чтобы хулидзын оскалила зубы?

- Чтобы Люй-хоу показала свой истинный нрав. При звуках вашего имени чернь должна трепетать...

- ... икать и пускать ветры от страха, да-да, - лиса ухмыльнулась, и Люй Лу осекся. Что-то пошло не так.

- Внушить страх и почтение, - продолжила она. – А начать с казни этой несчастной тетки, которая и сама не поняла, в какую игру вы ее втравили, уважаемый батюшка. Таков ваш совет?

Мудрые предки семейства Люй, чьи духи незримо витали в палатке, словно взбеленились, на сотни голосов крича: «Молчи, дурак!» Но Люй Лу не внял этим безмолвным воплям.

- Да, именно таков. Вы последуете ему, дочь?

- Я его выслушала, - молвила хулидзын, улыбаясь легко и безмятежно, словно невесомое облачко в полуденных небесах. - Выслушала и запомнила.

Санъянская сваха вдруг громко икнула и всхлипнула, елозя лбом по циновке. Лиса обратила на женщину ледяной взгляд и отчеканила:

- Ты. Ступай к почтенному Ба и передай, что небесная госпожа Люй приказала высечь тебя за непочтительность. Десяти ударов будет довольно. А потом умойся и возвращайся сюда.

Сы Нян, бормоча благодарности, выползла, неловко вихляя задом. Люй Лу приоткрыл было рот, чтобы... Возмутиться? Возразить? Он и сам не знал, а лиса не дала ему и слова вымолвить.

- Что до вас, уважаемый отец... Прежде чем я лишусь удовольствия и чести говорить с вами и дальше, ответьте на последний вопрос. Какое имя вы мне дали, когда назвали своей дочерью?

- Я спросил совета у Хань-вана, – признался Люй Лу. – И Хань-ван открыл мне ваше

небесное имя, госпожа Джи Ми Ла.

- А-а...

Поразительно, как улыбка этого небесного создания не заморозила все ручьи в округе? Люй Лу показалось, что в шатре, несмотря на по-летнему жаркий вечер, стало вдруг промозгло и зябко, словно задремавшее близ вершины Ли-шань облако сползло вниз и накрыло лагерь Хань-вана сырым туманом.

- Ваше имя отныне Люй Джи Ми Ла, и так записано в родовой книге семьи Люй.

- Люй Джи, – лиса вздохнула. - Люй Джи. Все-таки так. Ну что ж... Ступайте, почтенный батюшка. И ты, братец, ступай. Я полагаю, у вас полным-полно забот с предстоящей брачной церемонией?

Люй Лу вышел, повинувшись жесту мертвенно-бледной руки приемной дочери, и сына за собой утянул. Почтенный патриарх долго молчал, и Люй Ши смиренно топал следом, тоже помалкивая. А когда закат вызолотил верхушки трав за оградой лагеря ханьцев и западный ветер принес из полей вечерний стрекот цикад, Люй Лу усмехнулся и разомкнул уста:

- Да, сын. Я не ошибся. Когда Яньло-ван призовет меня, я уйду к Желтым источникам без сожалений.

- Э?

- Клан Люй ждет великая судьба, и этой женщине я почти готов доверить будущее нашей семьи. Ее – наши! - потомки будут править Поднебесной. Хочет она того или нет. Однако...

- Да, батюшка?

- Она умна, проицательна, но нужно что-то сделать с этим странным мягкосердечием, иначе до рождения потомков наша будущая императрица попросту не доживет.

Лю Дзы и соратники

- Нет! – Мудрый Цзи Синь с громким треском сложил веер и так глянул на побратима, что Лю инстинктивно пригнулся, но, впрочем, сразу выпрямился. Негоже победителю Цинь и будущему владыке Хань вжимать голову в плечи, когда один из соратников изволит выражать свое недовольство. Даже если оно, недовольство это, столь громогласно и яростно, что, того и гляди, с небес облака посыплются, будто перезрелые сливы.

- Нет! Тысячу раз нет! Если тебе так уж необходимо жениться на этой женщине, брат Лю, сделай это – но сделай, как положено! Не выставляй себя на посмешище!

- А чо не так-то? - топтавшийся неподалеку Фань Куай выглянул из-за плеча Лю Дзы, встретился с пылающим яростью взором Цзи Синя, сник и спрятался обратно. Попытка могучего богатыря укрыться за спиной Хань-вана от гнева разъяренного мудреца была бы смешной, если бы брат Фань и брат Лю не знали доподлинно, на что именно способен скромник Синь. На многое, скажем так.

- Да, братец, что не так с моей идеей? - примирительно поднял руки Лю. - Ты б, прежде чем орать, разъяснил толком.

- Что не так?! Да все! – Синь взмахнул веером, и оба побратима привычно увернулись, чтобы не хлопотать по носу. - Церемония должна быть сумеречной, понимаете? Сумеречная церемония! Это значит, что проводить ее надо в сумерках!

- Дык... А почему в этих, в сумерках-то?

- А потому, мой недалекий друг, что именно так испокон веков женятся князья и ваны!

Фань Куай поскреб в затылке, добродушно не заметив «недалекого».

- Эт, наверно, чтоб на угощении не разориться, - предположил он. – За день-то гости сколько всего сожрут и выпьют, хуже саранчи. А если ввечеру жениться, так опосля церемонии можно сразу за красные занавески того, удалиться. И кормить никого не надо, и поить. Сплошная выгода и, того, бережливость.

От такого простого и приземленного объяснения поэтического смысла сумеречной церемонии Цзи Синь даже ругаться не стал. Не смог потому что. А мог конфуцианец только рот разевать беззвучно, будто карп на песке. Лю утер выступившие слезы, всхлипнул и погрозил пальцем силачу-Фаню. Дескать, ты с наивностью-то не перестарайся, богатырь, а то как ляпнешь иногда, любого хитреца падучая прихватит от простоты твоей...

- А у нас в деревне... - мечтательно вздохнув, начал было Лю, но тут отдышавшийся Цзи Синь его перебил:

- Знаю я, как там женятся «у вас в деревне!» Никак! Эти ваши летние «встречи» - сплошной разврат и блуд! У какой девицы по осени живот вырос, ту и в дом ведут, и женой называют, будто так и надо...

- Народ наш мудр, обычаи его священны, а традиции аристократов пусть остаются князьям, - Лю поднял ладонь, прекращая дискуссию. – Я пока не Сын Неба и даже не владыка Хань. Лю Дзы Бан женится на небесной госпоже Люй Джи. Завтра после полудня. Закончим на этом.

Побратимы переглянулись, и Цзи Синь нехотя кивнул. Но конфуцианец не был бы собой, если б не вставил напоследок:

- Это если твоя лиса, то есть, наша небесная госпожа, не прикончит несчастную сваху. Ты был занят и не слышал, как вопила бедная женщина, когда ее пороли за палаткой по приказу твоей хулидзын. Осторожней, брат Лю. Как бы жестокосердная лиса не вошла во вкус!

- Раз пороли, значит, за дело, – фыркнул Пэй-гун.

- А я вот слышал, будто сваха-то нашу госпожу оскорбила, надерзила ей, а старый Люй вообще хотел эту вздорную бабу палками забить. Но наша госпожа помиловала ее, пожалела. Всего-то десять палок и отмеряла мерзавке, - возразил Фань Куай и добавил: - Я так точно прибил бы заразу за такие дела.

- Ну надо же, - скривился Цзи Синь. - Экое мягкосердечие!

- Ты уж определись, чем моя госпожа тебе не угодила – жестокостью или мягкостью! – рассмеялся Лю. - Хотя верней всего – тем, что она – моя.

И такая улыбка осветила лицо Пэй-гуна, что ни Фань, ни братец Синь не стали больше ничего говорить. Видно же – опьянел Лю Дзы от любви и предвкушения, а с влюбленного, как с больного, спрос невелик.

Люси и Лю Дзы

- Ненавижу китайцев! – ярилась хулидзын, сидя «за красным пологом», где трепетной невесте полагалось ожидать появления жениха. - Не-на-ви-жу! Сволочи узкоглазые! Паразиты! Это ж надо такое удумать! Да чтоб их всех скрючило и вывернуло! Чтоб они на понос изошли, упыри!

Совсем не такие чувства должны обуревать юную барышню в преддверии брачной ночи, но Люся, хоть и дрожала, то только от злости. Да что там – гражданку Смирнову натурально трясло.

А все потому, что прежде чем соглашаться на свадьбу с красавчиком-Лю, надо было выяснить предварительно, что эти брачные обряды собой представляют. Нет, Людмила, конечно, подозревала, что сволочи-китайцы наворотили вокруг этого дела массу заморочек, но как именно ей предстоит замуж выходить, небесная лиса не представляла. И спросить не догадалась. А очень зря.

Нехорошие подозрения зашевелились в душе Люси, когда она увидела свой «подвенечный» наряд. Нет, не цвет смутил девушку – против революционного кумача у нее предубеждения не было, если б надо было, то и в черное знамя анархистов гражданка Смирнова завернулась бы, как в фату, но... Загвоздка заключалась не в цвете, а в количестве одежд, в которые полагалось облачиться невесте. Семь! Семь слоев проклятых халатов, один другого длиннее и шире! Немудрено, что без посторонней помощи Люся передвигаться не могла, и ее водили под руки какие-то зашуганные девки, которых сваха притащила за собой из Санъяна. Служанки, к счастью, помалкивали. То ли побитая Сы Нянь их заранее предупредила, чтоб не болтали, то ли онемели со страха. И тут Людмила китайнок понимала. У самой язык к небу присох, когда она, прищурившись, разглядела свое мутное отражение в полированном бронзовом зеркале. Ярко-алая копна, да что копна – целый стог, на верхушке которого маячит мертвенно-бледное пятно – лицо, а глаза кажутся огромными, как у ночного зверька. И светятся. Жуть!

А потом ей на голову, не спросив, водрузили огромный, тяжеленный черный парик, из которого шпильки торчали так густо, будто это осиное гнездо лучники использовали вместо мишени. На каждой шпильке звякала длиннющая нефритовая висюлька. У Люси немедленно заболела голова, свело шею, а плечи и спина налились чугуновой тяжестью. И только она открыла рот, чтобы возмутиться, как на голову ей (поверх парика) набросили густо расшитое золотом красное покрывало, и протестующий вопль небесной лисы стих, задушенный слоями шелка. Смирившись до поры, Людмила решила перетерпеть, чтобы уж потом... Но и минуты не прошло, как она поняла – все силы уходят только на то, чтобы держать спину ровно и не завалиться набок. Окаянный парик почему-то перевешивал, и Люсю постоянно вело налево. Нет, совсем не так она представляла собственную свадьбу! Это при условии, если бы гражданка Смирнова вообще позволила бы связать себя брачными узлами, то есть, узлами. Любовь – дело, конечно, хорошее, но в новые-то времена, когда рушится целый мир, а на обломках прорастает что-то совершенно новое, к чему цепляться за отжившие правила? Только безденежье, эмигрантская нищета ограничивала Люсю, одно только это не пускало ее в огромный, гремящий, бурлящий и сверкающий мир. Если бы они с сестрой все-таки добрались до Америки, уж там-то, в колыбели джаза и логове синематографа, между Бродвеем и Пятой Авеню – ух она развернулась бы! Танечке, конечно, эти планы Людмила если и выдавала, то очень дозированно. Ни к чему было тревожить сестричку, да и в шанхайском вонючем чаду золотые грезы о калифорнийских холмах казались далекими-далекими и такими смешными...

Но вот она здесь, и вместо фильдеперсовых чулок, туфель на каблуках, безумной шляпки, платья с обложки «Харперс Базар» и боа из шиншиллы на ней наверчены целые рулоны тяжелого шелка, парик сдавил голову, а из-под покрывала вообще ни черта не видно. И эммансипированная и отчаянная гражданка Смирнова и шагу не может ступить без помощи

двух служанок, чтобы не перецепиться сослепу за подол. Ну разве не смешно? Обхохочешься!

Собственной свадьбы Люся так и не увидела, разве что услышала и почуяла. Когда прислужницы медленно, под руки, вывели ее из шатра, над лагерем в Башане сиял безоблачный полдень, но сквозь плотный красный шелк покрывала девушка все равно не могла различить ничего, кроме мельтешения темных пятен в алом тумане. Прическа и украшения тянули вниз, и Людмила поневоле опустила голову, пытаясь хотя бы под ноги посмотреть. Впрочем, ноги-то из-под подола тоже не показывались, и каждый шаг выходил осторожным и томительно медленным.

«Как на казнь ведут, ироды!» - промелькнуло в голове несчастной невесты, но не успела она додумать хотя бы эту мысль, как чуть не оглохла. Лагерь зазвенел, загудел, загалдел и затрещал. Все слилось в сплошной оглушающий грохот: радостные вопли, гудение труб, пронзительные трели флейт, звон мечей, лупящих о щиты. А уж треск, с которым взрывались китайские шутихи, призванные, как объясняли как-то Люсе, отпугнуть злых духов! О-о! Ей поначалу вообще показалось, что гранаты рвутся, и если бы не крепко ухватившие ее за локти служанки, небесная лиса по навсегда ввевшейся в кровь привычке метнулась бы на землю и поползла к ближайшему укрытию. Но не позволили, паразитки, вцепились, будто клещи в собачье брюхо! Видать, что-то такое подозревали, а может, папаша-Люй предупредил, что лиса может в последний момент передумать, вильнуть хвостом и раствориться в небесной синеве.

«Или Лю, – мрачно подумала Люся, сосредоточенно переставляя ноги. – С него станется, гада хитрозадого!»

Видит бог, будь у Людмилы и в самом деле девять хвостов и лисья изворотливость, в тот момент она и впрямь улизнула бы, и поминай как звали. А ведь Нюйва предлагала хвостами одарить, а она, дурочка, отказалась! Зря отвергла предложение богини, ох как зря!

В общем, не прикрывай чело небесной лисы алое покрывало, на счастливого жениха и ликующих гостей свеженареченная барышня Люй зыркнула бы так, что любой бы усомнился, а стоит ли вообще эту свадьбу затевать? Но, похоже, эти китайские наряды придуманы были не просто так. Люся явно не была первой невестой, чьей перекошенной злобной рожей можно довести гостей до икоты.

- Первый поклон – земле и Небу!

Голос у свахи был настолько пронзительный, что, казалось, будто он вонзился в шум и гомон, как копьё, брошенное рукой великана. Умолкли все, и даже трещотки перестали трещать, а шутихи – стрекотать. Люсю настойчиво подтолкнули под локти, и хулидзын медленно, стараясь хоть как-то удержать на голове сползающий парик, наклонилась вперед. Там, слева, за завесой вуали, угадывалось темное пятно, жених, то есть.

- Я тебя удавлю, Лю, – успела прошипеть Люся, прежде чем распрямиться.

- Второй поклон – родителям!

Из родственников на церемонии присутствовали только старый Люй и его младший сын, вот почтенному Люй Лу и пришлось отдуваться за всех. Кланяясь, Люся успела подумать: а что же Лю Дзы? Она ни разу не удосужилась спросить, где его родители. Не спрашивала, а сам он не говорил. Вдруг в довесок к красавчику-Лю и его, помилуй, Господи, «братцам», Людмиле достанется еще и целое семейство человек так под сорок? И эта, как ее, свекровь?

«Боже упаси! Тогда точно сбегу».

Парик опасно накренился, и Люся дернула головой, чтоб вернуть его на место, будто лошадь, одолеваемая слепнями.

- Третий поклон – друг другу!

- Я тебе печень выем, - шепотом посулила девушка. – Всю!

- Невесту провожают в свадебные покои!

«И это всё?!» - чуть не заорала Люся, когда ее тем же порядком повели... куда-то. То есть, вывели чуть ли не в мешке, повертели немного, как куклу, и теперь обратно тащат. А сами-то веселятся, сволочи! Ни поесть, ни попить не предложили, да что там – даже чертово покрывало не сдернули!

- Госпоже надлежит теперь ожидать супруга, – прочирикала невидимая прислужница, усадив хулидзын на кровать. И девки упорхнули, хихикая, а небесная лиса осталась одна.

За тонкой полотняной стенкой шатра радостно и пьяно гулял лагерь Пэй-гуна. Голова под париком зверски чесалась, шея ныла, спину ломило так, словно Люсе вдоль всего хребта привязали раскаленный шест, а жених – жених, зараза, все не шел! Ну как тут не возненавидеть проклятых китайцев, скажите на милость?

Лю Дзы и Лю Си

День был прекрасен, и мир был чудесен, и солнце сияло в высоких и чистых небесах, а уж как бесподобна была укутанная в алые шелка невеста – это просто словами не передать! Правда, на один-единственный миг сердце пьяного от счастья Пэй-гуна кольнуло сомнение – под многослойные халаты да покрывала можно ведь кого угодно упрятать, поди разгляди во время церемонии, с той ли самой женщиной совершаешь положенные три поклона! – но хулидзын, кланяясь, прошипела из-под покрывала что-то неразборчивое, но сердитое, и Лю опять расцвел. Она! Видит Небо, это и впрямь она! Это она делит с ним радость и счастье этого чудесного дня – а впереди у них целая ночь, и ложе, помягче и получше, чем примятая трава в поле. И еще одна, и еще – тысяча дней и ночей, десять тысяч!

Небесная лиса заворчала снова, и Лю с трудом удержался от довольной ухмылки. Переживает, милая. Может, даже... а почему бы и нет? Может, даже трепещет! «Я не заставлю тебя ждать, - думал он, пока невесту бережно, под руки, вводили в шатер, ставший на этот день брачными покоями. - Нет, не заставлю!»

Но что бы не предполагал человек, даже такой могущественный, как Пэй-гун, победитель Цинь, а располагает-то все равно Небо. И тут Небеса, похоже, решили покуражиться над нетерпеливым женихом. Ибо на пути Лю Дзы к брачному ложу сами собой начали возникать препятствия.

Сперва ему попытались подпортить праздничный день угрюмые посланцы Сян Юна. Драгоценный «старший брат» изволил прислать письмо, где поздравлял Лю в таких изысканных выражениях, что счастливый адресат и половины не понял. Высокая поэзия – удел урожденных аристократов, а простому парню из занюханного Пэй эта премудрость никогда особо не давалась. Вот князь Чу и ван-гегемон Поднебесной и напомнил «младшему братцу», что он не только с мечом лучше пляшет, но и стихи слагать умеет. «Тьфу на тебя! – мысленно трижды сплюнул Лю, не переставая благостно улыбаться. - Чтоб тебя расперло и скрючило, братан!» Дочитывать, что там Сян Юн понаписал, ему не хотелось. Успеется! Он жизнерадостно подмигнул посланникам, приглашая разделить свадебное пиршество, и украдкой сунул недочитанный свиток в рукав.

Кстати, о пиршестве. Как не уворачивался жених, как не пытался улизнуть, а череда желающих поднять с ним чарку была слишком уж длинна. Прямо окружили, паразиты, обложили со всех сторон! И нарядные богатеи, и лихие вояки, и даже какие-то лохматые и щербатые личности, похожие на разбойничьих главарей, только-только спустившихся с гор. Уж этих Лю точно знать не знал, а поди ж ты! Народу-то собралось, народу!

- Братцы! – расчувствовавшись, Пэй-гун поднял кубок. – Веселитесь! Ешьте и пейте вдоволь! Пусть в этот радостный день никто не останется голодным и трезвым!

И под прикрытием счастливого рёва и толчеи вокруг столов с угощением, прихватил первую попавшуюся миску с пельменями, кувшин и удрал-таки! словно воришка, могущественный герой прокрался между палатками, погрозил кулаком открывшим было рты для приветственного вопля встречным бойцам и, прежде чем кто-нибудь снова попробовал преградить ему путь к свадебному шатру, шмыгнул внутрь.

- Уф... Теперь уж не достанут! – выдохнул Лю и призывно побултыхал вином в кувшине: - Лисичка моя! Я иду! Ты где пря... А?!

И не надо винить отважного Пэй-гуна за этот испуганный возглас. Ибо зрелище, явившееся его взору, способно было устроить самого могучего богатыря.

На устланном циновками полу откуда-то взялся неопрятный тюк цветного шелка, будто кто-то, намереваясь зло подшутить над женихом, вытряхнул среди свадебного шатра мешок с награбленным впопыхах тряпьем. Куча эта слабо копошилась, словно пыталась уползти. Сие непотребство венчал спутанный комок черных волос, из которого во все стороны торчали... Лю поначалу показалось, что стрелы. словно славные его лучники, приняв «это» за мстительный дух неуспокоенной девственницы, пытались пристрелить призрака, но все время попадали вкривь и вкось.

- Ох... - выдохнул Лю, лишь чудом удержав руку, которая так и норвила запустить в жуткое видение миской с пельменями.

Заслышав его голос, куча завозилась активней, шустрее, и меж тяжелых складок – о, Небеса, да это же свадебные одежды его хулидзын! – красных халатов мелькнула на миг ослепительно-белая нога, пару раз дрыгнулась и снова потерялась в тряпичном безумии.

- Ю! Йа ея ую! – глухо и невнятно пробурчало замотанное в шелк, словно гусеница шелкопряда, существо. - Тьху! Проклятый парик!

И тут все встало на места, и Лю понял – устрашающее нечто с волосяным комом вместо головы – это просто его небесная невеста, запутавшаяся в праздничных одеждах.

- Разве тебе не сказали, что ты должна сидеть смиренно и ждать?

Люси, отплевываясь от лезущих в лицо волос, замерла и зыркнула на него так, что сболтнувший лишнее жених на всякий случай попятился.

- Сидеть? Ждать? Тебя дождешься! – прорычала невеста не хуже настоящей лисы и так яростно мотнула головой, что парик опять сполз и закрыл ей лицо. Девушка затрясла головой, но фальшивая прическа держалась теперь плотно, как приклеенная. Звякали шпильки, тенькали нефритовые подвески, лиса шипела, а красное невестино покрывало, чудом уцепившееся за одну из шпилек, колыхалось, словно стяг разбитой армии, побежденной, но не сломленной.

- Ох... - вымолвил миглом раскаявшийся Пэй-гун и поспешил на помощь. - Да не дергайся ты! Благие Небеса, они его гвоздями приколотили, что ли?

Впрочем, избавить невесту от такого жестокого украшения ему все-таки удалось. Люси всхлипнула от облегчения и ткнулась лбом ему в плечо, сразу перестав злиться.

- Я думала, что помру, пока дождусь, - пожаловалась она. – Шея, спина, голова... Лю, а не проще было сразу меня удавить, а? Зачем мучить-то?

Лю виновато засопел, распутывая узел, в который безжалостно закрутили собственные волосы хулидзын, потемневшие и слипшиеся от пота. А когда покончил с этим, взялся за перекрученные и спутанные концы ее кушака – и вопросительно замер.

Люся вздохнула, оценив эту деликатность, и пробурчала:

- Чем быстрее я избавлюсь от этих пыточных халатов, тем лучше. Сама я не сумела, как видишь.

- Вижу-вижу, - даже у Пэй-гуна сходу не получилось совлечь одежды с нетерпеливой невесты. Завязок и узлов было великое множество, и большинство ни пальцам, ни зубам не поддавалось. – Ты лучше ляг. И лежи тихонько, я сейчас ножом попробую.

Может, кому-то методичное срезание многослойных одежд с небесной лисы и показалось бы такой любовной игрой в стиле Захер-Мазоха (да, любопытство и доступ к отцовской библиотеке творят страшные вещи с эрудицией юных дев), но и Лю, и Люся всего лишь синхронно вздохнули, когда со всеми семью халатами было покончено. Оставшись в исподнем, освобожденная лиса села, расправила плечи и повертела туда-сюда головой, разминая шею.

- Ох, божечки, ну наконец-то! Просто кошмар, а не свадьба. Нарядили, как куклу, вертели, крутили, кололи шпильками, поесть не дали... Лю! Ты поесть принес?

- А как же! – Пэй-гун дотянулся до миски с остывшими пельменями и выставил ее вперед, как дар при капитуляции. - И вина кувшин... почти полный. Кушай.

Насквозь промокшая на такой-то жаре да под таким количеством тяжелых одежд рубашонка интригующе липла к белой коже хулидзын, не скрывая практически ничего. Лю тяжело вздохнул и отвел взгляд. Бедняжка и так настрадалась за день. В конце концов, теперь можно ведь и подождать...

- Спина болит, – скушав три пельменя и деликатно облизнув пальцы, пожаловалась лиса. – Ужас как ломит. Вот скажи мне, Лю, как ваши женщины такие издевательства выдерживают, а главное – зачем?

Тот только пожал плечами. В его родном городишке Фэн нравы были существенно проще, и свадебные обряды, соответственно, тоже. Но невесте Пэй-гуна не пристало выходить замуж, словно черноголовой крестьянке, обходясь одним лишь красным покрывалом да чистым ханьфу.

- Давай я тебе плечи разомну, – предложил он. – Я умею. Ложись на живот, вот прямо поверх этих проклятых тряпок.

Люся послушно спустила с плеч одежду, улеглась и только глухо охнула, когда жесткие пальцы Лю принялись за дело. В затекших шеях и окаменевших от усталости мышцах Пэй-гун понимал получше иного мудрого даоса, и если уж разминать плечи, так на совесть. Хулидзын даже пару раз пискнула и дрыгнула ногами от боли, но потом расслабилась, притихла, а когда он ненадолго прервался, повернула голову и глянула искоса, через плечо:

- А сам-то когда от своей сбруи избавишься, хе, муженек? А?

Глаза ее лукаво блестели, и вообще небесная лиса стала больше похожа на живую женщину, а не на линялое, дурно набитое чучело.

- А как же спина? - поддел ее Лю, торопливо разматывая собственный пояс.

- Да бог с ней, со спиной, - отмахнулась Люся. - И вообще – ты же умный, вот и

придумай, как нам и дело сделать, и ничего не защемить. И не прижать. И не помять.

Пэй-гун довольно ухмыльнулся, удивленный и обрадованный таким энтузиазмом. Похоже, что свадьба все-таки начала входить в рамки традиций! Уж он-то, конечно, знал, как именно можно совершить положенные супругам действия, чтобы ни спина, ни шея, ни прочие части тела его нежной лисы не пострадали. Опыт у красавчика-Лю имелся немалый.

Хулидзын перевернулась на спину и, полулежа, одобрительно наблюдала, пока Лю выпутается из красных свадебных шелков. И они, уж конечно, «сделали бы дело», да и не раз, но тут Небеса усмехнулись и снова напомнили, что все в жизни смертных зависит от воли Неба. Даже постель. Даже с собственной женой.

- Что это?! – Люся чуть не подпрыгнула из положения лежа, когда прямо на нее, выскользнув из рукава, который нетерпеливо тряс Лю, шмякнулся какой-то свиток. Пэй-гун скривился и зашипел сквозь зубы. Проклятое письмо треклятого «старшего братца!» И так не вовремя!

- Письмо. От Сян Юна.

Свиток упал прямо на живот небесной лисы, едва прикрытый тонким шелком, и порядком отвлек Лю Дзы от этой последней преграды.

- С поздравлениями? – Люся с любопытством покрутила свиток и ненароком развернула его. Лю снова зашипел.

- В основном – да. Но я не дочитал.

- Ко мне торопился? – подмигнула девушка и предложила: - Ну так давай дочитаем вместе, чтобы уж хоть с одним делом покончить. А потом – продолжим.

Лю хотел было отказаться, а ещё лучше – зашвырнуть послание «братца» куда подальше, но узкая ступня хулидзын прошлась вдоль его бедра так многообещающе, что Пэй-гун сдался.

- Хорошо. Сейчас... где я там остановился?..

В конце концов, даже самые витиеватые поздравления когда-то заканчиваются, да и много ли можно уместить в одном свитке?

Но оказалось, что не просто много, а даже слишком. Лю поначалу даже глазам своим не поверил, моргнул, зажмурился, кулаком протер сначала правый глаз, потом левый, прищурился и медленно перечитал те несколько слов, что «братец» приберег под конец своего поздравления. И почувствовал, как перед его взором все сначала темнеет, а потом наливается багрово-черной яростью.

- Лю! Лю!

Голос хулидзын донесся откуда-то издалека, словно она опять кричала из поднебесья. Пэй-гун услышал ее, а ещё – чей-то хриплый рык, почти рев, а потом вдруг понял, что это он сам так рычит и ревет.

- Лю! – рывкнула лиса прямо ему в ухо и, отчаявшись докричаться, просто отвесила ему звонкую и тяжелую оплеуху. - Очнись!

- Я удавлю этого чуского хорька! – прорычал Пэй-гун. - Этот подлый гаденыш, этот... - он задохнулся. Лю Дзы чуть ли не впервые в жизни не хватило слов. – Я его лично разрублю на тысячу маленьких чуских засранцев! Ты знаешь, что он сделал?! Ханьчжун! Он по-жа-ло-вал, - Лю выговорил это «пожаловал», словно сплевывая каждый слог: - По-жа-ло-вал! Мне! Титул Хань-вана!

- Но?..

- Но вместо Хань отдал мне Ханьчжун!

Лиса нахмурилась, словно пыталась вспомнить что-то, ухватить какую-то неуловимую мысль...

- Но титул он тебе дал?

- Титул! – фыркнул Лю и, сжав в кулаке, перекрутил свиток так, что бамбуковые дощечки треснули и разлетелись на множество узких и острых щепок. – Титул! Толку мне с этого титула?! Он обещал мне Хань! Мы договорились! А теперь... - отшвырнув ошметки послания, он провел дрожащей рукой по лицу, оставляя кровавый след. - Теперь я получаю сраный Ханьчжун! Да я этому хитрожопому чускому гаду этот титул в глотку затолкаю.

И, судя по тону, это обещание было убийственно серьезным.

- Ханьчжун... - задумчиво молвила Люся и погладила его по руке. - Что-то знакомое... Там еще мосты были, что-то про мосты я помню... Не злись. Это значит всего лишь то, что ты начнешь с Ханьчжуна.

- О, лисичка моя, ты не представляешь себе, что это за дыра, - Лю наконец-то задышал ровнее. - Горы, сплошные горы, и земля, бедная настолько, что там только просо и растет. Царство нищих – вот что это такое. В самый раз для вана черноголовых голодранцев.

- Тем больше причин не останавливаться на Ханьчжуне, – пожалала плечами Люся. – Ты так и так собирался завоевывать Поднебесную. Вот тебе и повод сделать это побыстрее.

- Я тебя люблю, – серьезно сказал Пэй-гун... нет, уже Хань-ван и поцеловал свою лису. – Моя Люй-ванхоу.

- А?

- Если я стал Хань-ваном, значит ты теперь – ванхоу. Царица для царя оборванцев. Да! Мы начнем с Ханьчжуна, а затем, одно за другим, будем отбирать у Сян Юна княжество за княжеством, до тех пор, пока я не загоню его к Восточному морю. И тогда...

- Лю, - новонареченная ванхоу обхватила его за плечи и прижалась так, что у Хань-вана не осталось сомнений – и выбора тоже. - К чертям собачьим Сян Юна. Забудь. У нас с тобой свадьба, помнишь? Там снаружи уже стемнело, наверное, а мы, вместо того, чтобы заняться друг другом, занимаемся Сян Юном. Может, проще было его третьим пригласить?

- Вот еще! Обойдется, - хмыкнул Лю и окончательно избавился от своего халата. И уже потянулся к завязкам на последних одеждах своей лисы, как вдруг...

- Да что ж это такое-то! – всплеснула руками хулидзын, не зная, злиться ей или уже смеяться.

Да! Их опять отвлекли и прервали. Воистину, в тот день Небеса изрядно покуражились над Хань-ваном и его ванхоу. «Может, это все неспроста? - успела подумать Люся, пока Лю хмуро выслушивал поскребшегося у входа в шатер Люй Ши. - Может...»

Додумать она не успела. Лю вернулся и, подобрав одно из ее свадебных ханьфу, протянул ей:

- Накинь. И выгляни наружу.

- Что-то случилось?

- Выгляни.

Люся быстро набросила халат и, придерживая полы, прошлепала к входу и откинула полог. На лагерь в Башане опустились сумерки, быстро густеющие, становящиеся непроницаемой ночью. А еще на лагерь, еще недавно шумный, пьяный и веселый, пала тишина. Словно десятки тысяч человек разом смолкли и затаили дыхание.

- Что?..

- Взгляни, – неслышно подошедший сзади Лю взял ее за плечи и развернул лицом к

югу.

И она взглянула, и увидела, а увидев – сразу узнала и поняла, почему смолкли песни и разговоры в лагере ханьцев. Женщине, прошедшей сквозь огонь Гражданской войны, нетрудно узнать и понять, что означает высокое, в полнеба зарево в ночи.

- Там Санъян, - ответил Пэй-гун на ее невысказанный вопрос. – Мой Санъян. И он горит.

Сян Юн и Таня

Сян Юн во главе войск выступил на запад. И уже никакая сила не могла спасти Санъян, отданный на разграбление. Тане же оставалось лишь покорно ждать его возвращения в Хунмэньском лагере, а потом с содроганием вглядываться в зловещее зарево полыхавшее всю ночь там, куда совсем недавно опустился солнечный диск. Закат империи Цинь получился кровавым и страшным. И девушка даже не могла винить чуского князя. И вовсе не потому, что он – дитя своей эпохи, не ведающий о прощении и милосердии. Разве спустя двадцать два века христиане, вот уже девятьсот лет как крещеные, вспомнят о Христовых заповедях, когда ринутся грабить, насиловать и убивать, убивать, убивать друг друга без счета и без жалости? Кто знал, что в одночасье испарятся века культуры и цивилизации и наружу вылезет звериное нутро? Так почему солдаты армии чжухоу хуже коммунаров-ЧОНовцев?

Потом, спустя полвека, ханьский историограф, взглянув на развалины, хладнокровно запишет на бамбуковой пластинке несколько иероглифов столбиком. Мол, чуский генерал Сян Юн с войском вырезал население Санъяна и поджег циньские дворцы и палаты,и, где бы он ни проходил, не оставалось ничего не разрушенного. А от себя добавит только убийство сдавшегося циньского правителя Цзы Ина, посчитав, что ещё один грех не так уж сильно отяготит душу давным-давно мертвого врага первого императора династии Хань. Почему так будет? Возможно, потому что небесная госпожа Тьян Ню выводит сейчас мягкой кисточкой ту же самую фразу, старается, пыхтит над каждой закорючкой. Она, слава тебе Господи, не видела разорение Санъяна своими глазами, она, а точнее автор хроник – некий Сунь Бин, может ограничиться одним предложением.

- Моя госпожа заболит, если будет столько времени проводить над свитками,точно писарь какой-то, - деликатно напомнил глава телохранителей, вызвавшийся лично растирать для небесной девы тушь. - Вот и глазки покраснели. И спинка, поди, уже болит.

И верно, шея не гнулась, а глаза, уставшие бороться со сгущающимися сумерками, слезились. Светильник почти догорел. Таня ещё раз полюбовалась на творение рук своих, свернула аккуратно свиток и спрятала его в кожаный мешочек для пушей сохранности.

- Вот и славненько, – обрадовался Сунь Бин, вытирая ладони от пятен прямо об полы халата. - Девочка щас кликну, чтобы спать мою госпожу уложили.

Спорить с телохранителем себе дороже. Начнешь возражать – ничтожный раб уткнется лбом в пол или того хуже, станет ползать следом и молить о милости, и не отстанет,и все равно будет так, как он считает нужным. А потому упираться Таня не стала, хотя спать не хотелось. Но на прощание все же спросила:

- А почему ты остался со мной, дядюшка? Почему не ушел в Санъян? Обойдут ведь тебя при дележе добычи.

- Я не жадный, – чусец прижмурил свой единственный глаз. – Главнокомандующий и

так озолотил этого недостойного слугу по слову его небесной госпожи. Я старый, у меня всё есть.

- Так не бывает. А как же слава?

- Славой кашу не заправишь, - отмахнулся Сунь Бин. – Мне достанет того, что моя добрая госпожа будет помнить о своем слуге.

Таня смутилась и промолчала, но, уже засыпая, подумала: «Я для тебя стараюсь, Сыма Цянь - сын придворного звездочета, для твоей славы, которая переживет века. И верю, ты хотя бы один раз обмолвишься о Сунь Бине».

Из разграбленного и сожженного Санъяна чуский князь вернулся, словно из увеселительной прогулки, со счастливой улыбкой на устах и всецело довольным собой. Вперед по дороге в хунмэньский лагерь он оправил последний караван награбленного добра, а сам спешил и, поручив Серого ординарцу, шагал по пыльной обочине, наигрывая на флейте. Таня глазам своим не поверила: идет простоволосый, чумазый, чуть не приплясывая в такт журчащей, пронзительной мелодии, и жмурится на солнце по-кошачьи беззаботно. Она смотрела на всё это безобразие с высоты дозорной башни и думала почти с нежностью: «Мерзавец. Ни стыда, ни совести». На него даже злиться было бессмысленно. Ужасный век, ужасные сердца!

Под радостные вопли ликующего войска Сян Юн вступил в лагерь и тут же оказался окруженным счастливыми соратниками. Война закончилась, отчего ж не покричать здравицы удачливому главнокомандующему? Карманы набиты циньскими сокровищами, в палатках ждут первые столичные красавицы, миски полны мяса, а чарки - вином. Вот она – победа. И никто, ни единый человек в лагере не разделит бы Таниного недовольства, вздумай она поведать о своих мыслях. Менее двадцати лет назад циньцы завоевали Чу огнём и мечом с не меньшей жестокостью, а прощать поверженного врага здесь никто никогда не умел.

- Тьян Нью! - крикнул Сян Юн и помахал рукой, призывая спуститься.

Но Татьяна не стала торопиться. Ей хотелось поговорить, и чтобы рядом не крутился Мин Хе, а так же Сыма Синь, Гэ Юань, Ли Чжан и еще полсотни приближенных, отличающихся острейшим слухом.

В хорошем настроении Сян Юн лишней гордостью не страдал и, не дождавшись невесту на земле, сам поднялся к ней. Взлетел, если точнее, по лестнице, торопясь вручить подарок:

- А это вам, моя небесная госпожа!

Букет, состоящий из каких-то садовых цветов и придорожного бурьяна, слишком долго провел за пазухой под кожаным доспехом, успел порядком слежаться и пропитаться потом, но в сочетании с шальным от счастья взглядом *l'homme terrible* **10**, он сразил Таню наповал. Сердце её против воли забило как сумасшедшее, щеки порозовели от удовольствия.

«Псих ненормальный! Еще и смеется, точно что-то хорошее сделал».

- Так я прощен? - обрадовался чуский князь. - Вы больше не злитесь на меня?

- А у меня есть повод не злиться? – Таня тщательно попыталась нахмуриться, но губы сами собой улыбались, не желая подчиняться.

И как кошка знает, чье мясо съела, так и древнекитайский генерал отлично знал, в чем провинился.

- Клянусь предками, я не отдавал такого приказа - жечь этот проклятый город! Само

как-то вышло. Где разгром, там и пожар. Оглянуться не успел, а Санъян уже горит.

- И некому было потушить?

- Точно! Как вы догадались?

И голову к плечу склонил эдак умилительно, прикидываясь паинькой.

- Да забудьте вы про этот город. У нас впереди столько всего... – Сян Юн зажмурился в предвкушении, а потом поспешил обрадовать Тянь Ню: - Раздам земли верным соратникам, в первую очередь тем, кто пошел со мной через заставы. И этому вашему драгоценному Пэй-гуну тоже перепадет, кстати. Я свои обещания держу. Объявлю себя самым-самым главным. Каким-нибудь... э... ваном-гегемоном.

- Хороший план, – вздохнула Таня, услышав ровно то, что и ожидала. - А потом же что?

- О! Вам тоже нравится идея с ваном-гегемоном? - обрадовался чусец - Самое оно, да? Я тут подумал, что ваш муж должен иметь высокий титул, чтобы небесной деве не зазорно было замуж выходить.

- Это вы так напоминаете мне про будущую свадьбу?

- Не слишком изящно получилось, - сразу же признав, что хитрость не удалась, раскаялся генерал. - Но вы же не боитесь меня больше?

Таня задумалась: «Боялась? Вот уж чего нет, того нет. Хотя, конечно, боязно немного...»

Её молчание было истолковано по-своему:

- Тогда играем свадьбу.

И не успела та и рта раскрыть, как Сян Юн уже развернулся и крикнул на весь лагерь:

- Завтра я женюсь! Я женюсь!

И обнял невесту крепко, но осторожно, и при этом настолько целомудренно, что у Тани слезы на глаза навернулись.

«Ну может ведь, когда хочет! Может быть цивилизованным человеком. Деликатным, терпеливым и нисколько не грубым»

- А потом мы вернемся в Чу. Вместе, - выдохнул князь и подставил загорелое лицо ветру. - Пропади этот Гуаньжун пропадом. Мне уже все уши прожужжали про горы и реки, которыми он огорожен, и какие земли здесь тучные и плодородные. Как будто в Чу земля хуже. Мол, здесь надо основать столицу и господствовать над всей Поднебесной, как это делал старый циньский ван. Тьфу!

- Но вы не хотите быть императором и мечтаете вернуться на восток.

Планы Сян Юна, если их и в самом деле осуществить, могли его же и спасти. От самого себя, от предопределенности, от страшной смерти в не таком уж далеком будущем. Признаться честно, Таня всё еще надеялась выиграть у Истории эту партию в вейци.

- А что тут плохого-то, скажите на милость? Почему нет? - возмущенно фыркнул Сян Юн. – Так уж зазорно вернуться в родные края знатным и богатым? Показать новое платье при свете дня?

- Нет, ну почему же...

- Вот! А один умник уже доумничался. Обозвал нас, чусцев, умытыми мартышками в шляпах. Умытыми! А у самого-то глаза закисли.

- И что вы с ним сделали? – шепотом спросила девушка.

- Приказал сварить живьем.

- Что? – задохнулась Таня.

- Да не помню я! - раздраженно отмахнулся все ещё обиженный за своих земляков генерал. – Но этот гад болтливый теперь умывается в Желтых Источниках, это точно.

Он задумчиво поскреб макушку, окончательно растрепав пучок, сколотый шпилькой.

- Хотя, может, и сварили... Нет, не помню.

- Вы... Да вы издеваетесь!

- Ага! - расхохотался Сян Юн, подхватил девушку на руки, словно пушинку, и быстро-быстро спустился на твердую землю с извивающейся ношей. - Не деритесь! А то буду на собственнй свадьбе весь в синяках, как какой-нибудь циньский босяк.

- Может быть, все же поставите меня на землю? - смущенно попросила Таня. - Все смотрят, мне целовко.

Но главнокомандующий уже придумал новую забаву. Сян Юн сделал вид, будто выполнил просьбу, и тут же закинул небесную деву себе на спину, подхватил ее под коленками и расхохотался:

- Я теперь - ваш дракон, Тьян Нью! Полетели!

- *Enfant terrible* 11!

Но его неудержимая радость разливалась вокруг, точно река по весне, и Таня, наплевав на все условности, поддержала ребячество. С воплем: «Н-но, залетные!» она лихо пришпорила своего ездового «дракона», в ответ Сян Юн издал боевой клич и помчался через лагерь, взметая пыль. И не было в этот миг, наверное, во всей Поднебесной людей счастливей этих двоих.

10 - ужасный человек (фр.)

11 - ужасное дитя (фр.)

Но, как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Никто не стал играть свадьбу прямо на следующее утро. Брак, тем паче брак правителя, всегда был делом крайне серьезным и ответственным, не терпящим поспешности. Перво-наперво следовало стать этим самым правителем. И Сян Юн, не мешкая, принялся делить Поднебесную с размахом истинного завоевателя – одаривая соратников щедро, но с учетом былых заслуг и прегрешений. Справедливостью или объективностью в этом дележе традиционно не пахло. Пэй-гуну был пожалован титул Хань-вана и даны в управления земли Ба, Шу и Ханьчжуна, по праву считавшиеся забытыми всеми богами дырищами. А лакомый кус – Гуаньчжун - «щедрый» кусец разделил на троих между сдавшимися циньскими военачальниками. И как Таня ни пыталась, а разубедить, что переметнувшиеся на сторону врага предатели не станут служить заслоном против Хань-вана, у неё не вышло. Сян Юн упорно считал, что хитрый гад Ли Чжан даст отпор Лю Дзы, когда в том разыграют амбиции. А они разыграют!

- Теперь Гуаньчжун их вотчина, свое придется защищать, - твердил наивный *le general*.

- Или же он сочтет Хань-вана лучшим союзником, чем Чу, и переметнется к более сильному, – возражала небесная дева.

Жених притворно ронял очередной свиток, тарашил глаза и вопрошал потрясенно:

- Когда вы успели стать такой подозрительной, Тьян Нью? Не доверяете миролюбию вашего замечательного друга Лю Дзы? Ай-ай! Он же клянется, что будет сидеть в Наньчжэне тихо-тихо, как мышка.

Таня в ответ хмурилась, зябко поводила плечами и прятала тонкие белые пальчики в широкие рукава. Её безмерно злила вся эта алчная суэта удельных князей, жаждущих

отгрызть от империи Цинь кусок послаще да пожирнее, но еще больше возмущала беспечность Сян Юна.

- Ваша с дядюшкой Ляном наука впрок пошла. Здесь верить нельзя никому. Ни на слово, ни договору, заключенному при живых свидетелях. Предадут и обманут.

- Правда ваша, милая моя невеста. Вот поэтому военному советнику Дун И, который уговорил Ли Чжана сдаться моим войскам, я жалую титул и богатые земли, а Сыма Синь получит свой поганый Лиян. Эти волки - зубами вопьются.

Чуский князь смешно скалился, показывая, как именно поведут себя бывшие циньские вояки, и делал вид, будто собирается куснуть небесную деву за плечико.

- Зря вы смеётесь, *mon general*. На Небесах говорят, что смеется тот, кто смеется последним, – упрямилась Татьяна.

Но Сян Юн, уже сам себя нарекший ваном-гегемоном Западного Чу, дальше своего породистого носа видеть ничего не желал, и мечтал уже о роскошной свадьбе в Пэнчэне – столице своего нового царства.

Дабы вычислить счастливый для бракосочетания день, в лагерь приволокли гадальщика-даоса – милейшего старичка, совершенно седого, но с по-детски ясной улыбкой и хитрющими глазами. Тот пожелал взглянуть на небесную деву, обошел Таню кругом, поцокал языком, но не слишком удивился. И от подарков отказываться не стал. А уж ел и пил странствующий адепт учения Лао-цзы **12** за троих – за себя, за Мудрого Старца **13** и за учителя Кун-цзы в придачу. И, как подозревала Татьяна, благодаря угощению дедок внял настоящей просьбе Сян Юна как можно быстрее отыскать самый лучший из всех возможных дней.

Небесной же деве очень некстати вспомнился дедушка Ли Линь Фу и Цветочная гора. Словно потерянный навеки рай, куда уже не суждено вернуться. Не потому что богиня не пустит. Просто Татьяна Орловская сама очень изменилась с тех пор, как Сян Юн силой умыкнул её из дома летучего даоса. Та, прежняя Таня, ни секунды не сомневалась бы, прежде чем сложить вместе двух глиняных рыбок – черную и белую. Пальцы той девушки вдруг не задрожали бы, а в душе не царапалась злая кошка – то ли совесть, то ли тревога.

Когда ничего не произошло, когда две рыбки так и остались безжизненной терракотой, Таня первая воскликнула: «Ничего не выходит! Не работает!». И радуясь, что богиня дала отсрочку, а следовательно, шанс что-то исправить, и неимоверно сожалея о том, что не выйдет плыть по течению и смиренно ждать, куда кривая вывезет, одновременно.

Люсенька, похоже, те же чувства испытывала: губы кусала, хмурилась и ерзала на месте. Ее веселого мятежника Лю прямо сейчас убивают, а она тут черт знает чем занимается, было написано у неё на лице.

Видимо поэтому у них с рыбками ничего не получилось. Не достигли они обе того края отчаяния, как тогда в лодчонке посреди Хуанпу, чтобы шагнуть через бездну времен. Ничего-ничего, всё еще впереди – и раздел завоеванных земель, и война с Лю, и... может быть, тогда печать богини снова оживет.

Впереди маячила свадьба в ненавистном Пэнчэне – городе, где подлый Куай-ван мучил Люсеньку, до которого ещё нужно было доехать, а пока Татьяна Орловская размышляла над более важным, практически гамлетовским вопросом – записать ей в летописи, что Сян Юн женится на небесной деве - посланнице Яшмового Владыки или умолчать? Однако, смущать умы далеких потомков сомнительными намеками девушке не хотелось. Ни один серьезный ученый-синолог ни в каких небесных дев не поверит.

«Писать или нет – вот в чем вопрос, - думала Таня, склонившись над бамбуковой пластинкой с кисточкой в руке. - Или ограничиться чем-то вроде «У Сян-вана была жена». Коротко и без лишних подробностей?»

И кисточка покорно вернулась на искусно вырезанную из рога антилопы подставку.

- Моя госпожа уже закончила трудиться? – тут же спросил Сунь Бин, только того и ждавший.- Супчик готов. Свеженький, с лапшичкой.

Когда только успел приготовить? Только что муштровал своих починенных, и вот у него уже и суп поспел.

- Когда на душе непокой, обязательно нужно хорошо покушать, - ворковал телохранитель, расставляя плошки на столике. #288548465 / 16-ноя-2020 - Куриные сердечки тоже очень полезны... хм... для девичьих сердец.

Есть Тане не хотелось, а отказывать заботливому дядюшке было стыдно. Он ведь так старался.

- Если моя госпожа прикажет, то слуга послушает только её, - сказал вдруг Сунь Бин очень тихо и очень серьезно. – Если госпоже настолько не по сердцу главнокомандующий, то слуга... нарушит клятву.

- Что ты такое говоришь, дядюшка? - испуганно ахнула Тьян Нью.

- Слуга выполнит любой приказ госпожи.

Телохранитель склонился в низком поклоне.

- Предлагаешь сбежать?

- Как пожелает моя небесная госпожа.

Таня растерялась. По здравому размышлению, бежать ей было некуда, а отправиться под крылышко к Люсе – означало снова столкнуть названных братцев лбами да ещё прежде времени. К тому же она дала слово стать Сян Юну женой, и его следовало сдержать.

- Нет, – сказала она твердо. – Назад дороги нет.

- Значит, князь наш все же люб, – искренне обрадовался Сунь Бин.

С чувствами всё было сложнее, гораздо сложнее. Господи, спаси! Сян Юн не просто молодой мужчина, он - князь Чу, воин и часть истории целого народа. Тане нравилось быть рядом с ним. Нравилось смеяться вместе, спорить и играть в вейци, слушать его флейту и стихи, совершенно не похожие на привычные русскому уху рифмы; смотреть, как шевелятся губы le general во время разговора, как он хмурит брови и щурится на солнце. И даже злиться на него было так... захватывающе. Но любовь ли это? И некому подсказать, не с кем посоветоваться. Вот беда-то!

- Он – славный, - робко призналась девушка. - Иногда просто замечательный, а порой – гадкий и невыносимый. Я не знаю, каким он будет мужем. И мне... немного страшно.

Одноглазый солдат в задумчивости поскреб бородку. Ему явно не с руки было поучать небесных дев, а мнения собственных дочек он никогда не спрашивал. Стерпится – слюбится, вот и вся житейская мудрость.

- Я думаю, он будет хорошим мужем. Этот слуга никогда не видел прежде, чтобы мужчина так любил женщину.

- Так – это как? - прошептала Таня, роняя одинокую слезинку в плошку с супом. - А что если нет?

- Тогда госпожа скажет своему недостойному слуге, и он позаботится... обо всем, - пообещал Сунь Бин, не смея поднять взгляд на юную хозяйку. – Слуга искупит прежнюю нерадивость.

- Дядюшка, да что ты! Какая нерадивость? - «покаянная песнь» уже исполнялась не единожды и Таня отлично знала, в чем состоит прегрешение. - Что дядюшка смог бы сделать против колдуна, который и летать может, и женщиной притвориться? Брось казнить себя!

- Только если госпожа пообещает супчик поесть, не чудить лишнего и не таить от слуги своих печалей. У меня хоть один глаз, но он всё-всё видит.

- Хорошо, – сдалась девушка. - Я обещаю.

Хитрюга знал, как заставить окружающих делать по-его. Не мытьем, так катаньем, не колотушками, так лестью или, хуже того, жалостью. Вот и тут Таня глазом моргнуть не успела, как была накормлена, успокоена и спать уложена.

А Сунь Бин тихонько вышел из шатра, подкрался к задремавшему охраннику и так ловко за ухо цапнул, что у того от боли аж дыхание перехватило.

- Пикнешь, говнюк, и разбудишь госпожу - мигом получишь палок. Усёк?

Парень жалобно булькнул горлом.

- Кто-то стоял возле палатки. Долго стоял, а потом ушел. Видел ли, кто это был?

- Не-а.

- Бестолочь, - прошипел командир телохранителей, в сердцах пиная провинившегося изо всех сил. – Учишь вас, учишь, поганцев...

Он сам слышал только тихий скрип доспехов, когда незванный гость, постояв, ушел в ночь. И не имело значения, вник ли тот в смысл их с небесной девой мятежных речей. Вот только кто это был и с какой целью явился?

До самого рассвета Сунь Бин глаз так и не сомкнул.

12 - древнекитайский философ, которому приписывается авторство классического даосского философского трактата «Дао Дэ Цзин»

13 - считается, что Лао-цзы родился уже стариком

Сыма Синь

Цинец с благодарностью принял титул Сай-вана, низко кланялся Сян Юну, пил вино из драгоценных нефритовых сосудов, но хмель его не брал и не шла из мыслей троица – Лю Дзы, небесная лиса – Лю Си и, конечно же, Тьян Нью.

В пятицветные облака в форме драконов Сыма Синь не верил и историю с убиением Белой Змеи пропустил мимо ушей, как очередную выдумку черни, но когда он своими глазами увидел Пэй-гуна, то сильно засомневался. Кто такой был совсем недавно Лю Дзы из Фэна? Пыль в драных лаптях под ногами владетельных князей. А теперь он – Хань-ван! Но ведь было, определенно было в черноголовом выскочке что-то такое... эдакое. Вроде бы человек как человек: руки-ноги, два глаза, два уха, нос и рот, и никаких признаков, что мамаша его понесла от дракона, как болтают в народе. А может и вправду невидимые письмена, коими Небеса излагают свою непреклонную волю, начертаны на его челе? И зрит их безошибочно хулидзын, принявшая облик светлоглазой женщины? Ей такое как раз по чину и духу.

Беда в том, что в Сян Юне тоже имелось нечто незримое и неумолимое. Кем он, в самом деле, был совсем недавно, этот чуский генерал? Подголоском своего вероломного дядюшки. А ныне он – ван-гегемон, верховный правитель всей Поднебесной!

Когда по одной земле одновременно ходят два таких героя как Сян Юн и Лю Дзы, то

ни одно царство не устоит.

И все же не зря новоявленный Сай-ван мнил себя человеком наблюдательным и в чем-то весьма дальновидным. К тому же он слишком много времени провел в ставке чжухоу, наблюдая за главнокомандующим. И вердикт его был однозначным.

Только беспечный дурак, ничего не смысливший... нет, не в военной стратегии, а в людях и их амбициях, мог отпустить Пэй-гуна в его удел и не послать вослед убийц. Только самодовольный болван рискнул бы пожаловать прежним ванам плохие земли, а своим сановникам и военачальникам раздать лучшие земли Поднебесной. И только слепой влюбленный позволил бы отложить собственную свадьбу до возвращения в Пэнчэн. Будь на месте чусца Сыма Синь, он бы таких ошибок не допустил. Особенно в отношении небесной девы. Сказано же мудрыми стариками, повидавшими жизнь, девицам вредно думать, и втройне опасно давать им малейший выбор. Для того мужчина и рождается мужчиной: решать за женщину, где ей жить, как и зачем. Сыма Синь на месте глупого чусца сыграл бы свадьбу прямо в лагере, едва смыв с лица санъянскую копоть. И ни за что, видит Яшмовый Владыка с Девятого неба, не отпустил бы Тянь Ню от себя дальше, чем на шаг. Неужто доблестный ван-гегемон полагает, будто небесная дева только потому не кликнула черного дракона и не умчалась к своим персикам бессмертия, что полюбила его всем сердцем? Может оно и так, но настолько доверять женщине попросту глупо.

Лунная богиня Чанъэ целомудренно спряталась за черным шелковым экраном, то ли наводя красоту, то ли отправившись почивать, столь темна была эта новолунная ночь. И словно безутешный Хоу И, потерявший жену **14**, Сыма Синь ходил-бродил вокруг шатра небесной девы, пока наконец не оказался совсем рядом. Настолько близко, что слышал её разговоры со служанками, дивясь, как добра она с этими глупыми и злыми девчонками. Снаружи небесную деву стерегли не слишком усердно, но цинец отлично знал, что одноглазый телохранитель не дремлет и, в отличие от женишка, глаз с подопечной не спускает ни днем, ни ночью. Светильники внутри горели достаточно ярко, чтобы четкая тень пиущей девушки проступила на ткани полога. Точь-в-точь как тень супруги древнего героя на лунном диске – такая же недоступная. Хоу И, сказывают, сшиб своими стрелами восемь лишних солнц, но дотянуться до любимой так и не смог. Можно протянуть руку, но коснуться получится лишь темного силуэта на грубой ткани.

Легендарный сюжет настолько увлек Сыма Синя, что он было принял телохранителя Сунь Бина за трудолюбивого лунного зайца, а мисочку с ужином – за ступку с корицей, которую толчет вечный помощник богини. Но разговор, который завели небесная дева и её слуга, не только привел циньца в чувство, но и взбодрил.

«Небеса, значит, у меня всё еще есть шанс!» - мысленно ликовал Сыма Синь, едва сдерживаясь, чтобы не закричать от радости. Для верности он впился зубами в собственную ладонь, не чуя боли и вкуса крови. Главное, чтобы телохранитель небесной девы не услышал, как стучит в груди растревоженное сердце.

«Если человеком, который отнимет у Сян-вана Поднебесную, будет Пэй-гун, то я отниму у него Тянь Ню», - сказал Сыма Синь сам себе.

Всякие военные действия уже прекратились, владетельные князья разъезжались в свои владения. Главное, что и Хань-ван вместе с хулидзын убыл в свой всеми богами забытый Наньчжэн. Все складывалось очень удачно.

Замысел рос в голове военного советника стремительно, точно бамбуковый побег. Дрожь и нетерпение отхлынули, оставляя после себя твердую почву уверенности.

Да, он исполнит неясное желание небесной посланницы. А его Лиан - прекрасный город, уютный, вкусно пахнущий густым мясным супом осенью и яблочным цветом – весной. Тьян Нью он обязательно понравится.

14 легенда гласит, что Чанъэ – жена легендарного стрелка Хоу И выпила волшебный напиток и улетела на луну

«Желать чего-то только для себя, разве это не грех? Я – великая грешница, когда речь заходит об этом человеке»

(из дневника Тьян Нью)

ГЛАВА 8. Чудеса, да и только!

«Самые счастливые дни случаются в промежутке между войнами. Наверное, чтобы сияние тех беззаботных мгновений освещало душу в дни, когда от отчаяния меркнет все вокруг»

(из дневника Тьян Ню)

Подножье Цветочной Горы, где-то, когда-то

Юнчен

Под ногами Юнчена притаилась чуть примятая трава, над головой шелестели листья и трепетали цветы, согретые солнцем. И он отчетливо помнил это место. Не потому, что сотни раз видел в снах пыльную тропинку, ведущую к простому деревенскому дому с широкой террасой. Не потому, что просыпался потом с тяжелым и беспокойным сердцем, и ещё несколько часов маялся по неведомой причине. Словно забыл что-то важное.

Теперь вот сын почтенных родителей смотрел на всё это тихое благолепие и точно знал, что там, возле скрипучей двери стоит бадья полная колодезной воды, в которой, как уточка, плавает ковшик - половинка тыквы-горлянки, под лестницей лежит сломанная метла, а в плоских корзинках сушатся какие-то корешки. И даже, где Ли Линь Фу хранит сливовое вино, тоже отлично помнил.

- Ну, чо встал? Заходи, не топчись на пороге, – профырчал даос. – Сейчас налью нам по чарочке, вспомним старые времена.

- Да уж! Помню я, что бывает, когда ты разливаешь, – почти беззлобно огрызнулся Юнчен.

... В заведении старушки Ван уже третий день к ряду пьянка шла. Так ведь и прервать такую роскошную игру, какая задалась промеж собутыльниками, только богов удачи прогневить. Ставки повышались, вино рекой лилось, девчонки становились всё краше и милее, а рядом с Лю росла и росла гора из монет, заколок, кусков серебра и прочего ценного содержимого кошелев. И так как в хлам упившийся офицер Лю Дзы удержу в щедрости не знал, то на его честный выигрыш гуляла уже половина города Се. Лучшая и богатая его половина! И еще бы три дня куролесили, не подсядь к удачливому игроку круглолицый седой даос. Слово за слово, чарка за чаркой...

- Сам виноват! - заявил наглый дед, словно бы прочитав мысли гостя по знакомому прищуру. - Никто тебя за язык не тянул крамольные речи вести.

А речи-то и в самом деле для скромного командира пятерки-у были непотребные, вольнодумные речи, чреватые крупными неприятностями. Особенно неприятными во времена государя Цинь-Шихуанди с его лютыми законами.

- Небось, и сейчас от мудрого руководства по шеям регулярно получаешь?

- Ничего подобного! - возразил Юнчен. – Я теперь сам себе хозяин и господин.

И чуть язык не прикусил, потому что две тысячи лет назад говорил он почти теми же словами. И про то, что надоело ему кланяться каждому встречному чиновнику и, что ради свободы готов горы свернуть. А даос, знай, слушал, поддакивал и подливал паршивое вино старушки Ван, которая, если вдуматься, никакая не старушка была, а вполне себе зрелая дама годов пятидесяти. Вино лилось в глотку, а идеи – в уши, а вышло всё... О том в учебниках

истории уже написано.

- Это из-за тебя я проигрался тогда вчистую, - напомнил Ин Юнчен. - До последнего гроша спустил жалование.

- Скажи еще, что это я тебя надоумил доспех казенный заложить? – хихикнул Линь Фу. - Или это я привел тебя в казарму в одних заблеваных подштанниках.

Воспоминания всплывали в голове, как чайнки в чашке от помешивания ложкой. Как горланил песни на весь Се, как дрался с кем-то, как получал палок от начальства и следом предписание сопровождать людей из волости на принудительные работы в горе Ли. Да уж, было дело.

- Если бы не ты, подлый дед...

- Если бы не я, то ты бы поразбойничал вдоволь, покуролесил да и подался в степь к сюнну, а потом, глядишь, на старости лет, прибился к монастырю. Кабы дожил до старости.

- Зато свободным бы остался, – вздохнул молодой человек.

Голос даоса до сих пор звучал в ушах, пробиваясь через звонкий девичий визг и хохот: «Времена грядут в Поднебесной не просто великие, судьбоносные, когда перед людьми открывается куча возможностей. Вот чего твоя душа желает, мальчишка Лю?» И собственное угрюмое и пьяное мычание в ответ: «Свободы хочу. Чтобы спину по-настоящему разогнуть»

- Выше тебя только небеса были, засранец! - взвизгнул Ли Линь Фу возмущенно и перстом ткнул в синеву над головой. - Совесть имей! Какого рожна тебе еще надобно было?

- Ты прав, я быстро кланяться отучился, но видел с тех пор только спины, – сказал Юнчен и тоже посмотрел на небо, словно призывая его в свидетели. – Море согнутых спин. И лишь одно лицо.

- Ну извини! Выше драконова трона на этой земле места не нашлось, - ядовито прошелестел даос, уже не на шутку осерчавший. – Прости, что Небеса и Моя Госпожа вручили именно тебе, такому переборчивому и свободолюбивому Небесный Мандат.

- Засунь его себе...

Они так и не вошли в дом. Лаялись, точно дворовые собаки, прямо на ступеньках, причем даос на верхней стоял, а Юнчен – на нижней, и старичку все равно приходилось голову задрать и немного подпрыгивать.

- Да что ж такое! - не выдержал Линь Фу этакого обидного неравенства. - Это ты на харчах западных варваров отожрался так, орясина?

- Акселерация называется, дед! - рявкнул Юнчен в ответ, подхватил даоса под руки и практически внес внутрь домика.

Там-то его и накрыло с головой. Память прыгнула из-за ширмы из некрашенного шелка, точно тигр из кустов, прямо на грудь и вонзила острейшие когти прямо в сердце. Рисунок – луноликая красавица, стирающая в речке белье, и тонущие при виде её красоты рыбы – точно такой же был на ширме в опочивальне его ванхоу. Пришелец из века двадцать первого затаил дыхание вглядываясь во все эти древности: две тысячи лет как утраченные техники резьбы и литья, домашняя утварь из такой мглы веков, что и представить страшно. Вот как теперь смотреть исторические фильмы? И вообще...

Ин Юнчен присел прямо на пол и голову руками обхватил, будто ту ломило от нестерпимой боли.

- Зачем, ну зачем ты вернул мне всё это? – простонал он. - Кто тебя просил, Ли Линь Фу? Мы ведь с лисичкой нашли наконец-то. Вот и остались бы просто Юнченом и Сашей, жили бы обычной жизнью. За что ты так с нами, а? Не зря ведь люди не помнят прошлых

жизней!

Зачем ему помнить как чистить и подрезать конские копыта? К чему знания о правилах дворцовых церемоний? И все эти жизни, а главное, люди, которые пришли и ушли, его жены и дети, родители и братья – их нет больше, и те души, с которыми невольно соприкоснулся, они свободны от воспоминаний. И только ему досталось память о военных походах, голоде, моровых поветриях, о горящих домах, вытоптаных полях, воронье над мертвыми телами близких.

Ли Линь Фу в первый момент растерялся. Скандальничать с «поганцем Лю» он любил, и за две тысячи лет успел соскучиться по этой невинной забаве.

- Лю, это же Воля Небес, - проникновенно молвил он, присев рядом с гостем. - А кроме того... Ты ж мужчина, надо закончить начатое.

- В каком смысле? - сразу же насторожился Юнчен.

Память мятежника Лю, его собственная память, подсказывала, что за простыми на первый взгляд словами даоса кроется что-то по-настоящему опасное.

И он не ошибся. Бессмертное творение богини Нюйвы вздернуло белоснежный кустик правой брови и молвило нараспев:

- Три вещи негоже оставлять за спиной, отправляясь в путь: недопитое вино, незапертую дверь и недобитого врага.

- Чот не помню такой цитаты из Конфуция, - усомнился молодой человек. – Нагуглил, поди?

- Чего?! Ругаешься на меня? Слугу самой матушки Нюйвы гнусными словами поносишь?

Незнакомое слово Ли Линь Фу возмутило до глубины души. Он, только-только расположившийся рядышком на полу, подскочил и запрыгал вокруг Юнчена, как баскетбольный мяч в руках форварда – один прыжок после каждых двух шагов. Аж в глазах зарябило.

- Мандат Небес – это великая честь и огромная ответственность! Не просто на башку мяньгуань **15** нацепить, но служить народу Поднебесной и в жизни, и после смерти! Думал, помер раз, помер два и всё? И можно с девчонкой завалиться на перину? Не выйдет! Не отвертишься, твое величество!

- Да что я сделать должен? Ты по-человечески объясни, – взмолился в конце концов Ин Юнчен.

- Как что? Убить Чжао Гао, вестимо, – совершенно спокойно ответил даос и звонко шлепнулся задницей об половицы, снова усаживаясь рядышком. – Кроме тебя ж некому, - жарко зашептал он, решив объяснить расклад, что называется, на пальцах. - Вы с ним... как бы это сказать-то... одного калибра герои. Только ты, Лю Дзы, хороший, а Чжао Гао – плохой. Старое, многовековое, опасное зло – вот, что он такое.

- Погоди-ка, дедуля, - остановил его новоявленный Избранный Герой. - Так ведь моя Люй-хоу его убила. Отрезанной головой евнуха в нас с Сян-ваном, помнится, кидалась.

- Было дело. Молодец она, конечно, но, как видишь, этого оказалось мало. Чжао Гао возрождался много раз и не только всегда помнил себя, но и становился все сильнее. Сейчас его лишь ты в силах остановить.

Еще несколько часов назад Ин Юнчен и слушать бы не стал всю эту эзотерическую чушь. Юнчен - да, но не Лю Дзы, и не все те люди, которыми он был когда-то. Они поверили. Более того, они отлично понимали о чем бормочет вечный слуга змееной богини.

- А она?

«Счастливым» обладатель бессрочного Мандата Небес осторожно повел глазами в сторону Цветочной горы. Даос ответил столько красноречивым взглядом, что новых вопросов и не возникло.

- Ладно, ладно. Попробую завалить этого босса.

А что? Игровой термин подходил как нельзя кстати ситуации.

- Чего?

- Ничего, - отмахнулся Юнчен и перебрался за низкий столик. – Ты налить вроде обещал. Передумал?

- Вот это другой разговор, – обрадовался Ли Линь Фу и полетел в кладовку. В буквальном смысле полетел – бочком, до смешного похожий на мультяшного мастера кунг-фу Шифу, если красную панду раскормить до размера большой и отрезать пушистый полосатый хвост.

Юнчен... или все же Лю Дзы? Короче, избранник Небес подпер тяжелую от множества мыслей голову и сугубо по привычке достал смартфон, чтобы нырнуть в Френдбук. Связь с 21 веком отсутствовала.

- Да ты совсем охренел, твое величество! - охнул даос, застукавший гостя за богохульным делом – фотографированием интерьера традиционного древнекитайского дома. - Спрячь свою бесовскую машинку, пока Госпожа моя не разгневалась. Совсем распоясался!

- Не шуми, дедуля, – миролюбиво ответствовал Юнчен.

Ли Линь Фу еще какое-то время бухтел, пока умащивался за столом. Но вино разлил сразу в три чарки. Те самые – с узким носиком, на трех ножках, из которых положено пить прикрыв рот широким рукавом.

Выпили, закусили мочеными сливами и снова разлили.

- Кого-то ещё ждем? - спросил молодой человек осторожно.

Хозяин дома запросто мог пригласить на попойку какого-нибудь древнего героя.

- А как же! - фыркнул тот в ответ. - Будет тебе ещё один собутыльник... к-хм... О! А вот и она...

Ноги сами понесли Юнчена к двери – туда, куда настойчиво звало трепещущее сердце. По тропинке, между сливовых деревьев шла его небесная ванхоу в джинсах и футболке с черным шелком волос рассыпанных по плечам.

- Лисичка моя... – сказал он и протянул руки, чтобы Саша прыгнула к нему в объятия.

Ужасное нарушение всех мыслимых приличий, просто ужасное. Но они не виделись шесть часов и две тысячи лет, им было можно.

По тому как заledenел осоловевший было от поцелуев взгляд самозванной хулидзын, сфокусировавшись на старом знакомце, Ли Линь Фу понял, что его духовым силам предстоит новое испытание. Как ни в чем ни бывало даос степенно отставил чарку, расправил полы халата, узел подвески на поясе поправил... и рванул с места, как утка из камышей. Только войлочный тапочек и остался в руке прыткой ванхоу. В западных срамных одежках оно бегать и прыгать, конечно, сподручнее, чем в приличествующем женщине ханьфу.

- А ну-ка стой! - взывала возрожденная барышня Лю Си, потрясая трофейной обувкой. – Кому говорю, мерзкий старикашка!

- Что вы опять не поделили? - изумился Юнчен, у которого только что приключилось еще одно дежавю.

- Не твое дело! - хором рявкнули непримиримые тысячелетние враги.

- Эта глиняная скотина за две тысячи двести лет так совесть и не отрастил! Да, старый хрыч? Не хочешь извиниться, нет? Сразу – фырть и в окошко, да?

Речи хулидзын так сочились ядом, но даос тоже за словом за отворот шэньи не полез:

- Как была хамкой так и осталась, только масть сменила с демонической на нормальную! - прокричал он зависнув над верандой. - Слышь, Лю, уйми свою женщину немедленно!

В нынешнем воплощении буйная девица выглядела куда привычнее – и глаза, как у человека, и волосы тяжелые и черные. Небеса упрятали душу в более удачный, на взгляд даоса, сосуд, однако же суть осталась прежняя – буйная, дерзкая и непокорная. Вот почему, почему героям всегда достаются такие, а? Нет, чтобы добрые, нежные, ласковые и послушные, как и полагается быть женщинам. Впрочем, Небеса как и прежде мудры и дальновидны. Кровь, что ныне текла в жилах хулидзын, частично принадлежала главному врагу обладателя их Мандата. А значит, это цикл завершился гармонией. Все правильно, всё сходится.

- Если моя ванхоу ярится, значит ты умудрился ей изрядно насолить, скажешь не так?! - смеялся дерзкий мальчишка.

- Много ты понимаешь!

У них с Люй-ванхоу водились старые счеты и, говоря откровенно, Ли Линь Фу так и остался в неведении правильно ли он поступил тогда, две с лишком тысячи лет назад, когда...

- Всё, хватит с меня этого балагана, - рыкнула самозванка. – Каждый раз одно и то же! Идем отсюда!

- Куда?

- Спасать мир от Чжао Гао!

Девушка настроена была куда как решительно. Она цапнула мальчишку-Лю за руку и потянула за собой, вознамерившись увести из деревни. Пришлось даосу приземлиться и заступить дорогу обоим, рискуя получить о бессмертной шее войлочной тапочкой.

- Никуда вы не пойдете! - заявил Ли Линь Фу грозно. - Без гармонии между Небом и Землей нельзя никак!

- Какой еще гармонии? – вызверилась ванхоу. - Ты что несешь, старый дурень? Лю... Юнчен, о чем он говорит вообще?

А тот сразу догадался!

- Ты это серьезно, дед?

- А то!

Барышня Лю Си вопрошающе переводила темный взгляд с одного мужчины на другого. И тогда древний даос снизошел до объяснения:

- Он – единственный обладатель Мандата Небес, истинный император Поднебесной, в чьих силах победить демона Чжао Гао, - торжественно молвил Линь Фу. - Но так же как Небу нужна Земля, так и Сыну Неба нужна императрица, чтобы Великие Ян и Инь пришли в гармонию друг с другом. Дракон и Феникс должны соединиться!

- Короче, у нас сейчас будет свадьба, госпожа Сян Александра Джи, – сказал Юнчен и чмокнул ошеломленную девушку в лоб. – Ты ведь не против?

Ни разу в жизни, за тысячи лет своего существования в этом странном мире Ли Линь Фу еще не встретил красавицы, отказавшейся бы по доброй воле выйти замуж за героя. Даос и слушать не стал каков будет ответ. Известно какой! Лишь в ладоши громко хлопнул, призывая односельчан, которые уже приготовили всё для церемонии. Время как раз подходящее – скоро сумерки.

15 императорский ритуальный головной убор (аналог короны), имеет множество символических значений

Тайвань, Тайбэй, 2012 г.

Пиксель и Ласточка

Телевизора в маленькой автомастерской не было, не держала его Янмэй и в доме. Безвинный прибор одним своим существованием напоминал ей о бесконечных и бессмысленных вечерах в замужестве, когда между уработавшейся за день Ласточкой и ее бывшим супругом постоянно возникал конфликт интересов. Едва ночная тень накрывала мир, глаза Янмэй так и норовили закрыться сами собой, и хотела она по вечерам только одного – спать, беспробудно и всласть. Благоверный же, измаявшись от безделья и перестреляв всех мобов в очередной онлайн-стрелялке, ввечеру обычно желал традиционных развлечений – пива и телика. Воистину все бездельники одинаковы! И ладно бы пялился в свой ящик тихонько, так нет – врубал полную громкость! В общем, избавившись от супруга, Янмэй с несказанным облегчением изничтожила и телевизор. В смысле, торжественно вручила коробку с теликом бывшему мужу. Тот ещё и благодарил очень трогательно, кланялся низко – то ли из-за нежданного подарка, а то ли потому, что поверить не мог, что ушел от Ласточки живым и на своих ногах. С тех пор Янмэй наслаждалась и блаженствовала, а ежели ей хотелось новости узнать или фильмец какой глянуть пожалостливей, как современная независимая женщина пользовалась планшетом.

Но Пиксель, очухавшийся, пока Ласточка рулила к дому, всего этого, естественно, не знал. И, едва переступив порог, начал рыскать по жилищу в поисках источника информации.

- Где ж у тебя телевизор, а? Да что ж такое... Никак не найти! Эй! Фэй Янмэй! Телевизор включи!

И совершенно не ожидал он, что гостеприимная хозяйка мгновенно озверевает и, железной рукой ухватив Ю Цина за грудки, притиснет его к стене и прорычит:

- Нет и не будет никогда в моем доме этого поганого ящика!

Пиксель моргнул, икнул и, осторожно пытаясь отцепить сведенные судорогой ненависти пальцы Янмэй от своего ворота, пискнул:

- А... новости узнать?

- Погугли! – припечатала Ласточка, с явным усилием успокаиваясь.

- Ладно, ладно... - забормотал Пиксель, стараясь не смотреть в белые от ярости глаза женщины. – Я, знаешь, и сам не любитель... Да кому он вообще нужен, телевизор этот? Благородному му... человеку, то есть, такими низкими забавами прельщаться и вовсе неуместно!

С чего вдруг уста ошалевшего от впечатлений Пикселя исторгли такие цветистые речи, он и сам не понимал. Должно быть, древнекитайские видения так повлияли. Драконы

там всякие, змеи... Насмотришься, надышишься – ещё и не такое завернешь.

- Однако узнать, что вообще в мире-то делается, все равно надо, согласна? – продолжил Ю Цин, убедившись, что Янмэй его все-таки душисть не собирается. - «Храбрость без знания должного превращается в безрассудство», и вообще...

- Вот только избавь меня от цитат Конфуция, - Янмэй фыркнула как... ну да, как лошадь, и короткими своими волосами тряхнула так же. - Ты это, учти, я ж в школу-то тоже типа ходила, не совсем уж дура. И четко вообще помню, что там твой Кун-цзы говаривал. А чем болтать, вспомнил бы лучше, что «кто много говорит, часто терпит неудачу».

- Так это ж не Конфуций сказал! Это ж...

- Лао Дзы. Я в курсе, - Ласточка разжала руку и даже попыталась неловко отряхнуть пострадавшего, но почти сразу смущенно отступила. - Ты, это... извини, если что. Планшет там на полке, глянь, что там и как, а я пока...

Пяťся, она сбежала в сторону кухни. Пиксель, подозрительно проводив ее взглядом, почти сразу нашел старенький, но вполне работающий планшет и погрузился в пучины Сети. Не успел он и трех иероглифов набрать в запросе «Происшествие в центральном госпитале...», как поисковик расцвел десятками, если не сотнями ссылок. Заголовки и версии на любой вкус, от разборки триад с применением боевых отравляющих газов, оставшихся со времен японской оккупации, до конспирологических и откровенно фантастических – с высадкой инопланетян и сдвигом тектонических плит. Пиксель нервно хихикнул. Официальная версия зиждилась на несколько невнятном бормотании о взрыве бытового газа и некоем «электромагнитном возмущении». Ответственные лица, военные и чиновники дружно, как под копирку, повторяли одну и ту же мантру о несоблюдении техники безопасности, изящно умалчивая тот факт, что никакого газопровода в злополучном госпитале отродясь не было.

Но, по крайней мере, о черных драконах, туманных змеях и временных сдвигах никто не заикался. Даже разнузданная фантазия блогеров не преступала границ рационального... если, конечно, принять версию с атакой рептилоидов с Нибиру за нечто рациональное.

Ю Цин хихикнул снова и осекся, сам себя шлепнув по губам. Счет пострадавших перевалил за три сотни, были и погибшие – далеко не все смогли очнуться после того, как темная злобная сила, захватившая больницу, убралась восвояси. Читать про рептилоидов и разумных медуз, когда списки жертв все росли и росли, было совсем не забавно. Противно, вот что. И собственный смех показался Пикселю не просто кощунством, а непростительным грехом из тех, что портят карму на девять перерождений вперед.

- Это у меня нервное, – шепнул он и вернулся к поиску. Видео, его интересовало видео. Что бы ни случилось, хоть потоп, хоть взрыв, хоть землетрясение, а всегда найдется никем не замеченный чувачок со смартфоном, благодаря которому записи неподходящих лиц всплывают с самых неожиданных и неподходящих местах. Но сколько Пиксель не рыскал, сколько роликов, коротких и длинных, HD или 144, не просматривал, а Ласточки с Ю Цином на спине, короткими перебежками рысаящей к чудом уцелевшей машине, не заметил. Конечно, надо будет озадачить спецов из Юнченовой фирмы – ребята на поиске и распознавании не одну собаку съели – но пока в Пикселе затеплилась робкая надежда, что их противоестественная пара ни на одну камеру не попала. Неужели можно выдохнуть?

- Зачем мы вообще туда полезли? - с тоской пробормотал Пиксель. – «Люди там! Принципы включи!» Ага, включил принципы, и что? Спасли мы там кого? Сами едва спаслись!

- А ты бы смог? - голос Ласточки раздался за спиной Ю Цина так неожиданно, что он икнул. Да что ж это такое-то, а? Такая большая и тяжелая женщина, она ведь и ходить должна соответственно, не шагать, а словно сваи забивать! А поди ж ты, как подкралась!

- Смог бы? Отвернуться и уехать, будто и не видел ничего? Бросить там и юнчену девчонку, и всех остальных? Смог бы голову поднимать к Небесам, в зеркало смотреть и самому себе в лицо не плевать, вспоминая, как сбежал и даже не попытался?

- Бегство – лучшая страгегема! – огрызнулся Ю Цин в основном ради того, чтобы оставить за собой последнее слово.

- Так мы и сбежали, – усмехнулась Ласточка. – Прямо по твоему слову, с-стратег. Так драпали, что аж пятки твои болтались.

Пиксель возмущенно втянул в грудь побольше воздуха, чтобы срезать наглуую бабу достойной отповедью, но вдруг осекся, побагровел и напыжился, как взьерошенный воробей. Все так и было, как она сказала. Точно так: и драпали, и пятки Пикселя болтались где-то на уровне пояса могучей Фэй Янмэй, и жесткие ее пальцы больно впивались ему в бедра, а под... животом у него ходуном ходили мышцы накачанной ласточкиной спины. И когда Ласточка перепрыгивала сразу через три ступеньки и Ю Цин подлетал над ее спиной, а потом с размаху ударялся... э... животом, да... А все Юнчену девчонка виновата! Если б ее не понесло в этот госпиталь, если б они не сунулись следом, не напали на разборки древних чудищ среди трупов и развалин, не влипли по самые уши в какие-то дикие чудеса... Если б после того, как все кончилось, у него не скрутило запоздало живот, не потемнело в глазах и не подкосились ноги... Или если бы у Пикселя было хоть пять минут, чтоб отдышаться и в себя прийти! Так нет ведь, где-то вдалеке уже завывали сирены, и оставаться в разгромленной палате над бездыханным телом безымянного бедолаги, объясняться потом с полицией... Только этого не хватало! Вот и пришлось позволить этой... вот этой вот женщине!.. закинуть его на спину, как мешок с рисом, и скомандовать ей; «Ходу!» Ласточка рванула с места в карьер, будто застоявшаяся в стойле лошадь, и бегство удалось, но...

Но теперь куда от стыда-то деваться!

Смущенный и злой, Пиксель искоса глянул на женщину, невольно зацепившись взглядом за мускулистые предплечья и... э... другие мышцы, отчетливо обрисованные облегающей майкой, кашлянул и выдавил:

- Ты-то скакала лихо! Уж не лошадь ли была в прошлой жизни, а? Ко-кобыла!

- Ко-ко-ко! – передразнила его Ласточка, мгновенно перехватив и расшифровав его взгляд. - Ко-кобель!

- Что?! – взвился оскорбленный до печенок Ю Цин. - Чего это я кобель? Да я... да я никогда! Да я вообще! Да что ты понимаешь?! Верно Учитель Кун говорил: «Тяжелее всего с женщинами и низкими людьми. Если удалишь от себя – возненавидят, а приблизишь – на шею сядут!»

Женщина оскорбительно фыркнула как... ну да, как лошадь. И тряхнула челкой. Разве что копытом не топнула, будто боевой конь. Пикселю даже почудилось призрачной звяканье сбруи, и он зажмурился и потряс головой, чтоб избавиться от наваждения. А когда открыл глаза, лицо Ласточки оказалось совсем близко.

- Я-то, может, и была кем-то таким, может, коровой, может, и лошадь, - почти прошептала она. – И уж верно хорошей лошадь была, раз переродилась хоть женщиной, а все-таки человеком! А вот ты, похоже, копил Небеса каким-нибудь мерзким хитроумным стратегом, да и грешил немало.

- П-почему? – тоже очень тихо возразил Пиксель. - Я-то ведь человек тоже. Не червяк, не собака, даже не женщина. Или не так тяжелы были мои грехи, или искупил уже, перерождаясь. Учитель Кун сказал...

Но горячие губы Ласточки вдруг прижались к его губам, и Пиксель так и не сумел ни закончить фразу, ни вспомнить потом, что же там говорил на этот счет Конфуций.

Да, в общем-то, это было уже и неважно. Ни кто кем был, ни кто как грешил в прошлых жизнях. Во многих знаниях – много скорби, сказал... нет, не Учитель Кун, другой кто-то. Но Пиксель, хоть убей, не мог вспомнить, кто.

Поднебесная, 206 год до н.э.

Таня и Сян Юн

Не так представляла себе Таня Орловская собственную свадьбу, совсем не так. В смутных девичьих фантазиях были белоснежные кружева, газовая фата и перчатки, венец на голове и хор поющий «Отче наш», и даже папочкина слезинка в уголке глаза. И уж точно никаких алых нарядов, расшитых шелковыми рыбками, уточками и цветами, и целой горы золотых шпилек с царственными фениксами, которых, казалось, было вдвое больше, чем самих волос. Никаких варварски красочных и совершенно безбожных церемоний. Кто же знал!

Лиан по красоте и пышности не уступал Санъяну, так в один голос твердили обитатели дворца нового правителя – благородного Сай-вана. Таня верила им на слово, потому что увидеть столицу Цинь ей так и не довелось. А Лиан был и в самом деле красив. По-своему, той архаичной дикой красотой, которая подвигает потомков сочинять волшебные сказки о таинственных красавицах и бесстрашных рыцарях, о могучих царях и лукавых колдунах, которая живет лишь в песнях и легендах. Лиан же по-китайски изощренно отомстил невесте Сян Юна, он пленил её с первого взгляда. Усадьбы, сады, торжища, разноцветные флаги, лачуги соткались из небытия, чтобы насытить взгляд небесной девы. Ароматный дым из тысяч очагов и отвратительный чад без спросу проникли в её ноздри, а нежный перезвон колокольцев, вопли торговцев и стрекотание цикад заполнили всё окружающее пространство без остатка. Татьяна уже знала, что в этой стране не существует тишины – ни днем, ни ночью. В самую глухую полночь в рощах перекликаются птицы, шуршат занавеси, всхрапывают кони, чешутся и тихо бранятся охранники и звенят-звенят неумные цикады. Жизнь здесь густа, как баранья похлебка. Казалось, из апартаментов отведенных небесной деве, словно из реторты, выкачали весь воздух, наполнив комнаты шелками, золотом, коврами, свечами, фруктами, сладостями, благовониями, журчащими голосами служанок, их деликатными прикосновениями, дрожащими струнами циней, шелестом одежд и шагов, быстро превратившими реальность в опиумный сон. В этом сладком омуте Таня забыла, что ей нужно волноваться о предстоящей свадьбе, будто всё происходило не с ней, а с кем-то другим. Юная петербурженка замороженно глядела откуда-то из-за покрытого инеем стекла на экзотический сказочный мир, который то ли есть, то ли был, то ли вообще плод её воображения. «Спите, добрые жители Багдада. Все спокойно!» Сказка наяву, да и только.

А от Сян Юна то и дело приносили охапками цветы, опустошая, должно быть, лианские сады. Их сваливали у входа в женские покои, добавляя служанкам новых забот. Те даже решили, что небесная дева способна вкушать лишь нежные лепестки. Татьяна

посмеялась и не стала запрещать эту ботаническую вакханалию. Хуже, если бы чусец слал ей отрубленные головы. Он мог.

Бывает, после треволнений и горестей душа человеческая так жаждет радости, что находит её в самых неожиданных местах. Когда они с Люсенькой добрались до Шанхая, то ног под собой от счастья не чуяли. Этот безжалостный к слабым город поначалу казался сестрам воплощением всех мечтаний, Землей Обетованной, щедрым на добрые чудеса. За яркими одеждами не замечали они вопиющей нищеты, за вежливыми поклонами – бесчеловечной жестокости. До поры до времени, разумеется.

В солнечном Лияне, почти не тронутым войной, в чужом богатом доме, среди посторонних суетливых людей, Таня впервые почувствовала себя по-настоящему счастливой. Здесь и сейчас. Просто потому, что осталась жива, и с Люсей все в порядке, и в Поднебесной установился хрупкий и недолговечный, но мир, и еще из-за этих увядающих цветов, сорванных руками, привычными к мечу.

А по Лияну катились волной слухи – что невеста Сян-вана ест суп исключительно из роз и стрекозиных крыльев, а ходит, не касаясь ногами земли, и бешеный чусец совершенно ополоумел от любви к волшебному существу, слепленному лично Яшмовым Владыкой из весенних облаков и персиковых косточек.

- Но почему же из косточек? - спрашивала она у Мэй Лин. - Ладно бы уж из цветов, а то из косточек.

- Однажды, когда в садах богини Западного неба Сиванму созрели персики бессмертия, Шан-ди со свитой небожителей отправился на пир в горы Куньлунь, на берега Яшмового пруда. Там он и заметил золотую чашу, в которую гости бросали косточки. «Отчего пропадает столь ценное добро? - спросил он богиню Сиванму. – Непорядок! В мире людей из персиковых косточек матери делают амулеты, оберегающие детей от смерти». Богиня смутилась и ничего не ответила. Тогда Яшмовый Владыка одной рукой взял горсть косточек, а другой - зачерпнул облачную ткань и создал девушку. «Вот, – сказал он. – Дева эта будет работать в твоём саду и вести учет косточкам».

- Но, Мэй Лин, это ведь сказка, - молвила ошеломленная Таня.

- Народу лучше знать, что сказка, а что правда!

- Но...

- И не вздумайте спорить, госпожа Тьян Ню. Облака и персики – это красиво.

Перед бессовестной нахалкой лиянские слуги трепетали и не смели перечить. Еще бы! Разве обычная женщина способна угодить небесной деве? Вторая, к слову, осмелела настолько, что порой указывала Тане, какую одежду надевать и по какому поводу.

- Хорошо, а почему тогда я на земле оказалась? – допытывалась Тьян Ню.

- Почему, почему... - растерялась служанка, но быстро нашлась с ответом. – Шан-ди был недоволен творимыми бесчинствами и решил помочь царству Чу одолеть Цинь. Так говорят в народе. Вы персики-то кушайте, моя госпожа. Сла-а-адкие они, как поцелуи любимого, - ухмыльнулась Мэй Лин.

И Танины щеки сами собой порозовели. То ли от персикового сока, то ли от мыслей про поцелуи.

Если бы с Небес в золотой повозке, запряженной драконами, спустился сам Яшмовый Владыка в окружении небесных дев, наигрывающих на цинях и рассыпающих вокруг нетленные сливовые лепестки, ван-гегемон волновался бы меньше. Ну, скажите на милость,

что может случиться с победителем империи Цинь в покоренном и покорном городе, полном верных воинов? Разве только еще один дракон прилетит, что вряд ли. А все равно сердце в груди главнокомандующего беспokoйно трепыхалось. Солнечное утро, целиком и полностью посвященное церемониям почитания предков, сменилось суматошным днем, а тот в свою очередь догорел в закатном пламени, как сухая ветка, брошенная в костер, а Сян Юн никого не отдубасил и ни на кого не накричал. Зачем, если всё вершится по воле Небес? Разве не волей Неба он достиг вершины власти? И по его желанию в сумерках Тьян Ню станет частью его жизни навсегда. Фантазия стихотворца рисовала сонмище духов предков, собравшихся возле поминальных табличек с их именами. Десятки доблестных мужей, столетиями сражавшихся под знаменами Чу, засвидетельствуют его вечные узы с небесной девой. Будет среди них и отец, которого Сян Юн почти не помнил, и дядя Лян. Он-то, должно быть, уже расписал остальным предкам все достоинства удивительной невесты, дарованной буйному племяннику самим Яшмовым Владыкой.

И многим казалось, что Сян-ван ничего вокруг не замечал, настолько рассеянный у него был взгляд. Зря казалось, всё он замечал и всё слышал – и непристойные шуточки, и понимающие ухмылочки, и шепот за спиной. «Мол, как бы наш ван-гегемон на радостях умом от счастья не тронулся».

И только Мин Хе оставался серьезен. Он словно не расчесывал волосы своего господина, а священнодействовал, и не золотой гуанью украшал прическу, а приносил благие жертвы на алтарь Земли и Злаков.

- Ужели не рад за своего господина?

- Женитьба – это не баловство, - назидательно молвил ординарец. - А часть служения предкам.

- Расслабься, паршивец. Мои предки согласны, все как один, – ухмыльнулся Сян Юн. - Даос погадал и сказал «можно».

- Без даты рождения невесты? – усомнился паренек.

- На Небесах время иначе считают, мне Тьян Ню объяснила. Она родилась зимой, этого достаточно, – и добавил мечтательно: - Я бы хотел поглядеть, как выглядит зима на Девятом Небе.

- Вы слишком легкомысленны, Сян-ван. И спокойны, как никогда прежде. И терпеливы на диво.

- А ты – зануда. Ну с чего бы моим предкам упираться, подумай сам?

- Боязно. Госпожа Тьян Ню все-таки с Небес, женщины, они такие... - Мин Хе задумался, а потом уточнил: - Непростые они создания. Хотя вот говорят, что Пэй-гун... ну, то бишь Хань-ван женился на своей хулидзын.

- Ты, что же, считаешь своего господина трусливее какого-то черноголового мерзавца? - грозно спросил Сян Юн. – Нарываешься на трепку, э?

И не успел ординарец осознать свою оплошность и рухнуть ниц, как Сян-ван уже сменил гнев на милость, повергнув Мин Хе в ещё большее смятение. Впрочем, чуский князь и сам не подозревал о собственных запасах терпения и миролюбия. Откуда они взялись, непонятно.

А потом солнце село и наступило священное время «сумеречной церемонии» - брачного обряда вельможных владык. Простолюдины женятся при свете дня, знатные люди - в призрачном сиянии поднимающейся луны. Почему так повелось испокон веков – никто не знает. Но, когда под оглушительный звон бронзовых гонгов, паланкин с невестой плыл по

людскому морю на самом гребне волны из факелов, Сян Юн от всей души поблагодарил предков за мудрые обычаи. Словно это не девушку несли к жениху, а огненный феникс летел в свое новое гнездо.

Паланкин плавно опустили на землю перед парадными воротами в резиденцию Сайвана, проворные служанки раздвинули шторы, чтобы народ узрел небесную деву. Многослойный наряд, длинная, волочащаяся позади юбка, драгоценные фениксы в волосах, эти шелка, нефрит и золото призваны были показать всей Поднебесной, а заодно и Небесам, сколь высоко ценит Сян Юн свою нареченную. Чусец, как водится, выставил свою щедрость напоказ, но сам он видел только тоненькую белую ручку, протянутую в поисках опоры. Цыкнув на прислужниц, он сам шагнул вперед, помогая девушке выбраться из паланкина. И едва пальцы Тянь Ню оказались в его ладони, Сян Юн ощутил то неуловимое чувство, которое некоторые люди зовут счастьем. И крепко, но аккуратно сжал его в кулаке. Счастье, оно на ощупь такое же – прохладное, драгоценное, нежное. Настоящее.

Мин Хе пришлось даже подсказывать ошарашенному командиру, какой обряд за каким последует, чтобы тот не сбился и не нарушил церемонию. Поклоны, совершаемые Земле и Небу, предкам и друг другу – это самое простое, но и самое главное.

- Светит так ярко с востока луна, дева прекрасная в дом мой пришла... – пели девушки, старательно выводя древнюю, как этот мир, мелодию брачного гимна

- Солнце высоко поднимется днем, дева прекрасная рядом со мной, - отвечали им мужчины.

А Сян Юн ничего не слышал, кроме стука собственного сердца. Словно ступал не по мягким коврам, а по звенящим серебряным ступеням, ведущим прямоком на Девятое Небо. Только вместо грозного Шан-ди на троне, его ждала Тянь Ню. Она примостилась на краю постели, точно воробушек-слеток под крышей овина. Лица не видать за алым покрывалом, но пальцы от волнения сцепила так, что аж посинели.

Сян Юн присел напротив и приподнял шелковую завесу, чтобы встретиться взглядом с его теперь уже женой. Осторожно, словно только вылупившегося птенца, коснулся пальцами щек, чтобы поцеловать и... рухнул под лед её глаз, точно в студеное озеро. Говорят, далеко на севере в землях сюнну есть такие – прозрачные и в стужу промерзающие до самого дна. В Чу не бывает ничего подобного, там все воды темные, как и глаза живущих по их берегам людей, переполненные жизнью, густые и теплые, словно кровь.

- Скажите, Тянь Ню, - прошептал он. - Можно ли дважды влюбиться в одного и того же человека? Снова, еще сильнее, чем прежде. Что на это счет думают на Небесах?

- Я думаю... что возможно всё.

- Тогда, - Сян Юн склонился еще ниже, почти коснувшись губами её дрожащих губ. - Тогда возможно ли такое, чтобы вы перестали меня бояться?

- Я не...

- Много раз я оказывался лицом к лицу с врагом, так что никогда не спутаю страх с чем-то иным, – объяснил главнокомандующий, пристально вглядываясь в её лицо.

А потом генерал вдруг отнял ладони, отодвинулся, отступил назад. Растерянная девушка сжалась в комочек.

- Э нет, так дело не пойдет, моя Тянь Ню, – шумно вздохнул Сян Юн. - Я, конечно, никудышний стратег, как без конца твердил дядюшка Лян, но даже моих мозгов хватит, чтобы не причинять вам зла, - он красноречиво постучал костяшками пальцев по лбу. – Тем

более, что отныне вы – моя жена.

Тьян Нью поглядела на него так удивленно, что чуству стало немного обидно.

- Нет, ну в самом деле! Не такой уж я распоследний дурак. Однажды я проявил постыдную несдержанность. Но я понял свою ошибку, раскаялся и вел себя достойно. Поэтому вы вышли за меня замуж. Теперь я тоже должен проявить терпение. Я верно рассуждаю, моя Тьян Нью?

- Более чем, - согласно кивнула новобрачная и в первый раз улыбнулась не через силу, а от души.

Эта легкая, нежная улыбка воодушевила чуского князя больше, чем тысяча одобрительных слов. И разбудила аппетит.

- А давайте... давайте поедим?

- Давайте! - обрадовалась небесная дева. – Я бы сейчас съела целого быка.

- Быка нет, но есть пельмени. Их много.

Их с Сян Юном разделял низкий столик, уставленный мисочками с разными яствами. И пельменей было несколько видов - с бараниной, цыпленком и ещё каким-то пряным мясом, о происхождении которого Таня не решилась спросить. Все равно за главнокомандующим не успеешь всего отведать. Пока дожуешь ломтик вареного корня лотоса, он уже опустошит очередную тарелку с закуской. Палочки в его руках так и мелькали. Но девушка не протестовала. Сытый *le general* всегда добродушен, а значит, совершенно безобиден. И можно без опаски любоваться его бровями вразлет, и ресницами, и ямочкой на щеке.

- Еще лотоса? – заботливо спросил Сян Юн и последний кусочек положил на её тарелку, с умилением наблюдая, как новоявленная супруга тщательно пережевывает волокнистую мякоть. - И вот пельмешек остался.

На небесную деву, обычно весьма сдержанную за столом, вдруг напал настоящий жор. На радость мужу, надо думать. Здесь умение хорошо поесть ценилось во все века и служило первейшим признаком отменного здоровья.

Чусец тем временем разлил по чаркам рисовое вино, предлагая выпить за начало семейной жизни.

- Давайте проживем с вами, моя Тьян Нью, много-много лет в счастье и благополучии, – провозгласил он тост, ничуть не смущаясь предсказанием о скорой жестокой смерти.

- Надеюсь, *mon general*, вы будете добрым и заботливым мужем. Чтобы я не захотела вернуться в сады Матушки Сиванму.

- Я уже такой, - ухмыльнулся Сян Юн. - А вы никуда не улетите. Я так думаю.

Этот человек был порой настолько самоуверен, что даже самому смиренному собеседнику отчаянно хотелось поставить его на место. Татьяна ничего не сказала в ответ, не ко времени было препираться и совсем не к месту, но глянула так выразительно, что Сян Юн одарил её нахальнейшей из улыбок.

- Вы, моя уважаемая супруга, могли сто раз сбежать от меня хоть на Небеса, хоть к сестрице Лю Си, и участь слуг вас вряд ли остановила бы, хотя они уверены в обратном. Верно?

- И навлечь на ни в чем не повинного человека ваш гнев?

- Это Лю Дзы-то неповинный? Ха. Ладно, наивнейшее вы создание, я даже не стану ревновать. Хотя и следовало бы. Верно, вы не желаете ввергать в бедствие вашу сестру, так?

- Так.

- Что же касается Небес... – тут чуский князь сделал многозначительную паузу. - Вас там совершенно точно не ждут.

- Почему это? - запальчиво воскликнула девушка.

Сян Юн едва пригубил из своей чарки. Разговор его интересовал больше, чем вино.

- Я вот что думаю: если не на драконе, то на ком же в самый раз лететь к престолу Яшмового Владыки? А вы не полетели. На драконе. Да я бы и сам не отказался на драконе-то покататься. В следующий раз берите меня с собой. Как вашего мужа. Не обязательно на Девятое Небо. Просто посмотреть с высоты на Поднебесную. Эх! А? Договорились?

Черные глаза азартно сверкали на смуглом лице чусца, он мечтательно улыбался, словно уже восседал на спине дракона и летел среди облаков навстречу рассвету. Вот ведь нахал!

«Интересно, Цзы Ин согласился бы покатать? Или сожрал бы к чертям нас обоих? Сян Юна из мести, а меня за компанию» - подумалось Тане.

- Скажете, я не прав?

Тьян Нью молчала. Она так и не решила, что разумнее: говорить супругу о том, что туда, откуда она пришла, не долетишь даже на драконе-императоре, или ещё повременить.

- Всё не так просто, как вам кажется, - молвила девушка уклончиво.

- Ну, это я как раз понимаю, – вздохнул Сян Юн, допил свою чарку, сладко потянулся и вытащил золотую шпильку из высокой заколки. - Я другого не понимаю...

Традиционная мужская прическа с пучком на самой макушке не мешала спать на твердом валике, набитом овечьей шерстью, но все же генерал решил полностью распустить волосы.

Таня старалась не смотреть на эти черные, гладкие, блестящие пряди. Как они струятся по широким плечам, когда Сян Юн бродит по шатру и тушит светильники один за другим.

А потом он вытянулся на низком ложе.

- Так чего же вы не понимаете? - не выдержала затянувшегося молчания Татьяна.

- Потом скажу, – насмешливо фыркнул князь Чу и показал на место рядом с собой, похлопав по покрывалу. – Ложитесь спать, жена. Самое время выяснить, если меж нами хоть немного доверия.

Он терпеливо ждал, пока небесная дева избавится от бесчисленных шпилек и драгоценностей, а потом демонстративно подставил плечо.

- Я вам, например, вполне доверяю, - заявил Сян Юн.

- И я – вам.

Отступить снова было некуда, генеральское плечо оказалось удобным, рук супруг не распускал. Лишь почти беззвучно хихикнул:

- Я все-таки ужасно хитрый.

- Это еще почему? - удивилась Татьяна.

Сян Юн снова засмеялся, но уже через пару минут дрых без задних ног. Таня же дождалась, когда тот начнет сладко сопеть, чтобы наконец-то погладить мужнины волосы, как ей давно хотелось. На ощупь они, кстати, оказались очень жесткими, точно конская грива.

«Словно дикого зверя приручила», – думала девушка, с каждым мгновением преисполняясь горячей благодарности к этому порывистому человеку, сумевшему ради неё

обуздать свою яростную натуру. Он, ни в чем и никогда не знавший отказа, не пошел на поводу у своих желаний, не воспользовался правом сильного. Удивительно и так... великодушно.

Без малейших колебаний Таня обняла своего новоиспеченного супруга, доверчиво прижалась щекой к его груди и сама не заметила, как заснула.

Став Сайским князем, Сыма Синь получил вместе с землями дворец бывшего циньского хоу и всех его женщин. У них самих, понятное дело, никто не спрашивал, хотят ли они служить новому господину, а у Сай-вана пока руки не доходили распорядиться их судьбами. Таня же после свадьбы вынуждена была переселиться в женские покои, запретные для всех мужчин. Служанок ей оставили прежних, а вот с дядюшкой Сунь Бином или Мин Хе видется Татьяне теперь не полагалось.

- Тогда в чем смысл быть самой высокопоставленной дамой Поднебесной, если нельзя общаться со старыми друзьями? – горевала Тьян Ню, но единственным ответом ей были завывания расprostертых на полу прислужниц: «Ваши слуги достойны смерти!»

Злиться на них - все равно, что воду носить решетом. Тут даже Сян Юн оказался бессилён.

- Так исстари заведено мудрыми предками, моя Тьян Ню, - вздохнул он. – Женщинам пристало хранить себя во Внутренних покоях.

- В военном лагере среди тысяч мужчин я была, значит, в безопасности, а во дворце - должна прятаться даже от друзей? Это несправедливо и нечестно.

- А вы, драгоценная супруга, приходите вечером в мои покои, - усмехнулся Сян Юн. - Со мной не заскучаете, обещаю. – И заметив как съёжилась под его взглядом жена, бесстрастно добавил: - Что, не хотите пока? Очень жаль.

Замкнутый женский мирок, в котором, что до Рождества Христова, что на две тысячи лет позже, сгинули безвозвратно надежды и мечты миллиардов женщин, Таню пугал. Маменьку, помнится, занимали лишь завтраки с обедами, счета от бакалейщика, обновки, прием гостей и супружеская верность профессора Орловского. Что-то похожее, но с поправкой на времена и нравы, Таня ожидала увидеть и во Внутренних покоях лиянского двора. А очутилась словно посреди бранного поля. Полсотни юных и не очень, красивых и утративших привлекательность древнекитайских дамочек вели за шелковыми ширмами и бамбуковыми занавесями непрерывное сражение за привилегии, подарки и внимание владетельных мужчин. В том числе, и за расположение чуского князя.

Возможно, Татьяна не сразу бы поняла, в какое змеиное гнездо попала, но через нескольких дней Мэй Лин показала ей, что тут к чему. На живом, так сказать, примере.

- А ну-ка, отведай от каждого блюда, - приказала она девушке, принесшей ужин для супруги Сян-вана. А чтобы та не сбежала, вцепилась обеими руками в пучок волос. - Давай-давай, пробуй, что там нашей госпоже наготовили.

Возмутиться и одернуть зарвавшуюся прислугу Таня не успела. Девчонка заверещала как подстреленный заяц и попыталась вырваться из цепкого захвата Мэй Лин.

- Ага! Так я и знала. Отраву подмешали. Быстро тут у вас умники нашлись!

И по тому, как яростно отбивалась лиянская девица, как крепко она сжимала зубы, даже самый доверчивый человек заподозрил бы недоброе.

- Эй, стража! - заголосила Вторая. - Помогите. Убивают!

На её вопли сбежались, должно быть, все обитатели дворца. Чтобы кричать, потрясать

кулаками, толкаться, наступать друг другу на ноги, кланяться и ронять на пол драгоценные вазы. Исцарапанную виновницу переполоха скрутили и призвали к ответу. Но девчонка молчала и зыркала вокруг затравленным волчонком.

- Ага! Значит, она знала, что еда отравлена! - тут же сделал вывод щекастый старик с окладистой бородой. - Теперь осталось выяснить, по чьему наущению она действовала. Говори, мерзавка. Кто тебя надоумил? Признавайся. Иначе прикажу тебя пытаться.

- Подождите, – попыталась вмешаться несостоявшаяся жертва покушения. – В любом случае, она всего лишь исполнитель, яд слишком дорог и...

Таня полагала, что её голос будет решающим, но никто слушать её не стал.

- Тащите её в прачечную, там мы её быстро разговорим.

Как эти люди умеют «разговорить», небесная дева знала преотлично. На сытый желудок лучше не рассказывать.

- Нет. Не надо. Я сама с ней поговорю...

Но извивающуюся и рыдающую девчонку уже потащили прочь.

- Не смейте! - взвилась Таня и бросилась следом. – Я запрещаю её пытаться! Слышите меня! Я не позволяю!

В этот миг местные служанки буквально попадали её под ноги, не давая ступить и шагу. А самая смелая обхватила колени небесной девы.

- Да что же это делается. Прекратите! Отпустите! Я Сян-вану пожалеюсь!

Мэй Лин и Вторая принялись отдирать свою госпожу от цепких лапок лиянок, отчего на полу образовалась куча-мала из верещащих женщин. Татьяна, правда, сдаваться не собиралась. Хотя бы ради того, чтобы спасти несчастную от лютых пыток, надо было доползти до прачечной.

И вдруг невдалеке раздался жуткий вопль. Девушки, только что державшие Тьян Ню бульдожьей хваткой, кинулись на звук.

- Что это было? – шепотом спросила Таня

- Понятное дело что, – как бы нехотя фыркнула Мэй Лин. – Либо удавили мерзавку, либо она сама себя порешила.

- Как... это?

- Шпилькой - в горло, вестимо.

Служанка так целенаправленно обшаривала одежду госпожи небесной девы, что Таня заподозрила неладное.

- Что ты ищешь?

- Иголку отравленную. Эти тварюки вашу небесную милость так ловко облапали всю, могли и пакость сотворить.

Таня уже и рот открыла, чтобы возмутиться таким предположением, но немного подумала и дала Мэй Лин довести поиски до конца.

- Уф. Вроде все обошлось, - вздохнула та и мрачно добавила. - Покамест. Я думаю, надо нам побережся. Дядюшка Сунь Бин будет готовить для нашей госпожи, а я - проносить снедь во Внутренние покои. Вино в городе куплю сама.

- Кому я могла помешать?

Служанка в ответ лишь коротенько хохотнула:

- Да всем. Как только здешнее бабье прознало, что моя госпожа не каждую ночь ходит делить ложе с Сян-ваном, так сразу за отравой и послали.

- Я не понимаю...

- А что тут понимать? Владыке Западного Чу каждая захочет служить. Это и слава, и почет, и много денег семье.

- Но это я - его жена, - пролепетала Танечка.

- Так кто же спорит-то? Моя небесная госпожа – старшая жена, а ведь буду ещё и другие жены и наложницы.

- Это еще зачем?

Мэй Лин и Вторая, которая бесшумной тенью сновала по комнате, пытаюсь навести порядок, замерли и уставились на Таню с нескрываемым изумлением.

- Потому что так положено! - в один голос воскликнули они и едва ли не хором продолжили: - У владыки должно быть много женщин, ибо его долг служить Небесам и Земле не только принося жертвы на алтарях, но и на брачном ложе.

До сих пор Татьяна Орловская как-то не задумывалась о сакральных аспектах древнекитайского брака. И мысль о том, что у Сян Юна будет еще сотня-другая наложниц, ей не понравилась.

- Госпожа не должна печалиться, она должна уметь отстоять свое святое право на любовь супруга, - назидательно заявила Мэй Лин. - Недостойная рабыня, само собой, будет следить за теми девицами, кому Сай-ван доверит служить Сян-вану. У нас ведь есть Мин Хе. Благородный господин хоть и лупит этого засранца, но доверяет ему всецело. Он тоже будет начеку. Кто бы не нырнул к Сян-вану под одеяло, Мин Хе прознает и всё доложит.

От смущения не зная, что и сказать в ответ, Таня молча теребила край рукава.

«Господи, что за люди такие? - думала она. - Ни стыда у них, ни совести совсем. Ничего не утаишь, ничего не спрячешь. Даже самое интимное. Ведь и у зверя в зоологическом саду есть место, где он прячется. Как жить в этом аду китайском и умом не тронуться?»

Она машинально погладила рыбку, спрятанную под одеждой на груди. Надежда, что богиня Нюйва вот-вот подаст знак, что девушкам можно возвращаться домой, снова возродилась, как феникс из пепла.

- А моя госпожа должна каждую ночь ходить к Сян-вану и своего не упускать, – вещала служанка зловещим шепотом. – Оно, может, на Небесах витязи веками ждут, пока дева распоясается, а земной мужчина долго терпеть не будет. И тутошние стервы это лучше всех знают. В опочивальню к Сян-вану так и ломаются. Передрались между собой. Говорят, уже троих похоронили. Самых настырных.

- О боже! - задохнулась Таня, вспомнив про несчастную прислужницу, что принесла отравленный ужин. – Вряд ли та девушка желала моей смерти. Её ведь заставили?

- А то. Кто-то посулил награду, если дельце выгорит. Скажем, братца пристроить на хорошее место. Или отцовский долг выплатить. Та и согласилась. Причем с радостью.

- А если бы отказалась?

- Удалили бы по-тихому, чтобы не проболталась. А так... какие-никакие, а денежки её родня получит.

- Это ужасно.

Мэй Лин тяжело вздохнула.

- В Поднебесной много людей. Много мужчин и много женщин. Долг дочери служить своей семье и в жизни, и в смерти. Мой отец сговорил меня за бедного, лишь бы приданого не давать. Тоже... выгода.

На скуластом кукольном личике никаких чувств не отразилось и, в этом Таня была

уверена, своих детей китайка тоже пристроила бы с выгодой, нимало не заботясь об их чаяниях и душевных склонностях. И так здесь будет всегда.

Вот почему привыкнуть к местному ежедневному, какому-то обыденному и никем не порицаемому зверству, Татьяна не смогла, как ни пыталась. Жизнь человеческая в Поднебесной не стоила ломаного грошика. Местного, круглого с квадратной дырочкой посередке.

- Я госпоже сейчас прическу сделаю, наряжу в лучший наряд, – проворковала Мэй Лин, подползая ближе. - Бровки начерним, губки помадой накрасим, чтобы наш Сян-ван растаял. А помада-то сладкая...

- Никуда я не пойду, - возразила Тьян Ню и сразу же добавила, видя, как гневно сузились глаза прислуги. - Сегодня я никуда не пойду. Я слишком потрясена случившимся.

- Смотрите, госпожа, до послезавтра в этом гадюшнике можно и не дожить! - строго предупредила Мэй Лин. – Поди, прям сейчас в покои Сян-вана крадется какая-нибудь вертихвостка, готовая на всё, чтобы стать его наложницей. А еще две сговариваются с евнухами, чтобы купить новый яд. И десяток других спят и во снах видят, как небесную деву погубить. Так и знайте!

И если не напугать, то расстроить Таню у неё прекрасно получилось. Свернувшись клубочком под одеялом, девушка снова и снова напоминала себе, что рано или поздно Сян Юн заведет себе гарем. Без этого здесь нельзя. Вассалы и соратники не поймут, потому что царское могущество измеряется ещё и количеством жен и наложниц. А делить le general с другими женщинами Татьяна не желала. Стоило представить его в объятиях какой-нибудь... Фэн Лу Вэй, и руки сами сжимались в кулаки. Древние искусительницы весьма настойчивы и совестью не отягощены. Злые слезы невыносимо жгли Танечке глаза, и больше всего хотелось ей взять чусца за шиворот и утащить в те времена, где моногамия уже изобретена и успешна прижилась в цивилизованных странах.

«Ничего-ничего, - думалось Тьян Ню. - Завтра же упрошу Сян Юна ехать в Пэнчэн. В дороге нам будет проще поладить. И чужих женщин будет меньше».

Но замысел её не удался. Могучие ваны - Сян-ван с Сай-ваном отбыли на охоту с раннего утра. «Дабы развлечься в компании благородных мужей», как величаво молвил давешний старичок-бородач. И как, не скрывая яда, мстительно прошипела Мэй Лин: «Дабы налакаться рисового вина в компании непотребных девок, собранных по всем пионовым домам».

- Меньше языком трепи, девка, – огрызнулся дедок. - Не то и твоя голова украсит городские ворота.

Вторая пересилила робость и зашептала на ухо хозяйке:

- Все слугам строго-настроено приказано молчать о покушении. Болтливым сулят отрезать язык, коли история дойдет до Сян-вана.

- Почему так?

- Чтобы не порушить союз между Сай-ваном и ваном-гегемоном.

- Хм...

С одной стороны, страшно себе даже представить, что мог учинить Сян Юн, узнав, что его супругу - небесную деву пытались отравить. Сжег бы весь Лиян к чертям и про союзничество даже не вспомнил. А с другой стороны, Танечке как-то боязно было оставаться в стане врагинь совсем без поддержки. Тем паче, что те не заставили долго ждать новых козней.

Сыма Синь выглядел крайне опечаленным и всем своим видом выражал скорбь. Простое бурое ханьфу пристало бы обычному горожанину, но не полновластному вану. Словно он не кутил несколько дней в обществе других благородных мужей, а со всем рвением соблюдал траур по кому-то из близких родичей – постился и молился от рассвета до заката.

Строгий, но изящный павильон, куда Сай-ван пригласил небесную гостью, слуги наполнили обитыми шелком циновками, всех видов и размеров подушечками, цветами и клетками с птичками, а два столика устали изысканными яствами. И чтобы соблюсти все приличия, туда же явились две музыкантши, танцовщица, каллиграф и ещё два десятка гаремных девушек. Пронзительный стон флейты и гипнотические переливы гуциня задавали сложный ритм, которому подчинялись и хрупкая девочка-танцовка, и седобородый мастер кисти. Они работали, стараясь ублажить чувства вана и посланницы Яшмового Владыки. Прощтрафившиеся наложницы искупали вину перед госпожой Тьян Ню, стоя на коленях вокруг павильона. Но никакой радости от вида унижающихся девиц Таня не чувствовала.

- Надеюсь, все они останутся живы? - спросила она.

- Если вы того желаете, то...

- Желаю! - поспешила заверить Сай-вана девушка. – Я уверена, что произошло досадное недоразумение. И оно, разумеется, не повторится.

- Воистину, ваше милосердие небесного происхождения, - вздохнул Сыма Синь. – Но, уверяю вас, его никто не оценит по достоинству.

- Я знаю.

Благородный Сыма Синь собственноручно налил в крошечные, не больше наперстка, чарки рисовое вино, предлагая выпить за стремление к совершенству духа.

- Вы могли бы перебраться в покои Сян-вана, - деликатно намекнул бывший военный советник.

- Я пока не хочу мешать моему супругу заниматься важными государственными делами.

Если Сыма Синь и удивился ответу, то спрятал свое недоумение за широкий рукав халата и запил его вином. И видимо там, за завесой рукава он решил сменить тему разговора.

- Мне, знаете ли, тоже не слишком весело живется, – посетовал он, подхватывая из бронзовой плошечки ломтик мяса. - Не хватает прежней вольности. Словно я не в собственной вотчине, а до сей поры в подчинении.

У кого именно в подчинении оказался новый владетель циньских земель, можно было и не спрашивать. И так всё понятно. Бедному вану кусок в горло не лез.

- Большой человек – всегда большие амбиции, – тут же придумал оправдание Сыма Синь. – К тому же не мне – мужчине – сетовать на несправедливость судьбы. Женщине же, утратившей невиданную для Поднебесной свободу, наверняка тяжелее десятикратно.

Таня промолчала, делая вид, что увлеклась крошечными пельмешками с какой-то овощной начинкой. Если это у неё была свобода в походном-то шатре безвылазно сидеть, то какова же тогда неволя?

- И хоть мне, человеку благородного происхождения, не пристало хвалить нравы черни, но Хань-ван повел себя умнее со своей небесной супругой. Говорят, будто госпожа

Люй правит народом наравне с мужем, ни в чем не зная ограничений.

«А я тут сиднем сижу со злобными девками и евнухами, - разозлилась Татьяна. - Как курица в курятнике или дворовая сука на цепи».

- Зачем же вы тогда пригласили на постой таких утомительных гостей?

- Если я скажу, что только лишь ради вашего удобства, моя госпожа, то вы мне не поверите. И это будет справедливо, хотя Лиян всяко лучше Пэнчэна. Или вы думаете, что там вам было бы выгоднее?

И посмотрел на собеседницу с грустным изумлением.

- И все же, что на самом деле мой супруг делает в Лияне? Ну, кроме того, что охотится и пьет вино.

- Тайны тут никакой нет. Сян-ван разделил земли империи по собственной прихоти, тем самым посеяв семена грядущей междоусобицы. Нынешний и прежний правители Янь – Цзан Ту и Хань Гуан уже поцапались. Не далее как вчера пришла весть о том, что Гуан убит в Учжуне.

- Кем?

- Цзан Ту, разумеется. Но и это еще не всё. Тянь Жун, тот вообще поднял в Ци восстание. Не знали?

- Боже мой. Всего ничего прошло со взятия Санъяна. Они ведь только разъехались все по своим уделам.

- Людям вообще свойственна черная неблагодарность, и алчность - вечный спутник любого, кто вкусил власти, – заметил Сыма Синь и принялся сыпать именами и названиями городов и владений, где зреет недовольство Сян Юном.

Выходило, что практически везде.

- Так значит, это никакая не охота была, - догадалась Татьяна и нетерпеливо заерзала на месте.

«Вот теперь сиди-переживай за него! - думала она. - Ведь на рожон ползет, разгоняя неблагодарных ванов».

- Именно так, моя госпожа, - молвил Сыма Синь, бросив пристальный взгляд на девушку поверх очередной чарки. - Скорее всего, вы скоро отправитесь в Чу. Вам там должно понравиться. Уверен, чуские дамы незлобивы и покладисты. Власть Сян-вана там никто не оспаривает и слово его – закон, - продолжал он умиротворенно. – Как он скажет, так и будет – что во Внешних, что во Внутренних покоях дворца. Вы быстро освоитесь.

«Этого ещё не хватало!» - возмутилась небесная дева, мысленно вообразив себя в компании чуских красоток.

Сай-ван меланхолично прожевал ломтик корня лотоса.

- Я же, в свою очередь, сожалею только об одном...

- О чем же?

- Что пожадничал и польстился на титул Сайского князя, – признался Сыма Синь в порыве откровенности. – Надо было уйти в Ханьжун вместе с Лю Дзы. Если даже среди урожденных чусцев нашлось множество людей, которые из чувства привязанности последовали за ним, то и мне было бы не зазорно присоединиться к этому человеку.

Дальше они ели и пили в молчании, делая вид, что увлечены танцем. Но каждый из собеседников думал о своем. Мысли Сыма Синя остались тайной для госпожи небесной девы, а её собственные все время возвращались к словам про свободную жизнь Люсенки в

Ханьчжуне.

Вольно или невольно деликатный Сыма Синь заронил все же зернышко сомнений в душу Татьяны. И теперь она сомневалась во всех своих поступках и решениях, даже там, где была уверена в своей правоте.

«Вдруг мы ошиблись, когда полетели не на Цветочную Гору, а в Хунмэнь? - спрашивала себя Таня снова и снова. - Может быть, не след нам было разделяться самим и делить рыбок?» Но богиня Нюйва ведь ничего не обещала – ни помощи своей, ни мгновенного возвращения домой. Хитрюга вообще всё вывернула так, что сестры остались ей должны за спасение от ребят Ушастого Ду. Ныне долг этот вроде как покрыт. А что же дальше?

Ночью сомнения точь-в-точь ночные мошки слетались на огонек растревоженной души, не давая глаз сомкнуть. Дождавшись, когда захрапит Мэй Лин и к её руладам присоединится громкое сопение Второй, Таня осторожно выбралась из постели и на цыпочках прокралась во двор. Летняя жара, от которой днем не спрятаться было не скрыться, на время отступила, ветерок там приятно охлаждал кожу, и главное, вокруг не было ни единой живой души. И хотя гнетущие мысли никуда не делись, но на свежем воздухе думалось как-то легче.

Девушка побродила под сливовыми деревьями, надеясь разглядеть в лунном свете хоть один спелый плод. Без всякой надежды на успех, впрочем. Гаремные барышни обносили сады почище деревенских мальчишек и, когда никто не видел, прыгали по веткам, точно белки. Таня и сама не прочь была бы вспомнить дачное детство, но постеснялась. На фоне тоненьких, как тростиночки, китаянок она сама себе казалась эдаким бледнокожим слонопотамом. А ну как ветка под её весом подломится? Засмеют - и в глаза, и за спиной.

Лотосы отцвели еще в середине лета. Их ежедневного торжественного восхождения из донного ила к солнечному свету Татьяна не застала, и теперь оставалось лишь вглядываться в отражение лунного серпика в воде. С точки зрения местных эстетов – самое романтическое занятие для дворцовой красавицы. И дочь профессора-синолога, однажды уже околдованная отцовскими сказками о дивной далекой стране, поддалась очарованию древнекитайской ночи.

- Встретиться в сумерках мы сговорились с тобой, звезды рассвета блестят, обещанья забыты... - прошептала она, чувствуя, что успела по-настоящему стосковаться по своему психованному чувству.

Таня решила припомнить еще что-то из стихов Сян Юна и... Толчок в спину вышел настолько сильным, что небесная дева кувыркнулась в пруд, даже не поняв, что случилось. Вода хлынула в нос и уши, а намокшее платье тут же сковало движения и потянуло на дно.

Пруд оказался чуть глубже человеческого роста и рассчитан был на утопление не умеющих плавать миниатюрных красоток. Нащупав дно, Таня резко оттолкнулась ногами, выскользнула из халата и всплыла на поверхность. И сразу же прикрыла голову рукой, на случай, если злоумышленницы захотят пустить в ход весло или багор, или что они там припасли. Но трусливые мерзавки успели сбежать с места преступления. Таня отфыркалась, кое-как убрала с лица волосы, тину и листья.

- Эх, я вам, сучки драные, покажу,- шепотом посулила она обидчицам и поплыла к берегу.

В этом злосчастном пруду всерьез только слепых котят топить, но если ноги запутаются в стеблях кувшинок и лотосов, то можно и воды нахлебаться. Поэтому двигалась Татьяна осторожно, распугивая лягушек злым шепотом:

- Я вам уст-трою веселую жизнь, гадины.

Возле каменного бортика вода была ей уже по грудь, и девушка легко подпрыгнула, подтянувшись на руках и оказалась на твердой земле.

- Вы у меня поп-пляшите! – у небесной девы от нервного потрясения зуб на зуб не попадал. - Всё! Терпение мое закончилось. Это была п-п-последняя капля!

От одной лишь мысли, что сейчас она, словно помойная крыса, недотопленная мальчишками в канале, побежит прятаться в свою комнатенку и ждать, когда убийцы явятся с ножами, Таня взбесилась. Merde! **16** Она, черт побери, жена вана-гегемона! Практически императрица половины Поднебесной!

Закусив губу и сжав кулаки, Таня двинулась напрямик в покои Сян Юна. Её не посмел никто остановить – ни евнухи, ни стражники, как если бы Тьян Нью летела снова на черном драконе.

- Ох,ты ж... – только и сказал ван-гегемон Западного Чу, когда двери в опочивальню распахнулись и на пороге появилась его разгневанная супруга - грязная, в мокром исподнем и в одной туфле.

Они тарасились друг на друга пару минут,и Таня уже набрала полную грудь воздуха, дабы высказать, что она думает про дикие нравы и мерзких гаремных девок, но вместо обличительной речи громко всхлипнула и бросилась к Сян Юну в объятия.

- Они на меня взъелись... Все как одна, – жаловалась Таня, уткнувшись носом ему в грудь. – То одно,то другое, житья от этих вредин нет. И... скучно там. Ни дядюшки Сунь Бина, ни Мин Хе, ни... тебя.

Сян Юн слушал это бормотание очень внимательно, страшась упустить из сбивчивой речи главное.

- Только ты никого не казни, хорошо? Они ж не знали, что я плавать умею. Просто забери меня оттуда. Мне же можно? Я же небесная дева все-таки. Ну, пожалуйста, Юн. Ты же всё-всё можешь. Только не нужно им головы рубить. Очень тебя прошу. Хорошо? Ну пожалуйста!

И посмотрела на мужа с такой надеждой.

- Пожалуй, я их даже награжу, - ухмыльнулся чусец.

- За что?

- А вот за это!

Сян Юн прижал к себе Таню ещё крепче и поцеловал. Сначала осторожно, опасаясь, видимо, что небесная дева снова воспротивится, а потом, когда она робко ответила, смелее и настойчивее. В жизни губы Тьян Нью оказались мягче, слаще и соблазнительнее, чем в самых смелых мечтах. И отрываться от них было воистину смертельной мукой.

- Если ты хочешь,то я уйду, позову служанок,и тебя переоденут, - пробормотал он, готовый даже к такому повороту. - Если хочешь...

Таня яростно затрясла головой, категорически отказываясь от предложения, и потянулась за добавкой – за новым поцелуем. Совершенно сбитый с толку рвением супруги ван-гегемон сделал последнюю отчаянную попытку разъяснить намерения небесного создания:

- Вы же останетесь... со мной... сегодня?

Вместо ответа Тьян Нью его поцеловала. Неумело, зато без тени страха. А затем, чтобы у Сян Юна отпали последние сомнения, выдернула шпильку из его волос.

Какая-то отчаянная ненасытная жадность овладела ею. Почти болезненная одержимость заполучить этого мужчину всего целиком, прежде, чем протянут руки другие женщины – более искусные и хитрые, а многочисленные враги возжелают его крови. опередить смерть, которая однажды вырвет яростную душу из этого сильного тела. Стать первой, стать захватчицей. Застолбить, заклеить, присвоить всё сразу – и твердокаменные от мозолей ладони, и белый длинный шрам на боку чуть ниже левой подмышки, и сиплое дыхание сквозь сжатые зубы, и влажный блеск белков закатившихся глаз под дрожащими ресницами, и даже мучительный стон. Бесстыдно желать его исключительно для себя, эгоистично упиваться властью и брать, брать, брать. Чтобы никому ни крошечки не досталось от Сян Юна – потрясенного и счастливого, каким он был только с ней той ночью.

- Чем я заслужил? – выдохнул Сян Юн чуть слышно во влажные кудри на её затылке.

- Ничем абсолютно.

Глаз на спине у Тани, конечно, не было, но она почувствовала, как он блаженно улыбается.

Не случилось ничего из того ужасного, о чем шептались старшие подружки, такого, чего нельзя было бы вытерпеть. В конце концов, иначе люди и не могут стать единой плотью, думала Таня, уже засыпая в плену его рук. А держал Сян Юн ой как крепко.

Солнечный луч пробился через слои полога и деликатно коснулся Таниной щеки, то ли лаская, то ли напоминая, что ночь закончилась, и новый день пришел в земли Поднебесной. Еще один из череды беспокойных и опасных, ибо по-другому тут не живут и другим жить не дают.

Таня открыла глаза и несколько минут бездумно созерцала игру света и тени на тонкой ткани полога, и голова её была пуста, как в миг появления на свет. Ни мыслей, ни чувств, ни воспоминаний - *tabula rasa* 17. Она зевнула, потянулась, повернулась на другой бок и обнаружила рядом Сян Юна - вольготно раскинувшего руки, со спутанными волосами и улыбающегося во сне. И совершенно голого.

- О Боже мой! - проскулила Танечка.

Прикрываться руками было поздно. Сян Юн всё, что ему хотелось, разглядел ещё ночью. Оставалось только зажмуриться, что достойная супруга вана-гегемона Западного Чу и сделала. Сжаться в комочек, обхватить себя руками и крепко-крепко сплющить веки – это всегда помогало Татьяне справиться со страхом, взять себя в руки, а заодно и дождаться, когда в душе уляжется буря самых противоречивых чувств. Петр Андреевич, помнится, невесело смеялся над повадками наследницы. «Ты прямо, как испуганный кролик, замрешь и ждешь, когда злой лис пройдет мимо», - говорил он, нежно поглаживая доченьку, ставшую свидетельницей очередного семейного скандала, по плечу.

Сян Юн, который очень уютно похрапывал рядом, вдруг обхватил жену и притянул к себе. И замурлыкал сквозь сон что-то неразборчиво-ласковое. И от этого властного жеста из мешанины ощущений, как из перенасыщенного раствора медного купороса, тут же выкристаллизовалась одна мысль – большая, яркая и с острыми гранями: «Господи, что же я наделала!»

Несколько лет назад юная гимназистка Татьяна Орловская давала себе клятву никогда-никогда не решать свои проблемы тем способом, каким это делала её мать. Когда у

Елизаветы Сергеевны, царствие ей небесное, приключалась неприятность, она тут же издавала вопль иерихонский: «Петру-у-уша-а-а! Петр Андрее-ич!», после которого все домочадцы, и прежде всех сам Петр Андреевич, побросав все дела, должны были мчаться и спасать страдальцу. Иначе – скандал.

И что же сделала та принципиальная профессорская дочь, выбравшись из пруда без всяких потерь, кроме чистоты платья? Нет, она не кликнула стражу и не употребила против злоумышленниц власть, которой, несомненно, обладала. Она, точь-в-точь как Елизавета Сергеевна, завопила «Ся-а-ан Ю-у-н!» на весь Лиан и кинулась под крылышко к мужу. За что и поплатилась. Вот Люся, умевшая мыслить здраво, никогда такого не сделала бы.

Русский человек задним умом крепок. Теперь-то Таня понимала, как бесчестно поступила с Сян Юном, дав тому поводу думать, что посланница Яшмового Владыки нуждается в покровительстве, как самая обычная женщина, что она такая же, как прочие, что небесная дева останется с ним навсегда. Потому что в глубине души отлично понимала – когда и если Ньюва отпустит их с Люсей домой, в свой век, она обязательно вернется.

А еще... Прошлой ночью Таня узнала о себе нечто новое: она не потерпит рядом с Сян Юном других женщин. Ни единой, даже самой заваливающей наложницы, а в случае чего поступит с любой соперницей так, что затмит ужасную славу Люй-хоу из «Записок» Сыма Цяня. Кровь родная все же не водица.

- Моя Тьян Нью...

Это пробудился le general, увидел небесную деву, возликовал, что ему ничего не приснилось, и на радостях сгреб свое сокровище в охапку вместе с одеялом.

- Вы остались со мной до самого рассвета, как настоящая жена. Это такая честь, – промурлыкал он Танечке на ухо.

Еще бы. Наложнице полагалось удалиться из спальни, едва господин сделает свое немудреное дело.

Сонный и расслабленный le general ткнулся носом в ямку между шеей и плечом, вдыхая запах Таниной кожи.

- Я же вас ничем не обидел, нет? Я только хочу сделать вас счастливой...

Нежности из его уст звучали так мило и соблазнительно. Небесной деве пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы не поддаться адскому искушению запустить пальцы в черные волосы Юна.

- Смотря, что вы понимаете под счастьем.

- Хр-р-р...

Сян Юн всё еще досматривал последний сон.

- Так что там у вас со счастьем, главнокомандующий? – требовательно спросила Таня и ткнула дремлющего мужа пальцем в бок

- А. Что? - дернулся тот, по-прежнему не открывая глаз. - Счастье-то? Моё? Да, как и у всех. Полный дом жен и наложниц, много детей и столы, ломящиеся от еды. Всё просто... да...

Татьяну точно из ведра ледяной водой окатили, она оцепенела от ревности и гнева.

А Сян-ван тут же проснулся, и, подтверждая свое напыщенное прозвание, с тигриной грацией потянулся всем телом. Выбираться из постели он не торопился. Щурил поочередно то один глаз, то другой, словно пытался угадать тайные мысли супруги по выражению её лица.

- Вы чем-то обижены? Недовольны?

Сцепив зубы, Таня отрицательно замотала головой. Мол, ничего подобного, никаких обид.

«Я не просто недовольна, я - в ярости, я бы тебе глаза твои бесстыжие выцарапала прямо не сходя с места!» - посулила она дорогому супругу, до боли вонзив ногти в ладони.

- Не переживайте, моя Тьян Нью. Чтобы у нас в Пэнчэне не повторились здешние неприятности, вы всегда будете лично отбирать женщин для моих Внутренних Покоев, – заявил он со всей возможной серьезностью.

- Что? - ахнула Таня.

Ван-гегемон сладко зевнул.

- Я говорю, что вашему вкусу полностью доверяю. Берите таких девиц в наложницы, с которыми сможете поладить, а мне все равно, я только вас люблю.

Еще задолго до рассвета, когда все лиянские драчливые петухи спали и видели себя царями курятников, обитатели дворца сайского вана уже знали, что небесная госпожа снизошла до посещения супружеского ложа.

Стражники, свободные от дежурств, немедленно опрокинули по чарочке за удачу Сян-вана, а потом и по второй – за его же мужскую силу. Кто их знает, этих небесных дев, какое у них в разных местах устройство? Придворный гадатель Цзюнь Дун разложил исчерканные магическими знаками бараньи лопатки и официально провозгласил данное событие благоприятным знаком для всех земель Поднебесной. Сыма Синь приказал всыпать палок всем гаремным дамам без исключения, но, поразмыслив, сменил гнев на милость, ограничившись поркой зачинщиц неудачного покушения. Одноглазый телохранитель Сунь Бин выслушал новость из уст Гу Цзе, обозвал того болваном, перевернулся на другой бок и задрях снова.

Только Мин Хе пришлось всю ночь сидеть под дверями в ту самую опочивальню, оберегая покой высокой четы. Уж для кого-кого, а для него не было секретом, что бешеный чусец сделает с нарушителем супружеского уединения. Самым храбрым любопытствующим ординарец рассказывал в красках, как во время похода на Запад его вспылчивый господин рубил головы за нескромный взгляд в сторону госпожи Тьян Нью. Тому же, кто узрит, упаси Небеса, небесно-девью ляжку, Сян-ван самолично глаза выколет. И съест их без приправы. Да-да! И выдерет язык!

В конце концов, в самый неожиданный момент из спальни выскочила сама небесная госпожа в мужском ханьфу на голое тело, и споткнулась об Мин Хе. От досады со всего маху пнула опешившего ординарца под зад, чтобы убрался с прохода, и умчалась в свои покои, точно стрела, пущенная из лука сюнну.

Гадатель Цзюнь Дун, внимательно осмотрев вспухший синяк на ягодице Мин Хе, хотел объявить оный целебным, но за небольшую мзду нагадал парню кучу денег и внимание девушек. Так оно и вышло. Мужчинам предприимчивый чуский юноша давал полюбоваться небесной «наградой» за два медных цянтя, женщинам – за просто так, и в накладе не остался.

16 - дерьмо (фр.)

17 - «чистая доска» (лат.)

Подножье Цветочной Горы, где-то, когда-то

От красных нарядов и тяжелых головных уборов они с Юнченом дружно и наотрез отказались. Едва ли не хором. Было уже всё. Были у них и драгоценности пригоршнями, и шелковые халаты в несколько слоев, что ни вдохнуть, ни выдохнуть, и нефритовых подвесок до черта, каждая ценой в деревню.

- У нас тут не костюмированное представление, - отмахнулся Юнчен, буквально сняв у Саши с языка несказанные слова.

Представление, спектакль, маскарад, как ни назови, а именно так она ощущала текущую вокруг жизнь. И тогда – в первые годы эпохи Хань, и сейчас. Весь мир был театром, огромным, наполненным прекрасными декорациями, причудливыми тенями и статистами, освещенным солнцем и луной, шумным и красочным, но все же ненастоящим. Почему это чувство преследовало Людмилу Смирнову – беглянку из чужого века, понять легко. Для неё Цинь и Хань, князья-чжухоу, семенящие евнухи и танцовщицы с длинными пестрыми рукавами, дворцы и боевые колесницы так и остались ожившей сказкой. Цветистой историей, в которую она случайно влипла. Ей, ровеснице века двадцатого, все эти шелковые халатики и бронзовые мечи представлялись... игрушечными. С Люсей, как раз, всё ясно и объяснимо. Но Сян Александра Джи, сколько себя помнила, чувствовала то же самое - ненастоящесть окружающего мира. Иногда ей до зуда в кончиках пальцах хотелось поскрести ногтем собеседника, чтобы окончательно убедиться – под тончайшим слоем иллюзии таится прессованная бумага папье-маше. Или хлопковая вата, как в игрушечном мишке. Или стекло, словно у елочной игрушки.

- Обойдемся, - фыркнула Саша.

Ли Линь Фу и не настаивал.

- Дело хозяйское, – сказал он и плечами повел, мол, благородная госпожа – из паланкина, носильщикам легче.

А вот обряд свадебный даос провел по всем правилам, командуя женихом и невестой, точно полководец – армиями.

Первый поклон - земле и небу. Земле древней и плодородной, прекрасной и щедрой, политой кровью воинов и потом хлебопашцев, в которую упало зернышко-Люся, чтобы прорости спустя два тысячелетия былинкой-Сашей. И небу – недостижимой мечте девчонки из Петрограда. Сян Джи, сама не ведая отчего, всегда любила летать, любила аэропорты, всегда брала билеты возле окошка. И когда лайнер заходил на посадку, накрываясь на бок, вместо страха чувствовала восторг и эйфорию. Ей было хорошо в покоренных небесах, так хорошо...

- Ты вся дрожишь, - забеспокоился Юнчен. – Замерзла?

- Цыц, охальник! - шикнул на него даос, замерший над столиком с подношениями богам – пряниками и фруктами. - Второй поклон – родителям и предкам.

Ин Юнчен ухмыльнулся. Что ж, предков у новобрачных хватало. Можно сказать, что с избытком. Хорошо обычным людям, для которых предки лишь слово и, в лучшем случае, лица на фотокарточках в семейных альбомах. Для того же, кто когда-то был... Тьфу ты! Он поёжился под насмешливым взглядом Саши.

- Ну и чего ты скалишься, Твое Величество? Не бойся, сам себе предком ты быть никак не можешь, - утешил Ли Линь Фу. - Кланяйся, давай. Бесстыдник мелкий!

Дважды просить Юнчена не пришлось. У него в этой жизни были замечательные,

самые лучшие родители на свете. И уже только за то, что они подарили ему жизнь, заслужили поклон и благодарность.

Саша тоже не стала мудрствовать. Её глубокий искренний поклон предназначался всем, благодаря кому она здесь и сейчас – у подножья Цветочной горы рядом с Юнченом. Прежде всего - Тане. Где бы ни пребывала ныне её светлая чистая душа.

Третий поклон - друг другу. Вот это - правильно! В том древнем сказочном, почти карнавальном мире у Люси был Лю Дзы – единственный, настоящий. Его смех, его лукавая улыбка, его сияющие глаза, его сильные руки, его негибкая воля и жажда деятельности. Всё мнилось фантомом – войны и пиры, враги и приближенные, горящие города и отрубленные головы, но только веселый Лю, её Лю – подлинным.

- Здесь у подножья Цветочной горы я беру в свидетели богиню Нюйву, что с этого дня и навсегда я буду мужем Сян Александры Джи, – прошептал он. – Я буду любить её вечно всем сердцем и никогда не расстанусь.

Сказав слова древней клятвы, Юнчен взял пальцы девушки в свои ладони. Такие же холодные, как в тот далекий день, когда снега в Чанъане навалило чуть ли не по колени, и она – светящаяся от восторга скатала несколько снежных шаров, поставив их один на другой. Глаза – два черных камушка вейцзи и нос – нефритовая заколка. «Это - снежная баба», – говорила та прекрасная молодая женщина с серебряными очами и мокрыми ледышками рук.

- Помнишь снежную... бабушку?

Саша зажмурилась, кивнула и накрепко переплела свои пальцы с его, чувствуя - настоящий Лю Юнчен одним лишь пожатием сделал весь этот нарисованный мир настоящим. Так просто!

- Чего-то не хватает... – раздраженно пробурчал озабоченный даос, растерянно оглядываясь по сторонам. - Все вроде как положено, но чего-то не достаёт. Чуешь?

- Летящих персиковых лепестков, - легкомысленно бросил новобрачный, медленно склоняясь к невесте с недвусмысленными намерениями. – Вечер, луна, свадьба, клятвы. А где же лепестки?

Ли Линь Фу от досады звонко шлепнул себя ладонью по лбу.

- Точно! Совсем старый стал.

И целовались Саша с Юнченом уже посреди бело-розовой цветочной вьюги, как это всегда было принято у прекрасных дев и великих героев Поднебесной.

«Однажды я скажу своей будущей внучке, обязательно скажу. Скажу так: наша жизнь, детка, так коротка, короче, чем, кажется в пятнадцать или двадцать. Годы, что ты видишь впереди, пролетят ласточками в суете и тревогах. И когда... или если Судьба подарит тебе любимого, сделай самое главное – люби его без оглядки на людей, молву и обстоятельства. Просто люби его, детка».

(из дневника Тьян Ню)

КОНЕЦ 1-го тома

Об авторе

Страница автора: <http://feisovet.ru/Авторы/Астахова-Людмила-Горшкова-Яна?ref-book=206476>

Блог автора: <http://feisovet.ru/Блоги/Астахова-Людмила-Горшкова-Яна?ref-book=206476>

Книги автора в магазине: <http://feisovet.ru/магазин/Астахова-Людмила-Горшкова-Яна/?ref-book=206476#books>

Все книги автора

«Дорога в две тысячи ли. Людмила Астахова, Яна Горшкова, Екатерина Рысь» : <http://feisovet.ru/магазин/Дорога-в-две-тысячи-ли-Людмила-Астахова-Яна-Горшкова?ref-book=206476>

«Бабочки в жерновах. Людмила Астахова, Яна Горшкова» : <http://feisovet.ru/магазин/Бабочки-в-жерновах-Людмила-Астахова-Яна-Горшкова?ref-book=206476>

«Шесть дней Ямады Рин. Людмила Астахова, Яна Горшкова» : <http://feisovet.ru/магазин/Шесть-дней-Ямады-Рин-Людмила-Астахова-Яна-Горшкова?ref-book=206476>

«Шесть мужчин Ямады Рин. Людмила Астахова, Яна Горшкова» : <http://feisovet.ru/магазин/Шесть-мужчин-Ямады-Рин-Людмила-Астахова-Яна-Горшкова?ref-book=206476>

«Дары ненависти. Людмила Астахова, Яна Горшкова» : <http://feisovet.ru/магазин/Дары-ненависти-Людмила-Астахова-Яна-Горшкова?ref-book=206476>

«Невиновных нет. Людмила Астахова, Яна Горшкова» : <http://feisovet.ru/магазин/Невиновных-нет-Людмила-Астахова-Яна-Горшкова?ref-book=206476>

«Теперь или никогда. Людмила Астахова, Яна Горшкова» : <http://feisovet.ru/магазин/Теперь-или-никогда-Людмила-Астахова-Яна-Горшкова?ref-book=206476>

«Бог из машины. Людмила Астахова, Яна Горшкова» : <http://feisovet.ru/магазин/Бог-из-машины-Людмила-Астахова-Яна-Горшкова?ref-book=206476>

«Волчьи игры. Людмила Астахова, Яна Горшкова» : <http://feisovet.ru/магазин/Волчьи-игры-Людмила-Астахова-Яна-Горшкова?ref-book=206476>

«Плоды свободы. Людмила Астахова, Яна Горшкова» : <http://feisovet.ru/магазин/Плоды-свободы-Людмила-Астахова-Яна-Горшкова?ref-book=206476>

«Школа Северного пути. Людмила Астахова, Яна Горшкова» : <http://feisovet.ru/магазин/Школа-Северного-пути-Людмила-Астахова-Яна-Горшкова?ref-book=206476>

«Год тигра и дракона. Живая Глина. Людмила Астахова, Яна Горшкова, Екатерина Рысь» : <http://feisovet.ru/магазин/Год-тигра-и-дракона-Живая-Глина-Людмила-Астахова-Яна-Горшкова?ref-book=206476>

«Год тигра и дракона. Осколки небес. Людмила Астахова, Яна Горшкова, Екатерина Рысь» : <http://feisovet.ru/магазин/Год-тигра-и-дракона-Осколки-небес-Людмила-Астахова-Яна-Горшкова?ref-book=206476>

«Печать богини Ньювы. Людмила Астахова, Яна Горшкова» : <http://feisovet.ru/магазин/Печать-богини-Ньювы-Людмила-Астахова-Яна-Горшкова?ref-book=206476>

«После зимы. Людмила Астахова, Яна Горшкова» : <http://feisovet.ru/магазин/После-зимы-Людмила-Астахова-Яна-Горшкова?ref-book=206476>

«Звёздная бирема "Аквила". Мятёж. Людмила Астахова и Яна Горшкова» : <http://feisovet.ru/магазин/Звездная-бирема-Аквила-Мятёж-Людмила-Астахова-Яна->

Горшкова?ref-book=206476

«Звёздная бирема "Аквила". Рубеж. Людмила Астахова, Яна Горшкова» : <http://feisovet.ru/магазин/Звездная-бирема-Аквила-Рубеж-Людмила-Астахова-Яна-Горшкова?ref-book=206476>

«60 часов Ямады Рин. Людмила Астахова» : <http://feisovet.ru/магазин/60-часов-Ямады-Рин-Людмила-Астахова?ref-book=206476>

КНИГА КУПЛЕНА В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЕ WWW.FEISOVET.RU

ПОКУПАТЕЛЬ: Татьяна (tancho30@tut.by) ЗАКАЗ: #288548465 / 16-ноя-2020

КОПИРОВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЕКСТА ДАННОЙ КНИГИ В ЛЮБЫХ ЦЕЛЯХ ЗАПРЕЩЕНО!

Уважаемый читатель! Обращаем Ваше Внимание! Данный текст является коммерческим контентом сайта feisovet.ru. Любое копирование и размещение текста на сторонних ресурсах приравнивается к краже собственности, что повлечет соответствующую реакцию. А именно:

Обращение в арбитражный суд о воровстве коммерческого контента и/или его использовании в целях нелегальной наживы (нарушение федерального закона N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации")

Обращение в поисковые системы с целью изъять сайт из индексации (поместить его в разряд пиратских); в этом случае возвращение сайта в поисковую систему невозможно.

Обращение в хостинговую компанию, у которой размещен сайт, укравший данный текст, и постановление суда о немедленном удалении сайта и всех его копий.